

ЛЕШЕ БОГАЧЕВУ (ЮБИЛЕЙНОЕ)

Мы давно друг дружку знаем, что уж воздух сотрясать!
И про наше поколение есть уже о ком писать.

Колоритные фигуры за столом, как на подбор!
Лешу представлять не надо: он как дядька Черномор,

Что из вод свою дружину сам выводит на курган...
Может, я чего напутал? Может, Леха – атаман?

Тот, который с вострой саблей, при пистолях на коне,
Так сказать, рубаха-парень! Эти-то всегда в цене.

Или нет же, он – ученый, или просто космонавт,
Или он спортсмен по жизни, Bundesmanschaft иль manschaft?

Дальше мы гадать не станем, наш товарищ многолик.
Многосложен, но заслужен. Где-то даже и велик.

Потому он в свой «полтинник» свеж, подтянут, не сутул
И по случаю такому занимает главный стул.

Это значит – все как надо: полон зал и стол накрыт,
И заметьте, что в салате до сих пор никто не спит.

Дальше хочется для Леши пожеланий нажелать,
Чтоб ему от жизни этой больше драйву получать!

Будь здоровенький, дружище, резв, настойчив и хитер,
Занимай всегда по жизни самый красочный шатер!

Весел будь, жизнеобилен, крепок, стоек и силен –
Ты ведь жизнью полевою, лучшей жизнью закален!

А еще тебе удачи, добрых дней и многих лет!
Ты по многим направлениям для меня авторитет.

А еще ты друг-товарищ, что ценнее может быть?!
Будем жить, любить, трудиться, верить в сказку и дружить...

к 09.09.2012 г.

А.И. Крамарев

РЕДАКТОР О ЮБИЛЯРЕ

Он был представлен в двух лицах. (Слово «ипостаси» – ненавижу!)

Сергей Довлатов

Зимой 2000 года от редакции американского научного журнала *Russian History/Histoire Russe* я получил очень лестное для меня предложение стать одним из авторов выпуска, специально посвященного юбилею известнейшего медиевиста XX века профессора Томаса Нунана.

Думал ли я тогда, что когда-то и сам как редактор буду приглашать коллег опубликовать свои работы в специальном выпуске нашего журнала, чтобы в такой, традиционной для археологического сообщества, форме отпраздновать свой собственный юбилей и в очередной раз поговорить о нашей науке?!

Как редактор «Вояджера» я сердечно благодарю всех, кто откликнулся на нашу просьбу-предложение и прислал свои статьи. Но не меньшую благодарность (уже как юбиляр) я выражаю своим учителям и друзьям, которые в силу разного рода объективных обстоятельств не смогли подготовить и переслать работы к заранее оговоренному сроку.

К слову, об учителях, друзьях, родных и близких. Когда как не в юбилей вспоминать о людях, которые и словом, и делом, а порой и просто фактом своего существования предопределяли и продолжают предопределять траекторию твоего жизненного пути?!

Траектория эта началась 09.09.1962 года. Китайцы полагают, что «девятка» приносит счастье. Возможно, они правы. Во всяком случае, в научной карьере она меня никогда не подводила: 9 декабря 1994 года в ИА РАН я защитил кандидатскую диссертацию, а 23.02.2000 года (сумма всех этих цифр дает 9) в ИИМК РАН – докторскую.

Однако все это случилось потом. А вначале были семья, школа и городской Дворец пионеров и школьников.

У многих моих одноклассников семьи были, как тогда было принято говорить, неполными. Меня вырастила моя замечательная мама – Берта Юльевна. Во все времена мамам в одиночку трудно «поднимать» мальчиков. И надо отдать должное моей маме – я всегда был сыт (мама большую часть жизни проработала поваром), обут, одет и, самое главное, беззаветно любим ею. А я всегда любил и люблю ее.

Городская школа № 25 (до революции 1917 г. – гимназия сестер Харитоновых) среди прочих школ, расположенных в историческом центре Самары, ничем особенным не выделялась. Впрочем, выделялась. Ее директор – Павел Аристархович Сонинский (мы его называли Пал Саныч) – сумел собрать удивительный коллектив педагогов. То, что все они были профессионалами высокого класса, – не обсуждается. Для советской школы 1970-х годов это было нормой. Наши учителя были людьми удивительно человечными. Когда мы учились в младших и средних классах, они относились к нам, как к собственным детям. А когда мы подросли, они стали общаться с нами, как со взрослыми людьми, – очень уважительно и доброжелательно. И хотя я не стал химиком, физиком или математиком, я всегда с особой теплотой вспоминаю дорогих моему сердцу Галину Федоровну (биология, химия), Евгению Александровну (физика), Татьяну Артемьевну (математика).

Я стал историком, и, скорее всего, потому, что этот предмет нам преподавал сам Пал Саныч – невероятно артистичный, страстный (в то время Лев Гумилев еще не придумал слово «пассионарный»), заражающий всех нас своим творческим огнем. До

сих пор не могу понять, каким образом ему удавалось сочетать, казалось бы, сухие исторические факты с невероятного накала эмоциями.

Поскольку наша школа № 25 была кузницей кадров для технических вузов города (в ее официальном названии были слова «средняя политехническая»), 95% моих друзей-одноклассников – инженеры-технари. Сегодня многие из них – Алексей Антонов, Александр Гришин, Алексей Бирюков и др. – руководят подразделениями на крупных промышленных предприятиях. Однако все мы – и технари, и гуманитарии – с сердечной благодарностью вспоминаем наших учителей, и в особенности нашего директора и историка Павла Аристарховича Сонинского.

Уже в 5 классе, с восхищением разглядывая цветные картинки в учебнике «История древнего мира», я окончательно осознал, что археология – моя судьба (удивительно, но некий зов этой науки я чувствовал и в более раннем возрасте).

Осень 1975 года открыла новую яркую и радостную главу моей биографии: меня приняли в археологический кружок городского Дворца пионеров и школьников. Я начал входить в загадочный мир древностей уже самолично, а не только посредством великолепных книг Андрея Никитина «Распахнутая земля» и Георгия Федорова «Дневная поверхность». Походы и экспедиции, палатки и лопаты, костры и песни, научные конференции и олимпиады, романтика и труд – все это становилось моим миром. Но главным открытием нового, обретаемого мной мира были люди.

Археологическим кружком руководили молодые, энергичные, красивые, увлеченные наукой Елена Борисовна и Николай Сергеевич Добрынины. Их роль в моей жизни, да и в жизни многих наших кружковцев, переоценить трудно. Их семья для нас стала второй семьей, а их квартира – нашим вторым домом. Мы ими восхищались, мы к ним тянулись, мы хотели быть рядом с ними всегда, с ними мы были счастливы.

Немаловажным было и осознание того, что наша новая деятельность – не бутафорская игра в науку, а собственно наука. Мы ходили в реальные археологические разведки и находили новые, неизвестные доселе археологические памятники. Каждое лето мы в составе археологических отрядов пединститута и университета участвовали в раскопках древних поселений и курганных могильников. А зимой в стенах вузовских археологических лабораторий мы помогали обрабатывать коллекции найденных материалов. Никаких скидок на школьный возраст не было и быть не могло.

Возможно, именно это обстоятельство как-то объясняет неординарный статистический факт – из нашего археологического кружка впоследствии вышли три доктора наук: Андрей Знаменский (этнолог, профессор Алабамского университета, США), Алексей Богачев (археолог, профессор СамГТУ), Александр Тарасов (юрист, профессор СамГУ).

Конечно же, не все кружковцы связали свою жизнь с наукой. Но важнее то, что большинство из них именно в научном кружке Добрыниных увидели пример правильного отношения к истинным ценностям человеческой жизни.

Зимой 1980 года Елена Борисовна и Николай Сергеевич переехали жить в Петрозаводск. Время от времени (сейчас, к сожалению, реже) мы приезжаем к ним в гости. Иногда в Самаре приезжают и они. Эти встречи греют нам душу.

Что касается нас, оставшихся в Самаре кружковцев, то, говоря словами одной из песен Юрия Визбора, «как-то все разбрелись». К сожалению, это нормально. Все мы женились и вышли замуж (некоторые не по одному разу). Наши дети стали взрослыми. У кого-то даже появились внуки.

Но, несмотря на все это, мы продолжаем общаться. Александр Банников (*Боник*, так его когда-то окрестил Н.С. Добрынин) остается моим, как говорят, другом по жизни. С Катей Булыгиной, Димой Макагоновым (*Афоня*), Сашей Тарасовым (*Апатит*), Гришей Фельдманом мы перезваниваемся, изредка пересекаемся. О новых научных

достижениях профессора Алабамского университета Андрея Знаменского я узнаю через Интернет.

К великому сожалению, уже нет среди нас Тимура Шайхутдинова (он мог стать не менее крупным, чем его одноклассник и друг детства А. Знаменский, ученым), Павла Королева (майор милиции, погиб, спасая коллег, во время пожара в здании облУВД зимой 1999 г.), Константина Кривулина (мастер спорта, его помнят альпинисты Самары), Сергея Ковалева.

В 1979 году я стал студентом очного отделения исторического факультета Самарского (тогда Куйбышевского) государственного университета. Из школьного археологического кружка я плавно перетек в студенческий археологический кружок. «Плавность» объясняется тем, что практически со всеми студентами-кружковцами я был давно знаком по совместной работе в экспедициях. Основу научного кружка составляли старшекурсники: Владимир Мышкин, Юрий Колев, Павел Кузнецов, Алексей Ластовский. Сегодня имена этих высококлассных археологов знают специалисты как в России, так и за рубежом.

Поступив в университет, я попал в школу... В Самарскую научную археологическую школу, основанную Галиной Ивановной Матвеевой.

Это было великое счастье – стать сначала учеником, а затем и подмастерьем этого воистину большого мастера.

О моем Учителе я уже писал [2; 3; 4] и, Бог даст, напишу еще. Сейчас же в очередной раз подчеркну невероятно мощную энергетику личности Галины Ивановны, которая, надеюсь, отчасти перешла к нам, ее ученикам.

Г.И. Матвеева была щедрым человеком во всех смыслах этого слова. И если у нее появлялась хоть малейшая возможность поспособствовать своим ученикам – устроить на работу, в аспирантуру, выписать премию и т.д. – она эту возможность незамедлительно использовала.

Именно Галина Ивановна, что называется, «с рук на руки» передала меня на дальнейшее обучение Вере Борисовне Ковалевской в аспирантуру Института археологии РАН.

Удивительно, но в северокавказских экспедициях Веры Борисовны я как археолог-полевик ощущал себя так же комфортно, как и в средневожских экспедициях Галины Ивановны. И дело тут, вероятнее всего, в том, что В.Б. Ковалевская, как и Г.И. Матвеева, никогда не прибегала к мелочной опеке, вполне доверяя мне как специалисту.

Общение с научным руководителем моей кандидатской диссертации не ограничивалось летними экспедициями. В любое время года для меня были открыты двери удивительно гостеприимного дома В.Б. Ковалевской в с. Иславское, где я сутками напролет мог работать с материалами личного научного архива Веры Борисовны.

И если от Г.И. Матвеевой мне передавалась склонность к научному обобщению (синтезу), то от В.Б. Ковалевской я перенял любовь к аналитическим процедурам.

Как и Г.И. Матвеева, В.Б. Ковалевская всегда была готова помочь мне и словом, и делом. И помогала, за что я всегда сердечно признателен Вере Борисовне.

На Северном Кавказе мне посчастливилось познакомиться и работать на одном раскопе вместе с замечательными людьми: М.М. Герасимовой, И.А. Аржанцевой, Д.С. Раевским, В.Х. Тменовым, В.Ю. Малашевым, Е. Пшеничновой, В.Г. Фрадковым и многими другими.

Особенно теплые, доверительные отношения у меня сложились с Дмитрием Сергеевичем Раевским. Приезжая в Москву, я нередко останавливался на ночлег в гостеприимном доме этого радушного человека. Помню, как Дмитрий Сергеевич радовался выходу в свет моей первой монографии, которую он, будучи официальным

рецензентом, прочел еще в рукописи. Какие замечательные тосты говорил он в тот памятный мне вечер, каким умопомрачительным был приготовленный им плов...

Своим учителем я считаю Римму Дмитриевну Голдину, ведь учитель – это не тот, кто учит, а тот, у кого учатся. Я учился на научных трудах этой замечательной исследовательницы, создавшей в Ижевске одну из сильнейших в России археологических школ. Но этим дело не ограничивается. В конце 1990-х годов Римма Дмитриевна, судя по всему, следившая за моими научными публикациями, из далекого Приуралья убедительно донесла до моего сознания мысль о необходимости защиты мной докторской диссертации, сказав простую, казалось бы, фразу: «Алексей Владимирович, все надо делать вовремя!». Спасибо Вам, Римма Дмитриевна!

Слова искренней благодарности хочется адресовать восхитительной Ирине Петровне Засецкой, которая 23 февраля 2000 года нашла в себе силы и со сломанной, закованной в гипс рукой пришла в ИИМК, чтобы оппонировать мне на защите докторской диссертации. А не пришла бы – и не было бы никакой защиты! С тех пор Ирина Петровна неизменно благосклонно опекает меня, когда я с научными целями приезжаю в Санкт-Петербург. Спасибо Вам, Ирина Петровна!

Я бережно сохраняю в своем сердце память об Александре Вильямовиче Гадло и Владиславе Александровиче Могильникове. Эти замечательные ученые также были официальными оппонентами на защите моей докторской диссертации. Однако и помимо того эти неравнодушные люди, несмотря на занятость, всегда находили время, чтобы помочь мне, а если надо – и подбодрить. А ведь каким важным порой для молодого ученого оказывается вовремя сказанное в поддержку слово, простое ободрение – мол, «давай, парень, не дрейфь!».

К великому сожалению, нет с нами и Марка Борисовича Щукина. С грустной улыбкой я вспоминаю, как на традиционном банкете после моей защиты Марк Борисович в своем тосте поведал о том, что именно он был тем самым «черным оппонентом», который из журнала «Советская археология» вернул автору (тогда я был студентом 4 курса) на доработку статью о кольцевых подвесках с выпуклинами. Бог мой, какое счастье, что эта, несомненно, «сырая» работа чересчур амбициозного студента не была опубликована в первоначальном виде. Научные работы М.Б. Щукина – мои настольные книги. Марк Борисович – общепризнанный классик археологии. Однако лично для меня чрезвычайно важно то, что такой стопроцентный ученый, тем не менее, взял да и написал художественную книгу. Вышедший под псевдонимом Марк Пайк исторический роман «Время обнимать» [6] был подарен мне автором с ободряющим автографом: «Алексею от Марка Пайка с пожеланием дальнейших успехов и интересных романов. М. Щукин. 7.07.07»¹. Как неумолимо Время... И как хорошо, что мы можем перечитывать труды (и не только научные!) этого тонкого исследователя и яркого человека.

Многое, о чем я сейчас вспоминаю, сугубо избирательно. Известная исследовательница мозга Н.П. Бехтерева пишет, что в принципе «наша мыслительная деятельность была бы невозможна без избирательной активации памяти» [1, с. 242]. Однако любопытно то, что все события из этой выборки моих воспоминаний случились будто бы вчера. Ну, позавчера.

Будто бы вчера Ирина Николаевна Васильева¹ передала мне очень неожиданное предложение Игоря Борисовича Васильева – переехать из Куйбышева в Свердловск,

¹ Д.А. Мачинский в статье, открывающей сборник, посвященный М.Б. Щукину, отметил, что «неформальные надписи на даримых книгах и оттисках – это первоклассный неоцененный источник для истории науки» [7, с. 10].

² И.Н. Васильева каким-то мистическим образом (вольно или невольно, целенаправленно или нет) зачастую активно способствует моему карьерному и научному росту, за что я ей неизменно благодарен. События, о которых идет речь, происходили в 1989 году в

чтобы работать в Институте истории и археологии Уральского отделения АН СССР. Получить такое роскошное по тем временам приглашение от такого выдающегося ученого и организатора науки было очень почетно. Я, конечно же, согласился и какое-то (в силу объективных обстоятельств – недолгое) время мне посчастливилось работать рядом с И.Б. Васильевым – одним из основателей, наряду с Г.И. Матвеевой, Самарской археологической школы. Хотя это мое «хождение на Урал» было достаточно непродолжительным, я всегда с теплотой вспоминаю своих свердловских коллег, и в частности А.П. Зыкова, Л.Н. Корякову, Н.В. Федорову.

Вообще, с точки зрения многих исследователей, археология Поволжья и археология Урала – явление единое и цельное. В этой связи совершенно не случайно Уральская студенческая археологическая конференция (УСАК), впервые проведенная в 1969 году в Свердловске, вскоре стала называться Урало-Поволжской студенческой археологической конференцией (УПАСК).

И если говорить об УПАСКе, то именно благодаря этой конференции я обрел очень много друзей из различных городов Урало-Поволжья. Некоторые из них – Искандер Измайлов (Казань), Геннадий Белорыбкин (Пенза), Александр Иванов (Ижевск), Алексей Зыков (Екатеринбург) – продолжают успешно заниматься археологией.

И коль уж речь зашла о межрегиональном сотрудничестве, слова искренней признательности за помощь и доброжелательное отношение к моим научным поискам хочется сказать коллегам из других городов – М.Б. Щукину, А.В. Гадло, А.Н. Кирпичникову, И.П. Засецкой, О.А. Щегловой, Ю.Ю. Пиотровскому, С.В. Белецкому (Санкт-Петербург), В.А. Могильникову, И.О. Гавритухину, В.Ю. Малашеву, А.В. Мастыковой, Д.С. Коробову, И.Р. Ахмедову, З.Х. Албеговой (Москва), Р.Д. Голдиной, А.Г. Иванову (Ижевск), А.Г. Архипову, Т.Б. Никитиной (Йошкар-Ола), П.Н. Старостину, Е.П. Казакову, И.Л. Измайлову, И. Р. Газимзянову, (Казань), Н.А. Мажитову, В.А. Иванову, Ф.А. Сунгатову, В.В. Овсянникову (Уфа), М.Ф. Жиганову, В.В. Гришакову, В.Н. Шитову (Саранск), Г.Н. Белорыбкину (Пенза), С.Г. Боталову, И.Э. Любчанскому (Челябинск) – и, конечно же, всем самарским археологам. Иные, повторюсь, увы, уже не с нами.

Удивительно, но помимо занятий наукой у юбиляра были и есть и иные, не менее важные сферы реализации своего потенциала. Наиболее значимые из них – дом (собственно жилище и населяющие его чада и домочадцы – жена, дети, а также регулярно там бывающие многочисленные родственники, друзья и гости), работа (собственно учреждение и приходящие туда начальники, подчиненные, коллеги, студенты и аспиранты) и, конечно же, русская баня по пятницам (со всеми втекающими и вытекающими, входящими и выходящими).

«Не устаю повторять: как быстротечны мгновения жизни», – так начинает свою статью, публикующуюся в настоящем издании, Р.Д. Голдина. И я, скрепя сердце, вынужден с этим согласиться. Мой замечательный сын Александр, переросший меня почти на целую голову, в этом (2012-м) году окончил институт и пошел служить в армию, моя умница-дочь Анна перешла на четвертый курс академии. А, кажется, еще

Археологической лаборатории Куйбышевского университета. В 1970-1990 гг. в ней под руководством Г.И. Матвеевой работали многие самарские археологи: В.А. Скарбовенко, Р.С. Багаутдинов, Э.Л. Дубман, С.А. Агапов, Н.С. Добрынин, И.П. Тихомолова, В.В. Камаев, Н.П. Салугина, В.Н. Мышкин, Ю.А. Семейкин, И.Н. Васильева, Л.В. Кузнецова, В.Н. Зудина, М.С. Седова, А.И. Крамарев, А.В. Набоков, С.Ф. Ермаков и другие. За многие годы работы сотрудниками лаборатории были исследованы и спасены от уничтожения сотни памятников археологии, опубликованы десятки монографий и сборников научных статей, организованы всесоюзные и международные конференции и совещания по наиболее актуальным проблемам современной археологии.

вчера, играя с ними – дошколятами – в догонялки и рискуя поломать мебель, мы с шумом и смехом носились по квартире. Еще вчера я за руку вел их в 1-й класс...

Однако в юбилеи грустить и предаваться меланхолии не принято! Да и сама жизнь не дает для этого оснований. В сентябре я и моя жена Людмила повели нашу дорогую Леночку всего-навсего в 6-й класс...

Перефразируя написанное Сергеем Довлатовым (любимым и редактором, и юбиляром) о литературе, скажем: жизнь продолжается. И еще неизвестно, куда она тебя заведет... [5, с. 91].

Алексей Богачев

Литература

1. Бехтерева Н.П. Магия мозга и лабиринты жизни. СПб., 1999.
2. Богачев А.В. Гармония творчества Г.И. Матвеевой // Актуальные проблемы археологии Урала и Поволжья. Самара, 2008.
3. Богачев А.В. Самарское краеведение: археологические эпохи: учебное пособие. Самара, 2008.
4. Богачев А.В. Археология Самарского края: энциклопедический словарь. Самара, 2010.
5. Довлатов С.Д. Литература продолжается // С. Довлатов Блеск и нищета русской литературы. Филологическая проза. СПб., 2010.
6. Жемойтелите Я., Пайк М. Время обнимать: исторический роман // Север. 2006. № 1-2.
7. Мачинский Д.А. Рыцарь познания // Европейская Сарматия. СПб.: Нестор-История, 2011. 388 с.

Список трудов А.В. Богачева

1989

1. Раскопки Брусянского II могильника на Самарской Луке // Археологические открытия Урала и Поволжья. Сыктывкар, 1989. С. 90-91 (в соавторстве с С.Э. Зубовым).
2. Раскопки городища Переволоки на Самарской Луке // Археологические открытия Урала и Поволжья. Сыктывкар, 1989. С. 92-94 (в соавторстве с Г.И. Матвеевой, А.В. Набоковым).
3. К процедуре хронологического анализа археологических источников // Актуальные проблемы методики западносибирской археологии. Новосибирск, 1989. С. 116-119.
4. Некоторые аспекты использования литературы на уроках этики и психологии семейной жизни // Проблемы становления молодого учителя с университетским образованием в условиях обновления средней и высшей школы. Куйбышев, 1989. С. 44-46.

1990

5. Археологические культуры ранних болгар на Средней Волге (к постановке проблемы) // Вопросы этнической истории Волго-Донья в эпоху Средневековья и проблема буртасов. Пенза, 1990. С. 16-18.
6. Опыт эволюционно-типологической группировки раннесредневековых пряжек лесостепного Поволжья. Препринт. Свердловск, 1990. 32 с.
7. Погребение VI века на юго-западе Татарии // Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе. Казань, 1990. С. 15-19.
8. Новый могильник эпохи переселения народов на Средней Волге // Congressus Septimus Internationalis Fenno-Ugristarum. Sessiones sectionum dissertationes historica, archaeologica et antropologica. Debrecen, 1990. С. 15-19 (в соавторстве с С.Э. Зубовым).
9. Хронология раннесредневековых культур Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья // Congressus septimus internationalis Fenno-Ugristarum. 2B. Debrecen, 1990. С. 148.

1991

10. Большой дом Старо-Майнского городища // Археологические исследования в лесостепном Поволжье. Самара, 1991. С. 159-171.
11. Раскопки раннеболгарских могильников на Самарской Луке // Археологические открытия Урала и Поволжья. Ижевск, 1991. С. 92-95 (в соавторстве с С.Э. Зубовым).

1992

12. Об одной переходной группе поясных пряжек Среднего Поволжья середины I тыс. н.э. // Вопросы этнической истории Волго-Донья. Пенза, 1992. С. 21-24.
13. К хронологии погребальных комплексов Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья IV – VIII вв. // Средневековые древности Волго-Камья. Йошкар-Ола, 1992. С. 25-36.
14. Процедурно-методические аспекты археологического датирования (на материалах поясных наборов Среднего Поволжья V – VIII вв.). Самара, 1992. 207 с.

1993

15. Бруснянский II курганный могильник ранних болгар (раскопки 1988-1989 гг.) // Новое в средневековой археологии Евразии. Самара, 1993. С. 19-41 (в соавторстве с С.Э. Зубовым).

1994

16. Хронология поясных украшений IV-VIII вв. Среднего Поволжья (к процедуре археологического датирования): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1994. 18 с.

1995

17. О верхней хронологической границе именьковской культуры // Средневековые памятники Поволжья. Самара, 1995. С. 16-22.
18. О поздней дате древностей «гуннского круга» // Культуры степей Евразии второй половины I тыс. н.э. Самара, 1995. С. 12-14.
19. Об одном рисунке на раннеболгарской амфоре // Средневековые памятники Поволжья. Самара, 1995. С. 152-156.
20. Работы на II Бруснянском могильнике // Археологические открытия 1994 года. М., 1995. С. 186-187 (в соавторстве с С.Ф. Ермаковым).
21. Раннеболгарский курган у с. Осиновка // Средневековые памятники Поволжья. Самара, 1995. С. 65-74 (в соавторстве с В.Н. Мышкиным).
22. К вопросу о юго-западных связях Волго-Камья в I тыс. н.э. (по материалам одного типа подвесок) // Европейский север: взаимодействие культур в древности и Средневековье. Сыктывкар, 1995. С. 18-20.

1996

23. К эволюции калачиковидных серег IV – VII вв. в Волго-Камье // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. Самара, 1996. С. 99-114.
24. К вопросу о поздней дате древностей “гуннского круга” // РА. № 3. 1996. С. 186-189.
25. Праболгары на Средней Волге // Гуманитарная наука в России: соросовские лауреаты. М., 1996. С. 190-203 (в соавторстве с Р.С. Багаутдиновым, С.Э. Зубовым).
26. Выползовский I курганный могильник ранних болгар на Самарской Луке // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. Самара, 1996. С. 83-98 (в соавторстве с С.Ф. Ермаковым, А.А. Хохловым).
27. Охранные раскопки одиночного кургана Красный Октябрь I // Археологические открытия 1995 года. М., 1996. С. 270-271 (в соавторстве с Р.С. Багаутдиновым, А.И. Крамаревым).
28. От редактора // Ведерникова Т.И., Фокин П.П., Ягафова Е.А. Этнография Самарской Луки; Барашков В.Ф., Дубман Э.Л., Смирнов Ю.Н. Топонимика Самарской Луки. Самара, 1996. С. 3 (в соавторстве с Л.А. Острецовым).
29. От издателей // Павперова Н.П. Ласковое словечушко. Свадьбы, хороводы, прибаски, побасенки, частушки, сказки и пески Самарского края. Самара, 1996. С. 3. (в соавторстве с Л.А. Острецовым).

1997

30. От редактора // Васильева И.Н., Салугина Н.П. Не боги горшки обжигают. Самара, 1997. С. 3.

1998

31. От редактора // Матвеева Г.И. Экспедиции в прошлое. Записки археолога. Самара, 1998. С. 3-4.
32. Кольцевые подвески с выпуклинами I тыс. н.э. // Культуры Евразийских степей 1 тыс. н.э. (вопросы хронологии). Самара, 1998. С. 151-166.
33. Праболгары на Средней Волге (у истоков истории татар Волго-Камья). Самара, 1998. 286 с. (в соавторстве с Р.С. Багаутдиновым, С.Э. Зубовым).
34. Кочевники лесостепного Поволжья V-VIII вв. Самара, 1998. 108 с.

1999

35. The northern border of the Khazar Khaganat in the Eighth Century // The Khazars. International colloquium. Jerusalem, 1999. P. 6.

2000

36. Кочевники лесостепного Поволжья V-VIII вв.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2000. 39 с.
37. Украшения в системе хронологии праболгарских древностей новинковского типа // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. Самара, 2000. С. 11-14.
38. Древности кочевников гуннского и постгуннского времени (V – VI вв.) // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней (Ранний железный век и средневековье). М.: Наука, 2000.
39. Памятники раннеболгарского времени // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней (Ранний железный век и средневековье). М.: Наука, 2000 (в соавторстве с Г.И. Матвеевой).
40. Кочевники лесостепного Поволжья V – VIII веков н.э. // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней (Ранний железный век и средневековье). М.: Наука, 2000.

2001

41. Краснооктябрьский-1 одиночный курган // Диалог культур Евразии. Казань, 2001. С. 47-52.
42. О некоторых аспектах ведения научного поиска и научной дискуссии в раннесредневековой археологии // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (из истории костюма). Т. 2. Самара, 2001. С. 252-258.
43. Потомки хана Кубрата. Материалы к археологической выставке. Самара, 2001. 32 с. (в соавторстве с Р.С. Багаутдиновым, С.Э. Зубовым, Д.А. Сташенковым).
44. Проблемы этокультурного взаимодействия оседлых и кочевых племен Среднего Поволжья в середине I тысячелетия // Russian History/Histoire Russe. Vol. 28. Nos. 1-4 [Festschrift for Th.S. Noonan, Vol. I, ed. by R.K. Kovalev & H.M. Sherman] (2001). P. 105-136.

2002

45. The horse of the Pre-bulgarians of the Middle Volga region // 8th EAA annual meeting. Abstracts Book. Thessaloniki, 2002. P. 228 – 229.
46. Самарская область. Путеводитель. Авангард. Ле Пти Фюте. 2002. 192 с.
47. Перебирая четки века. Стихи. Самара: Самарский региональный фонд социальных и культурологических программ «Полдень. XXII век», 2002. 77 с.

2003

48. Конь в погребальной практике праболгар Среднего Поволжья // Краеведческие записки. Вып. XI. Самара, 2003. С. 33-45 (в соавторстве с С.Э. Зубовым).
49. Сокровища великого хана: историко-фантастическая повесть. – Самара: ФГУП «Изд-во «Самарский Дом печати», 2003. 256 с.

2004

50. Краснооктябрьский I одиночный курган // Вопросы археологии Урала и Поволжья. Вып. 2. Самара, 2004. С. 223-238 (в соавторстве с Р.С. Багаутдиновым и А.И. Крамаревым).
51. Цена снов: стихи. Самара: Самарский региональный фонд социальных и культурологических программ «Полдень. XXII век», 2004. 75 с.

2005

52. Золото серебряных болгар // Великое переселение. Серия «Сокровища ойкумены». М.: Бук Хаус, 2005. С. 86-89 (в соавторстве с Р.С. Багаутдиновым и С.Э. Зубовым).
53. Самара: археология города (к постановке проблемы) // Муниципальное управление в России. Самара: СМиУ, 2005. С. 19-23.
54. Всадники без головы // Перед нашествием. Серия «Сокровища ойкумены». М.: Бук Хаус, 2005. С. 40-41 (в соавторстве с С.Э. Зубовым).
55. Введение // Самарская область как объект историко-культурного и экологического туризма: коллективная монография. Самара: СМиУ, 2005. С. 4-5 (в соавторстве с П.И. Савельевым).
56. Историко-культурный потенциал Самарского края как важнейший ресурс регионального туризма // Самарская область как объект историко-культурного и экологического туризма: коллективная монография. Самара: СМиУ, 2005. С. 34-54.

2006

57. Печенеги «отрезанные» Самарского Заволжья // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 4. Самара, 2006. С. 397-400.
58. Средневековые комплексы могильника Просвет I // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 4. Самара, 2006. С. 400-410 (в соавторстве с С.Э. Зубовым и Р.С. Багаутдиновым).
59. От редактора // Боталов С.Г., Таиров А.Д., Любчанский И.Э. Курганы с «усами» урало-казахстанских степей. Челябинск, 2006. С. 7-8.
60. Краеведение: учебно-методическое пособие. Самара: СМиУ, 2006. 40 с. (в соавторстве с Е. В. Лебедевой).
61. Дидактические аспекты туристского страноведения: игровые приемы // Вопросы социально-культурного сервиса и туризма. Вып. 1. Самара: СМиУ, 2006. С. 72-76.
62. Развитие инфраструктуры туристской индустрии города Самара // Вопросы социально-культурного сервиса и туризма. Вып. 1. Самара: СМиУ, 2006. С. 58-61 (в соавторстве с М.Г. Бескровной).
63. Организация физической культуры и спорта в социально-культурной сфере города Самара // Вопросы социально-культурного сервиса и туризма. Вып. 1. Самара: СМиУ, 2006. С. 61-64 (в соавторстве с О.А. Родионовой).

64. От редактора // Вопросы социально-культурного сервиса и туризма. Вып. 1. Самара: СМКУ, 2006. С. 5.
65. Офицер для личных поручений: историко-фантастический детектив. – Самара: ФГУП «Изд-во «Самарский Дом печати», 2006. 256 с.

2007

66. Введение в археологию // Древние культуры и этносы Самарского Поволжья: учебное пособие. Самара: ФГУП «Изд-во «Самарский Дом печати», 2007. С. 7-21.
67. Кочевники гуннского и постгуннского времени // Древние культуры и этносы Самарского Поволжья: учебное пособие. Самара: ФГУП «Изд-во «Самарский Дом печати», 2007. С. 223-228.
68. Хронология двукружковых поясных накладок и проблема миграций в Волго-Камье на рубеже IV-V веков // Проблемы археологии Оренбуржья. Оренбург, 2007.
69. О времени прихода болгар на Среднюю Волгу (в свете новых находок и публикаций) // Проблеми на прабългарската история и култура. Вып. 4-1. София, 2007. С. 15-22.
70. Послесловие // Иванова Н.В. Спортивно-оздоровительный туризм: учебное пособие. Часть II. Самара: СМКУ, 2007.
71. Самарские гостиницы начала XX века // Вопросы СКСиТ. 2007. Вып. 2. С. 12-23 (в соавторстве с Г.А. Беляевой).
72. От редактора // Вопросы СКСиТ. 2007. Вып. 2. С.4.
73. Лабиринты: стихи. Самара: ОАО «Самарский дом печати», 2007.
74. Введение в археологию // Древние культуры и этносы Самарского Поволжья: учебное пособие. Самара: ФГУП «Изд-во «Самарский Дом печати», 2007. С. 5-21.
75. Кочевники гуннского и постгуннского времени // Древние культуры и этносы Самарского Поволжья: учебное пособие. Самара: ФГУП «Изд-во «Самарский Дом печати», 2007. С. 223-228.

2008

76. Самарское краеведение: археологические эпохи: учебное пособие. Самара, 2008. 164 с.
77. Сокровища великого хана: историко-фантастическая повесть. – М.: Аквилегия-М, 2008. – 352 с.
78. Предисловие // Савинкова Р.А. История развития туризма, гостеприимства и экскурсионного дела в Самарском крае. Самара: СМКУ, 2008.
79. Страноведение: методическое пособие. Самара: СМКУ, 2008. 36 с. (в соавторстве с К.С. Кузнецовым).
80. От редактора // Вопросы СКСиТ. 2008. Вып. 3. С. 3.
81. Историография туризма Самарского края (к постановке проблемы) // Вопросы СКСиТ. 2008. Вып. 3 (в соавторстве с Е. Дерипаска).
82. Гармония творчества Г.И. Матвеевой // Актуальные проблемы археологии Урала и Поволжья. Самара, 2008.
83. К вопросу об этнокультурной компоненте праболгар Среднего Поволжья VII – VIII вв. // Актуальные проблемы археологии Урала и Поволжья. Самара, 2008 (в соавторстве с С.Э. Зубовым).
84. К символике блях-«личин» из раннесредневековых комплексов Восточной Европы // Актуальные проблемы археологии Урала и Поволжья. Самара, 2008.

2009

85. Рынок туристских услуг Самарского мегаполиса: монография. Самара: Изд-во «Самарский муниципальный институт управления», 2009. 168 с. (в соавторстве с И.А. Пяткиной).

2010

86. Археология Самарского края: энциклопедический словарь. Самара, 2010. 336 с.
87. Слово о друге: к 55-летию П.И. Савельева // Самарский сборник государственных знаний. Вып. 1. Самара, 2010. С. 6-9.
88. Переволоцкое городище // Краеведческие записки. Вып. XV. 40 лет Средневолжской археологической экспедиции. Самара, 2010 (в соавторстве с Г.И. Матвеевой, А.В. Набоковым). С. 231 – 242.
89. Результаты и перспективы изучения истории средневековых кочевников лесостепного Поволжья // Краеведческие записки. Вып. XV. 40 лет Средневолжской археологической экспедиции. Самара, 2010. С. 126 – 134.
90. В поисках стиля: состав и хронология комплексов с пряжками предгеральдических форм // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия нашей эры (вопросы межкультурных контактов и межкультурного взаимодействия). Самара, 2010. С. 155 – 168.
91. Аланы // Энциклопедия Самарской области. Том. 1. А – В. Самара, 2010. С. 38.
92. Ананьинская культурно-историческая общность // Энциклопедия Самарской области. Том. 1. А – В. Самара, 2010. С. 61.
93. Белогорский культурный тип // Энциклопедия Самарской области. Том. 1. А – В. Самара, 2010. С. 153.
94. Брусыны курганные могильники // Энциклопедия Самарской области. Том. 1. А – В. Самара, 2010. С. 231.
95. Булгары // Энциклопедия Самарской области. Том. 1. А – В. Самара, 2010. С. 241.
96. Венгры // Энциклопедия Самарской области. Том. 1. А – В. Самара, 2010. С. 267 – 268.
97. Владимирова курганный могильник // Энциклопедия Самарской области. Том. 1. А – В. Самара, 2010. С. 288 – 289 (в соавторстве с Ю.И. Колевым).
98. Выползово курганный могильник и селище // Энциклопедия Самарской области. Том. 1. А – В. Самара, 2010. С. 351.
99. Городецкая культура // Энциклопедия Самарской области. Том. 2. Г – И. Самара, 2010. С. 73.
100. Готские древности Самарского Поволжья // Энциклопедия Самарской области. Том. 2. Г – И. Самара, 2010. С. 99.
101. Гунны // Энциклопедия Самарской области. Том. 2. Г – И. Самара, 2010. С. 131.
102. Дешт-и-кыпчак // Энциклопедия Самарской области. Том. 2. Г – И. Самара, 2010. С. 173.
103. Ибн-Фадлан // Энциклопедия Самарской области. Том. 2. Г – И. Самара, 2010. С. 316.
104. Именьковская культура // Энциклопедия Самарской области. Том. 2. Г – И. Самара, 2010. С. 342 – 343.

2011

105. Славяне, германцы, гунны, болгары на Средней Волге в середине I тыс. н.э. LAP LAMBERT Academic Publishing. Саарбрюккен, 2011. 348 с.
106. К типологии керамической посуды именьковской культуры: опыт формализованного подхода // Вояджер: мир и человек. Самара, 2011. № 1. С. 31 – 36.
107. Ибн Фадлан о костюме тюркоязычных народов, встреченных им в 922 году // Известия СНЦ РАН. № 4. 2011 (в соавторстве с Д.А. Французовым).
108. Каменная коза, городище // Энциклопедия Самарской области. Том. 3. К – М. Самара, 2012. С. 27.
109. Кармалы, городище и селище // Энциклопедия Самарской области. Том. 3. К – М. Самара, 2012. С. 49.

110. Коптево, городище // Энциклопедия Самарской области. Том. 3. К – М. Самара, 2012. С. 161.
111. Немчанка, погребение на дюне // Энциклопедия Самарской области. Том. 4. Н – Р. Самара, 2012. С. 36.
112. Новинки, курганные могильники и селища // Энциклопедия Самарской области. Том. 4. Н – Р. Самара, 2012. С. 69.
113. Новинковский культурный тип // Энциклопедия Самарской области. Том. 4. Н – Р. Самара, 2012. С. 69 – 70.
114. Новый путь I, селище // Энциклопедия Самарской области. Том. 4. Н – Р. Самара, 2012. С. 83.
115. Огузы // Энциклопедия Самарской области. Том. 4. Н – Р. Самара, 2012. С. 111.
116. Ош-пандо-нерь, городище и селище // Энциклопедия Самарской области. Том. 4. Н – Р. Самара, 2012. С. 138.
117. Переволоки, городище // Энциклопедия Самарской области. Том. 4. Н – Р. Самара, 2012. С. 161.
118. Печенеги // Энциклопедия Самарской области. Том. 4. Н – Р. Самара, 2012. С. 171 – 172.
119. Половцы // Энциклопедия Самарской области. Том. 4. Н – Р. Самара, 2012. С. 195.
120. Постгуннские древности Самарского края // Энциклопедия Самарской области. Том. 4. Н – Р. Самара, 2012. С. 205.
121. Раннее средневековье Самарского Поволжья // Энциклопедия Самарской области. Том. 4. Н – Р. Самара, 2012. С. 257.
122. Аннотация. Древности Самарского Поволжья // Энциклопедия Самарской области. Приложение. Том. 2. Самара, 2011. С. 79 – 86 (в соавторстве с И.Н. Васильевой, В.Н. Зудиной, Ю.И. Колевым, А.И. Королевым, А.Ф. Кочкиной).

2012

123. «Шиловские лучники» как источник реконструкции костюма праболгар (к необходимости коррекции опубликованных прорисовок) // Актуальные проблемы развития высшего и среднего образования на современном этапе: материалы VII Всероссийской научно-практической конференции ученых и педагогов-практиков. Самара: Издательство Самарского научного центра РАН, 2012. С. 33 – 36 (в соавторстве с Д.А. Французовым).
124. Сталин в Куйбышеве (Самаре): информация к размышлению // Вояджер: мир и человек: теоретический и научно-методический журнал. Самара, 2011. № 1. С. 3 – 6.

ЕЩЁ РАЗ О ДАТИРОВКЕ НЕВОЛИНСКОГО МОГИЛЬНИКА

В статье уточняется хронология Неволинского могильника, который, по мнению автора, использовался со второй четверти 7 по первую четверть 9 в. Анализируется нумизматический материал из комплексов могильника. Анализируется проблема стадильности в развитии поясной гарнитуры Прикамья. Делается вывод о том, что широкое одновременное хождение сасанидских драхм чекана разных правителей и разных лет, по-видимому, и определило «запаздывание» сасанидских монет на Урале.

Ключевые слова: раннее Средневековье, поясные украшения, могильник, монета.

Не устаю повторять: как быстротечны мгновения жизни! Еще совсем недавно я наблюдала, как кучкуется вокруг лидеров самарской археологии – Галины Ивановны Матвеевой и Игоря Борисовича Васильева – жизнерадостная, энергичная и заводная студенческая молодежь. Мне нравилось наблюдать эту суету, бывая на Урало-Поволжских студенческих научных конференциях, которые блестяще проводила самарская команда. И вот сейчас, спустя десятки лет, эта молодежь превратилась в интереснейшее научное сообщество. Хорошо помню еще совсем юных, а сейчас маститых кандидатов наук С.А. Агапова, Р.С. Багаутдинова, И.Н. Васильеву, С.Э. Зубова, А.М. Комарова, А.И. Королева, О.В. Кузьмину, В.Н. Мышкина, В.И. Пестрикову, А.В. Росторопова, Н.П. Салугину, В.А. Скрабовенко, Ю.А. Семькина, М.А. Турецкого и многих других. Среди них уже тогда выделялись особой настойчивостью и организаторскими данными нынешние доктора исторических наук, профессора А.А. Выборнов и А.В. Богачев.

Организаторский талант А.А. Выборнова позволил ему более 25 лет успешно руководить одним из старейших факультетов Самарского государственного педагогического университета, историческим, выпустив сотни историков-профессионалов для российского Поволжья и создав собственную школу археологов-каменщиков, известных не только в нашей стране, но и за рубежом. Его огромная эрудиция в области не только археологии, но и истории, этнографии, положительно сказалась на работе диссертационного совета по этим дисциплинам в Удмуртском государственном университете, членом которого он был, высокопрофессионально задавал диссертантам вопросы и оценивал в дискуссиях их работы.

Отрадно отметить, что около 15 самарских археологов защитили свои кандидатские диссертации в диссертационном совете Удмуртского государственного университета: О.В. Букина, Р.С. Кирсанов, Е.В. Козин, А.М. Комаров, В.В. Кондрашин, А.И. Королев, Н.И. Малкова, С.А. Трибунский и другие. Сейчас Самарская археологическая школа является одной из самых мощных археологических провинциальных школ России.

В свое время Г.И. Матвеева сыграла важную роль и в моей жизни. Так случилось, что в период серьезных раздумий о грядущем переезде из Екатеринбурга в Ижевск я приехала на конференцию в Самару. И Галина Ивановна со свойственной ей горячностью уговорила меня решиться на этот шаг, приведя собственный пример (она переехала из Уфы в Самару). С той поры я никогда не жалела о том, что последовала ее совету. Думаю, что Галина Ивановна вправе гордиться созданной ею и И.Б. Васильевым научной школой археологов в Самаре.

С А.В. Богачевым я знакома с незапамятных времен, но особое внимание он привлек к себе на 7 Международном конгрессе финно-угроведов в Дебрецене (Венгрия) в сентябре 1990 г., где выступил с неординарным докладом. В последующем

я следила за его новыми работами, которые по своей направленности были близки моим научным интересам. Появившаяся как результат диссертационного исследования книга А.В. Богачева «Процедурно-методические аспекты археологического датирования» [6] стала классическим пособием для начинающих археологов по наведению порядка в хаосе раннесредневековых древностей. В этой работе ему удалось систематизировать детали наборных поясов Среднего Поволжья с 3 по 8 в. Особой заслугой А.В. Богачева является то, что среди этих материалов он впервые выделил не известный ранее предгеральдический пласт 6 в.

Когда по его публикациям я поняла, что он близок к завершению серьезной работы в виде докторской диссертации, я предложила Алексею Владимировичу защищать ее в нашем диссертационном совете. Тогда мы с нашим ректором, профессором В.А. Журавлевым, работали над открытием докторского совета в Удмуртском университете. Но А.В. Богачев написал докторскую диссертацию раньше, чем мы смогли создать такой совет. Поэтому он защитил свою диссертацию в 2000 г. в Институте материальной культуры г. Санкт-Петербурга. Примечательно, что А.В. Богачев защитил докторскую диссертацию в 37 лет и стал одним из самых молодых докторов наук среди гуманитариев.

Заслуживает всяческой похвалы подготовленное и опубликованное им справочное издание «Археология Самарского края: энциклопедический словарь» [10], где в краткой, доступной форме изложены основные сведения о древних культурах и археологических памятниках этого региона, о людях, их изучавших и изучающих, о терминах и основных понятиях археологии. Эта книга позволяет очень быстро освоить понятийный аппарат археологии и узнать об основных достижениях этой науки в Поволжье. Жаль, что далеко не все области и края России располагают такими энциклопедическими справочниками.

Без сомнения, А.В. Богачев – одаренный человек во многих сферах. Он написал не только скучные научные статьи и книги, но и увлекательные историко-фантастические детективы «Офицер для личных поручений» [7], «Сокровища великого хана» [9], поэтический сборник «Лабиринты» [8] и другие.

Не сомневаюсь, что А.В. Богачев создаст еще много интереснейших работ во славу российской археологии. С удовольствием поздравляю Алексея Владимировича и всю Самарскую археологическую школу с его юбилеем и желаю всем новых успехов и открытий.

Впервые опубликованные материалы Неволинского могильника (небольшая их часть) были столь оригинальны, что сразу же возникла дискуссия относительно его даты. Авторы публикации И. Эрдели и Е. Ойтози датировали эти комплексы началом 6-7 в. [45, с. 50-52], В.Ф. Генинг – концом 6 – началом 8 в. [там же, с. 82-83]. В.Б. Ковалевская считала, что опубликованные материалы укладываются в пределы: последняя четверть 7 – 3-я четверть 8 в. Ю.А. Краснов относил могильник к 8 в. [30, с. 280-287]. Р.Д. Голдина датировала комплексы, исследованные А.В. Шмидтом и О.Н. Бадером, последней четвертью 7-8 в. [17, с. 82-83].

Последующие полевые работы Р.Д. Голдиной на Неволинском могильнике позволили не только увеличить количественно материал (число могил выросло с 83 до 264), но и изменить качественную оценку сопровождающего инвентаря. Наряду с хорошо известными погребениями 8 в. (104 погребения) на могильнике были исследованы 43 могилы со своеобразным инвентарем, напоминающим материалы агафоновского типа на Верхней Каме, которые датируются 7 в., а также 13 могил, отличающихся от известных могил 8 в. и относящихся, очевидно, к более позднему времени – концу 8 – началу 9 в. Это обстоятельство позволяет еще раз обратиться не только к дате этого интереснейшего памятника, но и к проблеме стадильности в развитии поясной гарнитуры Прикамья.

Прикамье – один из древнейших центров Евразии, где уже в раннем железном веке сложилась собственная своеобразная школа ювелиров, успешно работающих с цветными металлами. Многочисленность и разнообразие оригинальных бронзовых изделий, созданных местными мастерами, заставляет рассматривать эти материалы как заслуживающие особого внимания. Сам принцип украшения кожаных ремней многочисленными бронзовыми накладками и застёжками сформировался уже в ананьинское время [27, табл. IV-19] и постепенно развивался во все последующие столетия. Менялись орнаментация, технология изготовления украшений, а стремление мастеров сделать пояс не только прочным, но и красивым оставалось неизменным. В частности, большого разнообразия достигли украшения поясов в первой половине I тыс. н.э. на Средней Каме [20, табл. 2-15, 19, 24-26; 7-2-23; 14-20; 18-44; 19-2 и т.д.]. Интересно, что в Прикамье наборные пояса использовались как в мужском, так и в женском костюме. При этом женские пояса отличались, как правило, большей нарядностью.

Пояса второй половины I тыс. н.э., и в частности неволинской культуры, весьма разнообразны. Они эволюционировали в соответствии с евразийской модой и представляют особый прикамский вариант ее развития.

В свое время, разрабатывая схемы развития материальных остатков разных культур Прикамья, я ставила перед собой простую задачу – среди множества вариантов украшений и, прежде всего, металлических деталей ремней, выделить группы, характеризующиеся определенным набором признаков. Довольно легко определились 4 группы поясов: харинского типа – с прямоугольными накладками; агафоновского – с геральдическими деталями; неволинского – с многочисленными и разнообразными накладками на широких кожаных лопастях и пояса салтовского круга. Естественным было стремление определить их место относительно друг друга. Аналогии отдельным деталям поясов, находки монет и некоторые стратиграфические наблюдения позволили определить их даты для верхнекамских культур. Так, для ломоватовской культуры [18, с. 126-133] были выделены этапы: харинский – 5-6 вв., вероятно, без его конца, агафоновский – конец 6 – 7 в., деменковский – конец 7 – 8 в., урынский – конец 8 – 9 в. Работа с неволинскими древностями дала возможность разделить раннюю стадию на две: бродовскую (конец 4 – 5 в.) и верх-саинскую (6 в.), обозначить бартымскую (конец 6 – 7 в.), неволинскую (конец 7 – 8 в.) и сухоложскую (конец 8 – 9 в.) стадии [19]. При этом были определены составляющие этих хронологических групп в виде украшений, предметов быта, вооружения, конского снаряжения. Хотелось бы обратить внимание на то, что почти все стадии в последней четверти столетий перекрывали друг друга, что позволяет предполагать возможное одновременное бытование предметов как предшествующего, так и последующего времени. Это логично, так как новое никогда не возникает в одночасье, какое-то время новое и старое сосуществуют.

Разумеется, я хорошо понимаю, что дальнейшая работа с погребальными комплексами даст возможность уточнить рубежи стадий, их слагающие, может выявить типы как более широкого, так и более узкого диапазонов, но в целом последовательность развития материальной культуры Прикамья второй половины I тыс. н.э. останется неизменной. Не следует понимать состав стадий верхнекамского мира как нечто застывшее, строго определенное в пределах столетий. Не сомневаюсь, что со временем, когда будут опубликованы уже накопленные к настоящему моменту и новые материалы, появится возможность разделить типологически украшения Прикамья на более дробные группы и отнести их к более узким временным рамкам. Собственно, этим путем уже идут А.В. Богачев, И.О. Гавритухин и другие, и я думаю, что это одно из перспективных направлений в разработке раннесредневековой хронологии Прикамья. Убеждена и в том, что даст результаты не только поиск

вариантов синхронизации прикамских материалов с евразийскими в самом широком географическом и хронологическом плане, но и тщательное изучение эволюции местной материальной культуры. Следует, очевидно, детально проанализировать каждую категорию изделий по отдельности, а потом сопоставить полученные результаты. Эта работа для Верхнего Прикамья уже выполняется: бусы проанализированы Е.В. Голдиной, височные подвески – С.А. Перевозчиковой, оружие – С.Р. Волковым и т.д.

Изучение плана Неволинского могильника показывает, что памятник состоит из трех частей: восточной, западной и южной (рис. 1). Попытки найти этому объяснение привели к заключению, что, по-видимому, в основе этого явления лежали хронологические и социальные причины. Остановимся на первой причине – хронологии. В материалах Неволинского могильника бросается в глаза многообразие поясной гарнитуры: бронзовых пряжек, накладок, наконечников ремней. И поскольку эта категория инвентаря в древности имела очень широкое как территориальное, так и хронологическое распространение, было решено подвергнуть именно ее внимательному анализу с помощью метода взаимовстречаемости типов вещей в погребениях. Были выбраны могилы, содержащие не менее 2 металлических украшений поясов. Их оказалось 44. Поскольку существовали сомнения в чистоте некоторых комплексов из раскопок А.В. Шмидта и О.Н. Бадера (например, могилы 13, 41, где материал явно перемешан), к анализу были привлечены только захоронения из раскопок Р.Д. Голдиной в надежде, что существенных ошибок в фиксации состава инвентаря здесь нет. В результате довольно четко обозначились 3 разновременные и 2 смежные группы (рис. 2).

Первую группу составили 15 могил (№№ 102, 233, 141, 84, 89, 196, 202, 223, 221, 213, 212, 188, 230, 250 и 170). Среди них 7 женских и 7 мужских. В одном случае пол погребенного (могила 141) не определен. В этих погребениях обнаружены трапециевидные пряжки – как гладкие (табл. 1–5), так и рифленые (табл. 1–1); пряжки иного облика: маленькая, с круглым, слегка утолщенным впереди кольцом (табл. 1–2), восьмеркообразная простая (табл. 1–7), с лировидным кольцом и сердцевидной пластиной (табл. 1–14; 2–27), подобная с обычным кольцом (табл. 2–26), с прямоугольной пластиной (табл. 1–12), с лировидным рифленным кольцом и прямоугольной пластиной (табл. 1–6).

В эту же группу входят накладки: роговидные с прорезями (табл. 1–3), в виде головы животного (табл. 1–4), крестовидная, уздечная (табл. 1–10), мечеобразные, с изображением личины (табл. 1–11), длинные, прямоугольные с поперечными насечками (табл. 1–13), короткие, широкие с выступами в нижней части (табл. 1–15), Т-образные (табл. 1–16), полуовальные, с заостренным верхом (табл. 2–17), якорьковидные с сердцевидным основанием (табл. 2–18), круглые гладкие средних размеров (табл. 2–19), якорьковидные с шипами в основании (табл. 2–20), псевдопряжки с якорьковидным верхом (табл. 2–21), мечеобразные гладкие (табл. 2–22), Х-образные (табл. 2–23), мечеобразные, короткие, с отверстиями (табл. 2–24), прямоугольные (табл. 2–25), круглые, двучастные (табл. 2–28). Из наконечников ремней к этой группе отнесены длинные прямоугольные с приостренным концом (табл. 1–8) и подобный, но крепящийся к ремню с помощью оборотной пластины (табл. 1–9). Перечисленные предметы предварительно отнесены к 7 в. Более детально об этом позже.

К группе 2 принадлежат лишь 2 типа изделий: они обнаружены в захоронениях как 7, так и 8 в. Это пряжки с лировидным кольцом и прямоугольной пластиной (табл. 2–29) и наконечники ремней разных вариантов с изображением голов медведя (табл. 2–30).

К группе 3, предварительно датированной 8 в., отнесены 22 захоронения (№№ 88, 132, 155, 94, 129, 153, 140, 192, 191, 237, 156, 206, 125, 209, 136, 218, 186, 138, 105, 261, 133, 92 – рис. 2). Из них 12 – мужских, 9 – женских и 1 – детское. Эту группу составляют крупные пряжки с обычным овальным кольцом и прямоугольной приостренной на конце пластиной (табл. 3–31), овальной (табл. 4–51, 53) или прямоугольной пластиной (табл. 4–63). Чаще всего пластины гладкие, очень редко орнаментированы (табл. 4–64). В этой же группе известны экземпляры подобных форм, но средних (табл. 4–55) и малых (табл. 4–59) размеров. Оригинальна пряжка с В-образным кольцом и фигурной пластиной (табл. 3–39).

Набор накладок весьма разнообразен: полуовальные с расширенным основанием и прорезьями (табл. 3–32); прямоугольные с тисненым узором в форме креста (табл. 3–33); полусферические (табл. 3–34); тройчатки (табл. 3–35); прямоугольные с уступом наверху и орнаментом (табл. 3–36); полуовальные с заостренным верхом и орнаментом (табл. 3–37); круглые с орнаментом посередине (табл. 3–38); роговидные (табл. 3–40); полуовальные с заостренным верхом и личиной (табл. 3–41); круглые гладкие крупные (табл. 3–42); длинные прямоугольные с личиной (табл. 3–43); ж-образные средних размеров (табл. 3–44); крупные, полуовальные с заостренным верхом и прорезью в основании (табл. 3–45); серповидные гладкие (табл. 3–46); прямоугольные с фигурными вырезами (табл. 4–50), калачевидные с орнаментом (табл. 4–54); в виде головы барана (табл. 4–56); арочные мелкие (табл. 4–57); полуовальные с прямоугольной прорезью и орнаментом (табл. 4–60); круглые с прорезью (табл. 4–61); полуовальные с фестончатыми краями (табл. 4–62); полуовальные с растительным орнаментом (табл. 4–65).

Весьма выразительны наконечники ремней этой группы с изображением пальметты (перевязанный букет лент) (табл. 3–48) и с S-видным орнаментом (табл. 3–47). На ремнях этой группы присутствуют и более скромные экземпляры наконечников – гладкие без орнамента с прямыми боковыми гранями (табл. 4–49) или различными вариантами фестончатого края (табл. 4–52, 58). Справедливости ради следует отметить, что гладкие простые с приостренным концом наконечники известны как в первой (табл. 1–8), так и в третьей (табл. 4–49) группах и правильнее было бы включить их во вторую смежную группу и датировать 7–8 вв.

Группу 4 составляют предметы, бытовавшие в 8, а также в конце 8 – начале 9 в. Это пряжка средних размеров типа Б1ж2 (табл. 5–69) и накладки: калачевидные с разомкнутыми концами (табл. 5–66); квадратные, четырехугольные разных вариантов (табл. 5–67); в виде головы барана (табл. 5–68); полусферические без штифта (табл. 5–70).

Последнюю хронологическую группу 5 (конец 8 – начало 9 в.) образуют 7 захоронений (№№ 235, 95, 111, 148, 146, 149, 169). Из них 5 – мужских и 1 – женское (№149), пол одного погребенного (№235) неизвестен. В группу включены пряжка с овальным кольцом и короткой прямоугольной пластиной (табл. 5–74) и наконечники ремней с прорезным растительным узором (табл. 5–77), с каплевидным вырезом в верхней части (табл. 5–76) и с орнаментом в виде узла (табл. 5–82). В могилах этой группы встречаются накладки следующих форм: различные варианты шарнирных (табл. 5–71), круглые маленькие с граненой кромкой (табл. 5–72), полуовальные с прорезью гладкие (табл. 5–73), с изображением головок коней (табл. 5–75), сердцевидные гладкие (табл. 5–78), кольцевидные (табл. 5–79), прямоугольные с фестончатым краем и прорезью (табл. 5–80), полуовальные с изображением личины (табл. 5–81).

Выделенные группы отражают хронологические изменения. Наиболее ранняя – первая – хорошо вписывается в бартымскую стадию неволинской культуры (7 в.), третья представляет собой средний этап развития могильника и укладывается в

неволинскую стадию (8 в.), пятая образует заключительную фазу памятника (конец 8 – начало 9 в.) и относится к сухоложской стадии неволинского объединения.

Вторая (7-8 вв.) и четвертая (8 – начало 9 в.) группы – смежные, по-видимому, переходные, они представлены вещами, бытующими как в последующее, так и предыдущее время, и отражают в материальной культуре единство населения, оставившего Неволинский могильник. Вполне закономерен вопрос: не являются ли эти группы проявлением половозрастных особенностей? Поскольку во всех группах (1, 3 и 5-й) присутствуют как мужские, так и женские, а иногда детские захоронения (рис. 2), этот вопрос снимается легко.

Пояса Неволинского могильника известны в 88 (33,3%) могилах. Встречались как отдельные детали поясов, так и полный набор с хорошо сохранившейся кожаной основой, по которой можно реконструировать весь пояс. По форме, орнаменту металлической гарнитуры, конструкции поясов их можно условно разделить на четыре группы: пояса геральдического (агафоновского, бартымского), неволинского, восточного и салтовского типов (табл. I). Следует указать, что названия поясов не несут этнической нагрузки. Большинство поясов принадлежат местному населению и созданы, как правило, местными мастерами.

Таблица I

Неволинский могильник. Сведения о размещении поясов

Стадии	Пол, возраст Тип поясов	Женщины	Мужчины	Дети	Не опреде- лен	Все- го	%
		№№ погребений					
I 7 в.	Геральдический (агафоновский, бартымский)	57*, 84, 170, 194, 196, 212, 213, 223, 230, 233, 254	4?**, 13?, 84, 89, 102, 109, 188, 202, 221, 250		141, 167, 168, 171, 179		
		11	10		5	26	29, 5
II 8 в.	Восточный (катандинский, согдийский)	2, 5?, 22, 138, 218?, 261?	8, 17, 24, 30, 32, 48, 76, 77, 88, 95, 105, 125, 131, 133, 156, 186, 192, 209	41, 237	6, 28, 100, 116, 159		
		6	18	2	5	31	
	Восточный с деталью предсалтовского типа		92, 108, 136, 191, 206				

			5			5	
	Неволинский	20, 34, 51, 53, 65, 69, 71, 73, 79, 94, 129, 132, 140, 153, 155, 217					
		16				16	
	Всего поясов II стадии	22	23	2	5	52	59, 1
III конец 8 – начало 9 в.	Салтовский	149?, 158?	95, 111?, 146, 148, 169, 241, 244		235		
		2	7		1	10	11, 4
	Всего	35	40	2	11	88	10 0
	%	39,8	45,5	2,3	12,4	100	

* Количество могил может не совпадать с корреляционной таблицей (рис. 2), так как последняя содержит только могилы с двумя или более вещами

** Знак вопроса после № погребения означает сомнение в отнесении захоронения к этой стадии

Однако, по нашему убеждению, они различаются временем бытования. Пояса агафоновского (бартымского) типа – наиболее ранние среди перечисленных – отличаются присутствием геральдических мотивов в оформлении металлической гарнитуры. Они встречались как в мужских (10 случаев), так и в женских (11 могил) захоронениях. У 5 погребенных пол не определен. Пояс представлял собой длинный кожаный ремень шириной 2 см, сплошь украшенный различными геральдическими накладками. К основному ремню подвешены кожаные привески шириной 1,5 см, тоже покрытые накладками, заканчивающиеся обычно мечеобразными. К поясу крепились пронизы из бус, различных бронзовых пронизок и иногда – железный нож в ножнах.

Пояса неволинского и восточного типов представляют собой два одновременных, более поздних, чем геральдический, варианта. Неволинский – это женский, а восточный – преимущественно мужской пояс. Неволинские пояса встречались исключительно в женских захоронениях (16 случаев, табл. I). Они представляют собой кожаный пояс шириной 2-2,5, длиной до 70 см, украшенный на концах пряжкой и наконечником и многочисленными накладками. К основному ремню прикреплены, как правило, 12-16 кожаных привесок размерами 3,5-4x10 см. Три привески, расположенные сзади, орнаментированы обычно тремя тройчатками, остальные – двумя рядами круглых или прямоугольных накладок в верхней части и прямоугольными вытянутыми – в нижней. Пояс снабжен одной или двумя пронизями, состоящими из пронизок, бус, завершающимися рожковой или планчатой подвеской. Иногда к поясу был подвешен кинжал в ножнах.

Пояса восточного типа имели разные названия – тюркский, катандинский, согдийский и другие. Они найдены преимущественно в мужских захоронениях (18 случаев, табл. I). Лишь несколько могил (6), возможно, принадлежат женщинам. Пояс восточного типа представлял собой кожаную ленту шириной около 2 см, украшенную главным образом геометрическими прямоугольными, арочными, серпообразными и

другими оригинальными накладками, цельнолитой пряжкой с плоской, гладкой задней пластиной и наконечником. Такие пояса не имеют дополнительных пронизей.

Разделение поясов 8 в. Прикамья на собственно неволинские и тюркские (восточные) было отмечено мной давно [21, рис. 4]. На это обратили внимание и другие исследователи [12, с. 184]. Для того чтобы прояснить степень влияния на материальную культуру Приуралья Средней Азии и византийского мира, была намеренно выделена среди восточных поясов еще одна группа: восточные с деталями (пряжкой или наконечником), украшенными растительными узорами или пальметтой и связываемыми некоторыми исследователями с предсалтовскими древностями (Комар А.В., 2010). Их оказалось всего 5, и происходили они все из мужских могил (табл. I).

Пояса салтовского типа найдены преимущественно в мужских захоронениях (7 случаев), в двух женских могилах и у погребенного №235 пол не определен (табл. I). Они весьма скромны: это обычный ремень с накладками, пряжкой и наконечником, подвеской-бубенчиком, иногда кинжалом.

Разделение поясных наборов на 3 хронологические стадии позволяет распределить в соответствии с ними и остальной материал: украшения, оружие, конскую упряжь, предметы быта*. При этом были учтены и гендерные признаки. Довольно четко выявились предметы, характерные для женских и мужских захоронений.

Женские могилы I стадии сопровождались своеобразным инвентарем: круглопроволочными – малыми и большими (табл. 6–1, 2) височными кольцами, височными подвесками со свободно вращающимися привесками различных вариантов (табл. 6–3–6, 9, 10), мелкими привесками (табл. 6–7,8), перстнями (табл. 6–11), крупными пронизками-трубочками (табл. 6–12) и коническими пронизками (табл. 6–13), браслетом с рифлеными концами (табл. 6–16). Птицевидные пронизки этой группы (табл. 6–14) имели четко проработанный орнамент. В женских могилах I стадии обнаружены конек с двумя головами (табл. 7–4), ранний вариант арочной шумящей подвески (табл. 7–1), кольцевидная нагрудная подвеска с утолщениями (табл. 7–2), печатка с изображением всадника (табл. 6–15), биконические (табл. 7–3) и полусферические (табл. 7–5) пряслица. Интерес представляет шумящая подвеска (табл. 7–6), которая отличается от более поздних экземпляров тем, что ее основа украшена только насечками.

Мужские захоронения I (ранней) стадии отличались присутствием наконечников стрел как костяных (табл. 7–7, 9, 12) так и трехлопастных железных (табл. 7–8), калачевидных, прямоугольных в сечении кресал (табл. 7–10) и кремневых огнив (табл. 7–13), небольшого размера проушных универсальных топоров (табл. 7–15), наконечников копий с листовидным пером (табл. 7–16) и восьмеркообразных стремян с плоской подножкой (табл. 7–11), а также с выгнутой подножкой и плоской пластиной для путлища (табл. 7–14).

Захоронения женщин II (средней) стадии имели набор инвентаря иного облика, отличающийся от могил I стадии. Для II стадии (женщины) характерны овальные височные подвески (табл. 8–1), а также височные подвески с полыми привесками в виде шаров, конусов, иногда украшенных зернью и сканью (табл. 8–2–6), привески-лапки (табл. 8–7), мелкие (табл. 8–10) и крупные (табл. 8–12) полые пронизки-медведи, деревянные пуговицы (табл. 8–8) и бронзовая витая гривна (табл. 8–13). Для этих могил типичны птицевидные пронизки без четко проработанного орнамента (табл. 8–9), пронизки со вздутием и прорезями (табл. 8–14), концевые планчатые подвески (табл. 8–11).

В женских могилах II стадии обнаружены железные футляры-игольники, биконические пряслица. Особенно популярны в могилах женщин этого времени

различные подвески: колокольчики (табл. 9-1), плоские круглые с точечным орнаментом (табл. 9-2), с вставками (табл. 9-4), разные варианты колесовидных (табл. 9-5-7), шумящие арочные (табл. 9-9), коньковые (табл. 9-8), коробочки (табл. 9-3). Шумящие подвески с арочной основой становятся более крупными и орнаментированы сканью и вставками (табл. 9-10). Для женских могил этого времени характерны также подвески-лунницы (табл. 10-4, 5), крестовидные (табл. 10-8), трапециевидные (табл. 10-6) и четырехлопастные (табл. 10-7).

У мужчин II (средней, неволинской) стадии были популярны железные накладки на пояс и конскую сбрую (табл. 11-1,3), пряжки (табл. 11-4,5,7), наконечники ремня (табл. 11-6), накладки-колечки (табл. 11-8). Среди инвентаря мужчин встречались также крупные пластинчатые кресала (табл. 11-2), колчаные крючки с плоской овальной (табл. 11-10) или кольцеобразной (табл. 11-9) пластиной, двукольчатые удила с кольцевыми псалиями (табл. 12-2), иногда с крупными дополнительными кольцами (табл. 12-1), а также с короткими S-овидными псалиями (табл. 12-3). В этот период использовались восьмеркообразные стремяна с вогнутой подножкой (табл. 12-4), боевые топоры с молотчкообразным обухом (чекан) и отверстиями в полотне (табл. 12-6), наконечники стрел с прямоугольным пером (срезни) (табл. 12-5) и палаши – однолезвийные мечи, обоюдоострые в последней трети клинка (табл. 12-7).

Поздняя (III) стадия развития могильника также отличается своеобразным, но менее выразительным инвентарем. Общими для мужчин и женщин были небольшие лунницы (табл. 13-3). Только в женских могилах обнаружены височные подвески, чаще всего с литыми привесками (табл. 13-2), шумящая коньковая подвеска с хорошо выраженными головами и прорезью в центре (табл. 13-1), пластинчатые (табл. 13-7) и круглые, украшенные на концах вставками (табл. 13-6) браслеты и перстни с ромбическим щитком (табл. 13-9).

Мужские захоронения III стадии имели более разнообразный инвентарь: различные перстни (табл. 13-15,16), якорьковидные подвески (табл. 13-14), бронзовые (табл. 13-17) или деревянные (табл. 13-19) бубенчики. В это время наибольшее распространение получают плоские черешковые наконечники стрел с листовидным (табл. 14-2,3) или треугольным (табл. 14-4,5) пером, калачевидные кресала с подтреугольным сечением рабочей части (табл. 14-1), колчаные крючки с прямоугольной пластиной (табл. 14-6,7), боевые топоры с молотчкообразным обухом (табл. 14-8), наконечники копий с коротким треугольным пером (табл. 14-9) и сабли, имеющие слабый изгиб, обоюдоострый клинок в последней трети и отогнутую в сторону лезвия рукоять (табл. 14-10).

Некоторые предметы бытовали на протяжении нескольких стадий. В частности, в женских могилах I и II стадий обнаружены крестовидные из пяти колец подвески (табл. 10-2), трехчастные пронизки без прорезей (табл. 10-3) и изогнутые рожковые пронизки (табл. 10-1).

Мужчин и женщин II и III стадии сопровождали подвески-костыльки (табл. 13-13) и браслеты различных вариантов: пластинчатые (табл. 13-10), круглопроволочные (табл. 13-11) и восьмигранные (табл. 13-12). Для мужчин II и III стадии характерны двукольчатые удила с S-видными псалиями и дополнительными кольцами (табл. 15-2), круглые стремяна с плоской петлей для путлища (табл. 15-3), арочные стремяна с плоским подножием (табл. 15-4). Изредка в это время встречались четырехкольчатые удила с S-видными псалиями и тремя частями грызла (табл. 15-1). В это же время погребения мужчин сопровождалась вильчатыми наконечниками стрел (табл. 16-1), массивными бронебойными наконечниками стрел с упором (табл. 16-6), прямоугольными железными накладками (табл. 16-2), боевыми топорами с уплощенным вытянутым обухом (табл. 16-8), универсальными топорами, как

проушными (табл. 16–4,7), так и втульчатыми (табл. 16–3), а также наконечниками копий с пером четырехгранного сечения (табл. 16–5).

На протяжении всех трех стадий в мужских могилах обнаружены круглопроволочные браслеты (табл. 17–3), железные круглые пряжки (табл. 17–4,7), каменные точила (табл. 17–5), двукольчатые удила (табл. 17–6). Судя по остаткам, некоторые из них могли иметь деревянные псалии, трехлопастные (табл. 17–8) и бронебойные без упора четырехгранного сечения (табл. 17–9), а также плоские (табл. 17–10) наконечники стрел и арочные стремяна с вогнутой подножкой и пластинчатой петлей (табл. 17–11).

И у мужчин, и у женщин в могилах всех стадий известны колокольчики (табл. 17–1), бубенчики разных вариантов, мелкие пронизки как с прорезями, так и без них (табл. 17–2). Следует отметить, что эти предметы без прорезей чаще встречались в могилах 7 в. Всегда были популярны пронизки-трубочки: гладкие чаще находили в могилах 7–8 вв., рифленые – в захоронениях 8 – начала 9 в.

Таким образом, материальная культура Неволинского могильника демонстрирует определенную эволюцию во времени многих категорий украшений – височных подвесок, пронизок, поясной гарнитуры, предметов вооружения и бытовых изделий.

Среди могил I стадии (их 43; 16,3%) выявлено 16 женских (37,2%), 14 (32,6%) – мужских, 3 (6,9%) – детских и 10 (23,3%) – не определены.

Больше всего захоронений II стадии (104; 39,4%). Из них 62 (59,7%) – женщин, 33 (31,7%) – мужчин, 2 (1,9%) – детей и 7 (6,7%) – не определены. К стадии III отнесены 13 (4,9%) могил. Больше всего мужчин – 8 (61,5%), меньше женщин – 4 (30,8%), детей нет и не определена 1 (7,7%) могила. Число захоронений, которые не удалось отнести к какой-либо стадии, 104 (39,4%): женщин – 26 (25,0%), мужчин – 35 (33,7%), детей – 4 (3,9%) и погребенных, пол и возраст которых не определен, – 39 (37,4%).

На Неволинском могильнике зафиксировано уникальное для Прикамья явление, когда ряды могил с поясами различных типов не только нарушают, но в отдельных случаях и перекрывают друг друга. Такое положение было выявлено в юго-западной части памятника, где более ранние могилы с широтной ориентировкой были перекрыты более поздними захоронениями с меридиональной ориентировкой (рис. 3). Например, могилы 212 и 213 первой группы с деталями поясов геральдического типа перекрыты могилой 205 с инвентарем более позднего времени. Могила 225 перекрыта могилами 217 и 232, могила 207 – погребениями 226, 244; захоронение 242 перекрыто могилами 237, 218. Над могилой 229 располагались могилы 209 и 210, над погребением 233 – могилы 209 и 215, над захоронением 230 – могилы 209, 210, 215. При этом инвентарь всех ранних нижележащих могил содержал детали поясов геральдического типа. Над ними располагались могилы с предметами классического неволинского облика (3-я группа). Таким образом, стратиграфически удалось подтвердить разновременность геральдических (агафоновских) и неволинских поясов. Отмечен случай, когда над могилой с поясом геральдического типа (№168) (1 группа) располагалось погребение 149, содержащее детали пояса салтовского типа (5 группа).

Наиболее ранние могилы (I стадия) располагались шестью нечеткими рядами, ориентированными по линии С-Ю (№1–5,7), в северной и восточной, наиболее возвышенной части холма (рис. 51). Еще один ряд подобной ориентировки выявлен в центре памятника (№13). Несколько могил с другой ориентировкой зафиксированы в южной части площадки могильника (ряды №6,8–12). В дальнейшем в некоторых из этих рядов (№11 и 12) стали накапливаться могилы следующей II стадии.

Видимо, на Неволинском могильнике с самого начала его возникновения хоронили своих сородичей две группы населения, имеющие в обычае разные варианты ориентировки погребенных – либо широтную, либо меридиональную.

Наибольшей плотностью отличались ряды, заполненные в средний период (стадия II, группа 3) функционирования памятника (рис. 5). Погребения в этих рядах располагались близко друг к другу, иногда могилы своими краями соприкасались. В этот период были заполнены преимущественно ряды в южной (№21-31), центральной (№15, 17) и западной (№14, 16) частях памятника. Наиболее многочисленны могилы этого времени в южной части. Захоронения среднего периода продолжают заполнение рядов могильника, которые начали формироваться в ранний период (№11, 12).

Поздние могилы (группа 5, стадия III, рис. 6) размещены, как правило, по периферии площадки. Это могилы, завершающие ряды в восточной (погр. 239 – ряд 25, 259 – ряд 31, 244 – ряд 30) части, и единичные погребения в северной части площадки могильника (погр. 149, 169). Продолжали использоваться ряды в западной половине (погр. 118 – ряд 21; 146, 148 – ряд 16; 111 – ряд 14). Здесь же был образован новый ряд (погр. 158 – ряд 32). В целом наиболее поздние захоронения Неволинского могильника завершают логическую систему развития двух групп этого памятника, оставивших ряды как с меридиональной, так и с широтной ориентировкой могил. Следует заметить, что в хронологической оценке были использованы лишь те могилы, которые содержат вполне определяемый и датирующийся материал.

Для изучения времени отложения ранней группы (I стадии) Неволино большое значение имеют сопоставления с уже известными комплексами геральдического облика Прикамья. Детали такой поясной гарнитуры Неволинского могильника наиболее близки материалам Агафоновского I могильника [22], датируемого И.О. Гавритухиным серединой – второй половиной 7 в. [11, с. 56]. На этом памятнике найдены трапецевидная рифленая пряжка (табл. 18-2), мечевидные (табл. 18-3-5,24), якорьковидные с сердцевидным основанием накладки (табл. 18-7-10; 19-1-5), подобные с шипами в основании (табл. 18-11,22), трехчастные (табл. 18-6), сердцевидные (табл. 18-17, 18; 19-19-22), псевдопряжки (табл. 18-13-15; 19-17), х-видные (табл. 18-23; 19-11,12), разные варианты вытянутых прямоугольных (табл. 18-19,20; 19-8-10,13,14,18), серповидные (табл. 19-15,16), Т-образные (табл. 18-1; 19-6) накладки. Из пряжек распространены цельнолитые с лировидным кольцом и прямоугольной (табл. 19-7) или сердцевидной (табл. 18-16,21) пластинами. Пряжки этого типа, появившись в 7-м, бытовали и на протяжении 8 в.

Гарнитура близких вариантов (табл. 20-17-22) получена В.А. Семеновым из погребений Петропавловского могильника на юге Удмуртии (Семенов В.А., 1976, с. 3-50). Одно из наиболее богатых захоронений этого памятника – №17 – датировано И.О. Гавритухиным 2-3-й третями 7 в. [11, с. 63-64].

Очень похожие поясные детали геральдической формы происходят из Бартымского I могильника (Березовский район Пермского края) [23, табл. 51-77]. Сходны варианты геральдических накладок (табл. 20-1-8,10,11,16), а также цельнолитых пряжек с лировидным кольцом (табл. 20-12-15). Для определения даты этого объекта огромное значение имеет клад 1950 г., выпавший, скорее всего, одновременно с могильником и состоящий из византийской чаши с 272 византийскими же монетами ранних выпусков времени правления Ираклия (610-641 гг.). Начало чеканки двойных миллиаресиев – 615 г. Кроме того, в состав клада входила оригинальная застежка от серебряной цепи (табл. 20-9) [23, с. 124-126].

Для выяснения времени Бартымского I могильника важны находки в его захоронениях и на площади одновременного ему Бартымского I селища иранских сердоликовых бус, в том числе травленных, сделанных до 642 г. – времени завоевания Сасанидского Ирана мусульманами [15, рис. 23, с. 320-321].

На основании находок в кладе 1950 г. византийских монет чеканки около 615 г.; бухарской надписи, выполненной не позднее конца 6 – начала 7 в. на византийском сосуде середины 6 в.; находки в одной из могил пояса верх-саинского (харинского)

типа, сердоликовых иранских бус, произведенных до 642 г.; отсутствия в могилах сасанидских монет Хосрова II Бартымский I могильник может быть датирован, скорее всего, промежутком между 615-642 гг. или второй четвертью 7 в.

Что касается византийской серебряной цепи из Бартымского клада 1950 г., то она представляет собой далеко не единичное изделие такого рода в Прикамье. Подобная гривна-цепь найдена в погребении 13 Агафоновского I могильника (табл. 19–23) с инвентарем геральдического (агафоновского) типа. Она имела длину 32 см, ширину грани – около 1 см. Хорошо сохранилась застежка-крючок с шишечкой на конце и прямоугольной пластиной в основании, украшенной четырехлепестковой розеткой с кругом в середине и мелкой зернью по краям. Петля на другом конце утрачена, остался лишь круглый цилиндр – обойма, в которую был оправлен конец гривны. Подобные плетеные гривны из серебра известны и на других памятниках: в Ташкинском и Георгиевском кладах ломоватовской культуры, в Подчеремском кладе в Припечорье, Шестаковском кладе неволинской культуры, могильнике Такталачук в низовьях р. Белой [23, с. 133-136].

Аналогичные цепи из золота известны среди находок из собрания В.Г. Бока (хранится в Государственном Эрмитаже). Они датируются В.Н. Залесской 6 в. (24, №139, с. 102). Цепь из Ольвийского клада отнесена И.П. Засецкой ко второй половине 5 в. (25, табл. 4-4, с. 137), подобные находки из Сирии (?) датированы И.П. Засецкой концом 5 – первой четвертью 6 в. (там же, табл. 3-4, с. 137). Они происходят также из Керчи (26, рис. 11) и могильника 5 в. Покровск-Восход Саратовской области (там же, рис. 37-13, с. 113).

Две золотые цепи аналогичного плетения найдены в погребениях 1 и 2 могильника Морской Чулек в Придонье. По мнению И.П. Засецкой, могилы относятся ко второй половине или концу 5 – началу 6 в. [26, с. 28-33, 35-40]. В.Н. Залесская датирует цепь из погребения 2 Морского Чулека второй половиной 5 в. и считает ее продуктом константинопольских мастерских [24, с. 97].

Золотая цепь подобного плетения обнаружена также в комплексе раннего Средневековья из погребения возле местечка Михаэльсфельд (совр. с. Джигинское Краснодарского края) в северо-восточном Причерноморье. И.П. Засецкая датирует ее серединой – второй половиной 6 в. [25, ил. 3,4, с. 153]. В.Н. Залесская относит эту цепь к середине 6 в. и предполагает, что она была сделана в Константинополе [24, с. 97-98].

Золотые цепи сложного плетения были найдены дважды в районе г. Уфы. Важно, что эти цепи сопровождали несколько поясов с деталями геральдического облика (табл. 21–1-17, 19) [43, taf. 60]. В 1878 г. в окрестностях Уфы, около д. Новиковки, при добыче известняка было обнаружено разрушенное мужское захоронение (Новиковское погребение), в котором наряду с другими вещами была найдена золотая цепь (табл. 21–18) весом около 30 золотников (127,98 гр.) с серебряным наконечником и отломанным серебряным крючком, длиной 9,5 вершков (42,3 см) [40, с. 55, табл. VIII-10; 3, с. 162-163].

Одна из подобных цепей была найдена в 1959 г. в Уфе, на проспекте Октября, при земляных работах – повисла на зубцах экскаватора. Она также была сделана путем сложного витья из переплетения массивных спаянных колечек. На одном конце цепочки имелась четырехгранная коробочка со вставками в боковых гранях из рубиновых стеклышек и мелкой зернью по краям. К коробочке прикреплен длинный стержень, завершающийся пирамидкой из трех крупных шариков. На другом конце цепочки была, очевидно, петелька, но она не сохранилась. Цепочка вместе со стержнем имела длину 93 см, вес 308 г, пробу металла – 958 [3, с. 177, рис. 6].

Таким образом, все подобные гривны-цепи Приуралья имеют много общего. Они изготовлены из серебра или золота, выполнены в характерной манере – из оригинальной формы колец, при переплетении образующих четырехгранный

подвижный жгут, создающий впечатление «живой, движущейся змеи». Эти предметы отличаются особенными деталями застежки в виде длинного крючка – стержня с утолщением-«шишечкой» на конце, которое продевалось в круглую петлю (табл. 19–23). И крючок, и петля часто украшены прямоугольными пластинами с напаянными на них гнездами для вставок в виде 4-лепестковой розетки и окружностью в центре, обрамленной по краю пояском зерни. Иногда концы гривны вправлены в серебряные цилиндрики.

Уфимские золотые цепи И.П. Засецкая относит ко второй половине 6 – началу 7 в. [25, с. 151]. Очевидно, приуральские цепи подобного плетения из серебра также были сделаны в мастерских византийского круга на рубеже 6-7 вв. Поскольку эти изделия обладают целым рядом общих признаков, можно предположить, что они были изготовлены в одной мастерской и, скорее всего, поступили в Приуралье одновременно, в одной партии. Судя по материалам Бартымского клада 1950 г., это произошло между 615-642 гг., что согласуется с датировкой Новинковского погребения, предложенной И.О. Гавритухиным, – около середины 7 в. [11, с. 66].

Таким образом, первая группа погребений Неволинского могильника с геральдической гарнитурой укладывается в пределы вторая четверть 7, ближе к середине столетия, – конец 7 в. и представляет один из вариантов бартымской стадии неволинской культуры.

Хотелось бы еще раз пояснить свою позицию по поводу места агафоновских (бартымских – для неволинской культуры) древностей в системе хронологии Прикамья. Как и раньше, я считаю агафоновскими все варианты геральдических деталей наборных поясов в Прикамье, а не только те, что получены при раскопках собственно Агафоновского I могильника. Первые находки геральдических накладок на могильниках были сделаны лично мною в разведке 1962 г. на Агафоново I. Именно тогда они привлекли меня своей оригинальной формой и заставили посмотреть на наборные пояса Прикамья более внимательно в поисках возможностей их дифференциации. Они были датированы мной концом 6 – 7 в. В известной степени это произошло благодаря интуиции и знанию прикамских материалов. В тех условиях: минимум необходимой литературы (отсутствие Интернета, скудость провинциальных библиотек), недостаточное знание иностранных языков (такова была система образования), почти полная изоляция от зарубежного опыта и литературы (поездки на конференции разрешала только Москва) – мне все-таки удалось «нащупать» верные хронологические рубежи. Думаю, что пора отказаться от кавычек при употреблении термина агафоновские, он существует уже более 40 лет, и понимать под ним (хочу повториться) следует все, что имеет отношение к прикамской геральдике. При этом не надо плодить новые типы и группы, так как для неискушенного читателя это только запутывает картину. Более правильно было бы назвать это стадиями или периодами: Агафоново I, II, III и т.д. [13, рис. 90], либо горизонтами [11, с. 39-40].

Наши разногласия с А.К. Амброзом 30-летней давности по поводу агафоновского типа происходили, в известной степени, оттого, что он был знаком только с одним из многочисленных вариантов этого культурного пласта материалов Прикамья. Сейчас, прежде всего благодаря работам И.О. Гавритухина, мы хорошо знаем прикамские комплексы геральдики конца 6 – первой трети 7 в. (Бирск, погр. 165) [11, с. 59-60]; первой трети 7 в. (Варни, погр. 552) [10, с. 105-128]; первой половины 7 в. (Верх-Сая, кург. 15, погр. 3) [11, с. 60-61]; второй-третьей трети 7 в. (Петропавловское) [11, с. 63-64]; второй-третьей четверти 7 в. (Урья) (там же, с. 39); середины – второй половины 7 в. (Неволино, погр. 13) [там же, с. 63]; (Агафоново, погр. 47) [там же, с. 56]. Со временем количество геральдических комплексов увеличится, станет представительнее их состав, но вряд ли существенно изменится дата.

Не надо думать, как некоторые соавторы И.О. Гавритухина, что итоги дискуссии между А.К. Амброзом и Р.Д. Голдиной уже подведены [27, с. 88-89]. Стремясь найти компромисс между позициями Р.Д. Голдиной и А.К. Амброза, И.О. Гавритухин лишь поучаствовал в дискуссии, обозначив свое мнение и поддержав в возможной степени А.К. Амброза. Понимая геральдику в Прикамье как один из мощных пластов местной культуры конца 6 – 7 в. (а не только как пояса Агафоновского I могильника) благодаря работам И.О. Гавритухина, я могу сейчас наблюдать различные особенности геральдики Прикамья, которая по-прежнему укладывается, как я считала ранее, в пределы – конец 6 – 7 в. [17, с. 79-90].

Надо признать несостоятельной и идею А.К. Амброза о том, что агафоновские и неволинские пояса, возникнув одновременно, существовали параллельно в 8 в. [1, с. 288-298]. И.О. Гавритухин, анализируя множество различных категорий геральдики на огромной территории Евразии, неоднократно писал, что они датируются концом 6 – 7 в. [11, с. 39-40 и др.]. О 8 в. речь нигде не идет. Почему же Прикамье является исключением из общего правила? Таким образом, о параллельном развитии Агафоново и Неволино в течение 8 в. вряд ли следует думать всерьез. Очевидно, они сосуществовали какое-то короткое время на рубеже 7-8 вв.

Пора, наконец, оставить суждения о том, что неволинские пояса не имеют прототипов в агафоновских древностях [2, с. 88-89]. Многочисленные новые материалы как Прикамья, так и Приаралья и других областей показывают, что манера крепить к основному ремню дополнительные привески с накладками появилась уже на рубеже 6-7 вв. и развивалась во времени. Более того, сейчас выявлены изделия переходного типа [16, рис. 23-1], на которых сочетаются накладки как агафоновских (там же, рис. 23-4,5), так и неволинских образцов (там же, рис. 23-2,7). Оставалось лишь увеличить ширину лопастей привесок, и возник неволинский пояс.

Датировка комплексов третьей группы Неволинского могильника (II хронологическая стадия) особых споров не вызывала. Именно к этой группе относится основная масса могил, раскопанных А.В. Шмидтом и О.Н. Бадером, которые В.Б. Ковалевская датировала последней четвертью 7 – третьей четвертью 8 в., Ю.А. Краснов – 8 в. [30, с.280-287], А.К. Амброс – концом 7 – первой половиной 8 в. (1, с. 288-298), Р.Д. Голдина – последней четвертью 7 – 8 в. [17, с. 82-83].

Исследователями давно был отмечен факт неоднородности неволинских поясов этой группы, который связан с гендером анализируемой популяции. Классические неволинские пояса – это атрибут женских могил, одновременные им восточные (тюркские, катандинские, согдийские) – мужских.

Интересно, что на обоих вариантах поясов встречались накладки катандинско-пенджикентских типов: прямоугольные (например, табл. 5–67), серповидные (табл. 3–46), полуовальные с прорезью в нижней части (табл. 3–45; 4–60), в виде головы барана (табл. 5–68) и др. Различаются неволинские и восточные пояса Прикамья лишь большей шириной привесок с множеством накладок (неволинские) и отсутствием низок с пронизками и подвесками (восточные). Присутствие одинаковых типов накладок на поясах обоих вариантов не позволяет их разрывать по времени бытования.

Отвлекаясь от этнической оценки или места находок, правильнее называть катандинско-пенджикентский тип восточным, потому что, по данным Ч. Балинта (2000, taf. 2,2, s. 145), это китайский пояс династии Тан (618-906 гг.), и появление его в западных и северо-западных областях (горный Алтай, Западная Сибирь, Средняя и Передняя Азия, Прикамье и др.) – следствие распространения китайского влияния на Запад. В начале 7 в. при воцарившейся в Китае династии Тан весьма оживились отношения между Китаем и Согдом. Из среднеазиатских городов – Бухары, Самарканда, Иштихана, Кушании, Кеша и других – в Китай направлялись посольства. Начиная с 656

г. в Согде становится ведущим тип государственной монеты китайского, танского образца и остается таковым до третьей четверти 8 в., когда его сменил арабский чекан [39, с. 41-42]. В условиях постоянных контактов с танским Китаем появление в Согде, в том числе Пенджикенте, поясов китайского происхождения с накладками геометрических форм вполне объяснимо.

Особую важность для определения времени появления деталей поясов катандинского типа имеют их находки в Пенджикенте (табл. 22). Не надо приводить особых аргументов в пользу их идентичности с прикамскими, достаточно указать на несколько вариантов пряжек, например: табл. 4-51,55 (Неволино) и табл. 22-23-26 (Пенджикент); накладок, например: табл. 4-60,62; 5-67,68 и др. (Неволино) и табл. 22-3,4-10 (Пенджикент); наконечников ремней – табл. 4-52,58 (Неволино) и табл. 22-11,12,14 (Пенджикент) и др. По данным В.И. Распоповой, эти детали поясов обнаружены в сооружениях Пенджикента конца 7 – первой четверти 8 в., рубежа 7-8 вв., середины 8 в. и третьей четверти 8 в. [37, с. 7]. 70-е гг. 8 в. – конец жизни города в результате завоевания арабов. Объекты города – жилища, мастерские – хорошо датированы сотнями медных монет местных правителей, которые использовались в повседневной торговле. Особенно часто встречались монеты пенджикентского правителя Бидийана, отчеканенные, по разным источникам, в конце 7 – первых гг. 8 в. или 691-720? гг. [41, с. 16, вариант 1, и с. 17, вариант 2], а также самаркандских (согдийских) правителей Тархуна (700?-710 гг.) и Уграка (Гурака, 710-738 гг.) (там же, табл. XXI). Не надо удивляться сравнительно небольшому числу деталей поясной гарнитуры в сооружениях Пенджикента. Ведь это не некрополь, а поселенческий ансамбль, где археологи имеют дело с испорченными, выброшенными, случайно потерянными вещами или специально запрятанными (клад пряжек).

Как считает В.И. Распопова, пояса катандинского типа были распространены в Пенджикенте со второй половины 7 до 70-х гг. 8 в. (там же, с. 81). С учетом того, что в Средней Азии они появились как минимум на рубеже 7-8 вв., а может быть, и раньше (по В.И. Распоповой), вероятно, в это же время они стали известны и в Прикамье [15, с. 82-83]. При систематичности контактов населения Согды и близлежащих областей с Прикамьем в 7 в. (монеты, сосуды, серебряные цепи) вряд ли это потребовало нескольких десятилетий, скорее всего, нескольких лет. Видимо, пояса восточного (катандинского) типа появились в Прикамье не позже рубежа 7-8 вв. (а может быть, и раньше) и использовались населением, оставившим Неволинский могильник, до начала 9 в. (например: табл. 5-72, 73, 76, 78), а другие памятники Верхнего Прикамья – значительно дольше – до 12 в.

Материалам этой стадии территориально и хронологически близки древности Самарского Поволжья, связываемые их исследователями А.В. Богачевым, Р.С. Багаутдиновым и С.Э. Зубовым с праболгарами [5]. Большинство этих объектов сосредоточено в пределах Самарской Луки. Их хронологией долгое время успешно занимается А.В. Богачев [4, 5]. Им был выделен самостоятельный брусянский этап и убедительно обоснована его датировка – рубеж 7-8 – конец 8 в. [5, с. 150-166]. Из древностей этого этапа с неволинской стадией 8 в. сопоставимы оригинальные наконечники ремней разных вариантов, орнаментированные пальметтой, которые найдены на могильнике Новинки II в кургане 8/5 и 14/3 [5, рис. 15-4, 5]. Аналогичны некоторые типы накладок: серповидные из Новинок II кургана 13/2 (там же, рис. 16-23), полуовальные со спиральным орнаментом из кургана 14/5 Брусян II (там же, рис. 15-6). Представлены в Среднем Поволжье также накладки типов, бытовавших в Неволино в 8 – начале 9 в. (группа 4, переходная от 8 к 9 в.): калачевидные с разомкнутыми концами происходят из кургана 8/5 Новинок II; кургана 22/4 Брусян II (там же, рис. 15-1, 4); прямоугольные с прорезями найдены в курганах 8/6 и 13/2 Новинок II (там же, рис. 15-3; 16-10), а мелкие в виде головы барана из кургана 34/2

Брусян II (там же, рис. 16-14). Думаю, что близость памятников Самарского Поволжья и стадии II Невוליно не случайна и гипотеза самарских коллег о принадлежности самарских объектов праболгарам заслуживает пристального внимания.

Для дальнейшей работы над хронологией Приуралья важны идеи А.В. Комара по абсолютному датированию материалов 8 в. (1999, 2006, 2010 и др.). Им выделены горизонты Шиловки (698-725 гг.), последующий – Галиат – Геленовки (725-740 гг.). Раннесалтовский (горизонт Столбище – Старокорсунская) состоит из двух фаз, которые продатированы им: фаза 1 – 740-751 гг., фаза 2 – 745-770 гг.; среднесалтовский: горизонт I/II (780-800 гг.), горизонт II (790-830 гг.) [Комар А.В., 1999, с. 132; 2010, рис. 6]. Материалы Неволинского могильника из раскопок А.В. Шмидта и О.Н. Бадера (погр. 43, 48, 77) отнесены им к фазе 2 раннесалтовского горизонта – 745-770 гг. [29, с. 125-129]. Другое же погребение №191 с поясом восточного облика датировано А.В. Комаром 20-30 гг. 8 в. и вошло в его корреляционную таблицу в составе группы 1b [33, рис. 5-11]. Пояса основной стадии Неволинского могильника датированы этим ученым 20-30 и 40-70 гг. 8 в.

Таким образом, хронологическая стадия II Невוליно датируется рубежом 7-8 вв. и 70-80 гг. 8 в. Разумеется, со временем могут быть выделены и комплексы более узкого временного диапазона.

Что касается последней заключительной фазы использования Неволинского могильника (стадия III), то она, по-видимому, была непродолжительной. Ее материалы скудны, но весьма выразительны. Оснований для абсолютной даты немного. Некоторые изделия продолжают линию развития катандинско-пенджикентского круга (табл. 5-73,76,78), но имеется несколько типов, известных в материалах ранней стадии салтово-маяцкой культуры, датированной С.А. Плетневой второй половиной 8 – началом 9 в. [35, рис. 37-16,26,38,39; 34, рис. 85-87-2, 85-21-1]: прямоугольные накладки с выступами и вырезом в основании (табл. 5-80), накладки с изображением личины (табл. 5-81), а также коньковые (табл. 5-75). По наблюдениям А.В. Комара, подобные накладки в салтово-маяцком комплексе распространены начиная с 790 г. (фаза II) [29, табл. 4].

Важным представляется еще одно обстоятельство. На памятниках неволинской культуры очень мало арабских дирхемов. На Неволинском могильнике в погребении 155 найдена арабо-сасанидская монета по типу Хосрова II, в могильнике Сухой Лог – дирхем Аббасидов чекана 777-778 гг., а на Бартымском I селище – дирхем Омейядов чекана 705 г. н.э. [47, р. 111-125]. С учетом, что на прикамских могильниках куфических монет известно довольно много (Мыдлань-шай – 19 экз. из 88 могил), финал неволинской культуры, как и могильника, приходится на время, когда арабские монеты в Прикамье только стали появляться.

Заметим, что могил этой стадии на НевOLIно очень мало. Очевидно, стадия III длилась в рамках четвертой четверти 8 и первой четверти 9 в., а может быть, была и короче. Таким образом, Неволинский могильник использовался со второй четверти 7 по первую четверть 9 в.

Для выяснения времени использования могильника определенное значение имеют монеты. За все время исследования на памятнике найдено 24 монеты в 18 погребениях. В 1926-27 гг. обнаружено 9 монет в 7 могилах, в 1950 г. – 4 монеты в 4 могилах, в 1979 г. – 4 монеты в 3 могилах и в 1981 г. – 7 монет в 4 могилах.

Находки монет 1926-1927 гг.

1. Погребение 4. Сасанидская монета, Кавад I (499-531 гг.).
2. Погребение 12. Сасанидская монета, Хосров I (531-597 гг.), первое пятилетие правления.

3. Погребение 13. Сасанидская монета, Хосров II (590-628 гг.); или Ездигерд III (632-633 гг.).

4. Погребение 34. Сасанидская монета, Хосров II, 33 год правления = 623 г.

5. Погребение 41. Сасанидская монета, Шапур I (241-272 гг.).

6. Погребение 53. 2 сасанидские монеты. Первая – второе правление Кавада I (499-531 гг.), после 39 года вступления на престол, начало правления 488 г., = 527 (?); вторая монета – Хосров II (590-628 гг.), последние годы правления.

7. Погребение 54. 2 монеты. Первая – грузинско-сасанидское подражание монете Ормузда IV (579-590 гг.); вторая монета – Хосров II, последний год правления = 628 г.

Находки монет 1950 г.

8. Погребение 65. Сасанидская монета, Хосров II (590-628 гг.).

9. Погребение 79. Монета не определима.

10. Погребение 81. Сасанидская монета, Хосров II (590-628 гг.).

11. Погребение 82. Монета не определима.

Находки монет 1979 г.

12. Погребение 155. 2 монеты. Сасанидская монета, Хосров II, 29 год правления = 619 г.; вес 3,69 г, диаметр 34 мм, пробита, след ушка. Арабо-сасанидская монета по типу Хосрова II, Бишапур: вес 2,81 г, диаметр 28,5 мм, пробита, след ушка.

13. Погребение 170. Сасанидская монета, Хосров I, 18 год правления = 549 г., Йезд...; вес 1,91 г, диаметр 25 мм, обломана.

14. Погребение 177. Эфталитское подражание драхме Пероза (крылатая корона); биллон, вес 1,86 г, диаметр 26 мм, пробита.

Находки монет 1981 г.

15. Погребение 213. 2 сасанидских монеты. Первая монета по типу Хосрова I, вес 2,31 г, диаметр 26 мм, пробита. Вторая монета, Хосров I, 42 год правления = 573 г., Сакастан; вес 2,72 г, диаметр 26 мм, сломана пополам.

16. Погребение 223. 2 сасанидских монеты. Первая – Хосров I, 24 год правления = 555 г., Рам-Хормизд; вес 3,13 г, диаметр 27 мм. Вторая монета, Пероз (457/59-488 гг.), ранний выпуск, Мешан; вес 3,04 г, диаметр 25 мм.

17. Погребение 230. 2 монеты. Сасанидская монета, Хосров I (531-579 гг.), Бишапур; вес 1,82 г, диаметр 28 мм. Хорезмийская монета, царь Каник (первая половина 8 в.); биллон, вес 2,3 г, диаметр 23 мм.

18. Погребение 239. Хорезмийская монета, не определима; медь, вес 2,09 г, диаметр 20 мм, пробита.

В двух случаях (погребения 79 и 82) монеты не определимы. Среди остальных – две хорезмийских (погр. 230, 239), 17 сасанидских (погр. 4, 12, 13, 34, 41, 53 – 2 экз., 54, 65, 81, 155, 170, 213 – 2 экз., 223 – 2 экз., 230) и 3 подражания им: эфталитское подражание драхме Пероза (погр. 177), грузино-сасанидское подражание монете Ормузда IV (погр. 54) и арабо-сасанидская монета по типу Хосрова II (погр. 155).

В соответствии с хронологией монеты распределяются следующим образом:

Каник (первая половина 8 в.) – погр. 230;

Хосров II (590-628 гг.) – погр. 13, 34, 53, 54, 65, 81, 155 – 2 экз.;

Ормузд IV (579-590 гг.) – погр. 54;

Хосров I (531-579 гг.) – погр. 12, 170, 213 – 2 экз., 223, 230;

Кавад I (499-531 гг.) – погр. 4, 53;

Пероз (457-488 гг.) – погр. 177, 223;

Шапур I (241-272 гг.) – погр. 41.

Наиболее многочисленны монеты Хосрова I – 6 экземпляров и Хосрова II – 7 экземпляров и I подражание этим монетам. Судя по тому, что ранние монеты на могильнике встречаются вместе с более поздними (например, монета Кавада I чеканки 527 г. найдена в могиле 53 вместе с монетой последних лет правления Хосрова II 590-628 гг., а монета, отчеканенная в ранние годы правления Пероза – 457-488 гг., обнаружена в могиле 223 вместе с монетой Хосрова I, отчеканенной в 555 г.), они не могут использоваться для определения времени существования могильника. Для Неволинского могильника монеты Шапура I, Пероза, Кавада I не могут быть приняты как датирующий материал. Подобное явление отмечено и для других могильников Верхнего Прикамья.

Сопоставление монетного материала и сопровождающего инвентаря показывает, что в могилах первой, наиболее ранней группы, содержащих пояса геральдического, агафоновского типа, встречаются монеты Пероза (погр. 177), Кавада I (погр. 4) и Хосрова I (погр. 170, 177, 213, 223, 230). Датированными для этих могил, вероятно, могут быть только наиболее поздние – Хосрова I.

Следует отметить, что могила 13, содержащая смешанный инвентарь – ранней (I) и средней (II) группы, а также монету Хосрова II, должна быть отнесена к дискуссионным. Скорее всего, это могила относится к среднему периоду, но содержит ранний инвентарь, по-видимому, в качестве анахронизма. Интерес представляет также могила 230, где вместе с инвентарем ранней первой группы обнаружены 2 монеты – одна Хосрова I, а вторая – хорезмийская монета первой половины 8 в. Возможны два варианта объяснения этого факта. Либо монета попала в эту могилу из вышележащей могилы 209, либо вещи этой могилы использовались очень длительное время, в том числе в средний период функционирования памятника.

Монеты Хосрова I, найденные на Неволинском могильнике, были чеканены в разные годы его правления от начальных лет и до конца: 531-536 гг. (погр. 12), 549 г. (погр. 170), 555 г. (погр. 223), 573 г. (погр. 213), что может свидетельствовать о систематическом притоке монет этого правителя в Верхнее Прикамье.

Связь инвентаря агафоновского типа с накладками геральдических форм и монет Хосрова I отмечена и для могильников ломоватовской культуры Верхнего Прикамья [17, с. 81, 83, 90]. В частности, на Агафоновском I могильнике в могилах с инвентарем геральдических типов найдены монеты Хосрова I: в могиле 45 монета чекана 551 г., в могиле 65 – чекана 557 г., в могиле 81 – монета чекана 570 г. Монета Хосрова I найдена также с инвентарем агафоновского типа в могиле 25 Веслянского I могильника в республике Коми [38, с. 93-95].

В могилах с инвентарем средней (II) стадии найдены монеты Кавада I (погр. 53), подражание монете Ормузда IV (погр. 54) и монеты Хосрова II (погр. 34, 53, 54, 65, 81, 155). Поскольку в могилах 54 и 53 в качестве позднейших присутствовали монеты Хосрова II, очевидно, за ними и остается датирующая функция. Следует обратить внимание на то, что монеты Хосрова II, найденные на Неволинском могильнике, у которых определен год чеканки, были изготовлены в последние годы его правления: 619 г. (погр. 155), 623 г. (погр. 34), 628 (погр. 54). С инвентарем, подобным средней (II) стадии Неволинского могильника, на другом могильнике неволинской культуры – Верх-Саинском, расположенном в 50 км севернее с. Неволينو, также найдены монеты Хосрова II: в могиле 38 – монета чекана 619 г., в могиле 92 – чекана 613 г. Кроме того, в захоронении 53 Верх-Саинского могильника обнаружена хорезмийская монета Савшафарна середины 8 в.

Монеты Хосрова II найдены также в захоронениях с предметами, характерными для средней (II) стадии Неволинского могильника, и на территории ломоватовской

культуры Верхнего Прикамья. Это погребения 8, 63, 64 Деменковского [14, с. 120], Носковского [42, с. 81], Плесинского [34, с. 204] могильников. Как связаны прикамская геральдика и монеты Хосрова I, а также могилы классического Неволино (стадия II эпонимного могильника) и монеты Хосрова II – еще предстоит разгадать. Как известно, в Средней Азии в раннем средневековье в качестве денег почти во всех областях (кроме Хорезма) использовались серебряные сасанидские драхмы разных правителей или подражания им, отчеканенные в интервале до 150 лет. Фактически сасанидская драхма долгое время была основной международной валютой от границ Китая до Европы. Она чеканилась из серебра высокого качества и была полновесной в отличие от европейских монет. Именно это обстоятельство – широкое одновременное хождение сасанидских драхм чекана разных правителей и разных лет, по-видимому, и определило «запаздывание» сасанидских монет на Урале. Надеюсь, что эти материалы послужат дальнейшей успешной разработке хронологии приуральских древностей эпохи Средневековья.

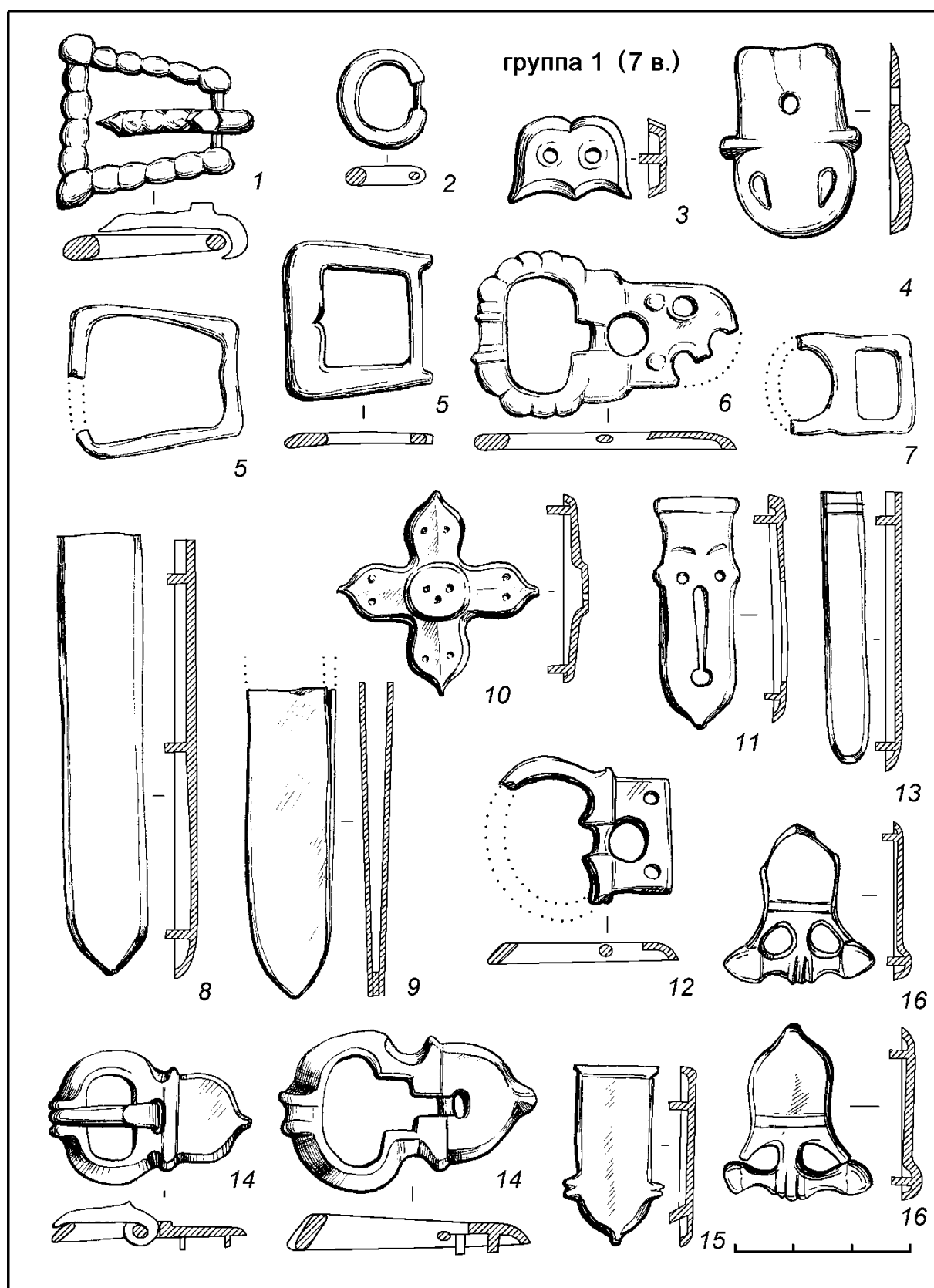

Табл. 1. Неволинский могильник. Предметы, составляющие группу 1 (7 в.)

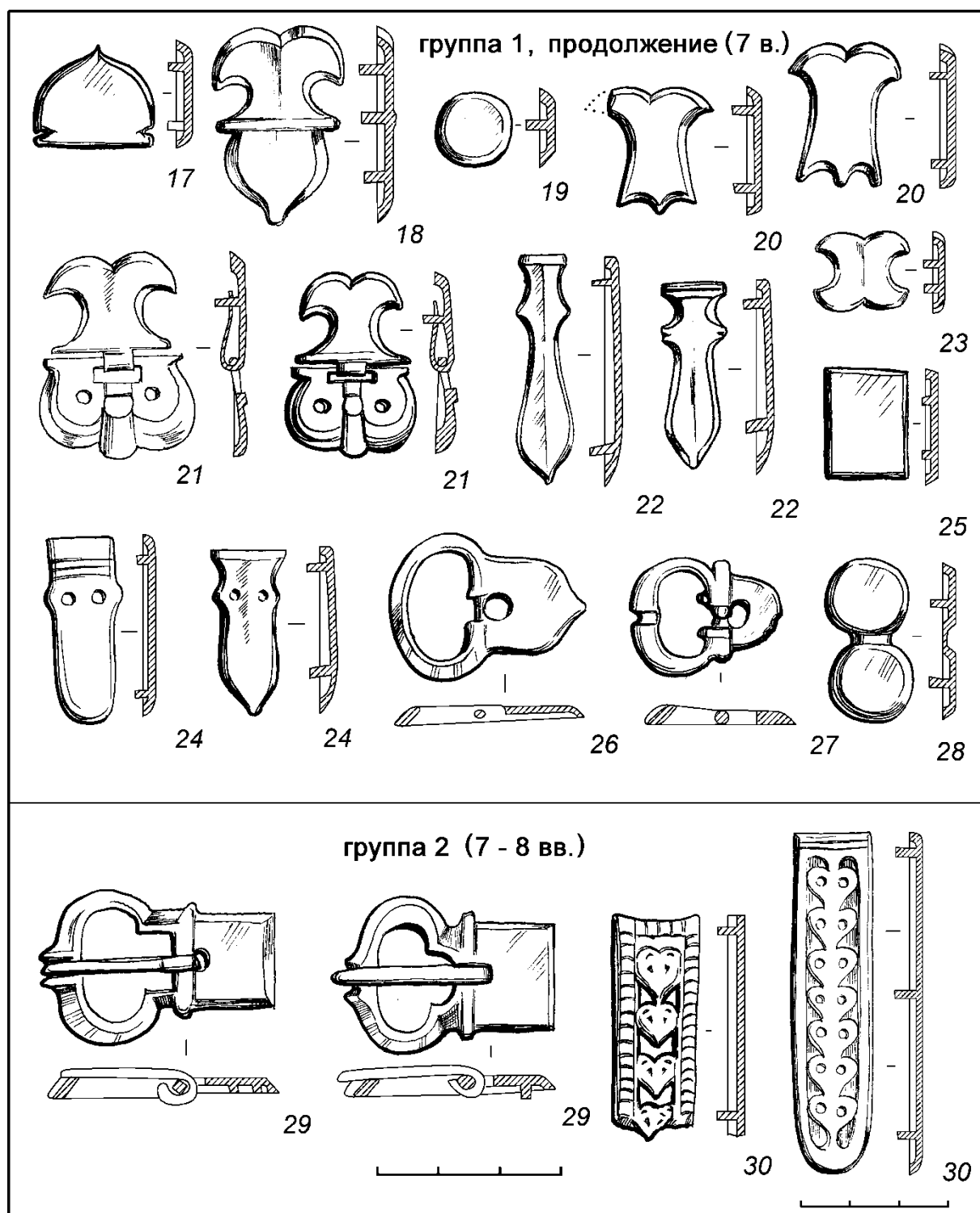

Табл. 2. Неволинский могильник. Предметы, составляющие группу 1
(7 в., продолжение) и группу 2 (7-8 вв.)

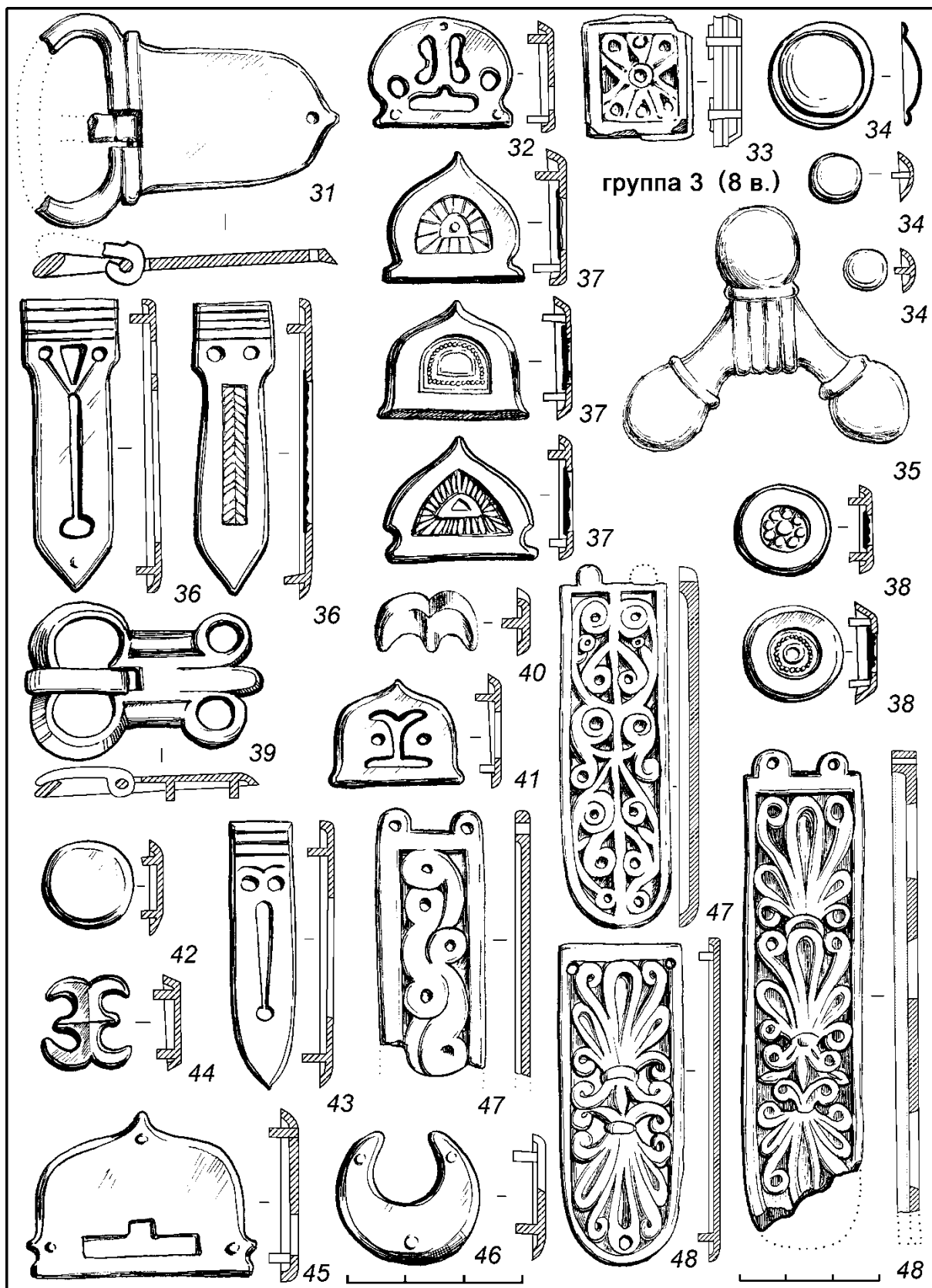

Табл. 3. Неволинский могильник. Предметы, составляющие группу 3 (8 в.)

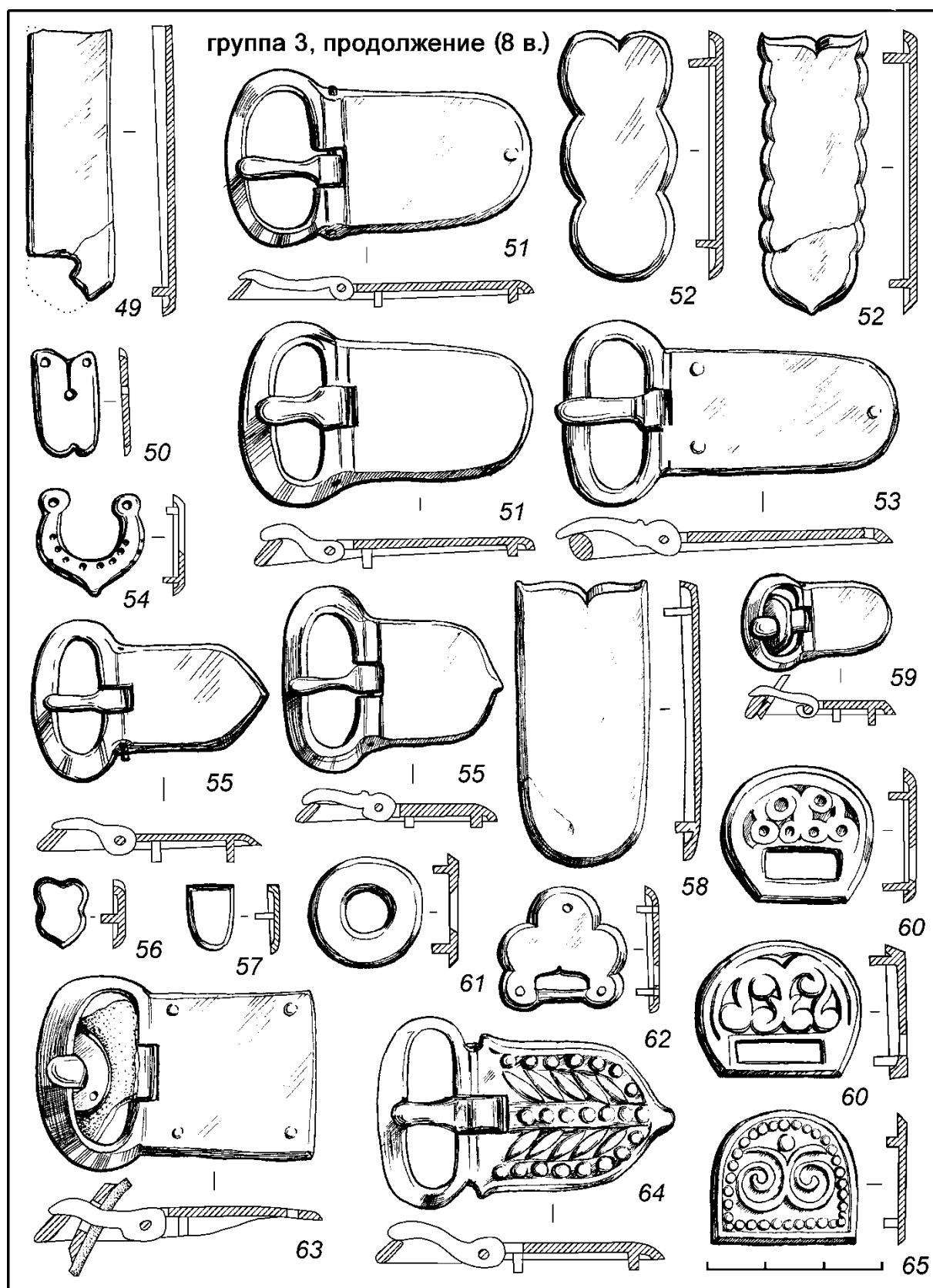

Табл. 4. Неволинский могильник. Предметы, составляющие группу 3
(8 в., продолжение)

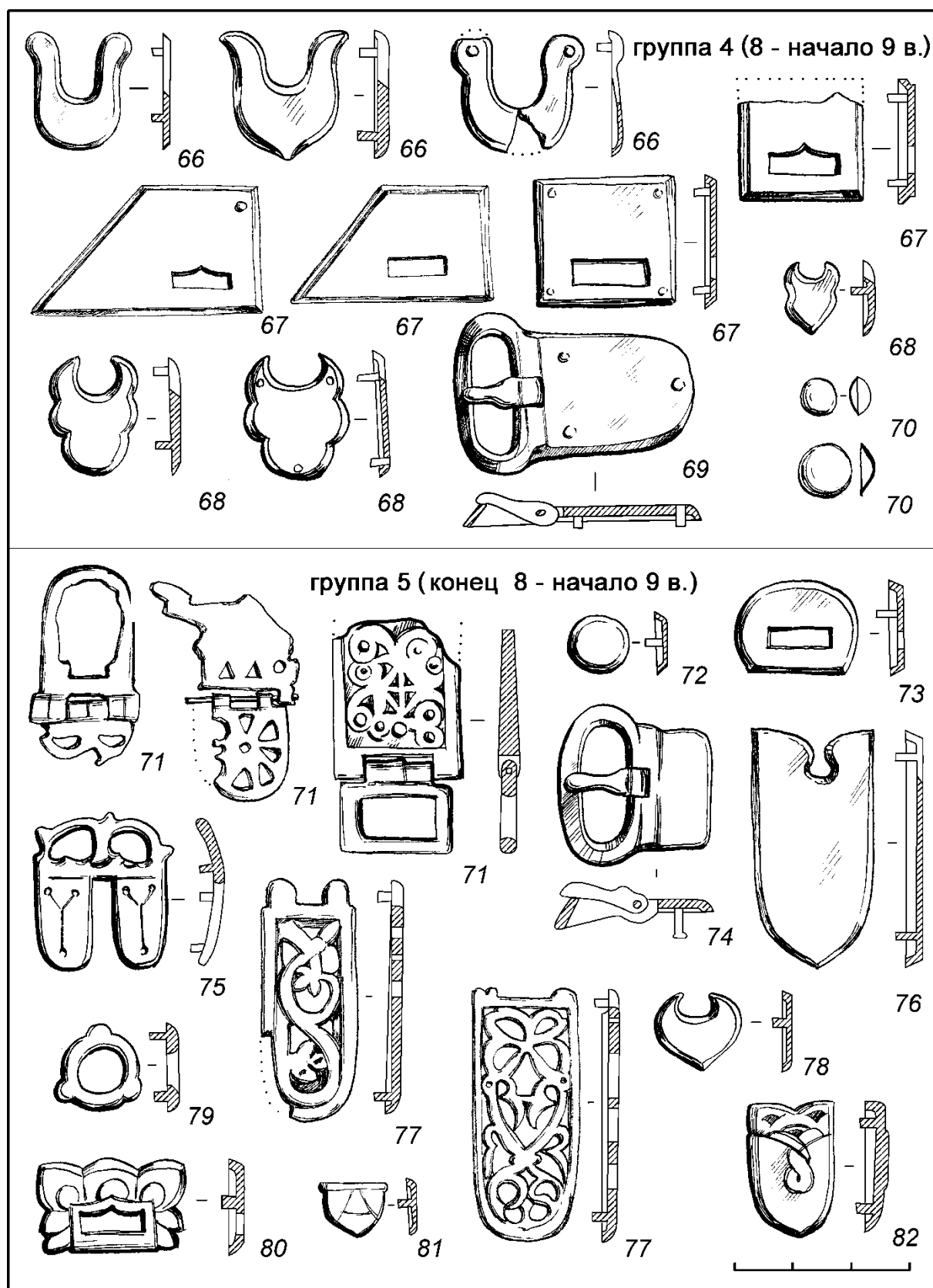

Табл. 5. Неволинский могильник. Предметы, составляющие группу 4 (8 - начало 9 в.) и группу 5 (конец 8 - начало 9 в.)

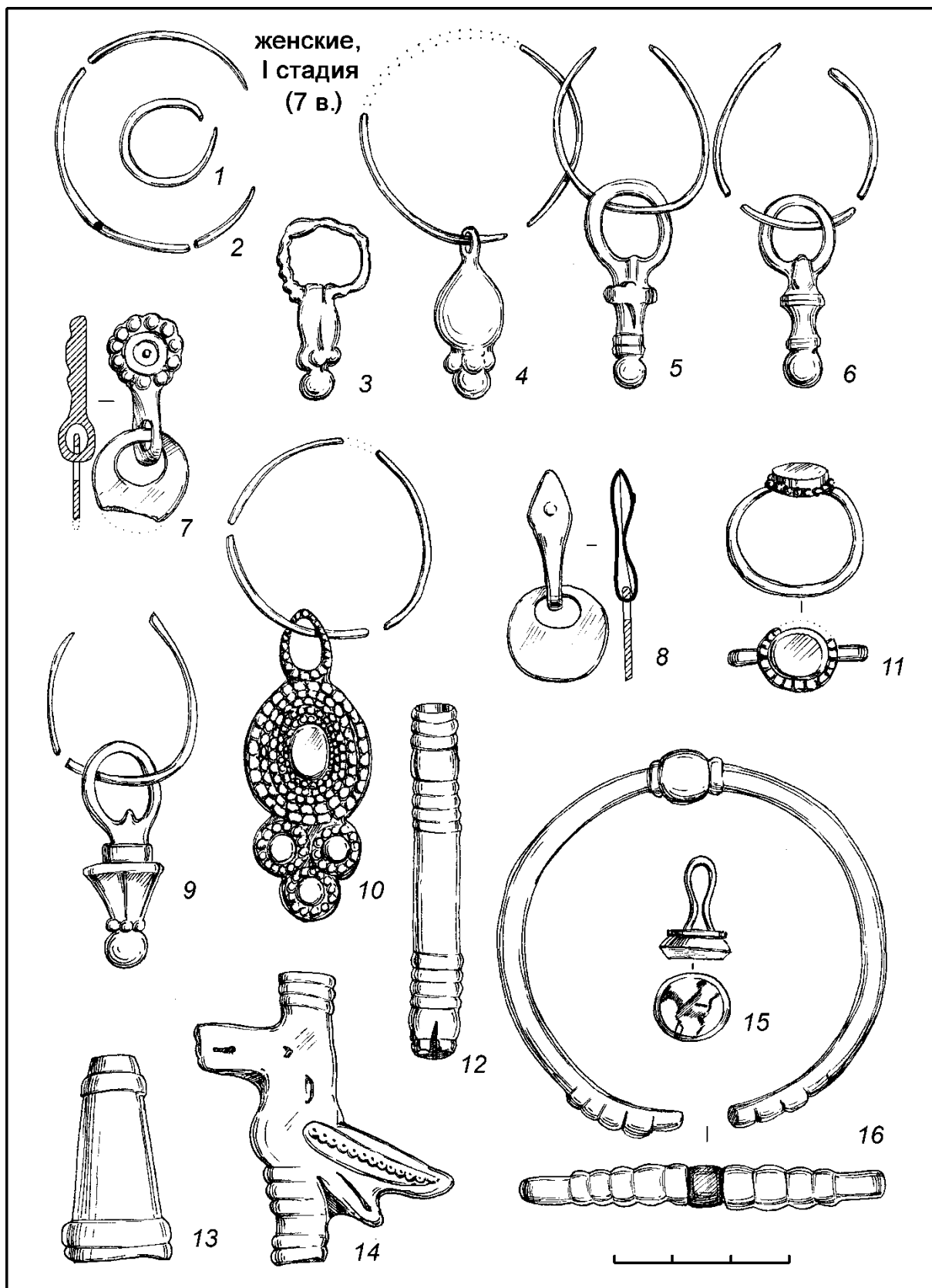

Табл. 6. Неволинский могильник. Предметы из женских могил 7 в. (I стадия)

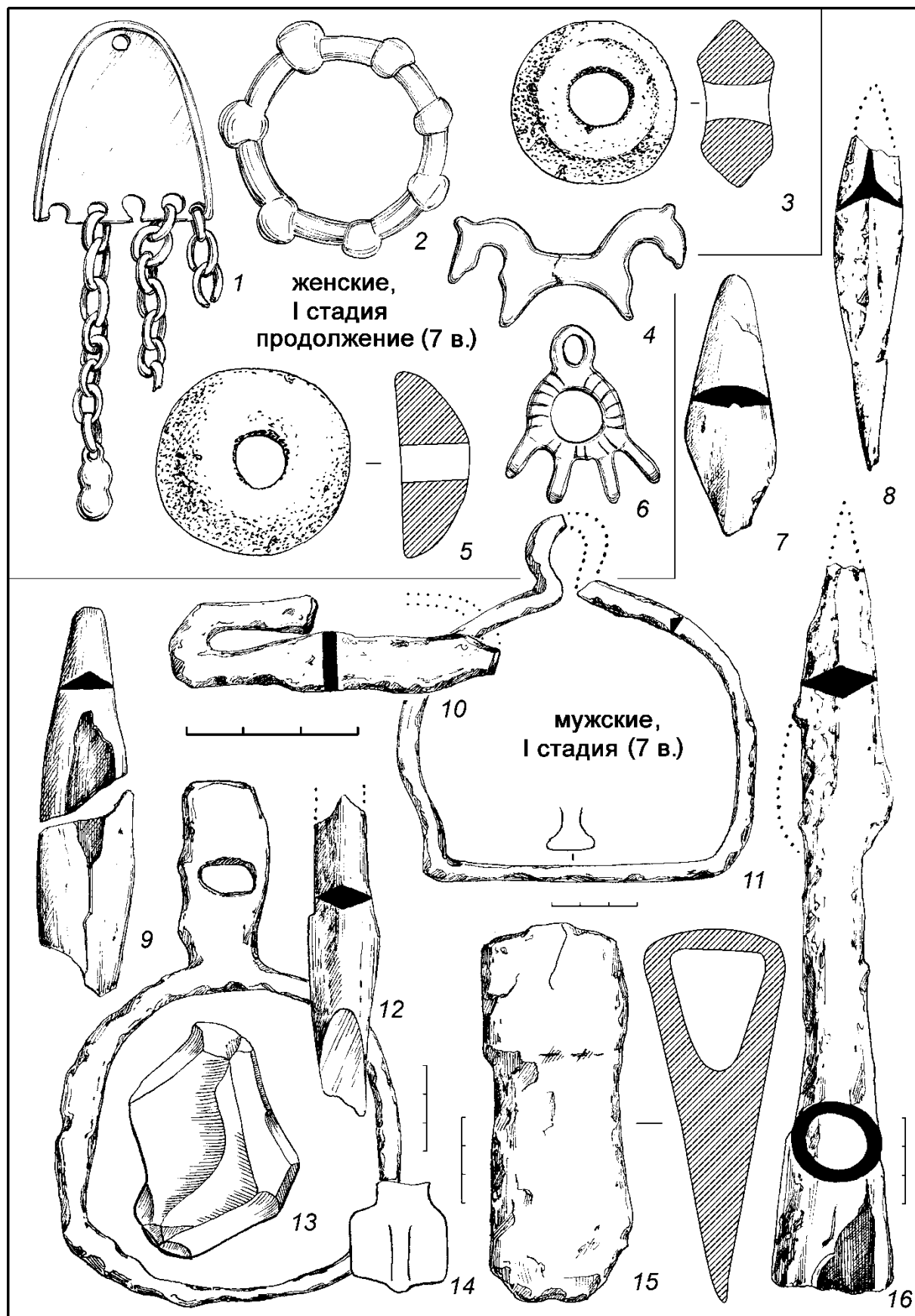

Табл. 7. Неволинский могильник. Предметы из женских могил 7 в. (I стадия, продолжение), а также из мужских могил 7 в. (I стадия)

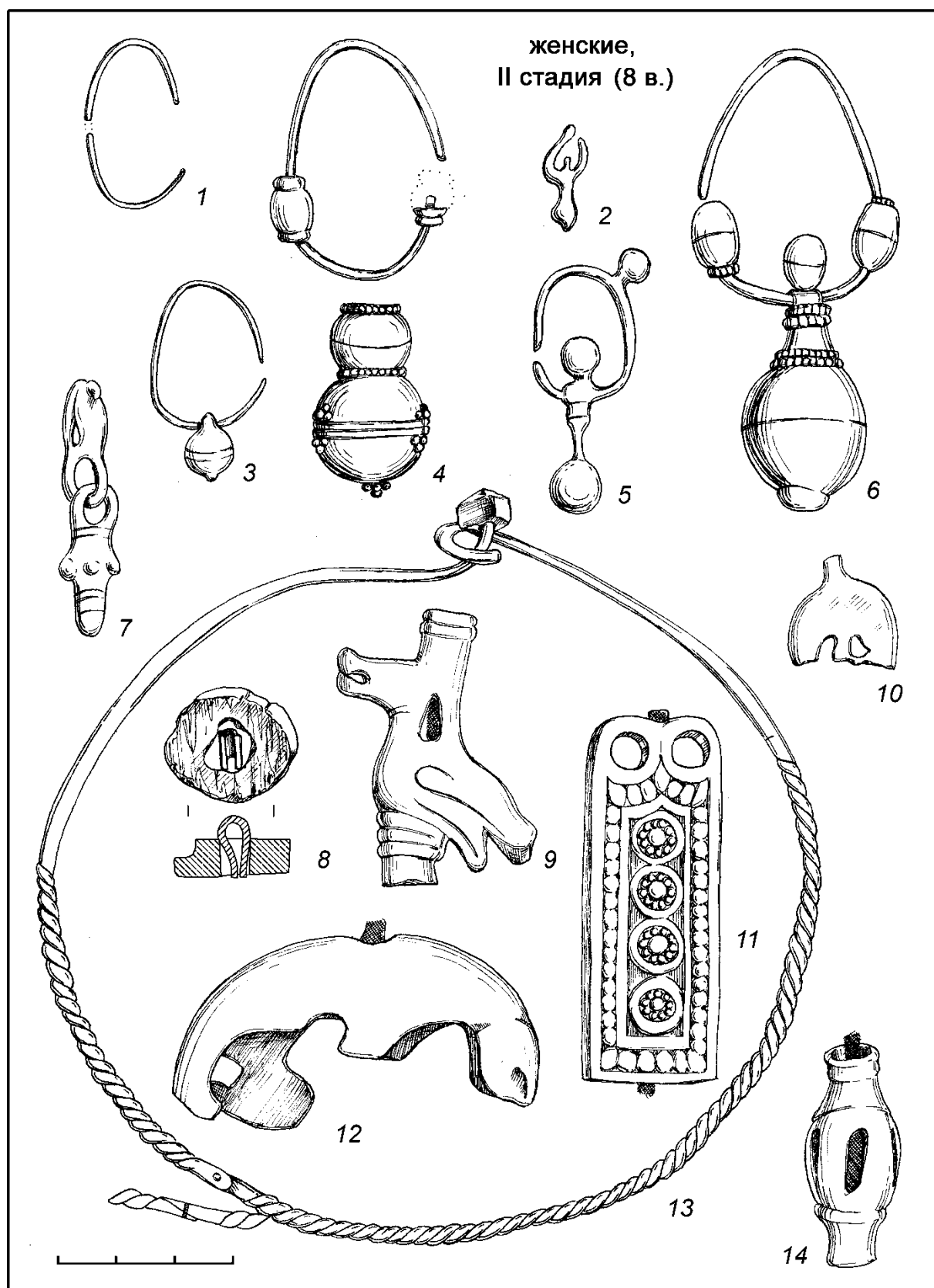

Табл. 8. Неволинский могильник. Предметы из женских могил 8 в. (II стадия)

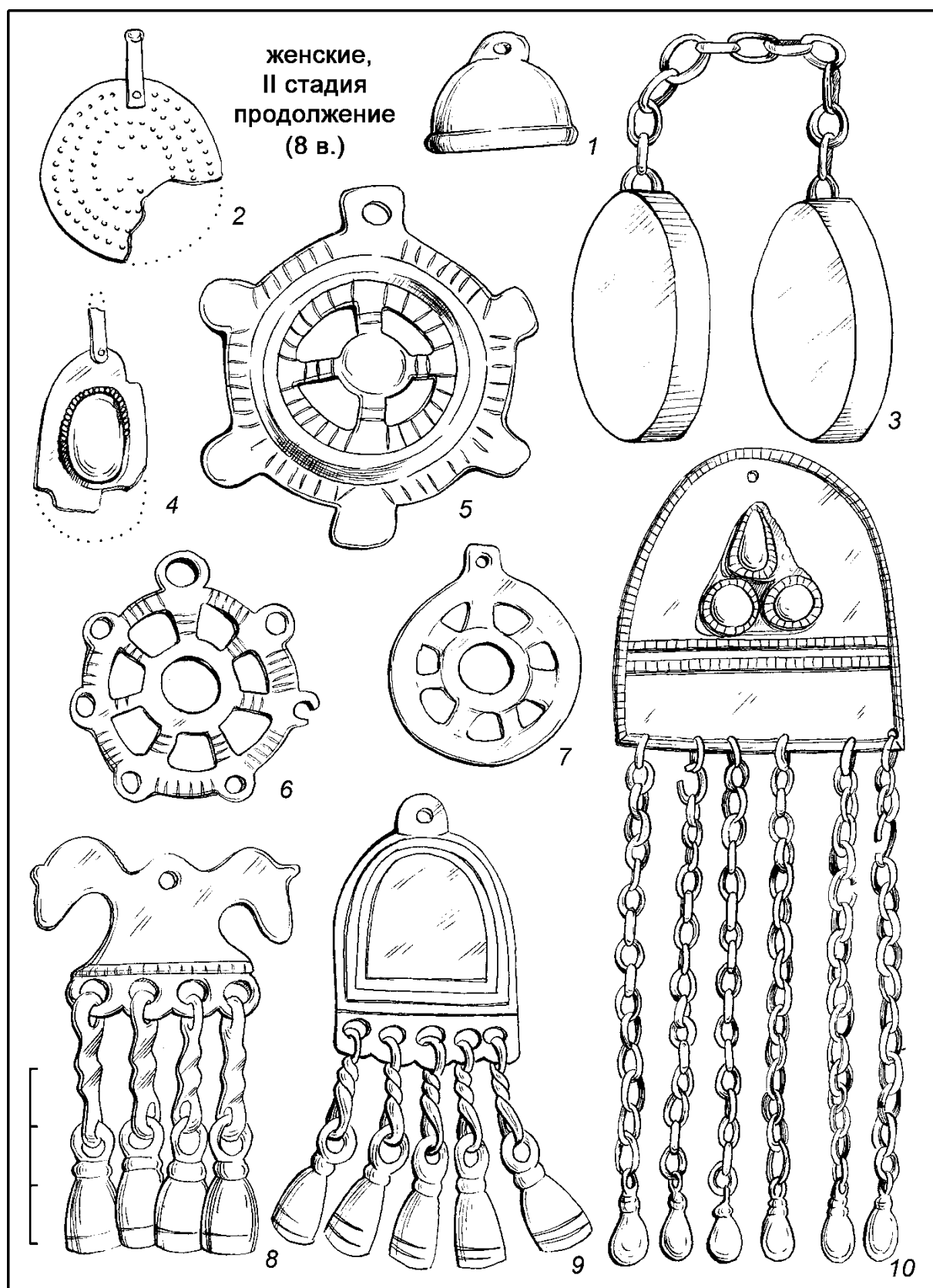

Табл. 9. Неволинский могильник. Предметы из женских могил 8 в. (II стадия, продолжение)

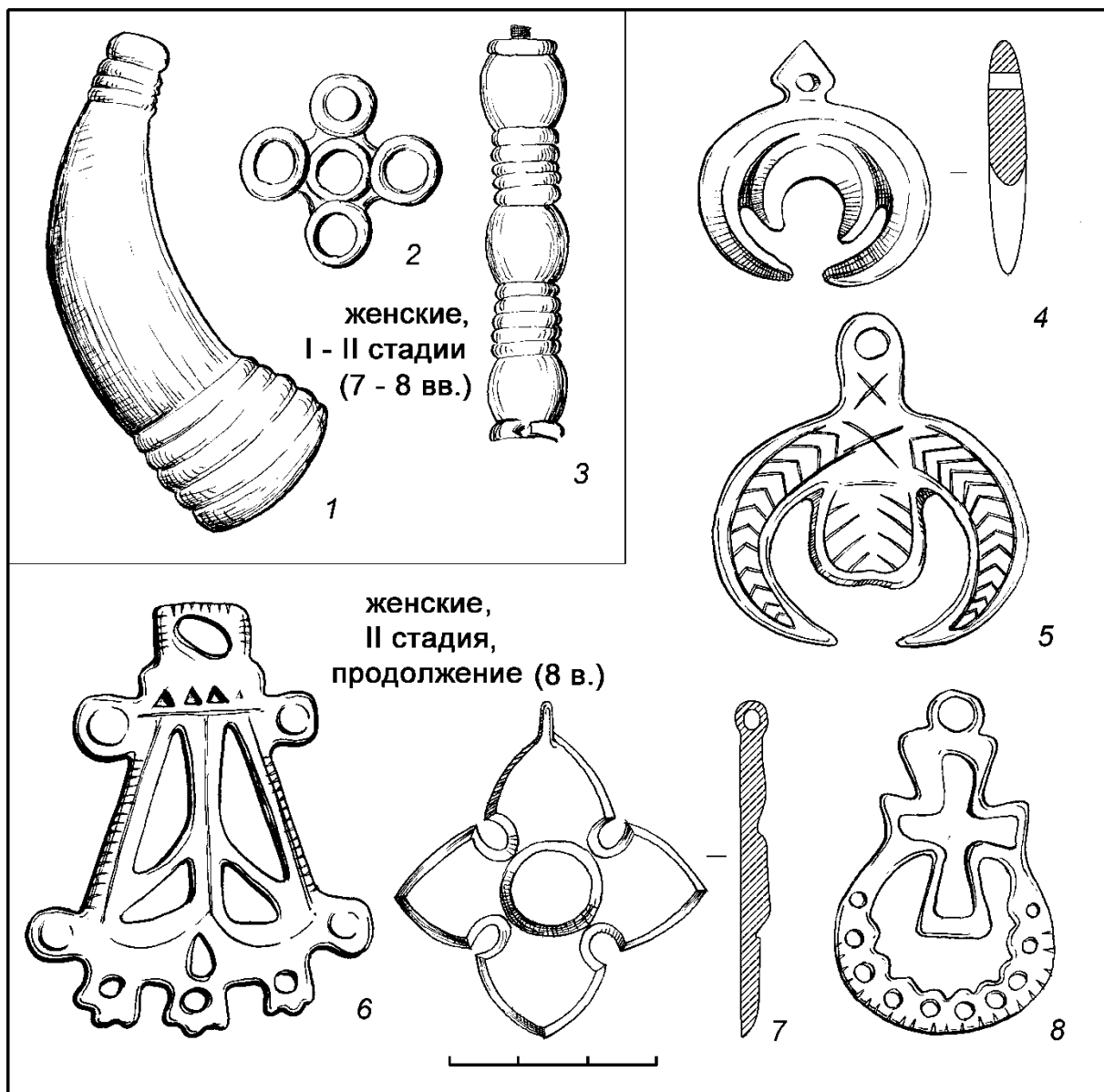

Табл. 10. Невольинский могильник. Предметы из женских могил 7-8 вв. (I-II стадии), а также из женских могил 8 в. (II стадия, продолжение)

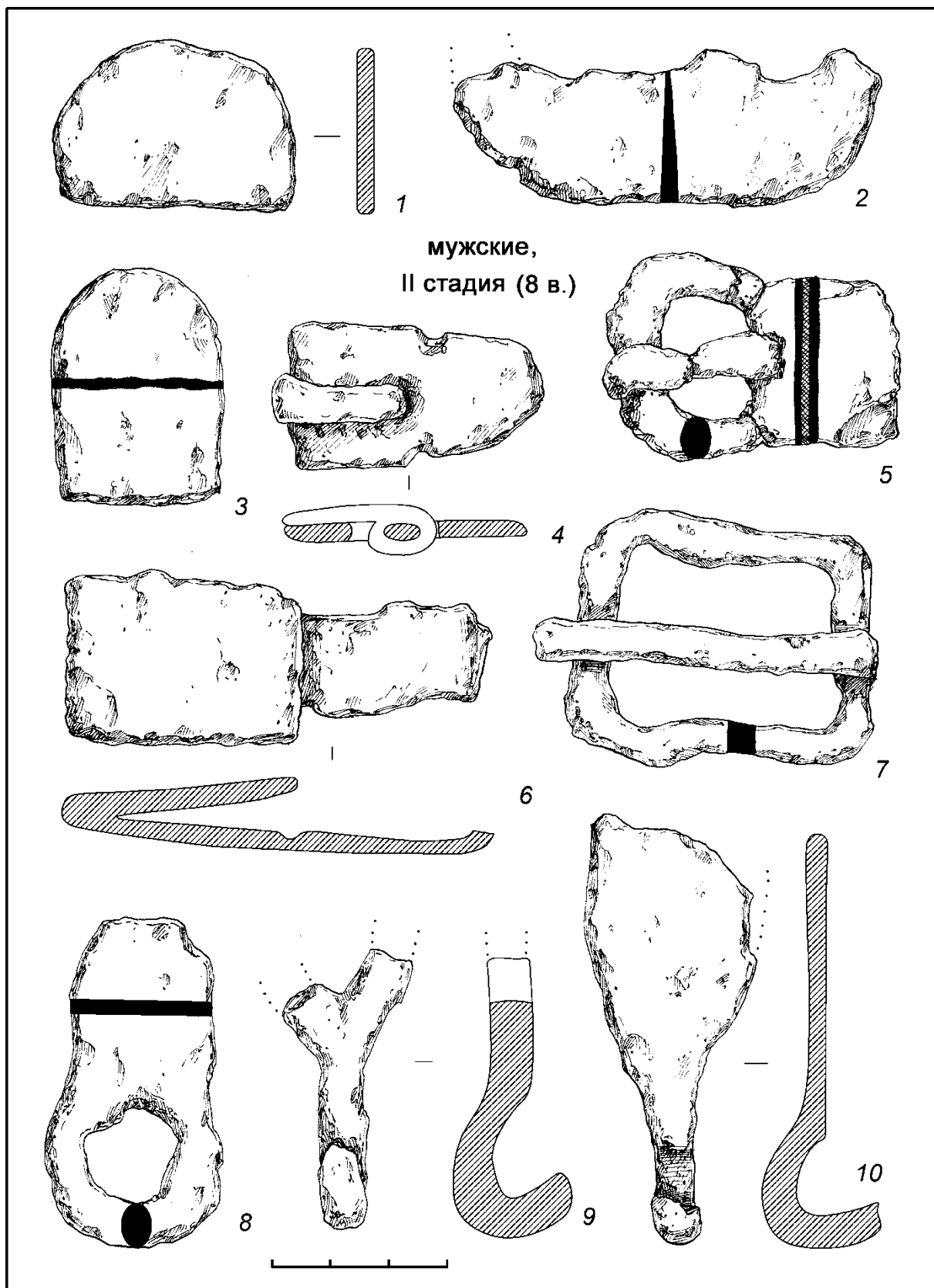

Табл. 11. Неволинский могильник. Предметы из мужских могил 8 в. (II стадия)

мужские,
II стадия,
продолжение (8 в.)

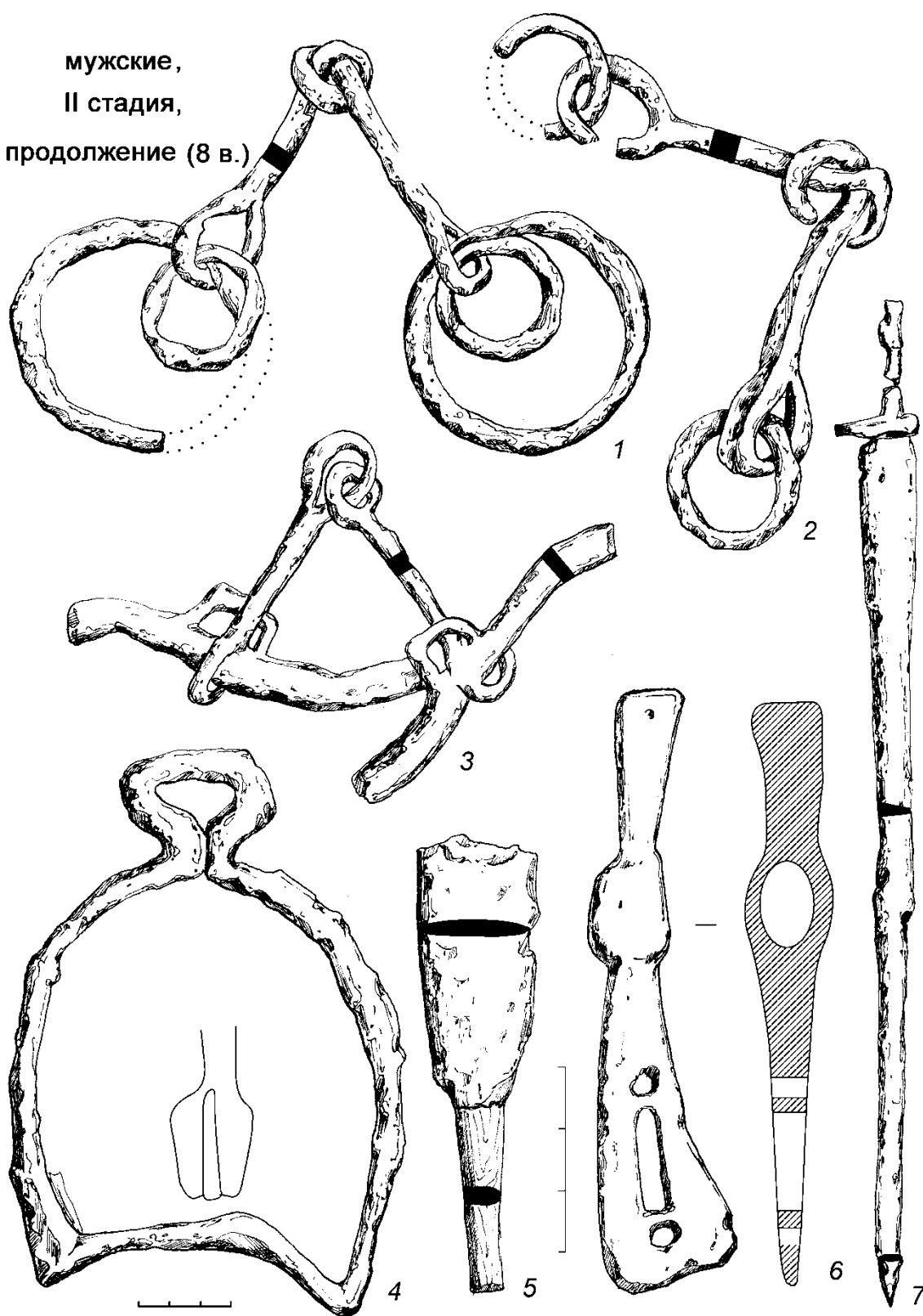

Табл. 12. Неволинский могильник. Предметы из мужских могил 8 в. (II стадия, продолжение)

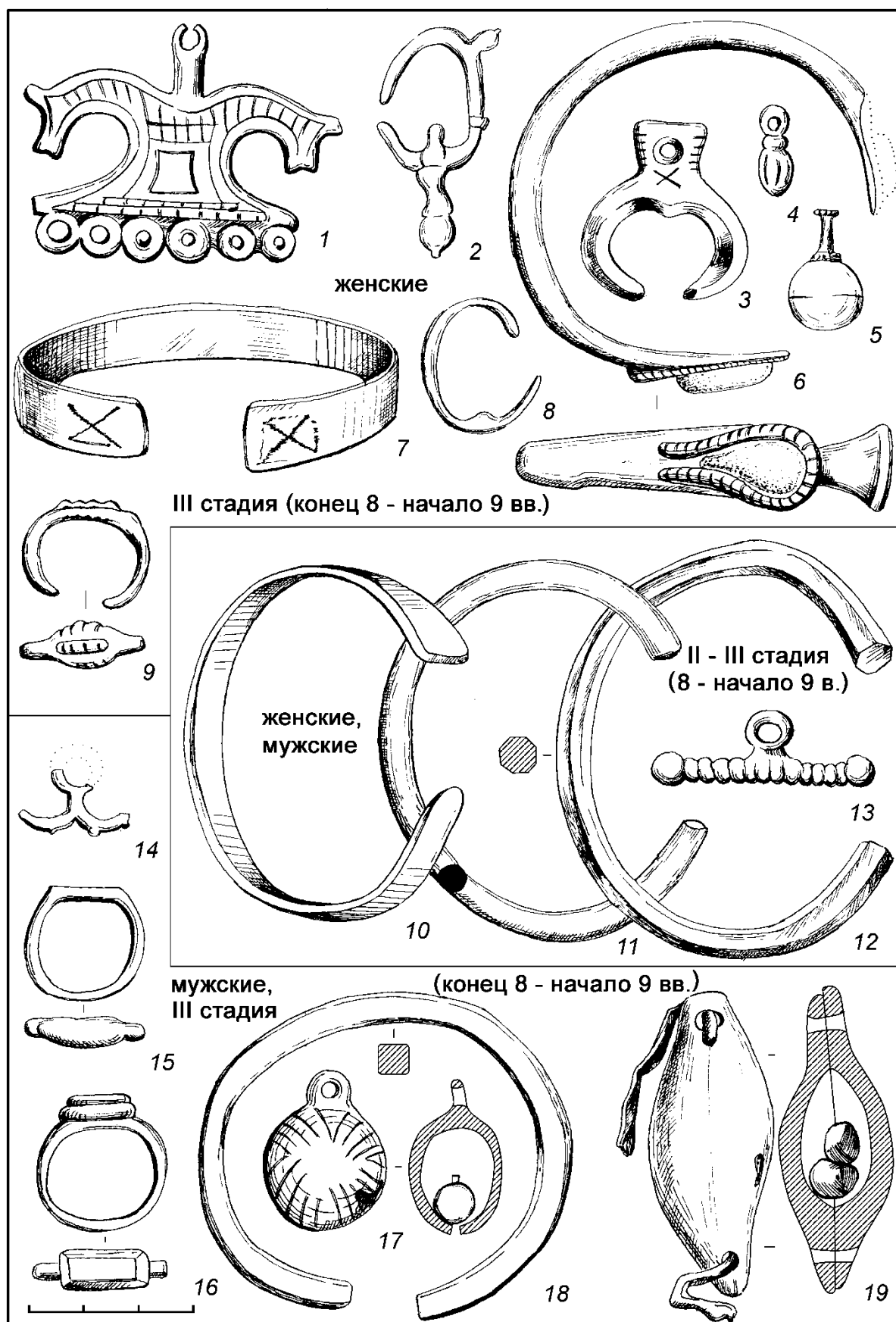

Табл. 13. Неволинский могильник. Предметы из женских могил конца 8 – начала 9 в. (III стадия); из женских и мужских могил 8 – начала 9 в. (II, III стадия), а также из мужских могил конца 8 – начала 9 в. (III стадия)

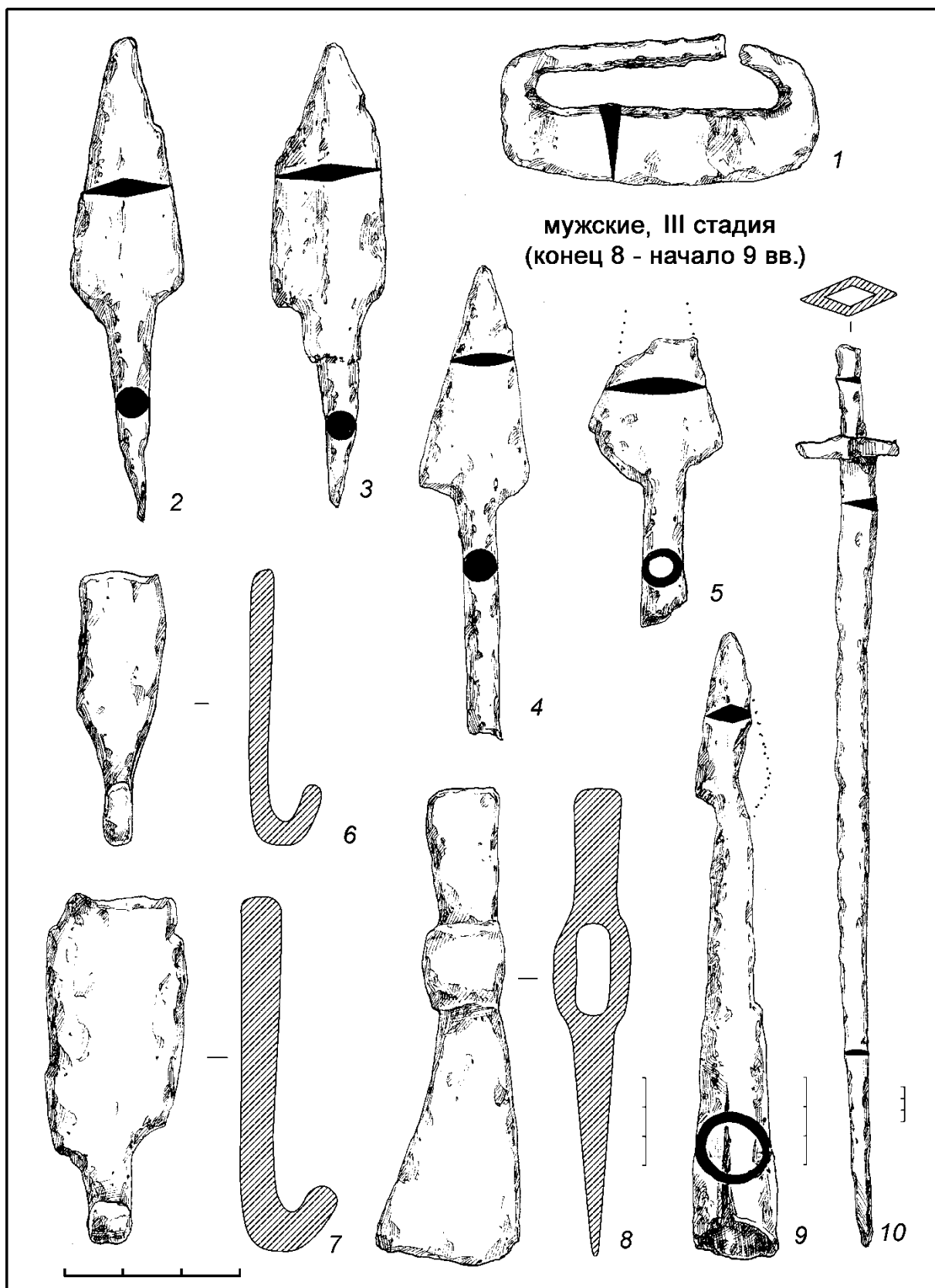

Табл. 14. Неволинский могильник. Предметы из мужских могил конца 8 – начала 9 в. (III стадия)

мужские,
II - III стадии
(8 - начало 9 в.)

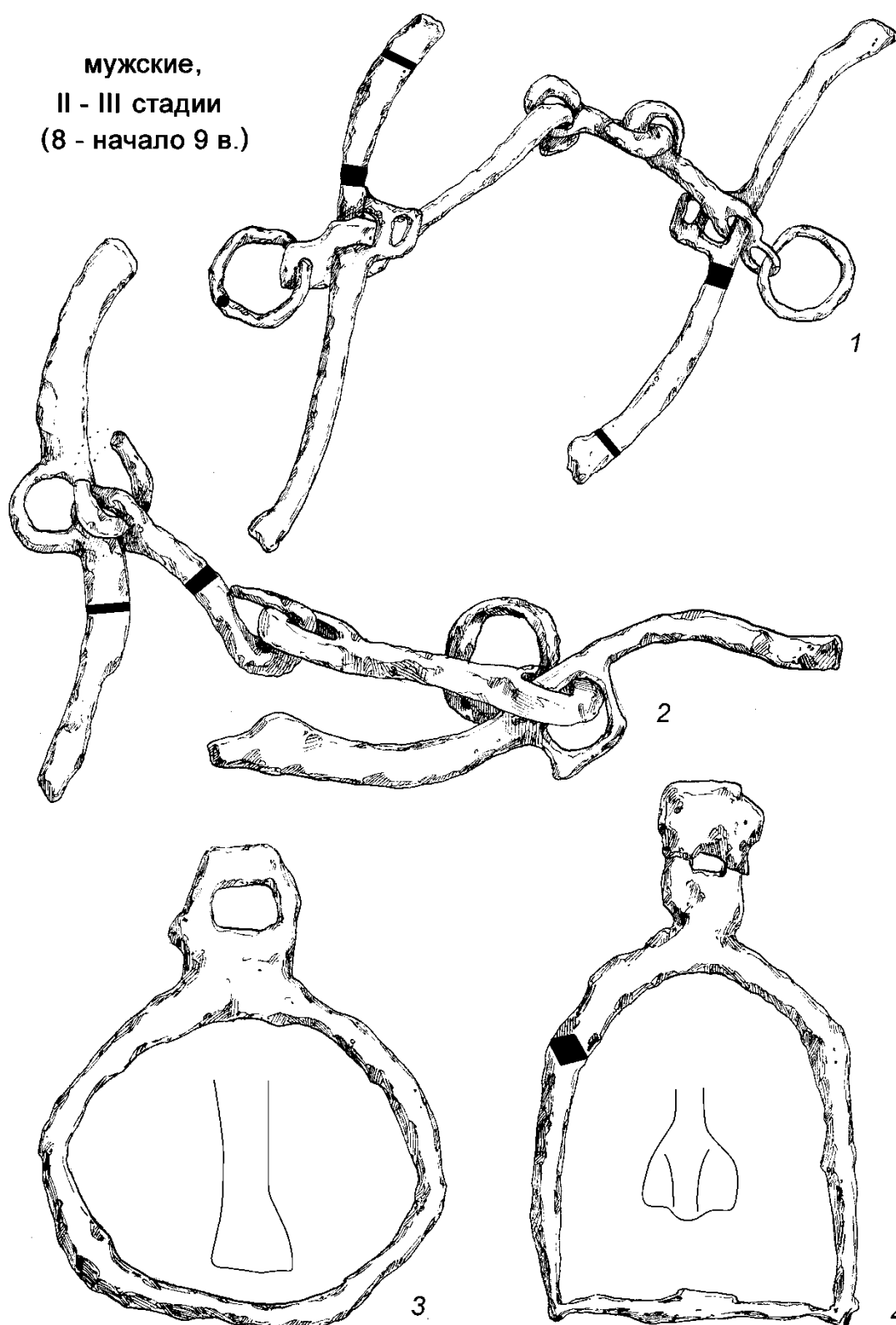

Табл. 15. Неволинский могильник. Предметы из мужских могил 8 - начала 9 в.
(II-III стадии)

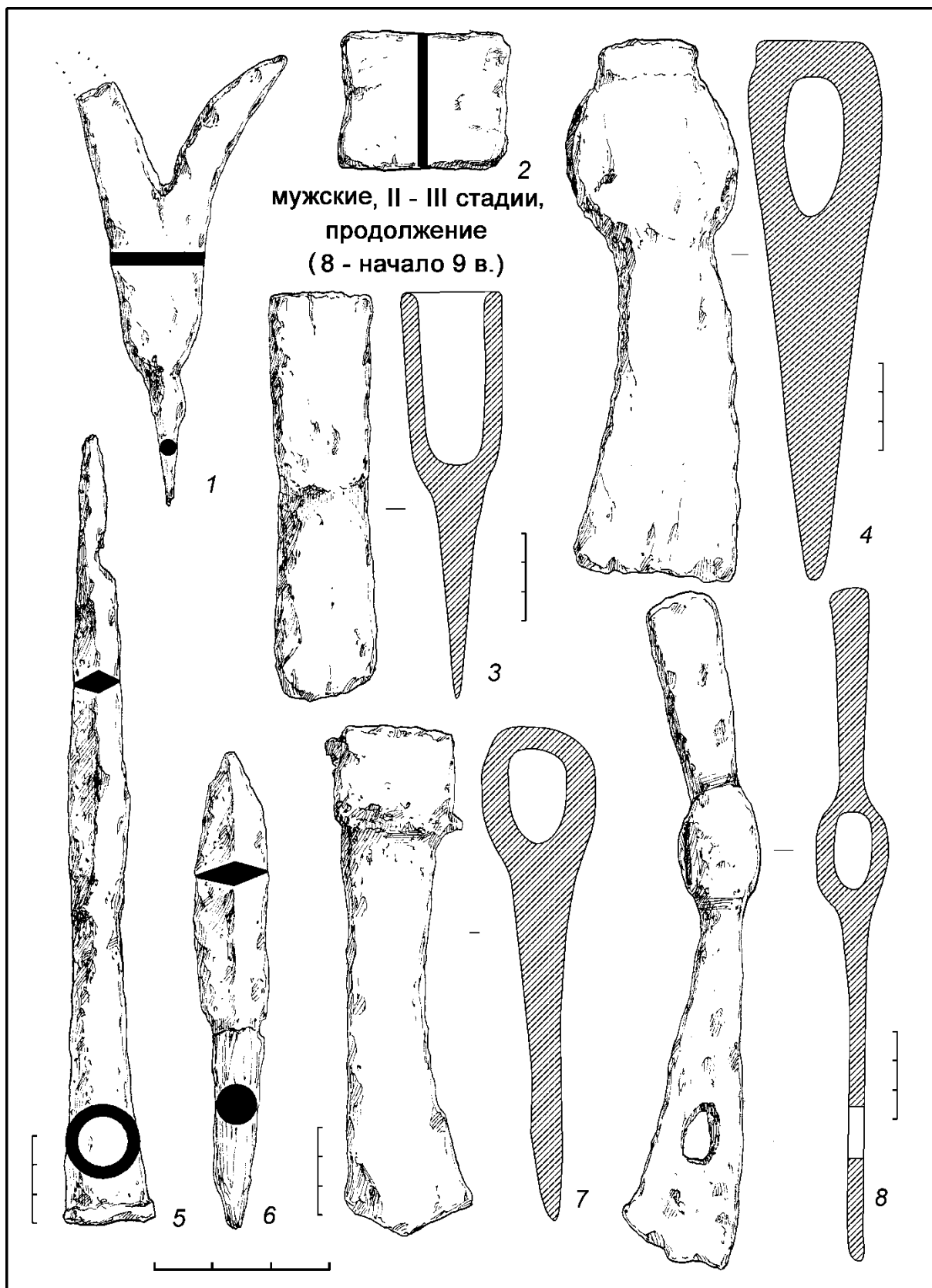

Табл. 16. Неволинский могильник. Предметы из мужских могил 8 – начала 9 в.

(II-III стадии)

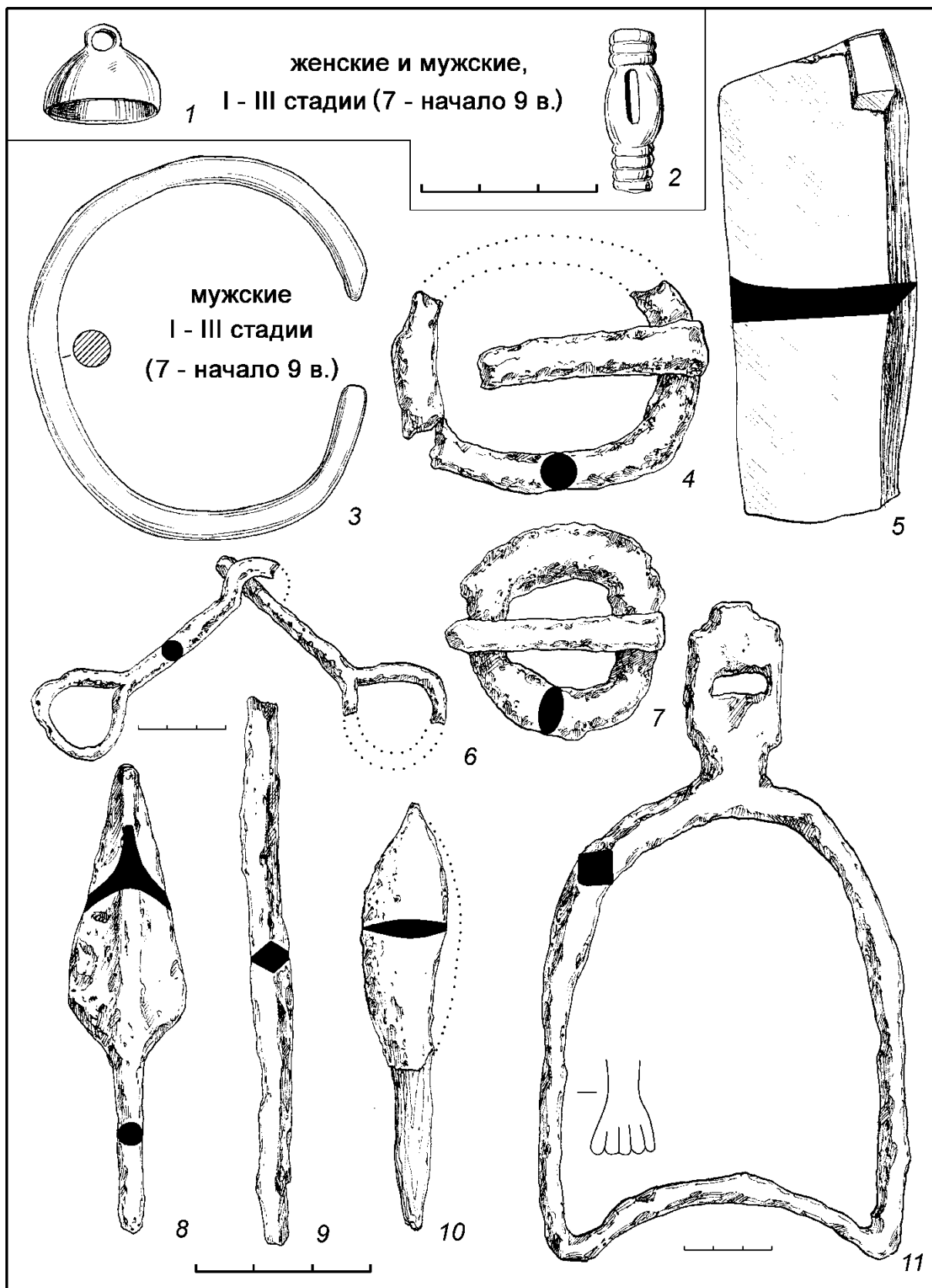

Табл. 17. Неволинский могильник. Предметы из мужских и женских могил 7 - начала 9 в. (I-III стадии), а также из мужских могил 7 - начала 9 в. (I-III стадии)

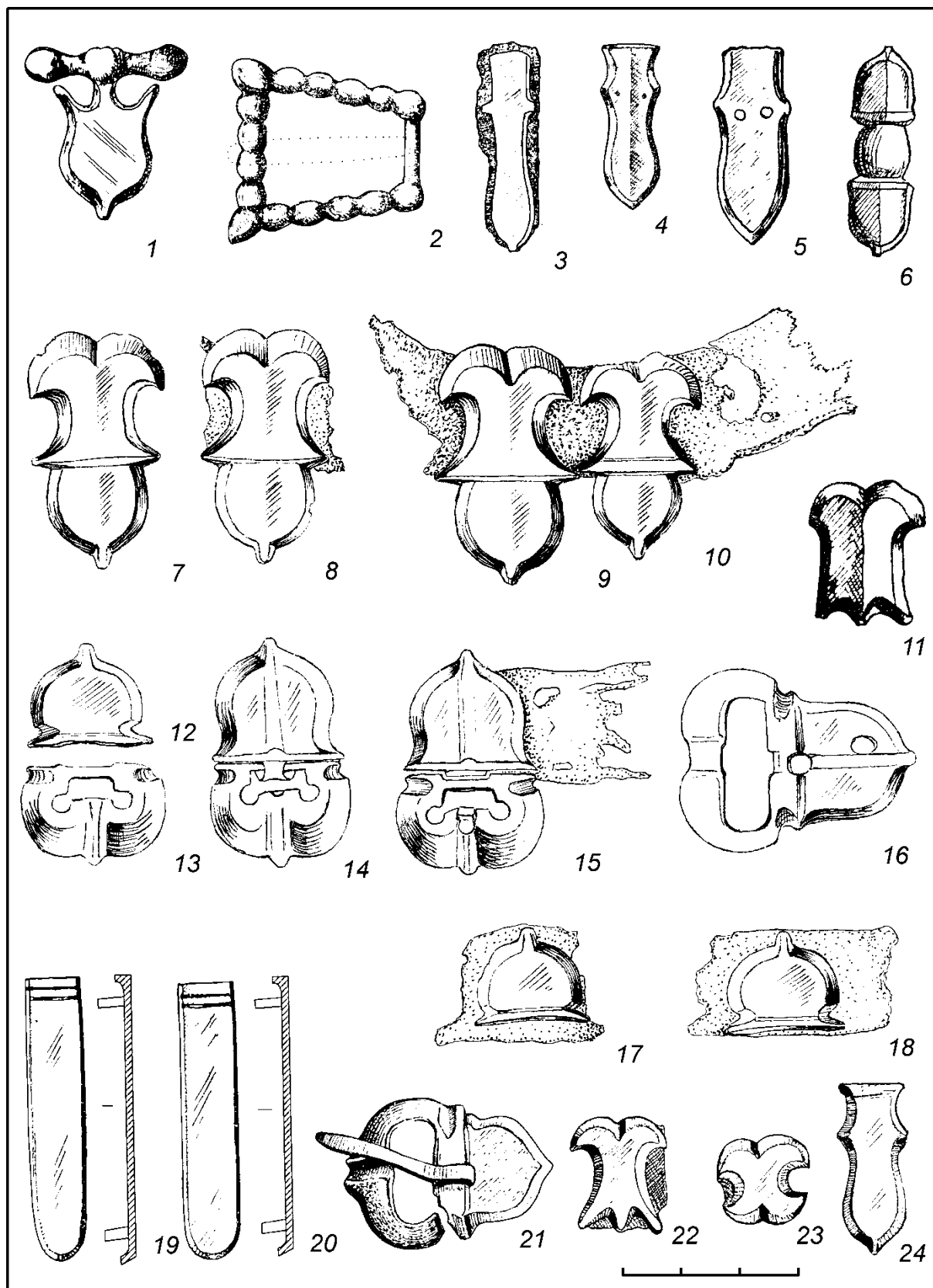

Табл. 18. Агафоновский I могильник. Материал из погребений: 1 – погр. 2; 2 – погр. 10; 3 – погр. 48; 4 – погр. 81; 5 – погр. 91; 6 – погр. 167; 7-10, 12-18 – погр. 47; 11 – погр. 122; 19, 20 – погр. 42; 21-24 – погр. 43

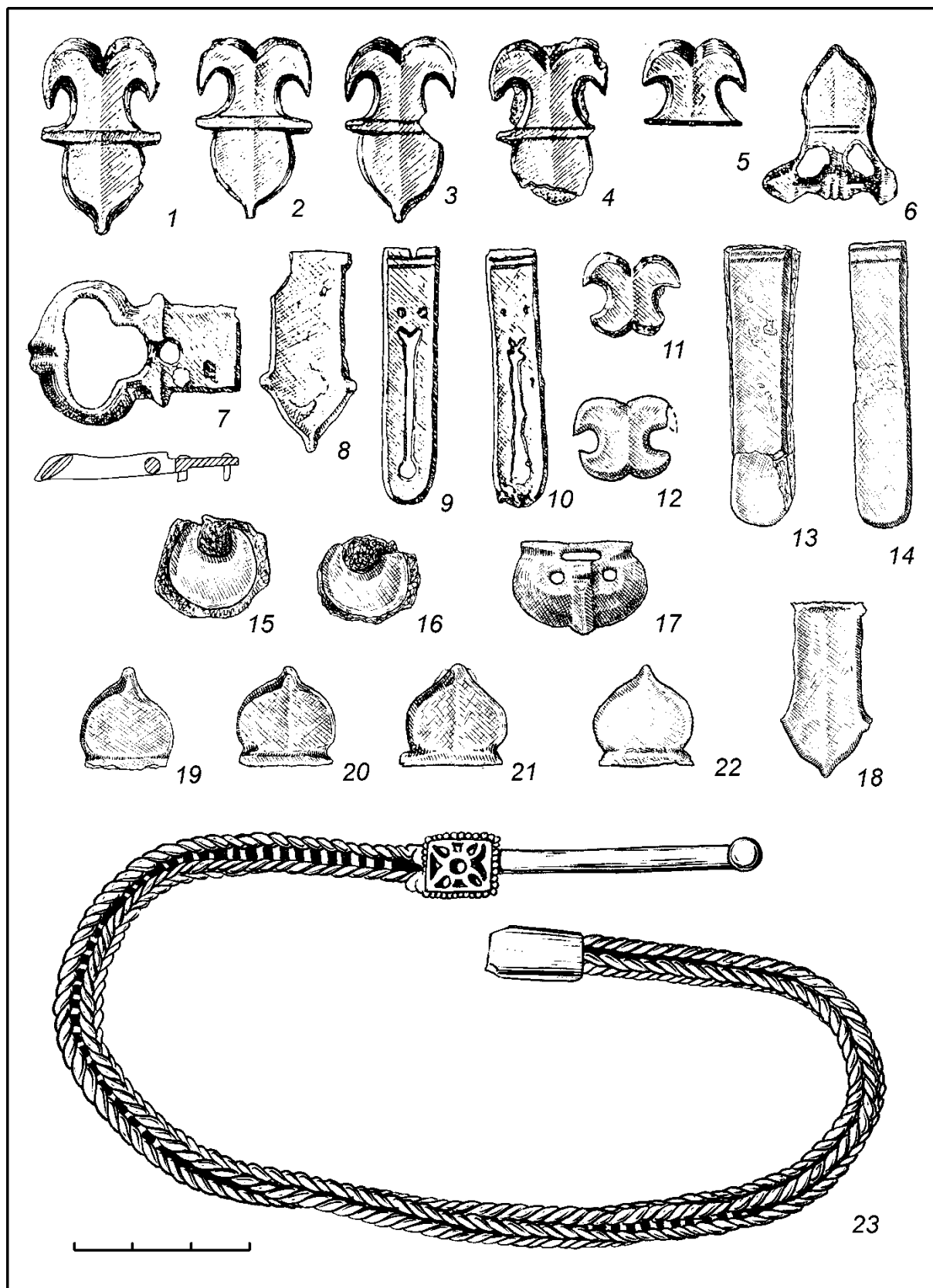

Табл. 19. Агафоновский I могильник. Материал из погребений: 1-4 – погр. 4;

12-23 – погр. 13

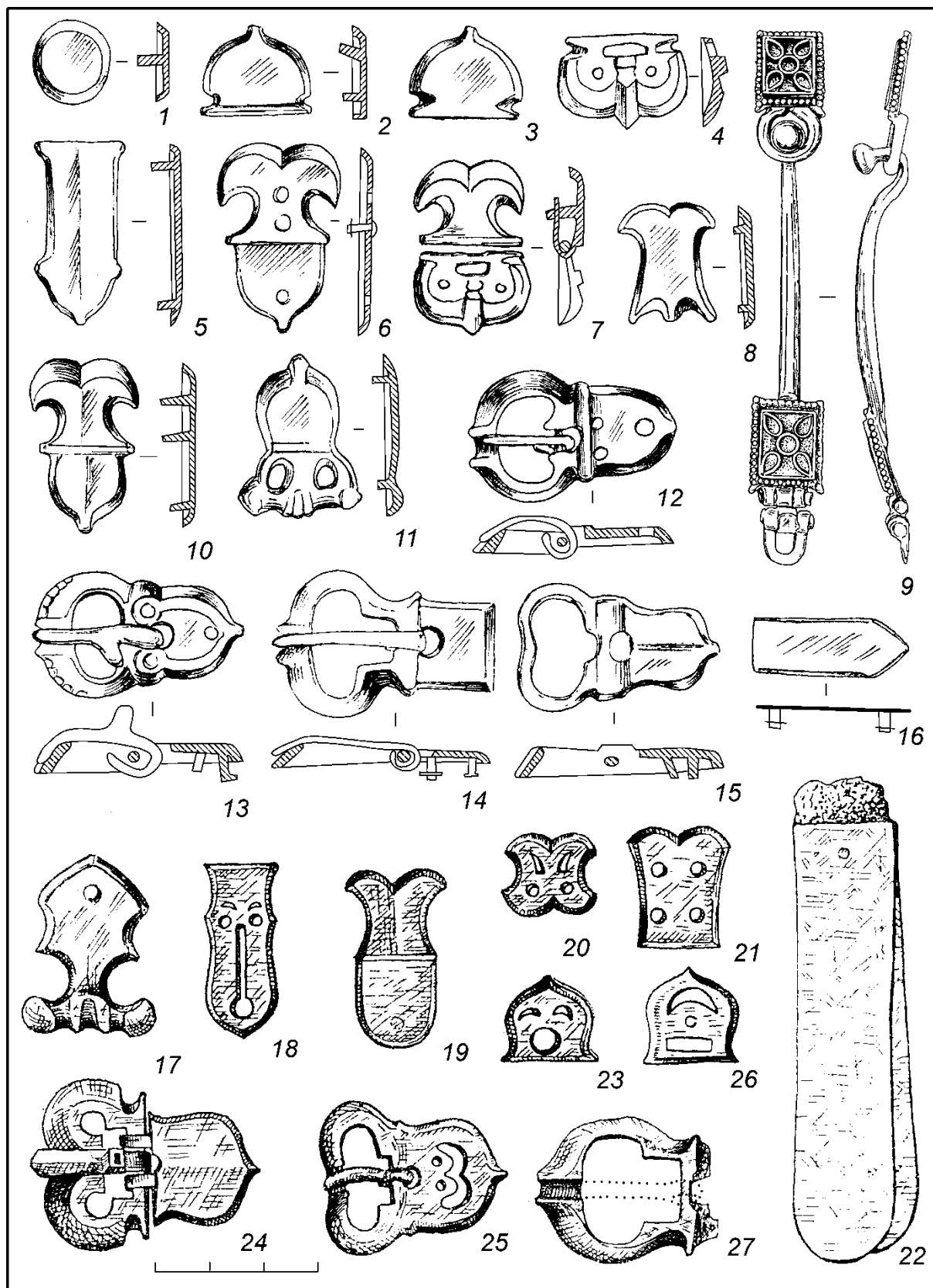

Табл. 20. Комплекс памятников у д. Бартым. Бартымский I могильник. Материал из погребений: 1, 2, 5, 6, 14 – погр. 19Б; 3, 8, 10, 11, 13, 16 – погр. 19В; 4 – погр. 18; 7 – погр. 9Б; 12, 15 – погр. 19Е. 9 – Бартымский клад 1950 г. Петропавловский могильник.

Материал из погребений: 17 – погр. 11; 18-24 – погр. 17; 25 – погр. 24; 26 – сбор с поверхности; 27 – погр. 21

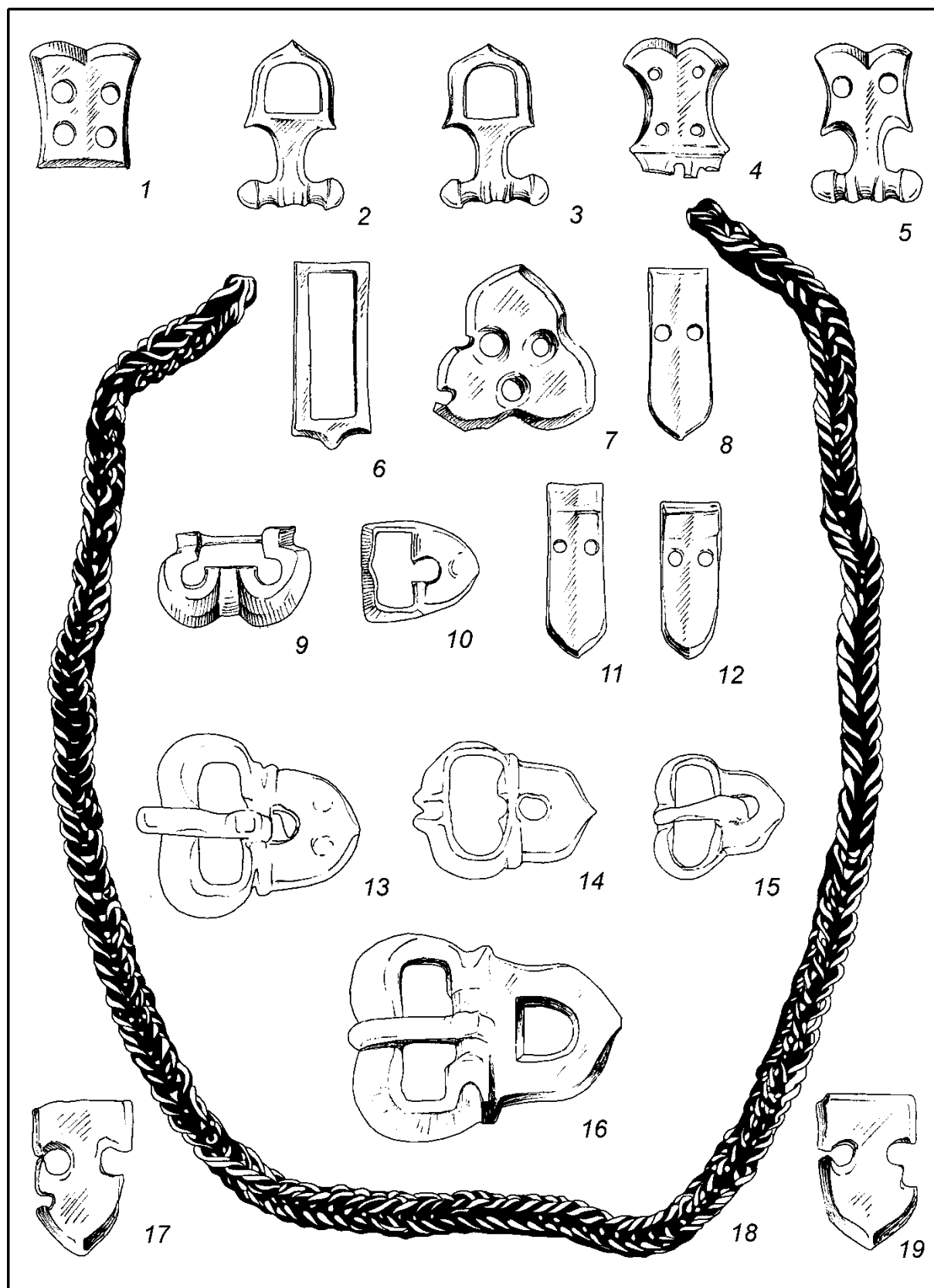

Табл. 21. Новиковское погребение. Накладки и пряжки (по: Balint Cs., 1992, taf. 60);
цепь (по: Смирнов А.П., 1957, с. 55, табл. VIII-10)

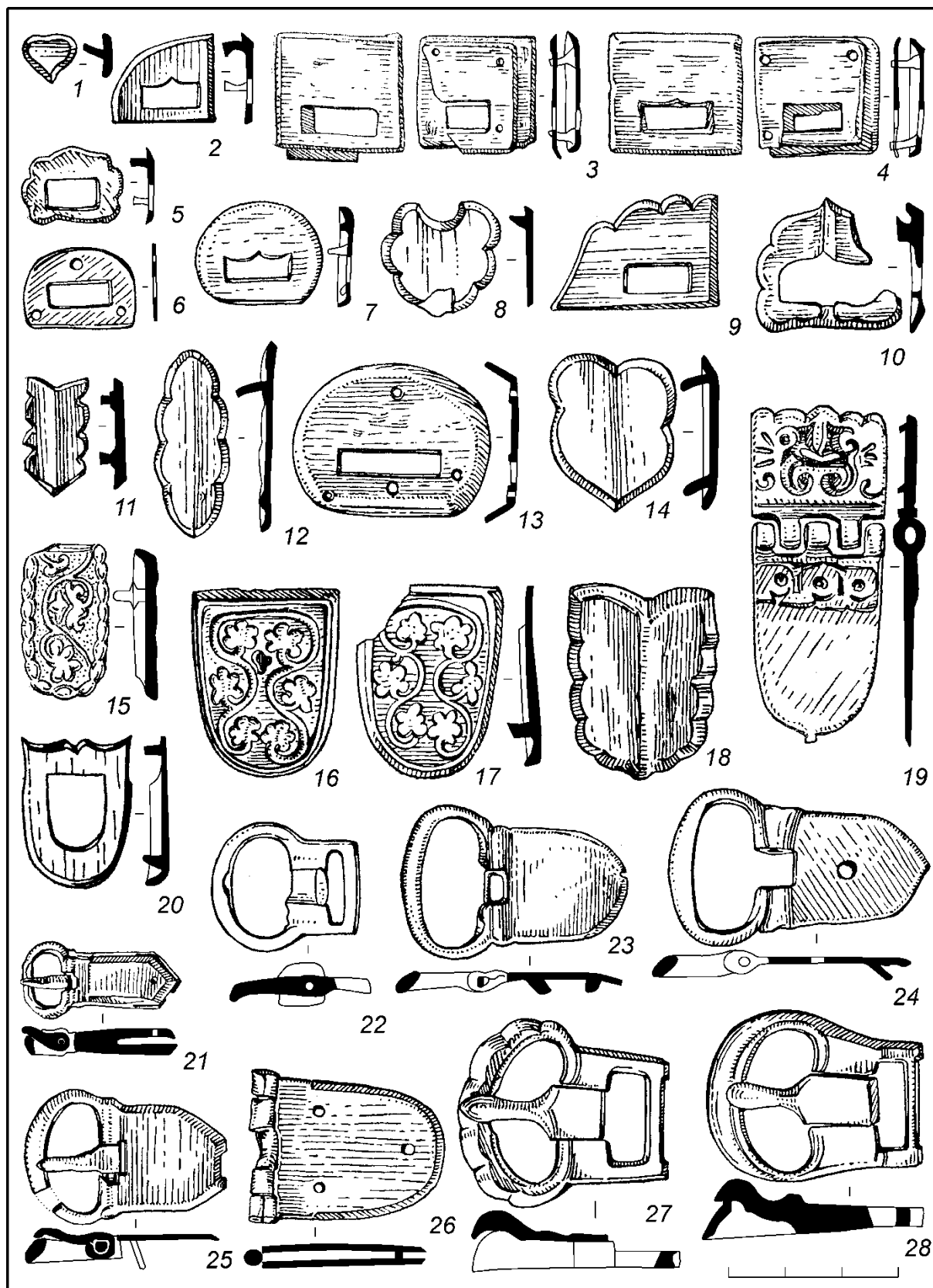

Табл. 22. Детали поясов восточного (катандинского, пенджикентского, согдийского) типов (по: Распопова В.И., 1980, рис. 61, 63, 64)

27 – пряжка Б7з2; 28 – накладка А13л. Группа 2 (7–8 вв.): 29 – пряжка Б4ж1,2; 30 – наконечник Г1б. Группа 3 (8 в.): 31 – пряжка Б7ж1; 32 – накладка А10е; 33 – накладка А5д; 34 – накладка А13к1,3; 35 – накладка А20; 36 – накладка А2д, з; 37 – накладка А32в; 38 – накладка А13и; 39 – пряжка Б6е1; 40 – накладка А34б; 41 – накладка А32г; 42 – накладка А13б4; 43 – накладка А2в; 44 – накладка А16; 45 – накладка А32д; 46 – накладка А26а; 47 – наконечник Г1в; 48 – наконечник Г1а; 49 – наконечник Г3д1; 50 – накладка А37; 51 – пряжка Б1ж1; 52 – наконечник Г2; 53 – пряжка Б1д1; 54 – накладка А12б2; 55 – пряжка Б7ж3; 56 – накладка А23б; 57 – накладка А33а; 58 – наконечник Г4а; 59 – пряжка Б1ж3; 60 – накладка А9г; 61 – накладка А13а1; 62 – накладка А9б; 63 – пряжка Б4ж3; 64 – пряжка Б7и1; 65 – накладка А9в. Группа 4 (8 – начало 9 в.): 66 – накладка А12а; 67 – накладка А5а, б, г, ж, з; 68 – накладка А23а-в; 69 – пряжка Б1ж2; 70 – накладка А13к2. Группа 5 (конец 8 – начало 9 в.): 71 – накладка А25в,г; 72 – накладка А13б5; 73 – накладка А9а; 74 – пряжка Б4ж2; 75 – накладка А35; 76 – наконечник Г4г; 77 – наконечник Д1а1; 78 – накладка А24; 79 – накладка А3б; 80 – накладка А5и; 81 – накладка А32е; 82 – наконечник Г4в

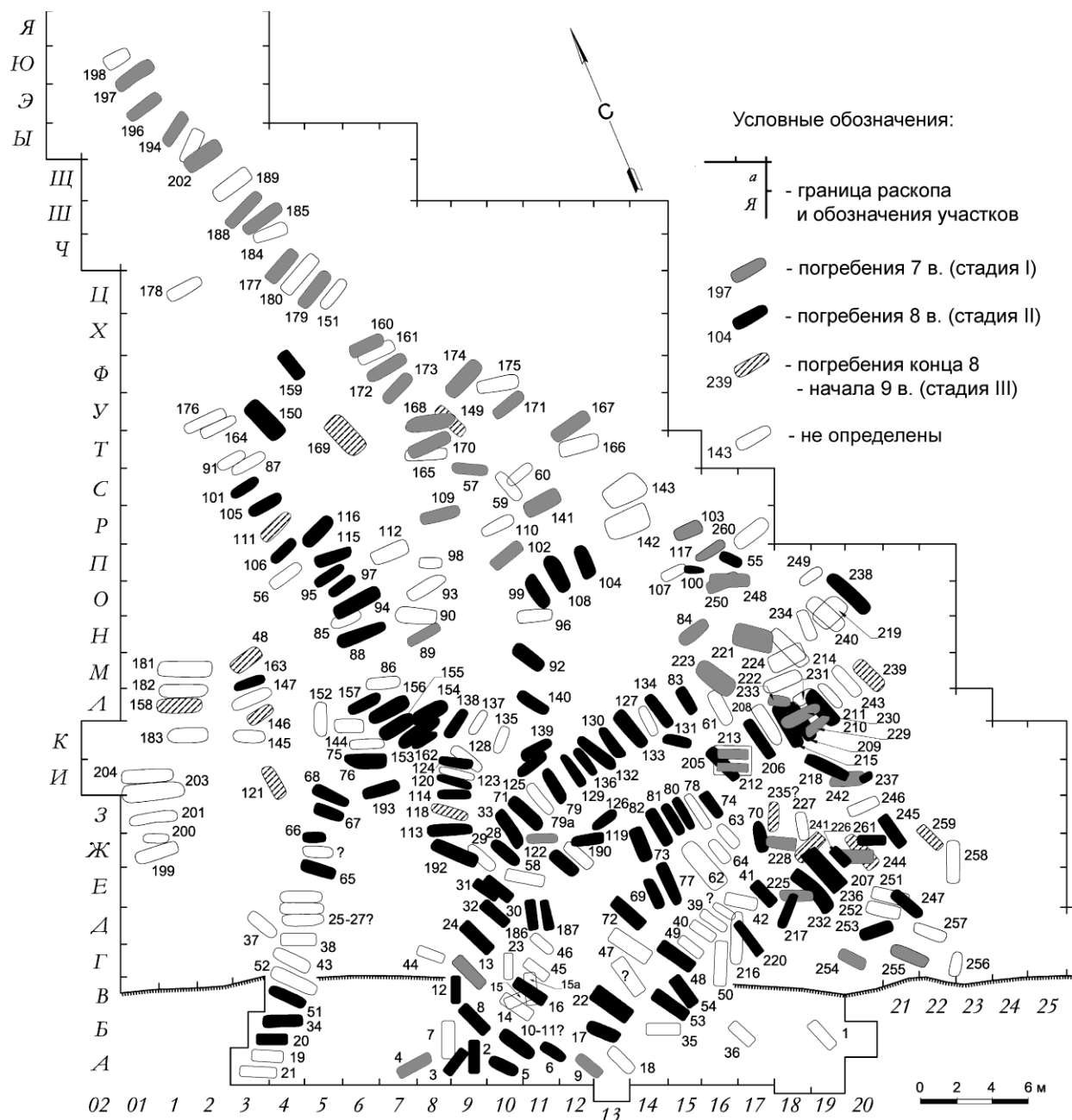

Рис. 3. Неволинский могильник. Планиграфия могил в соответствии со стадиями

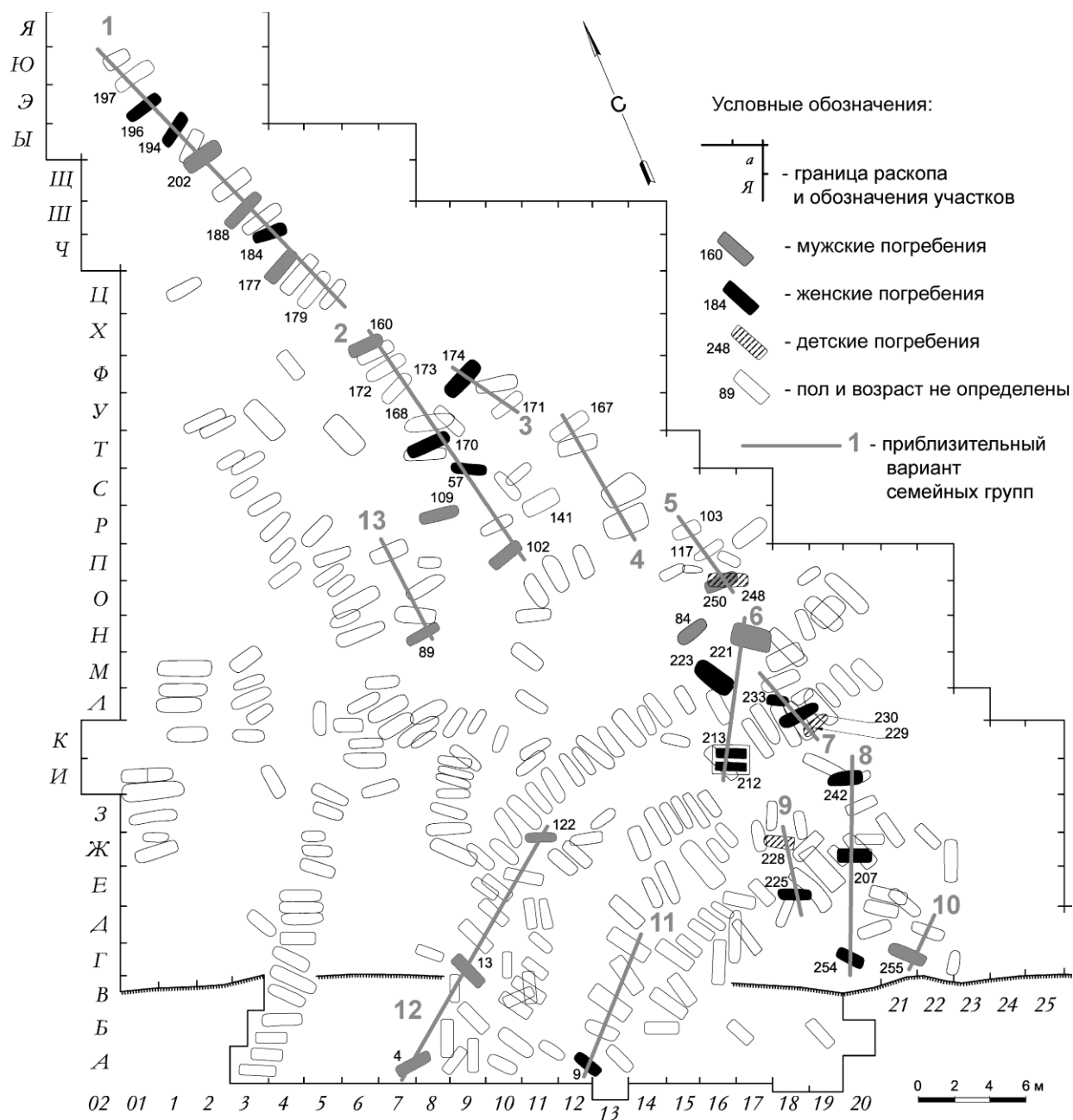

Рис. 4. Неволинский могильник. Планиграфия могил I стадии (7 в.)
в соответствии с полом и возрастом захороненных

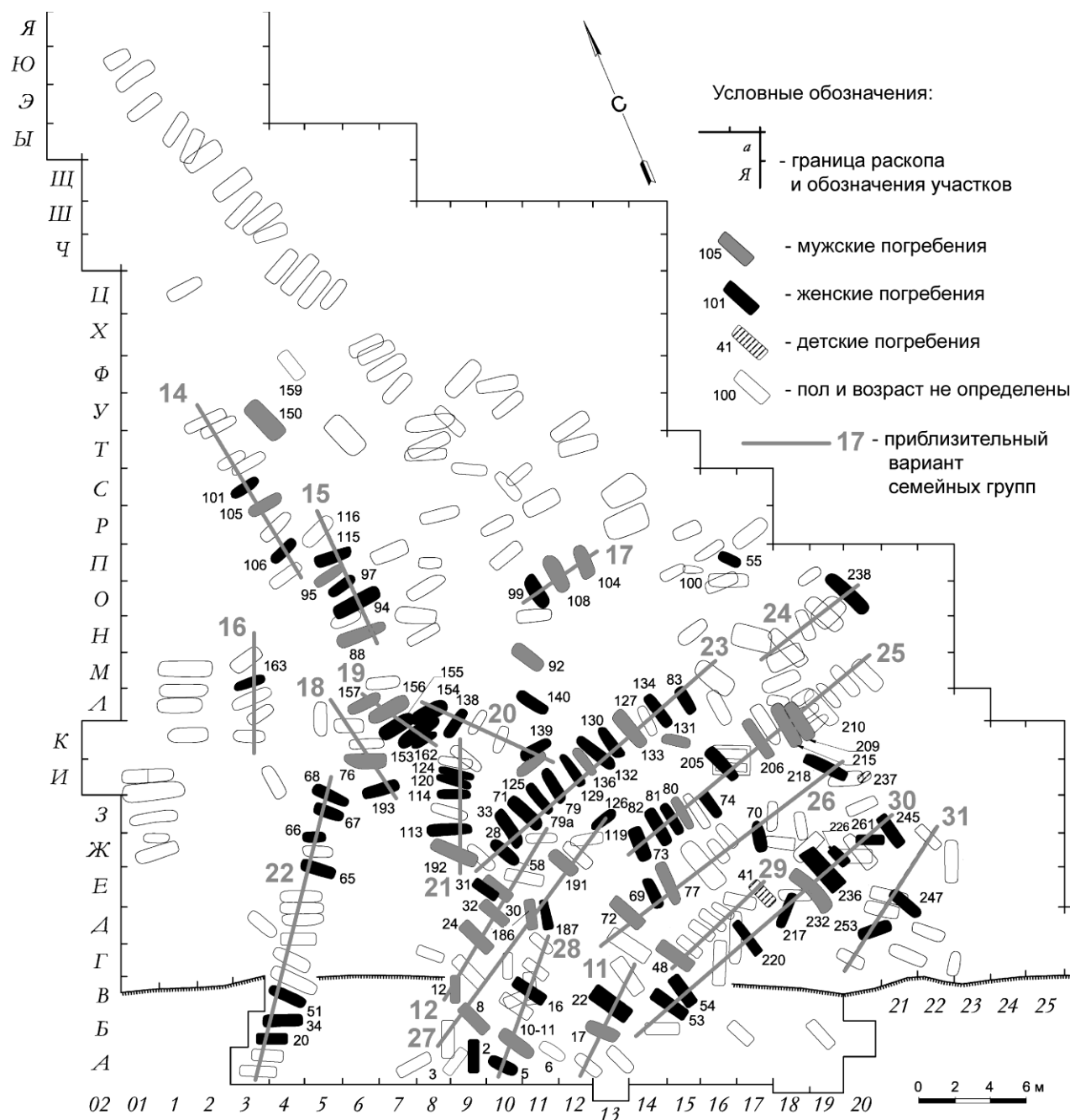

Рис. 5. Неволинский могильник. Планиграфия могил II стадии (8 в.)
в соответствии с полом и возрастом захороненных

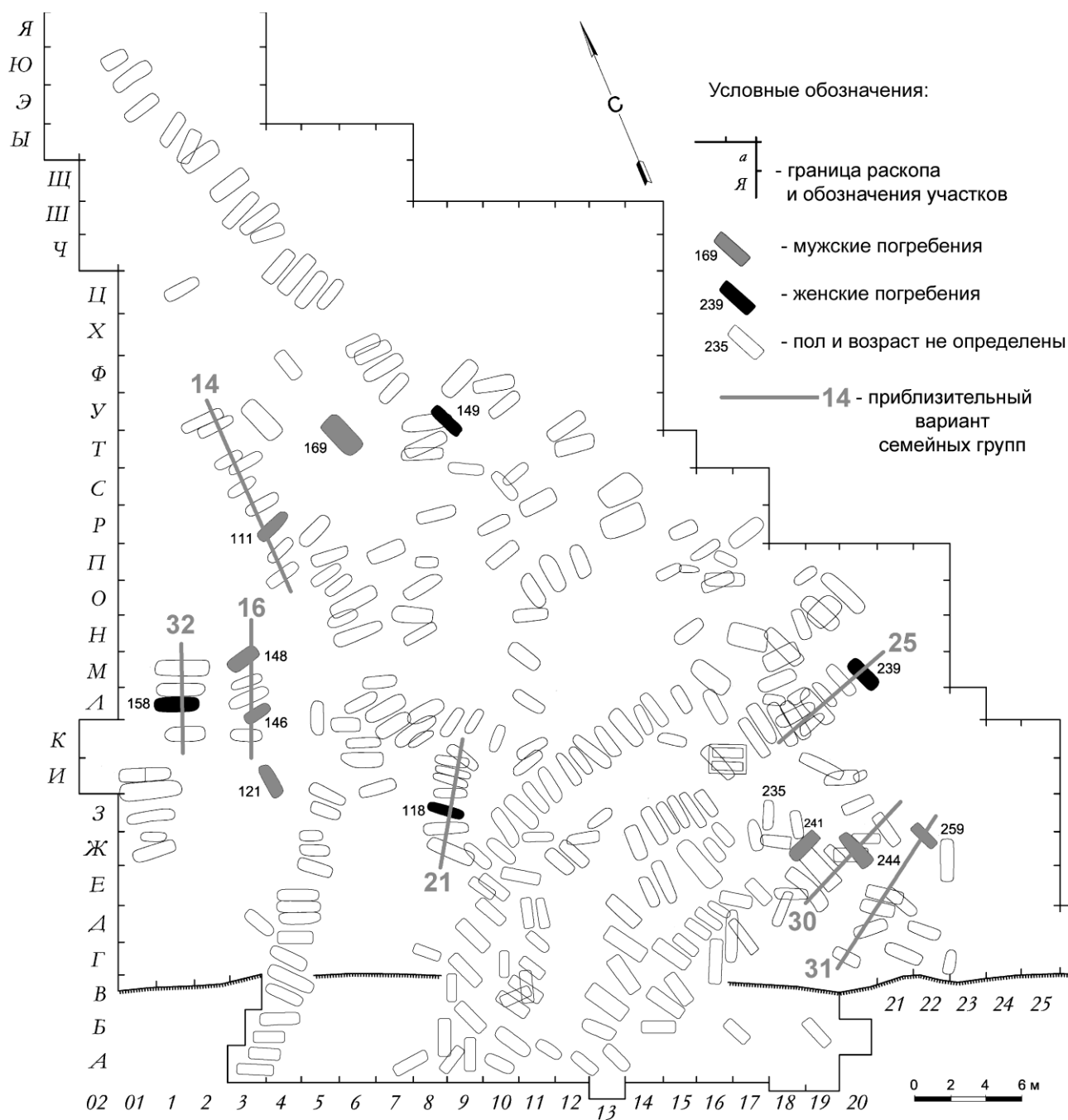

Рис. 6. Невольинский могильник. Планиграфия могил III стадии (конец 8 – начало 9 в.) в соответствии с полом и возрастом захороненных

Литература

1. Амброз А.К. Рецензия на кн.: Erdelyi I., Oitozi E., Gening W. Das Gräberfeld von Nevolino // СА. №2. С. 288-298. Budapest, 1969.
2. Амброз А.К. Бирский могильник и проблемы хронологии Приуралья в IV-VII вв. // Средневековые древности евразийских степей. М., 1980. С. 1-56.

3. Ахмеров Р.Б. Уфимские погребения IV-VII вв. н.э. и их место в древней истории Башкирии // Древности Башкирии. М., 1970. С. 161-193.
4. Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э. Праболгары на Средней Волге // Гуманитарная наука в России: соросовские лауреаты. М., 1996.
5. Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э. Праболгары на Средней Волге (у истоков истории татар Волго-Камья). Самара, 1998. 286 с.
6. Богачев А.В. Процедурно-методические аспекты археологического датирования. Самара, 1992. 208 с.
7. Богачев А.В. Офицер для личных поручений: историко-фантастический детектив. Самара, 2006. 304 с.
8. Богачев А.В. Лабиринты: стихи. Самара: ОАО «Самарский дом печати», 2007. 128 с.
9. Богачев А.В. Сокровища великого хана: историко-фантастическая повесть. М.: Аквилегия-М, 2008. 352 с.
10. Богачёв А.В. Археология Самарского края: энциклопедический словарь: монография. Самара, 2010. 336 с.
11. Гавритухин И.О. Эволюция восточноевропейских псевдопряжек // Культуры евразийских степей второй половины I тыс. н.э. (из истории костюма). Т. 2. Самара, 2001. С. 31-86.
12. Гавритухин И.О., Иванов А.Г. Погребение 552 Варнинского могильника и некоторые вопросы изучения раннесредневековых культур Поволжья // Пермский мир в раннем средневековье. Ижевск, 1999. С. 99-159.
13. Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М., 1996. 296 с.
14. Генинг В.Ф. Деменковский могильник – памятник ломоватовской культуры // ВАУ. Свердловск, 1964. Вып. 6. С. 94-151.
15. Голдина Е.В. Бусы Бартымского I селища и Бартымского I могильника // Голдина Р.Д., Пастушенко И.Ю., Черных Е.М. Бартымский комплекс памятников в эпоху Средневековья в Сылвенском поречье. Ижевск, Пермь, 2011. С. 307-322.
16. Голдина Е.В., Голдина Р.Д. «Дальний импорт» Прикамья – своеобразное проявление процессов взаимодействия народов Евразии (VIII в. до н.э. – IX в. н.э.) // Голдина Е.В. Бусы могильников неволинской культуры (конец IV – IX в.). Ижевск, 2010. С. 156-247.
17. Голдина Р.Д. Хронология погребальных комплексов раннего Средневековья в Верхнем Прикамье // КСИА. Вып. 158. 1979. С. 79-90.
18. Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1985. 280 с.
19. Голдина Р.Д. О датировке и периодизации неволинской культуры // Исследования по средневековой археологии лесной полосы Восточной Европы. Ижевск, 1991. С. 167-192.
20. Голдина Р.Д. Тарасовский могильник I-V вв. на Средней Каме. Т. II. Ижевск, 2003. 721 с.
21. Голдина Р.Д., Голдина Е.В. Скандинавия и Верхнее Прикамье: контакты во второй половине I тыс. н.э. // Шведы и Русский Север: историко-культурные связи. Киров, 1997. С. 5-23.
22. Голдина Р.Д., Королева О.П., Макаров Л.Д. Агафоновский I могильник – памятник ломоватовской культуры на севере Пермской области // Памятники эпохи Средневековья в Верхнем Прикамье. Ижевск, 1980. С. 3-66.
23. Голдина Р.Д., Пастушенко И.Ю., Черных Е.М. Бартымский комплекс памятников в эпоху Средневековья в Сылвенском поречье. Ижевск, Пермь, 2011. 340 с.

24. Залесская В.Н. Памятники византийского прикладного искусства IV-VII веков. Каталог коллекции. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2006. 272 с.
25. Засецкая И.П. Михаэльсфельд – эталонный памятник раннего Средневековья (к вопросу о датировке и этнокультурной принадлежности) // Археологический сборник. Вып. 38: Материалы и исследования по археологии Евразии / Государственный Эрмитаж. СПб., 2010. 213 с.
26. Засецкая И.П., Казанский М.М., Ахмедов И.Р., Минасян Р.С., Морской Чулек / Государственный Эрмитаж. СПб., 2007. 212 с.
27. Збруева А.В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху // МИА. 1952. №30. 326 с.
28. Иванов А.Г. Исследования в бассейне реки Чепцы // АОУП. Ижевск, 1991.
29. Иванов А.Г. Накладки-тройчатки: к вопросу о происхождении поясов неволинского типа // Культуры евразийских степей второй половины I тыс. н.э. (из истории костюма). Т. 2. Самара, 2001. С. 87-102.
30. Ковалевская В.Б., Краснов Ю.А. Рецензия // СА. 1973. №2. С. 280-287. – Рец. на кн.: Erdelyi I., Oitozi E., Gening W. Das Gräberfeld von Nevolino. Budapest, 1969. 199 s.
31. Комар А.В., Предсалтовские и раннесалтовские горизонты Восточной Европы (вопросы хронологии) // Vita antiqua. 1999. №2. Киев. С. 111-136.
32. Комар А.В. Перещепинский комплекс в контексте основных проблем истории и культуры кочевников Восточной Европы VII – начала VIII в. // Степи Европы в эпоху Средневековья. Донецк, 2006. Т. 5. С. 7-244, 413-432.
33. Комар А.В. К дискуссии о хронологии раннесредневековых кочевнических памятников Среднего Поволжья // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. Самара, 2010. С. 169-199.
34. Оборин В.А. Камская археологическая экспедиция // Археология и этнография Башкирии. Уфа, 1964. Т. 2. С. 198-206.
35. Плетнева С.А. Салтово-маяцкая культура // Степи Евразии в эпоху Средневековья. М., 1981. С. 62-75.
36. Плетнева С.А. На славяно-хазарском пограничье. М., 1989. 288 с.
37. Распопова В.И. Металлические изделия раннесредневекового Согда. М., 1980.
38. Савельева Э.А. Хронология погребальных комплексов Веслянского могильника // КСИА. Вып. 158. 1979. С. 91-96.
39. Семенов В.А. Петропавловский могильник // Вопросы археологии Удмуртии. Ижевск, 1976. С. 3-50.
40. Смирнов А.П. Железный век Башкирии // МИА. 1957. №58. 107 с.
41. Смирнова О.И. Каталог монет с городища Пенджикент. М., 1963. 195 с.
42. Шатров А.Н. Археологические сведения о Зюздинском крае // Материалы по археологии Восточных губерний России. Т. 3. 1899. С. 75-86.
43. Balint Cs. Der Gurtel im fruhmittelalterlichen Franskaukasus und das Grab von Uc Tepe. Awarenforschungen. Band 1. Wien. 1992. S. 309-496.
44. Balint Cs. Bizantinisches zur Herkunftsfrage des Vierteiligen Gürtels // Varia Archaeologica Hungarica IX. Budapest, 2000. S. 99-162.
45. Erdelyi I., Ojtozi E., Gening W. Das Graberfeld von Nevolino. Budapest, 1969.
46. Goldina R.D., Nikitin A.B. New finds of Sasanian, Central Asian and Byzantine coins from the regions Perm, the Kama-Urals area // Silk Road Art and archaeology. Special Volume. Kamakura: The Institute of Silk Road Studies. 1997. P. 111-125.

ОБРАЗ ВОЛКА В САРМАТСКОМ ИСКУССТВЕ I В. Н.Э.

Автор рассматривает образ волка и волкоподобных чудовищ в сарматском искусстве и выделяет следующие художественные образы: волк, крылатый волк, крылато-рогатый волк, волк со змеевидным хвостом и волк-змея. Анализ зооморфных изображений позволяет говорить о том, что главная символическая роль в целом отводится волку. Волк первичен, фантастические элементы – крылья птицы, рога животных, змеиный хвост – вторичны. Все выделенные художественные образы следует относить к одной группе изображений, представляющих разновидности «волчьего» мотива.

Ключевые слова: сарматское искусство, зооморфные изображения, образ волка.

Образ волка и волкоподобных чудовищ занимает не последнее место среди персонажей звериного стиля в сарматском искусстве. Этот мотив в скифскую эпоху был широко распространен в искусстве ираноязычных племен восточных регионов: савроматов Приуралья, саков Сибири и Алтая, массагетов Средней Азии.

Большое внимание изображению волков на предметах из Южной Сибири и Алтая уделил в своих работах С.И. Руденко, указав на их многочисленность и своеобразие. В частности, он выделил в качестве одной из наиболее характерных черт в трактовке хищника поднятый кверху кончик носа, а также отметил особую форму уха [17, с. 31, рис. 35, 36]. Об этом же писал В.Д. Кубарев, публикуя материалы из могильников, обнаруженных в долине р. Уландрык – Юго-Восточный Алтай. Подробно описав изобразительные признаки, формирующие образ волка, В.Д. Кубарев особо подчеркивает тот факт, что все изображения волков объединяют биологические природные черты хищного зверя [9, с. 119]. Е.Ф. Королькова в своей монографии, посвященной искусству племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (VII – VI вв. до н. э.), отмечает, что образ волчьего хищника доминирует в Южном Приуралье. При этом видовые признаки зверя намеренно утрируются: оскаленная пасть всегда выделяется размерами и удлинненными пропорциями, неизменно в большинстве случаев подчеркивается острое треугольное ухо [8, с. 73 – 82]. В скифском же зверином стиле Северного Причерноморья образ волка фактически отсутствует [15, с. 42 – 45].

Что же касается изображения волка в сарматском искусстве, то ему и его фантастическому облику посвящена статья Н.В. Лавыгиной, в которой показаны устойчивые иконографические черты в изображении зверя: удлинненная морда с сильно утрированным, загнутым кверху носом и длинными ушами. Среди фантастических волчьих чудовищ автор, в зависимости от наличия у них рогов или крыльев, выделяет «рогатых» и «крылатых» волков. Кроме того, волков, у которых присутствуют и рога, и крылья одновременно, Н.В. Лавыгина определяет как образ «волка-грифона», а изображение фантастического волка на ладьевидном флаконе из кургана Хохлач трактует как мотив драконоподобного существа. Но, прежде чем обсуждать, насколько правомочны подобные определения волчьих образов, остановимся на подробном описании этих изображений.

№ 1. Рис. 1,1. Волк, изображенный на золотой гривне из кургана Хохлач (Гривна найдена в тайнике I кургана Хохлач, открытого в 1864 г. в г. Новочеркасске Ростовской области, хранится в ОАБЕС Государственного Эрмитажа. Инв. № 2213\1. [4, с. 84-89. Ил. 38а – 41]). Гривна сверху и снизу украшена фризами, каждый из которых состоит из четырех сцен нападения волка на грифона. Фигуры волков изображены в профиль, они присели на передние лапы, задние лапы слегка согнуты,

мощные хвосты в виде жгута пропущены между задними ногами под брюхо. Лапы когтистые трехпалые. У волка большая голова с направленным назад длинным ухом, глаза миндалевидной формы, кончик носа поднят кверху, пасть широко открыта и впивается в заднюю часть тела грифона. Фигуры хорошо моделированы: гладкими выпуклостями выделены плечо и бедро, круглой выпуклостью показан локтевой сустав, не менее выразительна морда зверя со складками кожи на носу. Особо следует подчеркнуть детализированное изображение пальцев на огромных лапах. Вокруг шеи пять гравированных косыми нарезками полос – имитация густой шерсти. Такой же полоской показана шерсть по краю морды и с внешней стороны лап. Косые рельефные валики, вероятно, имитируют ребра. Кроме того, фигуры украшены вставками миндалевидной формы из бирюзы и коралла, которыми отмечены уши, плечи, бедра, прозрачным стеклом цвета золотистого топаза выделены глаза зверей (рис. 7, 1). Все фигуры на фризах сделаны в технике литья в форме с односторонним рельефом, спаяны между собой, после чего были напаяны на проволочную основу гривны.

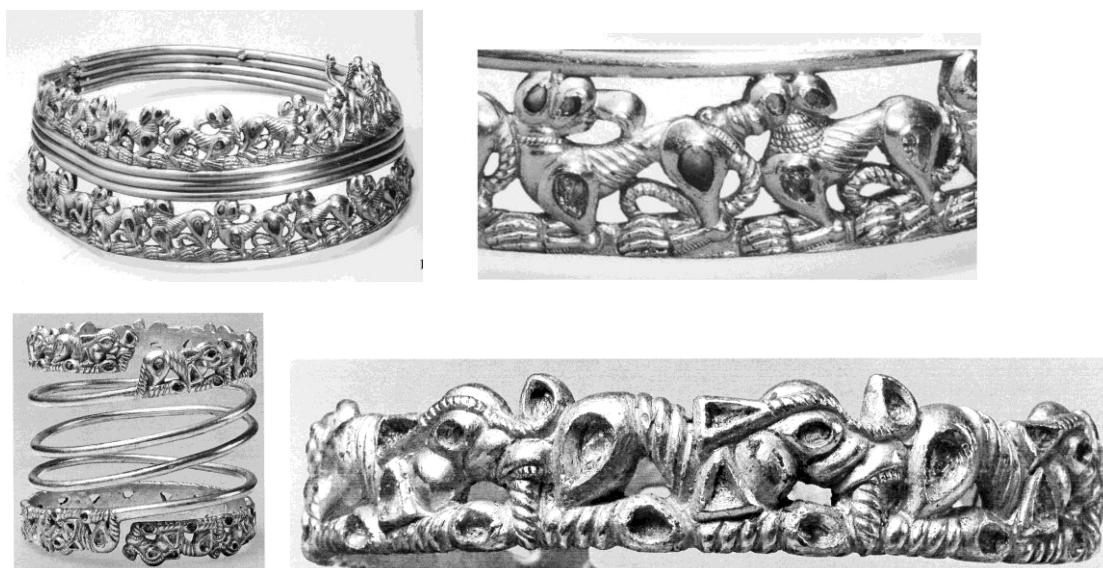

Рис. 1. Изображения волков на гривне и браслетах из кургана Хохлач:
1 – гривна и деталь фриза; 2 – браслет (от пары) и деталь фриза

№ 2 Рис. 1,2. Волк, изображенный на золотых браслетах из кургана Хохлач (Браслеты (пара) найдены вместе с гривной в тайнике I кургана Хохлач 1864 г. и составляют единый гарнитур, о чем свидетельствуют одинаковая техника исполнения и стилистические особенности изделий. Браслеты хранятся в ОАБЕС Государственного Эрмитажа. Инв. № 2213\3-4 [4, с. 89. Ил. 38б, 42]). Браслеты украшены на концах фризами из крадущихся друг за другом фигур носатых волков (показаны только две ноги), при этом каждый последующий впивается в хвост впереди идущего. Волки изображены в профиль в позе припавших к земле хищников. В свое время фигуры были украшены вставками бирюзы и коралла в углубленных гнездах разной формы. Так, бедро, лапы, глаз и поднятый кверху нос переданы миндалевидными вставками, а плечо и ухо – треугольными. Лапы, расположенные на одном уровне, образуют декоративный бордюр, окаймляющий нижний край фриза. Кроме цветных вставок фигуры декорированы гравированным орнаментом: глубокими бороздками переданы ребра, шерсть на лапах и хвосте отмечена косыми короткими бороздками, чередующимися с рельефными валиками.

Вдоль головы, от носа до уха, – рельефная узкая полоска в виде орнамента «веревочки». В оскаленной пасти полоской с мелкой насечкой показаны зубы. Верхняя поднятая губа выделена гладким валиком, а щека и шея – выпуклостями (рис. 7, 2). Все фигуры на фризах сделаны в технике литья в форме с односторонним рельефом. Каждая фигура изготавливалась отдельно, но при этом хвост идущего впереди зверя отливался вместе со следующей за ним фигурой. Затем фигуры спаивались между собой, и готовый фриз напаивался на проволочную основу браслета.

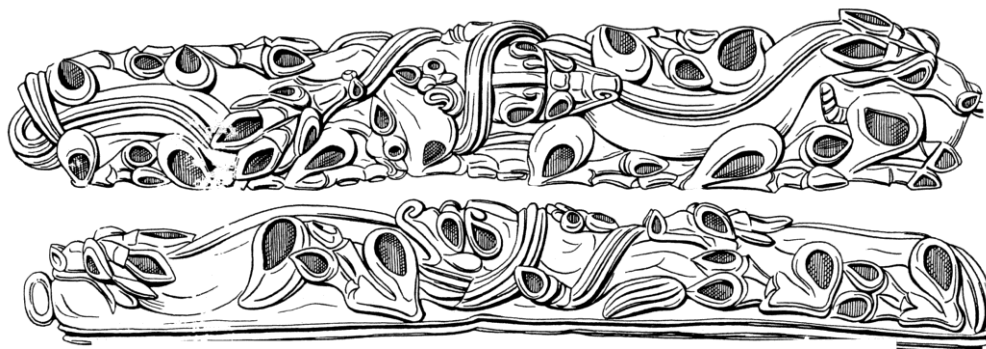

Рис. 2. Изображения волка и волков со змеевидными хвостами на флаконе из кургана Хохлач:
1 – вид сверху; 2 – вид слева

№ 3. Рис. 2, 1,2. Фигуры волков, изображенные на ладьевидном золотом флаконе из кургана Хохлач, – декоративный фриз на крышке флакона. (Флакон найден вместе с гривной и браслетами в тайнике I кургана Хохлач 1864 г., хранится в ОАВЕС Государственного Эрмитажа. Инв. № 2213\ 12 [4, с. 146 – 155. Ил. 72 – 75, 776]). Композиция состоит из трех расположенных друг за другом зверей волчьего вида, неполной фигуры копытного животного, которого держит в пасти один из персонажей (первая фигура), и двух голов грифонов или фантастических птиц. **Первая фигура** изображена лежащей на брюхе с изогнутым удлиненным телом, согнутыми в локтях и вытянутыми вперед двупалыми лапами (показаны три лапы и часть четвертой, как бы поджатой под тело). Голова зверя с узкой вытянутой вперед мордой, с поднятым кверху носом с крупными ноздрями и острыми ушами соответствует видовым признакам волка. Однако наличие длинного извивающегося хвоста, продолжающего спинной хребет (одинаково показанные параллельными бороздами), придает образу волка фантастический характер. При этом его хвост обвивает тело следующего за ним волка, и конец хвоста выходит из-под левой задней ноги жертвы. **Вторая фигура** волка изображена в позе готового к прыжку хищника с коротким, как бы сжатым телом, подогнутыми и вытянутыми вперед двупалыми лапами (показаны все четыре лапы). Зверь вгрызается в круп передней фигуры, видны его верхняя челюсть, загнутый кверху нос, каплевидной формы глаза и уши в виде «запятой». **Третья фигура**, нападающая на вторую, являет собой существо, идентичное первому персонажу. Его длинный хвост, как бы завязанный петлей, пропущен между задними лапами под брюхо. Конец хвоста в виде головы хищной птицы выступает из-под правого плеча.

Все фигуры в древности были расцвечены вставками голубой пасты – имитация бирюзы и кораллов (судя по количеству гнезд, вставок было 48, в настоящее время сохранилось только 5). Вставки в основном миндалевидной и каплевидной формы, ими были отмечены глаза, уши, кончики носов, мышцы плеча и бедер, окончание лап, они составляли главный декоративный элемент в

композиции. Графический орнамент фактически отсутствует. Лишь вдоль хребтов и хвостов первой и третьей фигуры гравировкой показаны параллельные борозды (рис. 7, 3,4,5). Вся композиция в целом была выполнена одновременно в технике басмы с вторичной обработкой чеканом и резцом.

№ 4. Рис. 3, 1,2. Волки, изображенные на золотых браслетах из кургана 10 Кобяковского могильника в сценах нападения волка на грифона. (Пара золотых браслетов, найденных в богатом женском погребении (курган 10) на Кобяковском могильнике у с. Кобяково Ростовской области, Нижний Дон. Раскопки 1987 г. Браслеты хранятся в Ростовском областном краеведческом музее. Инв. № 18957\3-4\374-375 [16, с. 157, рис. 7:1,3; 21, р. 63-64, п. 88-89; 3, с. 45-52; 4, с. 113, 116 – 118. Ил. 55, 56a]). Композиция на кобьяковских браслетах и по содержанию, и по построению фигур подобна композиции изображения на фризах гривны из кургана Хохлач. Волки, нападающие сзади на грифонов, показаны в профиль с подогнутыми лапами. Они изображены с большой головой с открытой пастью, поднятым кверху носом и, в отличие от волков на гривне, снабжены крыльями. Фигуры декорированы вставками миндалевидной и овальной формы в углубленных гнездах, которыми отмечены плечо и бедро, ухо, глаз, кончик носа и лапы. Вставки преимущественно выполнены из голубой пасты, но имеются единичные экземпляры из бирюзы (?) и граната. Гравировкой в виде веревочного или жгутообразного орнамента передана шерсть на хвосте и внутренней стороне лап (рис. 7, 6). Композиция выполнена одновременно с одной матрицы в технике басмы.

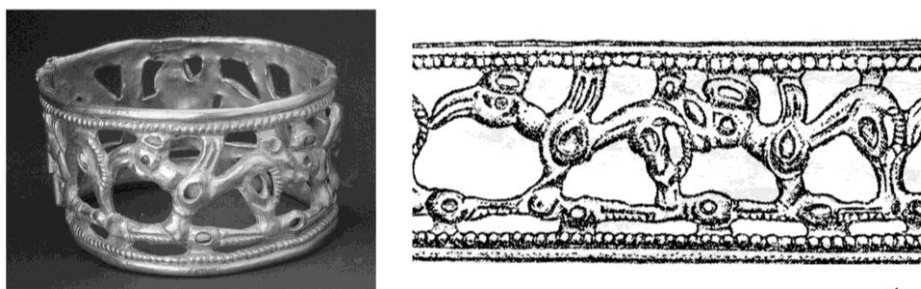

Рис. 3. Изображения крылатого волка на браслетах из Кобяковского могильника:
1 – браслет (от пары); 2 – деталь композиции

№ 5. Рис. 4,1. Волки, изображенные на поясных бляхах из погребения в кургане 1 у с. Пороги в сценах борьбы зверей. (Две бляхи от парадного пояса происходят из мужского погребения, обнаруженного в кургане 2 у с. Пороги Ямпольского района Винницкой области. Раскопки Б.И. Лобая 1984 г. Вещи хранятся в музее исторических драгоценностей, г. Киев, Украина. Описания конструкции и техники блях даны по публикации А.В. Симоненко, Б.И. Лобая [18, с. 14-18, рис. 8; 9]). На округлой поверхности блях по кругу симметрично расположены две идентичные фигуры зверей, кусающих друг друга. Фигуры изображены в профиль на четырех согнутых двупалых когтистых лапах с длинным веревочного вида хвостом, пропущенным между задними лапами. Большая голова зверя показана с вытянутой мордой, широко открытой зубастой пастью, направленным назад острым ухом, с вздернутым носом и массивным рогом с загнутым кверху свободным концом. Кроме того, волки снабжены крыльями определенного вида, состоящими из двух декоративных частей – верхней (плечевой), обозначенной миндалевидной вставкой, и нижней в виде пяти гравированных поперечными насечками полос со слегка загнутыми концами, передающими маховые крылья; аналогичная рельефная полоска окаймляет с одной стороны плечевую часть крыла. Фигуры волков декорированы вставками разных форм: миндалевидными выделены уши,

загнутыми конец рога и запястья на лапах, листовидными с одной изогнутой стороной обозначены плечевые части крыльев, мышцы бедер и живота, сегментовидными и круглыми вставками отмечены скакательные суставы. Гравировкой, как уже говорилось выше, переданы перья на крыльях, шерсть на хвосте и на внутренней стороне лап, а также зубы в оскаленной пасти (рис. 7, 7). Вставки, как отмечают авторы публикации, сделаны из голубоватой и серо-голубой пасты и бирюзы. Бляхи состоят из железной пластинчатой основы, золотого покрытия и бело-сероватой массы между ними. Рельеф на золотом покрытии, по мнению А.В. Симоненко и Б.И. Лобая, выполнен в технике тиснения (18, с. 15-16). Однако, судя по конструкции блях, они могли быть выполнены и в технике басмы.

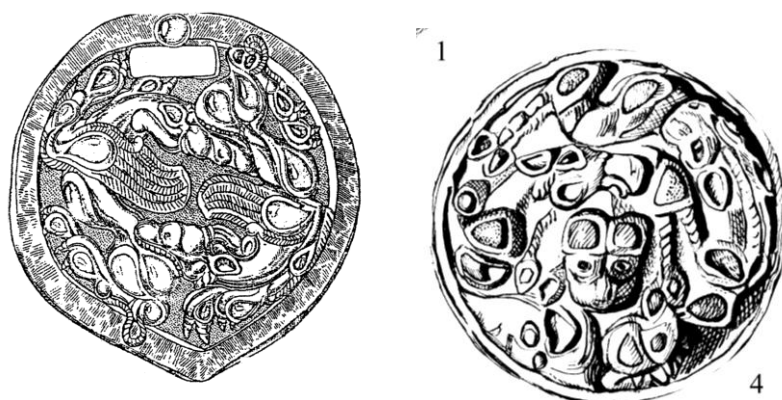

Рис. 4. Изображения волка и крылато-рогатых волков:
1 – крылато-рогатые волки на бляхе (от пары) из кургана у с. Пороги;
2 – волк на фаларе из кургана Садовый

(Под правым рисунком цифру 4 заменить на 2!)

№ 6. Рис. 4, 2. Волки (?), изображенные на больших и малых фаларах из кургана Садовый в сценах терзания волком и грифоном пантеры. (Фалары (два больших и 12 малых) – декоративный набор конской сбруи – были найдены в тайнике кургана Садовый, расположенного на окраине г. Новочеркасска Ростовской области. Раскопки 1962 г. В настоящее время большие фалары утрачены, малые хранятся в Ростовском областном краеведческом музее. Инв. № КР 2526/16, 2527/20 и др. [6, с. 164-167; 7, с. 228-234; 13, том II, с. 77]). Фигуры волка сильно стилизованы и показаны не полностью. Наиболее четко изображение головы с длинными острыми ушами, направленными назад, и удлинённой мордой – признаки, которые позволяют предположить, что представленный здесь персонаж воспроизводит образ волка, но в очень условной манере, как, впрочем, условна и вся композиция в целом [7, с. 228; 1, с. 44-50]. Фигуры изображены как бы лежащими вполборота на брюхе, показана одна левая передняя нога. Вставками миндалевидной формы отмечены уши, плечи и окончания лап, выпуклые глаза выделены круглыми вставками (рис. 7, 9). В качестве материалов для вставок использованы бирюза, коралл, цветная паста. Фалары состоят из бронзовой, серебряной или железной основы, обтянутой золотым листом, декор на котором исполнен в технике тиснения (?) или басмы (?). Рельеф с внутренней стороны заполнен массообразным веществом.

Рис. 5. Изображение крылатого волка на пластине из Кубани

№ 7. Рис. 5. Волк, изображенный на прямоугольной пластине. (Пластина из случайной находки на Кубани, точное место находки неизвестно [20, с. 131, рис. 151; 12, кат. 84, рис. 35]). Фигура зверя показана в профиль, зверь присел на передние лапы, задняя часть тела приподнята (показаны четыре лапы с когтистыми пальцами), хвост, пропущенный между задними лапами, закинут на спину, голова с длинной мордой с широко открытой, оскаленной пастью и длинным острым ухом повернута назад. Волк наделен крылом определенного типа, состоящим из плечевой части, выделенной двумя вставками, и перьевой части в виде орнаментальных полос с загнутыми концами. Также вставками отмечены ухо, глаз, бедро, спина, запястья (рис. 7, 8). Фигуру зверя окружает бордюр из листовидных вставок. Декоративный рельеф на пластине, скорее всего, выполнен в технике басмы, как на большинстве подобных изделий сарматского звериного полихромного стиля.

№ 8. Рис. 6. Волки, изображенные на поясных ажурных пластинах из кургана 3 могильника Хапры Ростовской области. (Поясные пластины были найдены в тайнике кургана 3 на могильнике Хапры у с. Чалтырь Мясниковского района Ростовской области. Раскопки И.А. Гордина в 1988 г. Хранение – Азовский музей-заповедник, отдел археологии. Инв. № КП-24444/1-2 [19, с. 89. Кат. 10]).

В сценах борьбы с грифонами представлены фантастические образы, у которых голова волка сочетается с покрытым чешуей телом змеи. Они показаны с переплетенными извивающимися телами и обращенными в разные стороны огромными рогатыми (?) головами с вытянутой мордой со складками на носу, загнутым кверху кончиком носа и острыми направленными назад ушами. Кончик носа и уши выделены гнездами в виде «запятой» со вставками листовидной и треугольной формы из зеленого стекла и розового коралла (одно ухо). Глаза чудовищ отмечены овальными гнездами со вставками синего стекла и обведены с внешней стороны дуговидным валиком. Рельефными валиками также переданы складки на носу и поверхность гребня или рога. Последние украшены орнаментом в виде рисунка из поперечных чередующихся бороздок и выпуклостей. Чудовища вгрызаются в горло грифонов, которые в свою очередь кусают их змеевидное тело. Вся композиция заключена в прямоугольную раму. На оборотной стороне, как пишет М.Е. Филимонова, имеются пластинчатые петли для крепления ремней [19, с. 89]. Пластины предположительно выполнены в технике басмы.

Рис. 6. Изображения «волка-змеи» на пластинах из могильника Хапры

Приведенные выше описания волкоподобных изображений показали, насколько каждое из них индивидуально, что проявляется и в общих чертах, и в деталях. Они различаются изобразительными приемами, художественными и техническими свойствами, а также содержанием. Например, даже такие фигуры, как волки на гривне и браслетах из кургана Хохлач, исполненные, скорее всего, одним мастером, о чем свидетельствует их стилистическое единство и идентичная техника изготовления, имеют свои особенности (рис. 7, 1,2).

Остановимся сначала на характеристике стилистических признаков, формирующих художественные образы волков (рис. 7). Прежде всего отметим почти полное отсутствие одиночных изображений. Персонажи, кроме крылатого волка на пластине из Кубани (№ 7), входят в многофигурные композиции со сценами нападения (№ 1, 2, 3, 4, 6) или борьбы (№ 5, 8)².

Большинство фигур показаны в профиль, лишь волк на фаларе из кургана Садовый – вполоборота. Среди них выделяются персонажи, изображенные в разных позах: присевшие на передние лапы (№ 1, 5, 7), «крадущиеся» (№ 2), стоящие (№ 4), лежащие на животе (№ 3, 6). Некоторые изображены с резко повернутой назад головой (№ 1, 5, 7).

Одним из главных изобразительных средств при передаче зооморфных мотивов были цветные вставки из бирюзы, коралла, голубой и голубовато-сероватой пасты, иногда синего и зеленого стекла или граната, которыми подчеркивались глаза, уши, нос, плечи, бедра, крылья, лапы и др. Наиболее распространенная форма вставок – миндалевидная, реже встречаются треугольная (рис. 7, 2,10), листовидная с изогнутой стороной (рис. 7, 5), удлинненно-ромбовидная (рис. 7, 3,4).

Из других изобразительных средств обращают на себя внимание особые формы ушей и кончика носа в виде «уха на черешке» (рис. 7, 3,4,7) и «запятой» (рис. 7, 5,10). Оригинальны лапы чудовищ в виде сочетания вставки с графическим изображением двух когтей на поясных бляхах из погребения у с. Пороги (рис. 7, 7).

По-разному изображался поднятый вверх кончик носа – при помощи вставки (рис. 7, 2,3,4,10), округлой выпуклости (рис. 7, 1,7) или рельефного завитка (рис. 7, 5). У фигур на кубанской пластине и фаларе из кургана Садовый подобная деталь носа отсутствует (рис. 7, 8,9).

В трех случаях волки наделены крыльями, в двух из них – на бляхах из Порогов и на кубанской пластине – крылья представлены в соответствии с традиционным для древнего искусства кочевников Евразии типом, они состоят из

² Здесь и далее курсивом обозначены порядковые номера изображений волков в описательной части.

плечевой части, отмеченной одной или несколькими вставками, и маховой, переданной графически длинными изогнутыми полосками с загнутыми концами (рис. 7, 7,8) (5, рис. 11,II). Особенно сильно концы перьев загнуты на крыле волка, изображенного на кубанской пластине. В третьем случае – на браслетах из Кобяково – крылья волков достаточно схематичны и показаны в виде изогнутого прямоугольника с рельефными вертикальными гранями и желобками (рис. 7, 6).

Также традиционно положение хвостов, пропущенных между задними ногами под брюхо и переданных графическим орнаментом в виде «веревки» или «жгута» (рис. 7, 1,4-условно,7,8). Традиционный характер носит и такой изобразительный элемент, как «воротничок» под шеей волка на кубанской пластине (рис. 7, 8) [5, с. 367, рис. 11].

И как совершенно особый случай следует рассматривать изображения длинных змееподобных хвостов у волков на флаконе из кургана Хохлач (рис. 2; 7, 3,4), змеевидное, покрытое чешуей тело чудовищ на пластинах из могильника Хапры (рис. 6).

Таким образом, несмотря на небольшое количество рассмотренных мною изображений волчьего мотива, они характеризуются значительным разнообразием изобразительных приемов и средств. Что же касается художественных образов, то они тоже отличаются разнообразием; представлены как просто волки, так и волкоподобные фантастические существа.

Волчьи мотивы	глаз	ухо	нос	плечо	бедро	лапа	хвост	крыло	рог
1 									
2 									
3 									
4 									
5 									
6 									
7 									
8 									
9 									
10 									

Рис. 7. Стилистические признаки «волчьего мотива» на изделиях сарматского звериного стиля:

1, 2, 5, 9 – образ волка на гривне, браслетах и флаконе из кургана Хохлач и на фаларах из кургана Садовый; 3, 4 – образ волка со змеевидным хвостом на флаконе из кургана Хохлач; 6, 8 – образ крылатого волка на браслетах из Кобяковского погребения и на пластине из Кубани; 7 – образ крылато-рогатого волка на бляхах из погребения у с. Пороги; 10 – образ волка-змеи на пластине из могильника Хапры

Рассмотрим **образ волка** без фантастических элементов (№ 1, 2, 3 – средняя фигура, 6 ?). О его принадлежности к данному виду хищников свидетельствуют длинная вытянутая морда с поднятым кончиком носа и длинное острое ухо, направленное назад, – черты, отличающие зверя волчьей породы, например, от

кошачьих хищников, которые обычно изображались с круглой тупой мордой и округлыми поднятыми кверху ушами.

К выделенному нами образу волка относятся пять изображений – два на гривне и браслетах из кургана Хохлач, одно на ладьевидном флаконе из этого же кургана (рис. 1,1,2; 2 – средняя фигура) и два на больших и малых фаларах от конского снаряжения из кургана Садовый (рис. 6). Все они в той или иной степени переданы в условной манере, что можно объяснить характерными для сарматского полихромного звериного стиля приемами стилизации фигур и их декоративностью, а иногда, как на фаларах из кургана Садовый, и недоработкой мастера (*№ 6*). Однако как бы ни было стилизовано или схематизировано изображение того или иного животного, оно, будучи символом-знаком, должно быть узнаваемо. С этой целью мастер особо выделяет главные видовые признаки, часто утрируя формы и размеры. В то же время в некоторых случаях ряд признаков оказывается общим для разных видов животных. Например, тела грифонов и волков на гривне из кургана Хохлач и на браслетах из кобяковского погребения смоделированы одинаково, различаются только головы, по которым мы узнаем, что здесь присутствуют два разных персонажа. Даже когда изображения животных абстрагируются настолько, что превращаются в геометрические формы, главные видовые черты остаются. Примером этого могут служить нашивные золотые бляшки из сарматских погребений I в. н. э., передающие геометризированные зооморфные мотивы [2, с. 128 – 134].

Другой образ – **крылатый волк** – представлен двумя изображениями: на браслетах из Кобяковского погребения (*№ 4*, рис. 3) и на пластине из находки на Кубани (*№ 7*, рис. 5). Образ на браслетах перекликается с образом волка на гривне из кургана Хохлач, но отличается от него не только наличием крыла, но и большей схематичностью и примитивностью передачи всей фигуры. На мой взгляд, не только персонажи, но и вся композиция в целом, представленная на кобяковских браслетах, являются репликой декоративного фриза на гривне из Хохлача [3, с. 42 – 55]. Изображение же крылатого волка на кубанской пластине отличается более высоким художественным уровнем. Следует заметить, что трактовка фигуры фантастического волка, вписанной в прямоугольную рамку, и по композиции, и по изобразительным средствам близка трактовке образа грифона на пряжке из кургана 12 Никольского могильника, что указывает на их принадлежность к единой стилистической группе изделий (рис. 8) [5, рис. 1, 3,4].

Рис. 8. Пряжка с изображением грифона из Никольского могильника Астраханской области

Следующий образ – **крылато-рогатый волк** – встречается на поясных бляхах из кургана у с. Пороги (*№ 5*, рис. 4,1). Определение подобного существа Н.В. Лавыгиной – «волк-грифон» – вряд ли правильно. Прежде всего мы должны исходить из того, что грифон – это самостоятельный, собирательный художественный образ, состоящий из фигуры крылатого льва с головой хищной птицы – орла или грифа с

длинными, торчащими вверх ушами. Зооморфные же изображения на поясных бляхах из погребения у с. Пороги, кроме крыльев, не имеют других общих черт, которые позволили бы объединить эти два различных образа – грифона и рогатого крылатого волка³. Нет никаких оснований считать, что крылья для волков заимствованы именно у грифонов, так как крыльями наделялись животные разных видов – львы, пантеры, тигры, волки, козлы, олени, кони и др. Этот фантастический элемент для перечисленных выше зверей и животных был позаимствован древними мастерами у птиц. Птицы, парящие в небе над землей, в представлении древних народов символизировали небо, верхний мир. Не случайно в композициях с мировым деревом фигуры птиц помещались на его вершине. Но если крылья взяты у птицы, то источником другого фантастического элемента – рогов – могли послужить рогатые животные: козел, баран, бык и др. Почему именно эти два элемента наиболее часто встречаются по отдельности и вместе в зооморфных фантастических образах звериного стиля скифо-сарматской эпохи, пока остается загадкой. Вряд ли мы можем получить однозначный ответ на этот вопрос, относящийся к области семантики древнего искусства. Однако заметим, что в данных случаях выбирались наиболее значимые по своим функциональным особенностям детали. Например, крылья – главная жизненная сила птиц – или рога, которые для копытных являлись их «боевым оружием» как при защите, так и при нападении. Может быть, эти дополнения к образам хищников кошачьей породы и волков призваны были акцентировать внимание на могуществе зверя.

Многие исследователи подчеркивают значение зооморфных образов как знака – кода, в котором закодированы мировоззренческие представления, понятные их создателям и носителям. При этом каждый отдельный образ соответствует одной идее и имеет свой определенный смысл. Внесение в образ изменений отнюдь не носит случайный характер. Это не просто фантазия или воображение создателя [15, с. 48], а вполне осмысленное дополнение, которое придавало новый смысл изображению. Е.И. Оятева, изучая семантику образов пермского звериного стиля, рассматривает «сложные зооморфные изображения» как результат процесса ассоциации разных зооморфных субъектов и отмечает, что полученные таким способом новые образы сами становятся новым кодом – символом [14, с. 17].

Следующий волчий мотив, который исследователи связывают с образом волка-дракона, представлен на ладьевидном флаконе из кургана Хохлач (*№ 3 – первая и третья фигуры*, рис. 2) и на поясных пластинах из могильника Хапры (*№ 8*, рис. 6). Однако эти изображения не идентичны и фактически относятся к разным художественным образам.

Так, существа на флаконе по основным иконографическим признакам соответствуют образу волка. Мы видим фигуру хищника на четырех лапах с типичной волчьей головой с вытянутой длинной мордой, поднятым кверху носом, острыми длинными ушами, направленными назад. На связь этих существ с драконом косвенно могут указывать удлиненное с изгибом тело и извивающийся змеевидный хвост, но при этом у них отсутствует один из главных признаков дракона – крылья. Фантастический образ на флаконе формально можно определить как **ВОЛК со змеевидным хвостом**.

³ Статья Н.В. Ладыгиной, посвященная образам фантастических существ полихромного звериного стиля, представляет несомненный интерес. Однако следует отметить некоторые неточности в описании изображений волков. Например, автор предполагает, что волки на ладьевидном флаконе (*№ 3*) из Хохлача якобы имеют рога; вряд ли верно и отождествление ушей на средней фигуре со «стилизированными головками грифона» [10, с. 157–159]. В настоящее время у нас нет доказательств существования в рамках сарматского полихромного звериного стиля образа «рогатого волка». Но это не значит, что их не было вообще, просто мы не располагаем пока подобного рода данными.

Чудовище же на пластинах с типичной волчьей головой и бескрылым телом змеи, на мой взгляд, следует называть не волк-дракон, а **волк-змея**.

В энциклопедии «Мифы народов мира» дракон называется крылатым, летучим змеем и определяется как мифическое существо, представляющееся в виде сочетания элементов разных животных, обычно головы или нескольких голов, туловища пресмыкающегося – змеи, ящера, крокодила – и **крыльев** птицы [11, с. 394].

Таким образом, среди зооморфных изображений сарматского звериного стиля в настоящее время мы выделяем следующие художественные образы волчьего мотива: **волк, крылатый волк, крылато-рогатый волк, волк со змеевидным хвостом и волк-змея**.

Несмотря на наличие в названных выше зооморфных изображениях фантастических элементов, каждый из которых несет свою смысловую нагрузку, главная символическая роль в целом отводится волку. Волк первичен, фантастические элементы – крылья птицы, рога животных, змеиный хвост – вторичны. Таким образом, все выделенные нами художественные образы следует относить к одной группе изображений, представляющих разновидности «**волчьего**» мотива.

Литература

1. Засецкая И.П. Изображение «пантеры» в сарматском искусстве // СА. 1980. №1.
2. Засецкая И.П. Зооморфные мотивы в сарматских геометрических бляшках // Античная торевтика: сборник научных трудов. Л., 1986.
3. Засецкая И.П. Золотые браслеты из сарматского погребения Кобяковского могильника: происхождение сюжета и место изготовления // РА. 2003. № 4.
4. Засецкая И.П. Сокровища кургана Хохлач. Новочеркасский клад. СПб., 2011.
5. Засецкая И.П. Изображения грифонов и «грифов» в сарматском зверином стиле // Золото, конь и человек: сборник статей. Киев, 2012.
6. Клейн Л.С. Садовый курган – новый выдающийся памятник сарматской эпохи // ВЛУ. 1962. № 20.
7. Клейн Л.С. Сарматский тарандер и вопрос о происхождении сарматов // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976.
8. Королькова Е.Ф. Звериный стиль Евразии. Искусство племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (VII–IV вв. до н. э.) СПб., 2006.
9. Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск, 1987.
10. Лавыгина Н.В. Образы фантастических существ в полихромном зверином стиле среднесарматского времени // Археология Волго-Уральского региона в эпоху раннего железного века и Средиземноморья. Научные школы ВГУ. Волгоград, 1999.
11. Мифы народов мира: энциклопедия. Т. 1. М., 1980.
12. Мордвинцева В.И. Полихромный звериный стиль. Симферополь, 2003.
13. Мордвинцева В.И., Трейстер М.Ю. Произведения торевтики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье. 2 в. до н. э. – 2 в. н. э. Т. I – III. Симферополь; Бонн, 2007.
14. Оятева Е.И., Игнатьева О.В., Белавин А.М. Пермский звериный стиль в сокровищнице Государственного Эрмитажа. Пермь, 2009.
15. Переводчикова Е.В. Язык звериных образов. Очерки искусства евразийских степей скифской эпохи. М., 1994.

16. Прохорова Т.А., Гугуев В.К. Богатое сарматское погребение в кургане 10 Кобяковского могильника // СА. 1992. № 1.
17. Руденко С.И. Сибирская коллекция Петра I // САИ [Вып.]. Д 3-9. М.-Л., 1962.
18. Симоненко А.В., Лобай Б.И. Сарматы Северо-Западного Причерноморья в I в. н. э. (погребение знати у с. Пороги). Киев, 1991.
19. Сокровища сарматов. Каталог выставки. СПб. – Азов, 2008.
20. Толстой И.И., Кондаков Н.П. Русские древности и памятники искусства. Древности времени переселения народов. Вып. 3. СПб., 1890.
21. L'Or des Sarmates. Entre Asie et Europe. Nomades des steppes dans L'Antiquite: Exh. cat. Abbaye de Daoulas, 1995.

УДК 902/904

© 2012 Кирпичников А.Н.

О ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ ФАКТОРЕ В ПЕРВЫЕ ВЕКА РУССКОЙ ИСТОРИИ

Автором дается оценка роли человеческого фактора в процессе становления Руси. Делается вывод о том, что первоначально государство основывалось на относительной свободе населения, вольной предприимчивости, открытой человеческой инициативе, этнической уживаемости в социальном мире. Этим объясняется взлет экономики, быстрое освоение новой техники, стремительное развитие городов, ремесла, торговли, транспортных средств.

Ключевые слова: человеческий фактор, государство, Русь.

Мощным подъемом в VIII-X вв. Русь во многом была обязана свободной человеческой деятельностью.

Заметим, что при раскопках огромных могильных холмов (сопки высотой до 10-15 м) у Старой Ладogi обнаруживали очень скромные заупокойные приношения (бусы, бронзовые украшения, ножи, обломки сосудов, все нередко поврежденное огнем), что свидетельствует, по мысли В.А. Мельниковой, о довольно низком уровне социальной дифференциации. При этом знаковая величина насыпей допускает предположение о выделении знати [1]. Полагаю, что небогатый состав вещей из сопок скорее указывает на имущественное равенство первых поколений горожан Ладogi. О том же говорит устройство и находки раскопанных ладожских домов-пятистенков IX-X вв. с более или менее единообразным набором бытовых и иных изделий (стеклянные бусы, изделия из кости, бронзы, железа, свинца с оловом, камня, обломки керамики и т. д.). В Ладогe не найдено следов боярских усадеб, типичных для Новгорода, однако зафиксирована уличная порядовая структура расположения домов. Их населяли самодостаточные ремесленники и торговцы, если так можно выразиться, среднего класса.

Результаты раскопок в Старой Ладогe [2] и современные исследования по ранней истории Руси вызывают к жизни новые подходы к историческим процессам, происходившим в славянской Восточной Европе, особенно в её северной части, в период раннего Средневековья [3]. Принятые научные стереотипы требуют определенного пересмотра.

Накапливается все больше фактов, свидетельствующих о том, что первоначальному древнерусскому государственному устройству не были присущи

явления, свойственные более позднему времени, такие как феодальная земельная собственность и выраженное классовое членение общества. Такого рода общество, своеобразное вечевое народоправство, называют стратифицированным. Оно, если подходить схематично, включало военно-торговую элиту, свободных горожан, наконец, сельских хозяев. Общие вопросы решались на вечевых сходах. Рабство играло в хозяйстве второстепенную роль. Ограничение власти князей и дружины, характерное для северной Руси, предусматривалось общественными соглашениями. Первое известное соглашение – ряд – принял Рюрик, приглашенный во власть в 862 г. славяно-финской конфедерацией племен.

«Вась молю, стадо Христово, съ любовию приклоните уши ваши разумно, како быша древние князи и мужие ихъ и како отбараху. Русския земли и ины страны придаху подъ ся. Тъи во князя не собираху многа имения, ни творяху вирь, ни продажъ въскладаху люди; но еже будяше правая вара, а ту возмя, даяше дружине... Они во не складаху на своя жены златыхъ обручи, но хожаху жены ихъ въ сребреныхъ; и расплодили бы землю Руськую» [4].

То был особый период в жизни ставшего самостоятельным населения городов и сел тогдашней Руси. Можно сказать, что первоначальное государство основывалось на относительной свободе населения, вольной предприимчивости, открытой человеческой инициативе, этнической уживаемости в социальном мире. Этим объясняется взлет экономики, быстрое освоение новой техники, стремительное развитие городов, ремесла, торговли, транспортных средств. На просторах Восточной Европы во многом мирным путем образовалось этнически и культурно интегрированное сообщество племен и народов, объединенных единым политическим руководством и небывалыми по размаху дальними связями. В этом сообществе лидировала и набирала силу Русь. Здесь следует учесть сложность общеевропейских процессов и взаимовлияние разнородных групп населения, находившихся на разных уровнях развития (странствующих викингов, земледельцев-славян, охотников-финнов, придворных тружеников, городских жителей, вооруженных купцов).

Конечно, нельзя абсолютизировать «бесконфликтное» «вольнлюбивое» устройство новообразованного государства. Не сразу ушли в прошлое племенные обычаи и влияние родовой аристократии. Но сквозь эти «старины» мощно пробивались новые порядки, разрушавшие местную замкнутость и «зверинский образ жизни». Случались усмирительные походы, имели место принуждение, грабительские дани. Пришедшее к власти политическое руководство встречало сопротивление племенных старейшин. Но как бы то ни было, на карте Восточной Европы в середине IX в. утвердилось новое государство, Киевская Русь, которому суждено было исторически непрерывное существование.

Литература

1. Мельникова Е.А. Скандинавы в процессах образования Древнерусского государства // Древняя Русь и Скандинавия. Избранные труды. М., 2011. С. 57.
2. Кирпичников А.Н., Сарабянов В.Д. Старая Ладога – первая столица Руси. СПб., 2012.
3. Мельникова Е.А. К типологии предгосударственных и раннегосударственных образований в Северной и Северо-Восточной Европе (Постановка проблемы) // Древнейшие государства Восточной Европы за 1992–1993 гг. М., 1995.
4. Носов Е.Н. Происхождение первых городов Северной Руси (постановка проблемы: история и археология) // Исторические записки. 2002. № 5.
5. Новгородская первая летопись младшего и старшего извода. М.-Л., 1950. С. 103-

ПОЧИТАНИЕ БУЛДЫ В НАРОДНОЙ РЕЛИГИИ УДМУРТОВ

В статье анализируется традиция почитания родоплеменного божества южных удмуртов Булды. Выявляется роль и значение культа Булды в системе верований. Прослежены истоки этого культа, связанного с воздействием южного тюркского мира.

Ключевые слова: традиционные верования, культ Булды, капище, христианские и буддистские идеи.

В конце XIX – начале XX в. в бывшем Елабужском уезде (ныне Алнашский, Малопургинский, Граховский, Кизнерский, Киясовский, Можгинский районы УР) у одной этнотерриториальной группы южноудмуртского населения (собственно южные удмурты) существовал праздник Булды. На нем собиралось огромное число людей не только из Елабужского, но и из соседних Сарапульского, Уржумского и Малмыжского уездов [5; 3, с. 165; 11, с. 204; 4 с. 48–49]. Наиболее торжественное празднество устраивалось в центральной части уезда в лесу Кокшанского завода возле д. Старой Юмьи (ныне Алнашский район УР). Помимо этого «малые булды» были и в других местах, например в дд. Вожи Староятчинской волости и Гондыревой Граховской волости (ныне Граховский район УР), д. Кузебаево и с. Варзи-Ятчи (ныне Алнашский район УР), д. Варклет-Бодья (ныне Агрызский район РТ) и др. В конце XIX в. Старая Юмья считалась одним из наиболее «старых поселений вотяков [удмуртов. – Н. Ш.], пришедших сюда более 200 лет назад, как уверяют, из нынешней Казанской губернии» [4, с. 43–45]. Ревностные язычники, сохранившие почитание *Булды*, собирались на общественные моления из 30 и более селений, иногда располагавшихся за сотню верст от этого места. По разным причинам число участников постепенно сокращалось, ограничивалось жителями 5–10 деревень. А потом эти святилища были заброшены. По свидетельству Н. Блинова, «эти святилища называются «Булда», будто бы по имени удмурта из д. Юмьи, видевшего сон. Потомки его до настоящего времени сохраняют старшинство над этим мольбищем, старший из этого рода – главный жрец» [4, с. 43–47].

Рассмотрим собранные нами этнографические материалы о почитании Булды.

Деревня Кузебаево. Жители деревни по способу отправления религиозных культов подразделены на три социально-культовых объединения (*выжы*): род (хранители и почитатели) святилища Булда, род святилища Великая куала и род Священной роци. Представители трех структурных объединений прежде молились строго по отдельности, соответственно имело место почитание одного из трех святилищ, брачные союзы между ними были запрещены. В последнее время такой строгости уже не наблюдается: они могут посещать моления друг друга, жениться и выходить замуж, невзирая на прежнее табу. Прежние правила сохраняются при выборах жреца. Так, жрецов Луда выбирают исключительно из состава приверженцев культа Луда, а жрецов Куалы – исключительно из представителей рода Великой куалы и т. д. Кроме того, на сакральную часть территории святилища

Булда могли заходить только мужчины из рода Булда, аналогичные запреты практиковались и на двух других мольбищах.

Почти все жители деревни до сих пор помнят, к какому социально-культовому объединению они относятся. Представители группы Луда были некрещеными, а представители двух других – крещеными. В общих молениях по случаю календарных праздников участвовали все жители деревни вне зависимости от принадлежности к родам, однако гостевание после совершения моления шло строго по родственным линиям, различными были и напевы, исполняемые во время совместной трапезы. Следы подразделения жителей на три группы прослежены и в других южноудмуртских селениях.

Святилище Булда располагается на склоне возвышения Булда, на левом берегу Лулошур (букв.: живая речка; по свидетельству кузубаевцев, она то исчезает, то вновь появляется, “оживает”) (рис. 1; 2). Речка берет начало на склоне возвышения, у самого ее истока вода извергается водопадом. Сакральная часть святилища многоугольной формы с кострищем в центре огорожена. Обрядовые церемонии здесь проводили один раз в год на Троицу (*Трочин*), на них собирались жители десятка окрестных деревень. Однако каждая деревня в роли главного жертвователя или распорядителя выступала один раз в три или четыре года. В качестве общественной жертвы приносили белых овец или жеребят, а в качестве частной, семейной – белых гусей или овец. В прежние времена жертвовали жеребенка, но в наши дни, говорят, это обходится дорого. Поэтому вместо жеребенка совершали заклание овцы и гуся (*чуньылэн серметэз* ‘уздечка жеребенка’). Варили мясо и кашу, освящали пищу. Вещественные жертвенные дары (полотенца, скатерти и др.) во время моления развешивали на деревьях, на изгороди, а потом складывали в сундук.

В завершение моления проводили обряд *вылэ мычон* ‘вознесение вверх’ – часть мяса и каши складывали на прикрепленную к дереву маленькую полочку. Затем обрядовую пищу раздавали всем участникам моления. Моление на Булде длилось до вечера. Вечером мыли посуду, собирали все принадлежности и вновь пожертвованные предметы, складывали их в сундук. Перед уходом закрывали ворота, затем очерчивали топором огороженную площадку, «запирая» святилище. После этого шли молиться к главному жрецу, а в прежнее время гостевали – разгуливали вдоль по улице под мелодию гуслей. По воспоминаниям стариков, моления прежде проходили весело. Молились с березовыми ветками, с шеи жреца свисали березовые ветки. Во время молений на великих гуслях (*быдньым крезь*) Васьлей-агай (Васьлей – личное имя, удм. *агай* ‘старший брат, дядя’) исполнял специально для этого обряда предназначенную мелодию, другие участники пели. По преданиям, на этом месте иногда видели белого человека *Булдамурт* (удм. *мурт* ‘человек’). Говорили, что *Булду* привезли откуда-то на лошадях, но уже никто не помнил – откуда. Среди людей сохранились представления, согласно которым хозяева святилищ *Луда*, *Булды*, *Быдньым куалы* похаживали друг к другу в гости (*вёсьёс ог огзы доры ветло*), иногда их мог видеть и человек. *Булду* представляли в виде человека в белом.

Для молений выбирали шесть жрецов: главного жреца (*вёсясь*), почетного председателя (*төр*), помощника (*юрттһськись*), подметающего (*цужиськись*), мойщика посуды (*тусьты-пуньы миськись*), нарезающего хлеб (*нянь шормась*). Главный жрец должен выполнять свои обязанности в течение 12 лет. В советские годы дольше всех *вёсясем* на Булде был Майор Иванович Иванов. Он рассказывал, что его жрецом избрали в детстве. Бросали жребий без него, но жребий пал на него. Он очень стеснялся, что ему, такому молодому, надо было выполнять обязанности жреца, ведь на моления всегда ходили только старики. Тогда ходили на моление

тайно, говорили, что проводят сабантуй. «Когда падает жребий, хоть что делай, неважно, комсомолец ты или партиец. Не посмел отказаться. С молением не шутят. Кто нарушил это правило, не понимая, не подумав, долго на свете не прожил. На первое моление шел, ничего не зная, не понимая, сам себя приободрил [настроил. – Н. Ш.]. Дошли до ворот на Булде, три раза поклонились, чтобы дух моления разрешил войти. Что делали старшие, то и я делал. После поклонов мне разрешили открыть ворота на огороженную часть», – продолжил свой рассказ М.И. Иванов.

«Когда на меня пал жребий, мне старики так и сказали: «Осторожно, никуда не надо шарахаться. К духу моления тащить, насильно тянуть не надо». Ребята, которых научили, что *Инмара* [главное небесное божество. – Н. Ш.] нет, они туда не ходят. А жребий на них падает, значит, дух моления просит. Вон, Прокопьев не пошел, что случилось. Я бы тоже не поверил, что раз упал жребий – надо идти молиться. В лог Булда меня потянуло. Ехал я на мотике [на мотоцикле], и случилась со мной авария у лога, чуть не погиб. После этого случая стал я молиться, всю душу вкладывая в моление. Хоть что пусть не говорят, но *вось* [дух моления. – Н. Ш.] есть. Ведь кого *вось* полюбит, кто ему нравится, на того и падает жребий. Поэтому, когда бросают жребий, я говорю: «В детстве я баловался, наверное, но если нравлюсь духу моления (*вось*), пусть снова на меня падет жребий. Двенадцать лет я был главным жрецом, а теперь я то председателем, то помощником бываю на молениях в Булде. Говорят, у *Булды* книга была, там, наверное, и все моление было записано... В той книге все было расписано, в каком году и когда надо проводить моление, когда бросать жребий. Но эта книга сгорела, когда случился пожар в доме Матвеевых. В мои руки эта книга уже не попала. Матвеевы, боясь коммунистов, моление забросили, может, из-за этого у них и пожар произошел. Так же и Пислег Кузьмин не выдержал: один год побыл жрецом и попросил переизбрать, вновь бросить жребий. А надо было продержаться, три раза провести моление, может, и сейчас еще жив бы был», – завершил свой рассказ М.И. Иванов [10, с. 66; русский текст Н.И. Шутовой].

Село Варзи-Ятчи. Посетивший в 1881 г. с. Варзи-Ятчи Г.Н. Потанин отметил, что святилище Булда располагалось примерно в 1 версте от деревни, выше по течению местной речки Варзинки, на огороженном участке склона Варзи-Ятчинской горы. Ныне здесь расположен санаторий Варзи-Ятчи. Когда в конце XIX в. здесь открыли лечебные грязи, купец Ушков за большие деньги выторговал это место у стариков. Поэтому моление Булде перенесли на другое место. Говорят, это обстоятельство послужило причиной того, что ближайшая д. Ляли полностью сгорела. По традиционным представлениям, такова была месть хозяина святилища [ПМА–1998].

В 1881 г. в молениях принимали участие жители 5–7 деревень. Начинались они на следующий день после Петрова дня и продолжались три дня. В жертву приносили коня, телку, быка, двух гусей. Суть ежедневных обрядовых действий состояла в освящении *кумышки* (ритуальный спиртной напиток; при этом немного *кумышки* плескали в огонь), хлеба (часть кусочков раздавали старикам, часть бросали в огонь), мяса, каши, в проведении совместной трапезы и сборе денег для последующих молений. После моления первого дня вечером на лугу за деревней закололи овцу, сварили ее и совершили трапезу в честь умерших предков. В корыто из бересты собрали кровь жертвы, туда же добавили кусочки лепешек, немного *кумышки* и мясного бульона, а потом выставили в поле как бы для предков. На самом деле эти приношения съели собаки. Первые два дня молились *Инмару* (главное небесное божество), поэтому все кости принесенных в жертву животных сжигали на костре, на третий – *Му-Кылчину* (божество земли и плодородия), поэтому кости зарывали в землю. В эту же яму плескали кровь, напитки, бросали кусочки хлеба и других угощений [11, с. 204–212].

О возникновении традиции проведения общественных молений Булде повествует следующая легенда. Св. Николай из любви к русским поселился в русском селе, а его три меньших брата по имени Булдо расселились по удмуртским деревням. В честь них устраивались праздники каждое третье лето в трех местах – дд. Старой Юмье/Зюмье, Арлиановой/Арлан, Варзи-Ятчах бывшего Елабужского уезда (ныне Алнашский район). В последнем селении, по преданиям, моление установили с 1826 г., когда младший *Булда* пришел и поселился на Варзи-Ятчинской горе [5; 11, с. 204].

Другой исследователь, П.Н. Луппов, наблюдал моление Булде в Варзи-Ятчах в 1921 г. и в 1924 г. Огороженное капище имело форму прямоугольного участка с двумя закругленными сторонами. В центре располагался столб с иконой Казанской Божьей Матери, изображение которой было обращено к северу. По линии север – юг были устроены три кострища с приспособлениями для подвешивания котлов. Справа на южной половине сохранились следы ямы, прикрытой поленьями, здесь зарывали кости ранее принесенных в жертву животных. В северо-западном углу были сложены жерди и доски от скамьи и стола (рис. 3). Моление происходило около Петрова дня в течение нескольких дней. В жертву поочередно приносили жеребца (в 1924 г. его заменили бараном), барана, быка (в 1924 г. – овечку), овечку, иногда гуся. Участники обряда приносили хлеб с маслом, *кумышку* (ритуальный алкогольный напиток). Порядок моления тот же, что и на других общественных молениях [8, с. 82–114].

В 1998 г. на площадке старинного святилища Булда располагалась подстанция. По преданию, строили ее с трудом, все ломалось, да и сейчас там часто бывают неполадки. Место это считается “нечистым”: поблизости случаются аварии, были случаи суицида, а двух человек убило молнией. По свидетельству стариков, это капище принадлежало некрещеным удмуртам рода Бодья. Обрядовые церемонии проводили здесь с иконами, которые хранились дома у языческих жрецов. Во время молений иконы прикрепляли на деревьях, а полотенчатые уборы развешивали на веревках. Из священной одежды Булды (пожертвованной ему людьми) ничего нельзя было изготовлять или шить, не полагалось ее носить, так как от этого человеку могло быть плохо. Информант Е.И. Абрамова, 1922 г. р., принадлежала к семье, почитающей святилище Булда. Ей пришлось хранить пожертвованные вещи у себя дома в сундуке. Она очень боялась этих принадлежностей, поэтому собрала их и сожгла на месте моления. А нам она посоветовала при осмотре святилища обращаться к хозяину Булде с такими словами: “Хорошо к нам отнесись, не делай худого, мы с добрыми намерениями ходим, *Булда-хозяин*”. Во время коллективизации через мольбище специально проложили дорогу. По преданиям, деревья на том месте рубили татары. Говорят, после этого их скрючило. Один татарин обратился за помощью к удмуртскому гадателю (*туно*), последний посоветовал ему найти жеребенка семицветного окраса и пожертвовать Хозяину святилища. Выполнив такой обряд, этот татарин остался жив [ПМА–1998].

В окрестностях с. Варзи-Ятчей имелось еще одно капище Булды, на котором молились жители соседних деревень Кибьи и Бодьи. В 1924 г. место моления представляло собой большой неогороженный участок лесной поляны у дороги (рис. 4). На южной стороне поляны стояла ель, на которой на уровне человеческого роста была прикреплена полочка для жертвы. Перед елью на еловых ветках на земле были сложены принесенные на моление караваи хлеба с маслом (около 130–150 экз.). Удмурты были некрещеные, поэтому молились без иконы. В северо-восточном углу стоял небольшой столик для продуктов. Перед елью, севернее нее, стоял стол для моления жрецов, вокруг него буквой П располагались скамейки для стариков и лиц почтенного возраста (45–70 лет). За скамейками стояли женщины и молодые парни, детишки. Всего здесь присутствовало до 800 человек. Женщины были одеты в

лучшие одежды, довольно часто можно было увидеть бархатное пальто без рукавов (*камзолы*), у многих на груди были украшения из серебряных монет. Все вели себя чинно. Обрядовые церемонии здесь производились в течение четырех дней. В жертву приносили последовательно жеребца, быка, телушку, барана. Порядок моления был тот же: последовательно производилось освящение хлеба, *кумышки*, бульона, мяса и сбор денег. В перерывах между этими действиями женщины угощали жрецов и почтенных стариков кумышкой [Луппов 1927: 82–114].

Деревня Нижние Юраши. Место моления Булде располагалось на самой возвышенной части берега реки, в 1,5 км от окраины д. Нижние Юраши Граховского района. По рассказам информантов, прежде на этом месте стоял дубовый лес, а теперь склоны горы засажены сосняком. Моление проводили на поляне посередине леса. В настоящее время сакральная часть святилища поросла старыми кленами, сохранились единичные дубы. По свидетельству Н.М. Логиновой, 1918 г. р., прежде это место было огорожено. На одном из кленов повязаны принесенные по обету пожертвования (полотенца, скатерти, полотенчатые головные уборы), раньше все это держали в сундуках (рис. 5). Около одного из старых кленов имеется ямка, в нее бросали предварительно вымытые в воде монеты, просили здоровья, благополучия. Такие жертвования совершали преимущественно женщины. Сохранились свидетельства, что прежде монеты бросали к корням липы. Рядом на поляне раскладывали кострища. В отдалении от сакрального места стоял дуб, под которым разделявали жертвенное животное.

Возникновение капища связывают с тем, что в давние времена одному человеку было видение: из лесочка вышел человек и очень просил приносить ему кровавую жертву (информант А.Н. Маркелова, 1910 г. р.) Рассказывают также, что *Булду* в эти края привезли давно откуда-то из алнашской стороны (поэтому-то это моление иногда называли *Алнаш/Алнаш весь*). Везли в течение трех лет на тройке лошадей, объезжали верховья всех источников. Пересекать речки или другие водные источники не разрешалось, иначе не будет пользы/не будет силы у *Булды*.

Хозяина святилища *Булду/Булдамурта* представляли как высокого человека/старика в белой одежде, который ходит по горе *Булдагурезь*. По одной версии, *Булда* якобы сам шел на эту гору в течение трех лет, минуя речки и овраги, только по сухим местам [сведения 1987 г.]. По второй версии, самый главный *Булда* – это ель, которая, по свидетельству одних информантов, уже высохла и свалилась от старости, и теперь на том месте уже нет елей, а по свидетельству других, – эта высохшая ель до сих пор стоит в круге (в 1998 г. ее уже не было). Эту ель называли *Булда бабай*. По третьей версии, *Булду* представляли в виде дуба, который привезли из алнашской стороны и который поныне растет на горе. Может быть, в двух последних случаях имелся в виду какой-нибудь идол из дуба или ели. Везли, по-видимому, также и святые вещи – *Булда сундук (Булда сандык)* с полотенцами, поясами, платками и пр.

Булда/Булдамурт считался божеством, покровительствующим удмуртам, святым помощником *Инмара*. Полагали, что он обладал большой святой силой. Говорили, что даже во время пожара, случившегося в 1930 г. в д. Нижние Юраши, все дома и постройки горели, а амбар *Булды (Булда кенос)* не загорался, пока с неба не упала под амбар какая-то звездочка, после чего загорелся и амбар. А одеждой из *Булда сундука* человеку нельзя было укрываться, ибо у людей появлялось такое ощущение, что кто-то стаскивает ее с них. Увидеть *Булду* считалось не к добру. Хозяин святилища мстительный, если ему что не понравится – насылает болезни: в таком случае человека либо корчит, либо у него появляются чирьи. На том месте может мерещиться. Одному пастуху слышалась игра на гармошке, после этого он повесился.

По сведениям, записанным в 1987 г., в Петров день на горе Булда жертвовали белого барана и ели пшеничную кашу. Накануне моления обязательно мылись в бане, ничего нечистого, плохого не делали перед молением, не имели интимных отношений с женой. В первый день резали утку, во второй – овцу, в третий моления сопровождалась игрой на скрипке, в четвертый проводили моления в лесу, в пятый резали гуся. Чтобы купить овечку для моления, из окрестных 18 деревень собирали крупу, муку, масло, яйца, деньги. Эти продукты продавали и на полученные деньги покупали жертвенное животное. Замаливали здесь теленка и жеребенка каждые 12 лет [уст. сообщ. Р.А. Чураковой].

Обрядовые церемонии проводили через каждые три года в Петров день. По обету от отдельных семей, в случае болезни или другого несчастья, допускалось ежегодно жертвовать белого гуся или утку на Пасху или в Петров день. Люди приходят сюда с просьбами и дают обеты в любое время. Жертвовали животное уже во время общего моления, при этом поручали это дело человеку из чужой патронимии. Осенью, на Покров, жрецы ходили прощаться с *Булдой* и жертвовали ему гуся или утку. В настоящее время моления проводятся регулярно в Петров день раз в три года. В качестве жертвенных животных использовали живность мужского рода – гусей, уток, овец, теленка или бычка белой масти. По мнению некоторых информантов, в каких-то особых случаях замаливали животных и птиц черной масти. Не полагалось использовать скотину и птиц пестрого цвета. Молились без икон.

Начиналось общественное моление во дворе почетного председателя *торк* Харитон-дая (*бабай, дадай, дай/дадай* производные от удм. *агай* 'старший брат, дядя'; рус. дядя, дед; тат. *бабай* 'дедушка'). Утром в праздник встречи весны *акашки* всей семьей выходили во двор, в руках несли тарелки с хлебом, кашей, яйцами, маслом. Становились перед восходом солнца и просили у *Инмара* теплого дождя, достатка, просили уберечь от пожаров и бед. Затем заходили в дом и садились за трапезу. Приходили соседи и собирали деньги для покупки жертвенного животного для следующего моления.

Моление продолжалось на капище, посередине поляны. В сакральном круге среди лип и дубов сидел почетный председатель *ткро* Харитон-дай с полотенцем на шее и руководил молением. Что он говорил, то и делали жрецы. Там же, в центральной части святилища, по кругу стояли жрецы: Чимок-бабай, Олег-бабай, Сергей-бабай – и держали в руках на полотенцах тарелки с хлебом и мясом. Остальные стояли рядом вокруг этого места. Жрецы три раза ходили по кругу по солнцу, поочередно возносили к небу хлеб, кумышку, тарелки с жертвенным мясом и кашей. Просили, чтобы скот уродился, люди не болели. Время от времени один из жрецов восклицал: "*Йыбырттэ!*" (Кланяйтесь, молитесь!), – и все присутствующие становились на колени и молились. По мнению одних, жрецы просили у *Инмара*: "*Замаливаем Булда вксъ и у Инмара просим*". По мнению других, обращались со словами прошения к *Булде*, чтобы охранял или оберегал своих людей в приходящем году, чтобы жизнь была легкой, чтобы год был урожайным, чтобы численность скота прибавлялась, чтобы народ не болел. С этими словами все вставали на колени и отдавали поклоны. На молениях хотя и пили, никто не напивался допьяна, а жрецы вообще не пили. Моление продолжалось с утра до вечера в течение нескольких дней. Уходя, крестились и говорили: храни нас до будущего года. Религиозные церемонии сопровождалась игрой на гусях, скрипках, существовала специальная обрядовая мелодия без слов – *Булда гур*. Гусли изготавливали из пораженной молнией ели, на великих (больших) гусях (*быдным крезь*) играли мужчины, а на маленьких – женщины. Во время моления жрецы были обращены лицами на юг, к солнцу [2, с. 124-125].

Почетным председателем *т́кро* мог быть самый старший и уважаемый старик, знающий порядок моления. Знаменитый *т́кро* Харитон-бабай, Харитон Александрович Александров, 1898 г. р., по словам его невестки К.М. Харитоновой, 1937 г. р., внучки А.Т. Суворовой, 1942 г. р., и всех знавших его людей, был исключительно хороший человек, никто никогда от него не слышал плохого слова, не видел плохого поступка, все его любили и уважали. Говорили, что он добрый и хороший, как *Инмар*. Во время моления Харитон-бабай плакал, говорили, что его доводил до такого состояния Хозяин святилища. Очевидно, в процессе ритуальных церемоний происходило своеобразное духовное очищение (катарсис) участников моления, а в ярко выраженной форме его испытывал *т́кро* как человек, наиболее приближенный к потусторонней божественной сфере, как человек, осуществляющий посреднические функции между человеческим сообществом и миром богов.

Пожертвованные вещи во время обрядовых действий (полотенца, скатерти, отрезы ткани, и платки пр.) развешивали на святилище, а в промежутках между молениями хранили во дворе у главного жреца или почетного председателя Харитон-дая в сундуке/сундуках в особом амбаре {*Булда кенос*}. В сундуки же складывали специальные кафтаны для моления, пояса (кушаки), небольшие подушки, посуду (чашки и ложки). Перед общественной церемонией, за три дня до Петрова дня, предметы из священных сундуков стирали в р. Юрашке. Число участников достигало 30 человек. Это был шумный и веселый праздник. На речку ездили на лошадях с колокольцами, Митя-бабай играл на скрипке. Когда старики решили бросить моление, все ценные и красиво вышитые вещи продали и устроили большой праздник для всей деревни: установили столы с угощениями, пировали. Говорят, моление "пустили по воде".

Обрядовые церемонии на святилище Булда проводили жители десятка окрестных деревень. Моление Булде удмурты называют Великое/Большое моление (*Быдһым вксь*). Говорят, что на этом месте до революции проводилось единственное моление Булде во всем Елабужском уезде. На Петров день сюда собирались на тройках лошадей жители всей округи. Было весело, как на ярмарке. В молениях принимали участие и русские, чьи-нибудь родственники, кумовья, друзья. Ходили и мужчины, и женщины, однако женщины не имели права освящать и молиться с хлебом, что было связано с выполняемыми ими репродуктивными функциями.

Почитание божества *Булды* можно отнести к поздним явлениям, оно связано с ареалом обитания одной этнотерриториальной группы южных удмуртов (собственно южные удмурты). Для них святилища Булда играли роль духовных центров и выполняли этноконсолидирующие функции, а культ *Булды* служил одним из главных этноопределяющих признаков. Нам уже приходилось писать о существовании особого этнического подразделения булда-удмурты, которые обособляли себя от других этнотерриториальных групп, как от удмуртов-ватка (жившие у р. Вятки), так и от удмуртов-калмезов (жившие у р. Кильмези). Материальная и духовная культура этой группы южноудмуртского населения характеризуется значительным своеобразием. Было высказано предположение, что субстратную основу этого подразделения южноудмуртского населения «...составили потомки существовавшего в прошлом социально-культового объединения Булда, которое, возможно, сформировалось в результате культурного и этнического взаимодействия кильмезских удмуртов с какими-то южноудмуртскими группами, испытывавшими болгарское воздействие» [13, с. 99–100].

Накопленные за прошедшее десятилетие материалы о функционировании святилищ Булда и последние авторские изыскания по тюркским заимствованиям в культовой практике и верованиях южных удмуртов позволяют актуализировать

проблему истоков культа *Булды*. Следует отметить, что в названии и особенностях культа Булды прослеживаются одновременно элементы буддизма и христианства. Наименование родоплеменного божества можно рассматривать в качестве искаженного имени Будды. В д. Кузеебаево сохранились сведения о существовании особой книги Булды, по которой молились на святилище. Обращает на себя внимание своеобразие личности одного из главных служителей культа – почетного председателя *ткро* – и характер выполняемых им функций. Во время молений на нижнеюрашинском святилище *ткро* Харитон-дай сидел в центре круга под деревьями и медитировал. Примечательны характеристики Харитон-дай – очень добрый, спокойный, благожелательный. По свидетельству Н. Блинова, в конце XIX в. имелась информация: «в северо-восточном углу Елабужского уезда в глухой Ильинской волости указывают одну деревню, вблизи которой *Булда сидел на дереве*» [Блинов, с. 48–49]. О связи культа Булды с православием свидетельствует предание, записанное в 1859 г. среди удмуртов Варзи-Ятчинского прихода, о том, что Булды – братья Николая Чудотворца. Общественное святилище Булда в некоторых селениях называли иногда *Микулай вксъ* ‘моление Николаю’ [11, с. 204; 4, с. 48–49].

Хозяина святилища *Булду* представляли в облике высокого человека/старика в белой одежде или в виде дерева – ели или дуба. В святилище д. Сарамак Староятчинской волости (ныне Граховский район УР) существовал идол Булда. «Много лет назад жители трех селений различных местностей просили ... булду к себе; но «старик» не согласился уходить из своего места, а отпустил троих сыновей [своеобразная система мультипликации реликвий. – Н. Ш.]... в деревни Аргабаши и Бемыж (ныне Кизнерский район УР) и Вожи (ныне Граховский район УР). Сыновья эти были чурбаны, изображающие собой мужчин в виде сидящей куклы во весь рост. Дерево, на крестьянский взгляд, обделано искусно, с усами, бородой и волосами из конопляной кудели.... За «молодого» *Булду* из каждой деревни уплачены были деньги и *кумышка* (удмуртский алкогольный напиток собственного изготовления)» [Блинов 1898: 43–49]. Фотографий или других наглядных свидетельств существования этих идолов не сохранилось, но можно предполагать, что это были изображения, копирующие либо сидящего Будду, либо св. Николая.

На наш взгляд, культ *Булды* привнесен в удмуртскую среду какой-то группой кочевников (тюрко- и монголоязычные кочевники XIII–XIV вв.), рано познакоившихся с христианскими и буддийскими идеями. О существовании таких групп тюрко- и монголоязычных племен известно в научной литературе. По мнению исследователей-тюрковедов (В.В. Бартольд, Т.М. Михайлов, С.Г. Кляшторный, А.М. Сагалаев), с конца I – II тыс. народы Центральной Азии и Южной Сибири познакомились с манихейством, несторианством, буддизмом, исламом. В составе улуса Джучи XIII–XVI в. наряду с тюрко-монгольским шаманизмом имели влияние буддийские, мусульманские, несторианские, католические идеи [см. Тюхтенева, с. 243–246; Лушников, с. 87–90]. В XIII–XVI в. составе улуса Джучи предки алтайцев контактировали с деятелями буддийского, мусульманского, несторианского, католического духовенства, представленными при дворе монгольских ханов. В XVIII в. в Российской империи началась христианизация алтайцев [ссылка по 12, с. 243–246]. Известная веротерпимость и надконфессиональность Чингиз-хана (и в целом государства Золотой Орды) привлекала к нему и его силе всех недовольных и притесняемых: буддистов, конфуцианцев, христиан, мусульман [ссылка по: 9, с. 87–90].

О «православно-буддийском диалоге» (о взаимовлиянии идей христианства и буддизма) в среде тюрко-, монголоязычных народов писали многие авторы. В частности, кочевники-монголы Южной Сибири (монголы, буряты, тибетцы) XVII–XVIII вв., проповедовавшие ламаистский буддизм, включали в свой сложный пантеон

и христианских святых, в частности св. Николая [1, с. 211–218; 6, с. 25–26]. Сталкиваясь с местными верованиями, буддизм часто вбирал их в себя, но при этом никогда не забывал отвести божествам и культам строго определенное место (7, с. 683–684). Рассуждая о «православно-буддийском диалоге», М.В. Головизнин учитывает широкий исторический контекст, «а именно то, что христианство, зародившееся на Ближнем Востоке на культурном базисе эллинизма, впитало и переосмыслило многие обряды и обычаи восточных культов (митраизма и пр.), которые в той или иной степени также были усвоены буддизмом, распространявшимся в Восточном Иране и Средней Азии перед тем, как он попал в Тибет и Монголию. Кроме того, изгнанные из Византии в первые века христианства манихеи и адепты «несторианской» ереси, ушедшие далеко на Восток, не только (за 1000 лет до русских) познакомили с Евангелием тюркские и монгольские степные народы, но и длительно сосуществовали с буддизмом» [6, с. 25–26].

Култ Булды мог быть привнесен в удмуртскую среду какой-то группой кочевников, знакомых с христианскими и буддийскими идеями, после монголо-татарского нашествия в XIII–XIV вв. При этом пришлое тюрко- и монголоязычное население оказало заметное консолидирующее воздействие лишь на одну территориальную группу местных оседлых финно-угорских обитателей Приуралья.

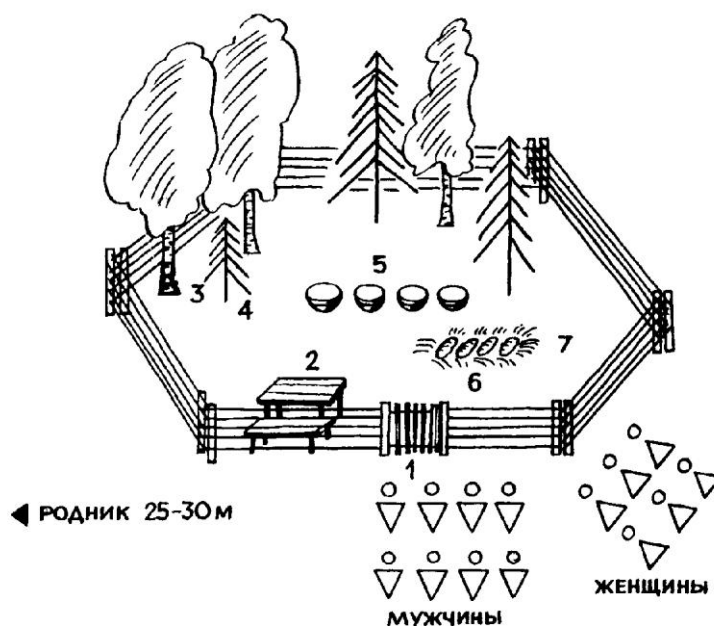

Рис. 1. Деревня Кузебаево. Схема святилища Булда в 1981 г.

(по В.Е. Владыкину):

- 1 – калитка для жрецов; 2 – стол и скамья для *ткро* и *вксяся*; 3 – священное место под березой; 4 – возношение высшим божествам *вылз мычон*; 5 – котлы для жертвенной пищи; 6 – хлебы для освящения; 7 – место жертвоприношений

Рис. 2. Деревня Кузебаево. Святилище Булда. Фото Н.И. Шутовой, 1998

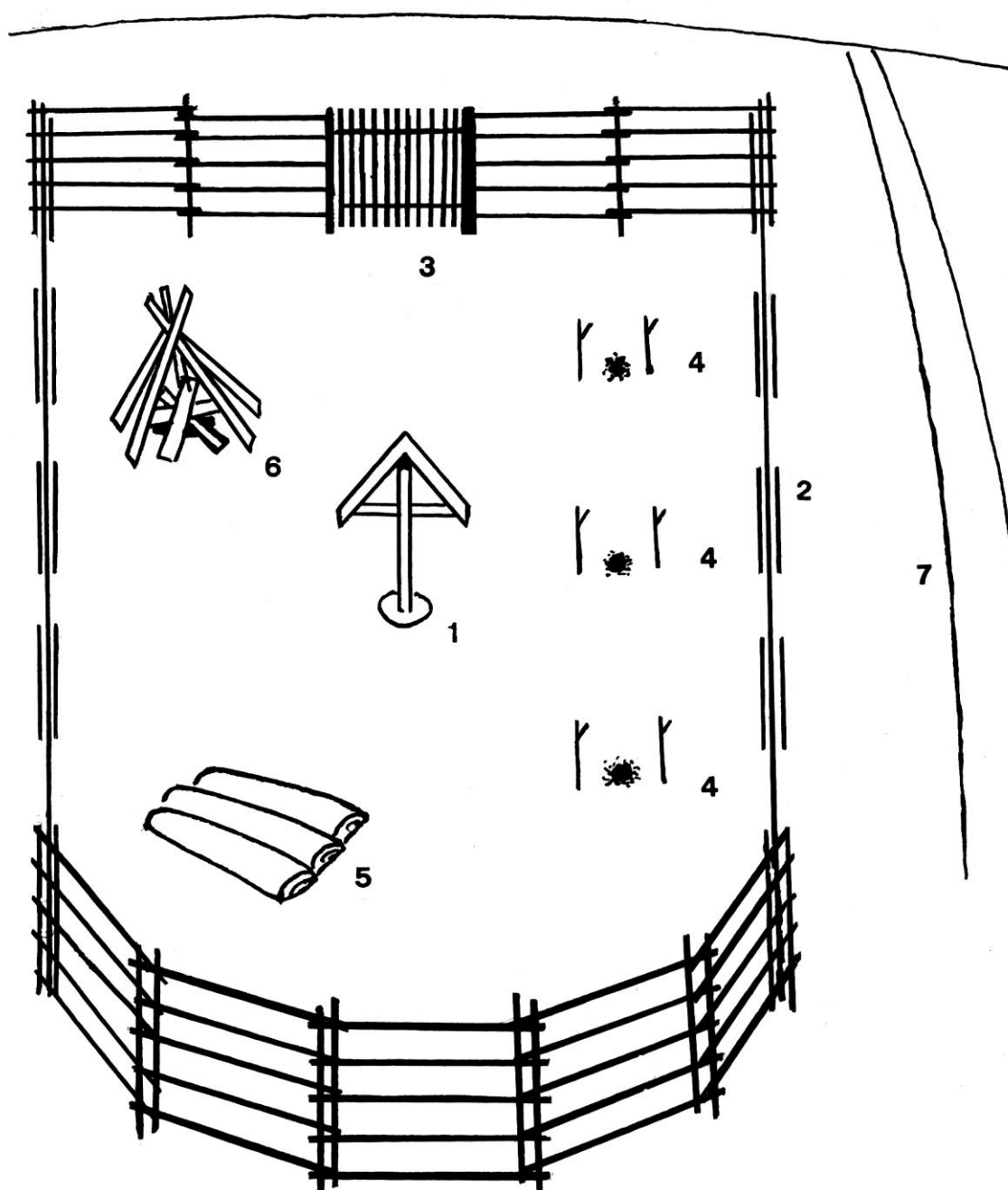

Рис. 3. Село Варзи-Ятчи. Святилище Булда:
 1 – столб с иконой; 2 – изгородь; 3 – ворота; 4 – кострища; 5 – яма для зарывания
 костей пожертвованных животных; 6 – доски и жерди от разобранных столов и стульев;
 7 – дорога. Вид с юга. Реконструкция выполнена по схеме
 П.Н. Луппова

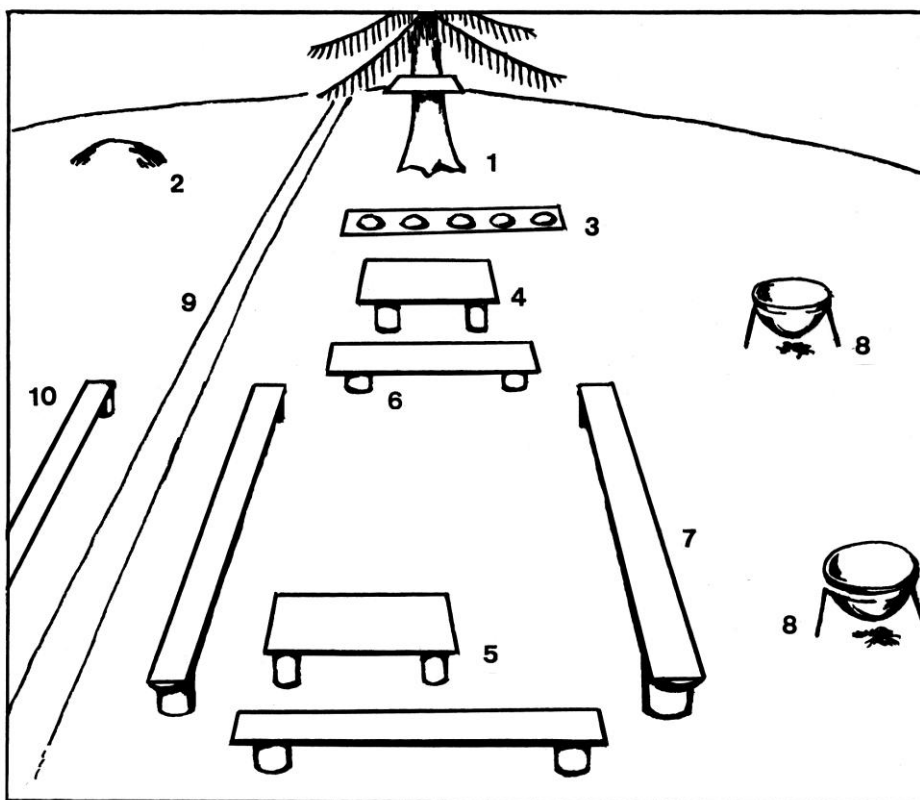

Рис. 4. Святилище Булда жителей деревень Кибья и Бодья:
 1 – ель; 2 – яма для зарывания костей пожертвованных животных; 3 – жертвенные хлеба; 4 – стол для жрецов; 5 – стол для продуктов; 6 – скамья для жрецов; 7 – скамьи для пожилых участников моления; 8 – кострища; 9 – дорога; 10 – скамьи для других участников моления. Вид с севера. Реконструкция выполнена по схеме П.Н. Луппова

Рис. 5. Деревня Нижние Юраши. Святилище Булда. Священное дерево.
 Фото Н.И. Шутовой, 1998

Литература

1. Аджиев М.И. Религия Степи // Религии мира. Т. 6. Ч. 1. М.: Аванта, 1996. С. 211–218. (Серия «Энциклопедия для детей»).
2. Атаманов М.Г. История Удмуртии в географических названиях. Ижевск: Удмуртия, 1997. 347 с.
3. Бехтерев В.М. Вотяки, их история и современное состояние: Быт и этнографические очерки // Вестник Европы. 1880. № 8–9.
4. Блинов Н. Языческий культ вотяков. Вятка, 1898.
5. Вотяки // ВГВ. 1859. № 9–11, 13, 32.
6. Головизнин М.В. «Православно-буддистский диалог» и его культурно-исторические последствия в Южной Сибири XVII–XVIII вв. // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе / Под ред. П.К. Дашковского. Барнаул: Азбука, 2009. Вып. III. С. 19–35.
7. Елканидзе М.М. Буддизм тхеравады // Религии мира. Т. 6. Ч. 1. М.: Аванта, 1996. С. 673–684. (Серия «Энциклопедия для детей»).
8. Луппов П.Н. Из наблюдений над бытом удмуртов Варзи-Ятчинского края Вотской автономной области // Труды НОИВК. Ижевск, 1927. Вып. 3. С. 82–114.
9. Лушников О.В. Монгольская империя в историографии XVIII–XX вв. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2009. 116 с.
10. Овсянникова Е. Кузёбай вöсьёс. Инвожо. 2001. № 12. 60–68-тн б.
11. Потанин Г.Н. У вотяков Елабужского уезда // ИОАИЭ. 1884. Т. 3. С. 189–255.
12. Тюхтенева С.П. Панорама религиозной жизни алтайцев: от древности до современности // Религия в истории и культуре монголоязычных народов России / Сост. и отв. ред. Н.Л. Жуковская. М.: Вост. лит., 2008. С. 242–255. (319 с.).
13. Шутова Н.И. Дохристианские культовые памятники в удмуртской религиозной традиции: Опыт комплексного исследования. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2001. 304 с.

УДК 902/904

© 2012 **Матвеева Г.И., Мышкин В.Н.**

КУЛЬТОВОЕ МЕСТО И МОГИЛЬНИК У С. ПОДГОРЫ НА САМАРСКОЙ ЛУКЕ

Предварительная публикация материалов, полученных при исследовании поселения Подгоры V. В статье показано, что исследованный в 1999–2001 гг. участок памятника представлял собой культовое место и могильник.

Ключевые слова: раннее Средневековье, именьковская культура, культовое место, могильник, поселение, погребение.

Духовная культура до сих пор остается одной из наименее исследованных сфер жизни племен именьковской культуры. Основными источниками по исследованию их идеологии являются могильники. В последние десятилетия благодаря работам казанских археологов П.Н. Старостина, Е.П. Казакова, Е.А. Беговатова выявлено и исследовано около двух десятков именьковских могильников и отдельных погребений. Все они находятся в пределах республики Татарстан. Погребения именьковской культуры, совершенные по обряду кремации, известны также в Башкортостане у с. Кушнаренково и в г. Уфе. В других районах распространения именьковской культуры они неизвестны. Не выявлены также

культовые места и святилища именьковцев. В этой связи особый интерес представляет исследование в 1999-2001 гг. поселения Подгоры V экспедицией Самарского государственного педагогического университета под руководством одного из авторов статьи [1, 2, 3] на Самарской Луке (рис. 1). В данной статье опубликованы некоторые материалы, полученные в процессе раскопок этого поселения⁴. Памятник расположен на ровной площадке террасы, имеющей небольшой наклон с севера на юг и понижающейся в сторону Каменного озера, являющегося протокой р. Волга, между с. Подгоры и пос. Гаврилова Поляна Волжского района Самарской области (рис. 2). С юга к нему примыкает селище Подгоры I, отделенное небольшой ложбинкой.

Раскопки памятника проводились в связи со строительством дороги Подгоры – Гаврилова Поляна. За три года раскопок была вскрыта площадь 3416 кв. м. Стратиграфия на всей площади раскопок одинакова.

1. Дерновый слой мощностью 15-20 см, представляющий собой светло-серую гумусированную супесь с мелкой галькой, пронизанную корневой системой растений.

2. Темно-серый слой гумусированной супеси с включениями мелкой гальки мощностью 30-40 см. В верхней части слоя встречена основная масса находок.

3. Слой буровато-серого гумусированного суглинка мощностью 20-30 см. Структура плотная, вязкая и комковатая. Находки в слое единичны.

4. Материковый слой с 1 по 15 линию представлен окатанными кусками известняка, расположенными сплошным слоем. С 16 линии материк представлял собой оранжево-желтый плотный и вязкий суглинок.

На раскопанном участке обнаружены немногочисленные вещи раннего железного века: несколько фрагментов керамики белогорского варианта ананьинской культуры и бронзовый сарматский наконечник стрелы. Небольшое количество находок раннего железного века не позволяет установить характер освоения данной местности в этот период. Белогорская керамика может быть связана с жизнедеятельностью населения, оставившего городище на Белой Горе. Не исключено, что на неисследованных участках поселения Подгоры V в дальнейшем будут выявлены остатки неукрепленного поселения белогорского варианта ананьинской культуры. Бронзовый сарматский наконечник IV-III н.э. свидетельствует о контактах, возможно, военных, оседлого населения Самарской Луки и кочевых племен Заволжья.

В начале I тыс. до н.э. на территории поселения Подгоры V проживала группа населения, керамика которой в небольшом количестве обнаружена на раскопанном участке. Эту керамику характеризуют следующие признаки: сосуды имеют вертикальную или слабо отогнутую наружу шейку, у некоторых из них имеется внутреннее ребро при переходе от шейки к тулову. Венчики большинства сосудов орнаментированы нарезками или насечками, выполненными твердым орудием. Орнамент обычно расположен с внешней стороны края венчика. Керамика данной группы находит аналоги среди сосудов Царева Кургана [4, с. 72-75, рис. 13-16], восходящих к керамике «сарматоидных» и «скифоидных» памятников Верхнего Подонья [5, с. 65, рис. 4, 3-7; 6, с. 127, рис. 5, 6, 11].

Наибольшее количество находок и сооружений относится к именьковской культуре IV-VII вв. На площади раскопа они распространены крайне неравномерно. Так, на территории раскопа 1999 года найдено всего 5 фрагментов сосудов именьковской культуры, мало их и в северной части раскопов 2000 и 2001 гг. (7

⁴ Значительный вклад в проведение полевых работ и подготовку отчетов внесли сотрудники археологической лаборатории СГПУ Ю.И. Колев, М.А. Турецкий, А.А. Ластовский, А.Е. Мамонов, Н.В. Иванова, О.В. Кузьмина, Е.В. Хуртина.

фрагментов). В центральной части этих раскопов сосредоточена большая часть именковских сооружений, развалов сосудов и индивидуальных находок, однако единичные фрагменты, столь характерные для всех поселений именковской культуры, и в этой части раскопов практически отсутствуют, поэтому создается впечатление, что территория не была заселена в именковское время, а служила культовым местом обитателей соседнего поселения Подгоры.

В X-XIII вв. исследованная территория была заселена, по крайней мере, двумя этнокультурными группами: волжскими болгарами – носителями круговой общebolгарской керамики – и населением, оставившим лепную керамику прикамско-приуральского типа с примесью раковины и веревочным орнаментом на шейках сосудов. Болгарская керамика обнаружена в 12 сооружениях.

На исследованной территории было выявлено 91 сооружение. Они представляют собой ямы круглой, овальной, прямоугольной и неправильной формы. Ямы располагались иногда на значительном расстоянии друг от друга, иногда рядом друг с другом и образовывали группы (рис. 3-5).

Ямы имели в плане разную форму: 64 были округлыми, 12 – овальными, 11 – прямоугольными, 4 – неправильными. Диаметр ям варьирует от 30 до 180 см. Преобладают сооружения диаметром 86-105 см. Глубина ям колеблется в пределах от 20 до 135 см от уровня поверхности материка. Стенки большинства ям прямые, закругляющиеся ко дну. Таким образом, эти сооружения имели котлообразную в профиле форму. Две ямы (№№ 62 и 63) имели расширяющуюся ко дну колоколовидную форму. Заполнение большей части ям по структуре соответствовало основному слою памятника, т.е. состояло из темно-серого гумусированного суглинка, часто с примесью желтого материкового суглинка, который имел равномерное распространение либо залегал в виде прослоек. В заполнении некоторых ям у стенок фиксировались наклонные клинья материкового суглинка, которые, вероятнее всего, могли образоваться в результате осыпания стенок. Пестроцветные включения, прослойки, клинья в ямах свидетельствуют о том, что сооружения имели какие-то перекрытия и сверху засыпались материковой землей. В 6 ямах в заполнении зафиксирована зола. В 4 ямах заполнение представляло собой вязкий плотный суглинок, имеющий тонкие прослойки черного цвета, цвет которых обусловлен наличием сажи и угольков.

Важной особенностью заполнения 20 сооружений было наличие обожженных и кальцинированных костей, следов огня в виде прокаленной почвы, угля, углистых и золистых прослоек. В некоторых сооружениях угли и мелкие кальцинированные кости располагались на дне (рис. 6, 7; 9, 2).

В 19 ямах находок не было. В заполнении некоторых ям встречались лишь единичные фрагменты лепных сосудов и кости животных. На дне большинства ям были обнаружены многочисленные фрагменты и целые развалы сосудов, а также кости животных.

Судя по найденным фрагментам сосудов, большинство ям было сооружено в середине I тыс. н.э. В 34 ямах были обнаружены фрагменты только именковских сосудов. В 10 ямах найдены фрагменты лепных сосудов именковской культуры и круговых болгарских домонгольского периода. Иногда вместе с ними встречались лепные сосуды прикамско-приуральского типа домонгольского же периода, относящиеся к VII группе болгарской керамики по классификации Т.А. Хлебниковой [7].

В ямах найдены также серьга с многогранником на конце (рис. 7, 3), пряслица (рис. 8, 2), обломок железной иглы, белая пастовая бусина (рис. 8, 3). Все перечисленные вещи относятся к именковской культуре. Из болгарских вещей следует упомянуть коромысло весов и железный предмет неизвестного назначения

из ямы № 79. Лишь 12 ям могут быть отнесены к болгарской культуре домонгольского периода.

Упомянутые ямы невозможно отнести к числу хозяйственных. Почти все они отличаются от обычных для имениковских поселений ям-зернохранилищ, ям-погребов для хранения мясных и молочных продуктов, а также приочажных и мусорных ям. Наличие прокалов и особенно кальцинированных костей в рассматриваемых сооружениях позволяет считать их могильными ямами. Важно отметить, что кальцинированные кости встречаются только в тех ямах, где представлена керамика имениковской культуры. Лишь в одном случае в яме с кальцинированными костями были представлены единичные фрагменты сосудов VII группы по классификации Т.А. Хлебниковой [7].

В ямах с круговой болгарской керамикой кальцинированные кости не встречались.

В яме 23 был обнаружен скелет ребенка и развал сосуда (рис. 6, б). Эту яму можно однозначно интерпретировать как погребение, совершенное по обряду ингумации. Кроме него на исследованной территории выявлены еще два погребения, совершенных по обряду ингумации. Погребение 1 было совершено в гумусном слое, поэтому форма и размеры ямы не определены. Скелет плохой сохранности принадлежал взрослому человеку. Погребенный лежал на левом боку с подогнутыми ногами, головой на восток. Кости ног обожжены. Погребение 2 обнаружено в почвенном слое, поэтому могильная яма не прослежена. Скелет сохранился частично. Обнаружен череп (фрагменты лобной, скуловых, верхнечелюстных костей, зубы), фрагменты костей рук и обломки позвонков. Судя по сохранившимся костям, погребенная женщина 40 лет⁵ была ориентирована головой на северо-восток. К сожалению, погребения безынвентарные и не могут быть датированы.

Несмотря на то, что анализы кальцинированных костей до сих пор не проведены, есть все основания считать вышеупомянутые ямы, содержащие кальцинированные кости, могильными ямами, а исследованный участок поселения Подгоры V могильником. Размеры, глубина, форма могильных ям те же, что и в имениковских могильниках. Сожжение умерших производилось где-то на стороне. На дне ям или в их заполнении встречались кальцинированные кости, фрагменты разбитых сосудов, кости животных и изредка отдельные предметы: пряслице, игла, серьга, миниатюрный сосудик.

Однако некоторые особенности погребального обряда позволяют говорить о том, что рассматриваемый памятник отличается от других могильников имениковской культуры. Во-первых, в ямах поселения Подгоры V встречаются только фрагменты сосудов, целые сосуды в них практически отсутствуют, в то время как в имениковских погребениях обычно находятся целые сосуды или их развалы. В имениковских могильниках количество кальцинированных костей в могилах различно: в одних случаях их очень мало, в других – довольно много. В ямах памятника Подгоры V количество кальцинированных костей всегда невелико. Необходимо отметить, что погребальный обряд этого памятника имеет много общего с обрядом могильников киевской культуры, которые обычно располагаются в тех же топографических условиях, что и поселения, – на краю террас или на возвышенностях в пойме поблизости от соответствующих поселений. Специфической особенностью погребений, отличающей их от сожжений других культур, является захоронение в неглубоких ямах округлой формы (диаметр 0,4-1,5 м). На дне ямы обычно находится небольшое количество пережженных костей

⁵ Антропологические определения выполнены доцентом кафедры анатомии и физиологии человека СамГПУ, кандидатом исторических наук А.А. Хохловым.

умершего, иногда смешанных с остатками погребального костра в виде золы и угля. Все это перекрыто прослойкой материкового песка или суглинка, выше которой встречаются следы тризны – кости животных, фрагменты разбитых и пережженных сосудов. В редких случаях имеется небогатый инвентарь: пряслице, подвеска, фибула. Иногда в могильниках киевской культуры встречаются ямы с углем или с фрагментами сосудов, но без костей, что, возможно, связано с какими-то ритуальными действиями [8].

Почти все черты погребального обряда киевских могильников характерны для могил, выявленных на поселении Подгоры V. Например, в ямах встречаются фрагменты сосудов при отсутствии кальцинированных костей. Как в погребениях киевской культуры, так и в сооружениях памятника Подгоры V в заполнении ям встречаются прослойки материкового суглинка, что указывает на наличие перекрытий могил, которые впоследствии обрушивались.

В двух случаях кальцинированные кости в сооружениях памятника Подгоры V находились под опрокинутыми вверх дном придонными частями сосудов. В погребениях киевской культуры такое положение сосудов не отмечено, но оно было характерно для некоторых более ранних культур полей погребений (поморской, подклешевых погребений и т.д.).

На территории раскопов 1999-2001 годов встречались фрагменты и целые развалы сосудов именьковской культуры, пряслица, железные и бронзовые изделия. Они были распределены по площади раскопа неравномерно: на раскопе 1999 г. никаких находок, кроме 5 фрагментов лепных сосудов, не обнаружено. Только 7 фрагментов лепных сосудов найдено в северной части раскопов 2000 и 2001 годов. Основная масса находок – в центральной части этих раскопов, в южной же их части найдено всего 15 фрагментов сосудов. В основном все находки встречались в непосредственной близости от ям.

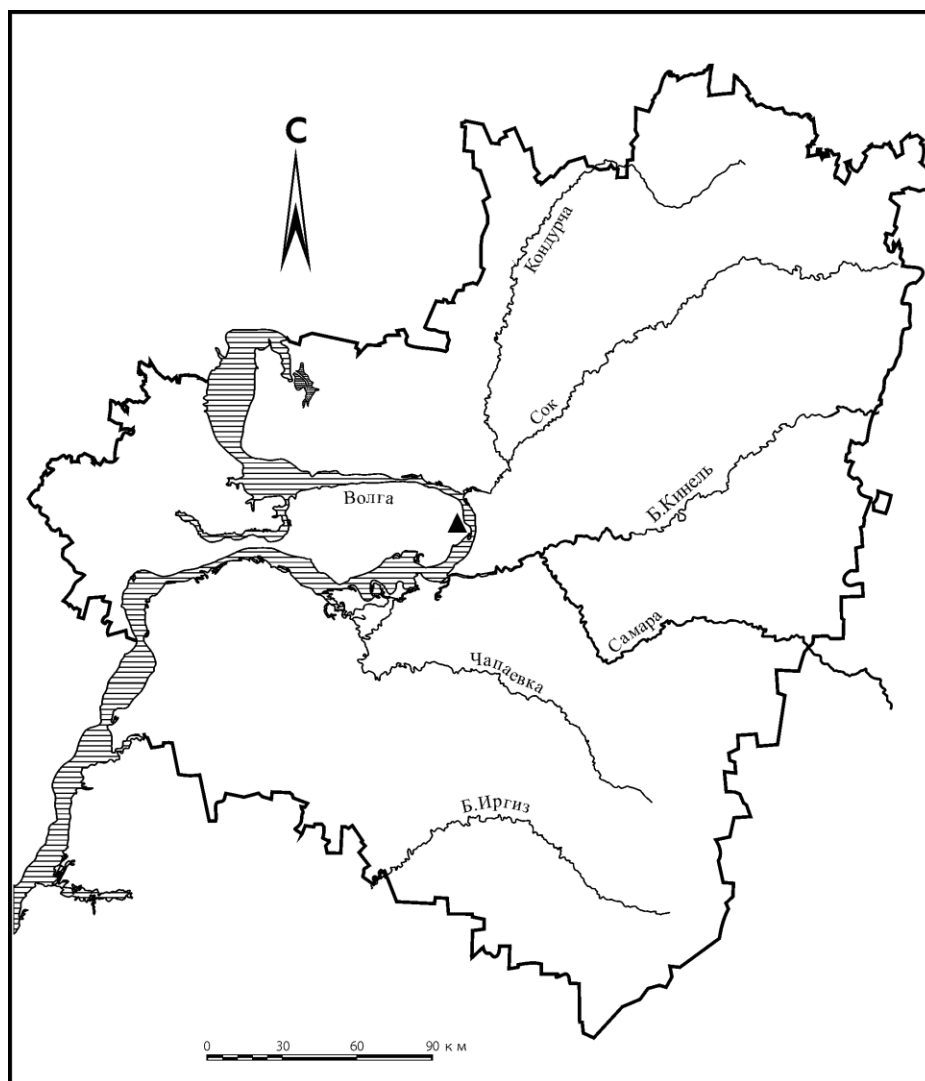
Большинство сосудов (рис. 11-12), восстановленных из фрагментов, найденных в сооружениях-ямах и в развалах, типичны для именьковской культуры, однако имеются единичные экземпляры, не характерные для именьковских керамических комплексов. Так, тюльпанообразный сосуд, найденный в сооружении 88, имел расширенную кверху шейку и плавно сужающееся ко дну тулово (рис. 9, 6). Диаметр устья сосуда больше диаметра максимального расширения тулова. На поверхности сосуда заметны легкие разнонаправленные расчесы. С вышеописанным горшком некоторое сходство имеют сосуды из развала 13 (рис. 11, 14, 15). Оба горшка также имели расширенную кверху шейку и округлобкое тулово, сужающееся ко дну. Диаметр дна сосудов более чем вдвое меньше диаметра устья. Все три сосуда находят аналогии в керамических комплексах позднезарубинецких памятников типа Гриней, выделенных А.М. Обломским и Р.В. Терпиловским [9, с. 80, рис. 20,1]. Особенно близок один из сосудов, восстановленных из развала 13 (рис. 11, 15). Совпадает не только форма сосуда, но и характер обработки внешней поверхности зубчатым штампом или щепкой, оставляющими на поверхности расчесы. В позднезарубинецких памятниках типа Гриней находит аналогии и сосуд из развала 18 (рис. 12, 4), имеющий сильно раздутое тулово, максимальное расширение которого находится ниже середины [9, с. 1, рис. 21, 1].

Наличие общих черт в керамике памятника Подгоры V и памятников типа Гриней, видимо, можно объяснить участием потомков населения, оставивших памятники типа Гриней, в формировании именьковской культуры Самарской Луки.

Кроме развалов выявлено 5 скоплений фрагментов лепных сосудов именьковской культуры. Восстановить сосуды из фрагментов этих скоплений не удалось.

На территории памятника обнаружено также большое количество индивидуальных находок, относящихся к именьковской культуре и эпохе Волжской Болгарии. Среди них преобладают изделия из глины, железа, бронзы и камня. Глиняные изделия представлены многочисленными пряслицами, бусами, фрагментами лепешек «хлебцев», железные – серпами, ножами, рыболовным крючком, пряжкой трапецевидной формы (рис. 10, 3) и фрагментами предметов неизвестного назначения; бронзовые изделия – серьгами (рис. 10, 5), браслетом и посоховидными булавками (рис. 10, 1, 2). Найдено большое количество каменных оселков.

Видимо, исследованная территория служила местом совершения тризн и приношения жертв после погребения умерших. Важно отметить, что жертвоприношениями являлись, главным образом, орудия труда и предметы, связанные с хозяйственной и производственной деятельностью обитателей расположенного рядом с жертвенным местом поселения (серп, ножи, пряслица, оселки). Исследованный участок памятника Подгоры V в таком случае является одновременно могильником и жертвенным местом-святилищем. Несмотря на исследование значительной площади (3416 кв. м), не обнаружено ни одного жилища, а исследованные ямы не похожи на характерные для поселений именьковской культуры хозяйственные ямы, предназначенные для хранения зерна, мясных и молочных продуктов и др. На исследованном участке памятника достаточно часто встречались развалы сосудов и несколько крупных скоплений керамики, а единичные фрагменты сосудов, которыми обычно изобилует культурный слой именьковских поселений, практически отсутствовали. Индивидуальные находки (железные орудия, бронзовые украшения, пряслица), напротив, гораздо многочисленнее, чем на любом поселении именьковской культуры. Это обстоятельство также позволяет рассматривать исследованный участок как культовое место. Часть исследованных ям представляет собой погребения, совершенные по обряду кремации, другие ямы также были связаны с какими-то ритуальными действиями. Подобные культовые места известны в разных культурах. Примером может служить культовое место около позднестаробулгарского селища Шапкино II на р. Ворона в Мучкапском районе Тамбовской области [10, с. 74-89].

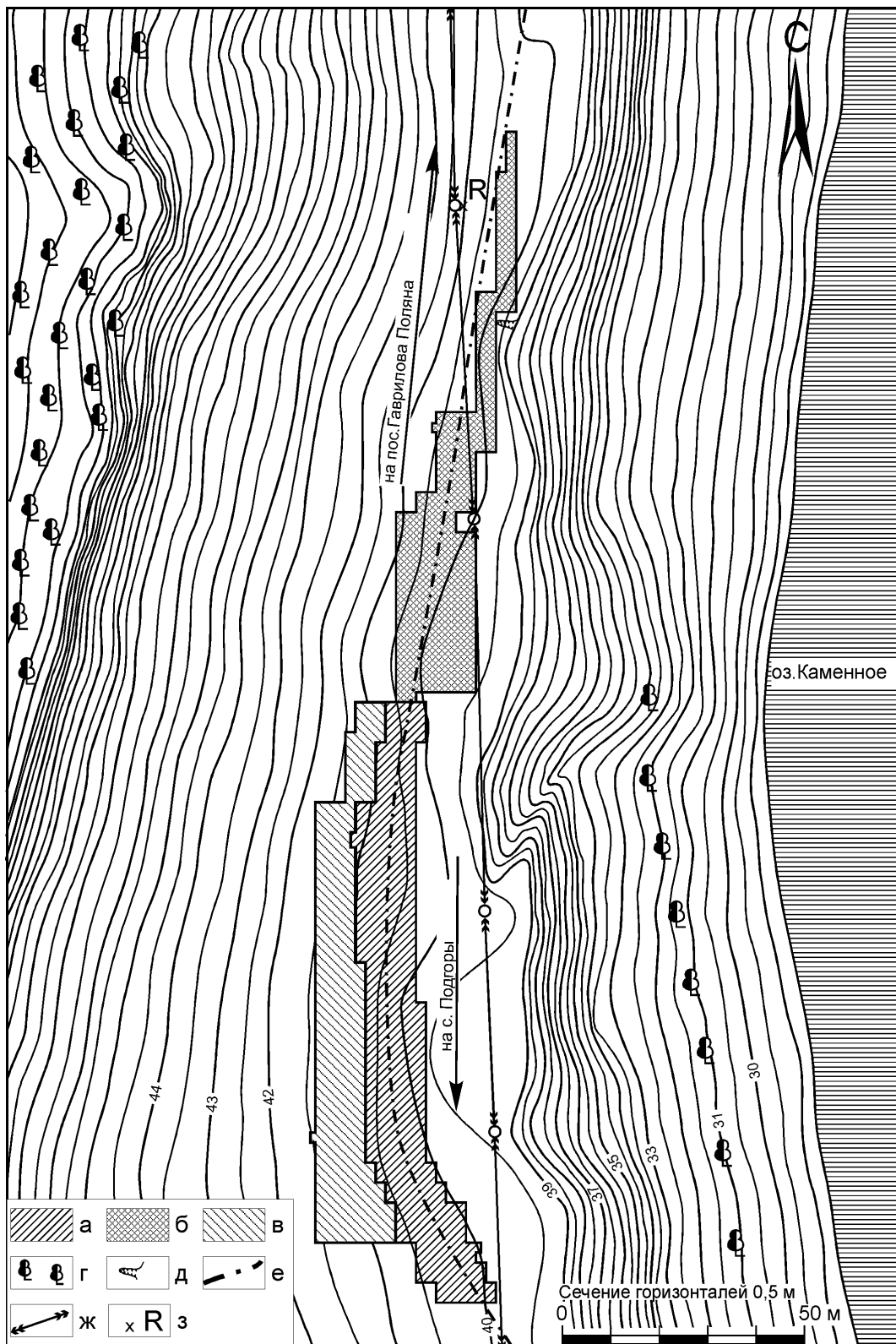

▲ - поселение Подгоры V

Рис. 1. Местонахождение поселения Подгоры V

Рис. 2. Поселение Подгоры V. Общий план поселения
Условные обозначения:

а – раскоп 2000 г.; б – раскоп 1999 г.; в – раскоп 2001 г.; г – лиственный лес; д – обрыв;
е – грунтовая дорога; трасса проектируемой дороги; ж – ЛЭП; з – репер. Высотные отметки
представлены в Балтийской системе высот

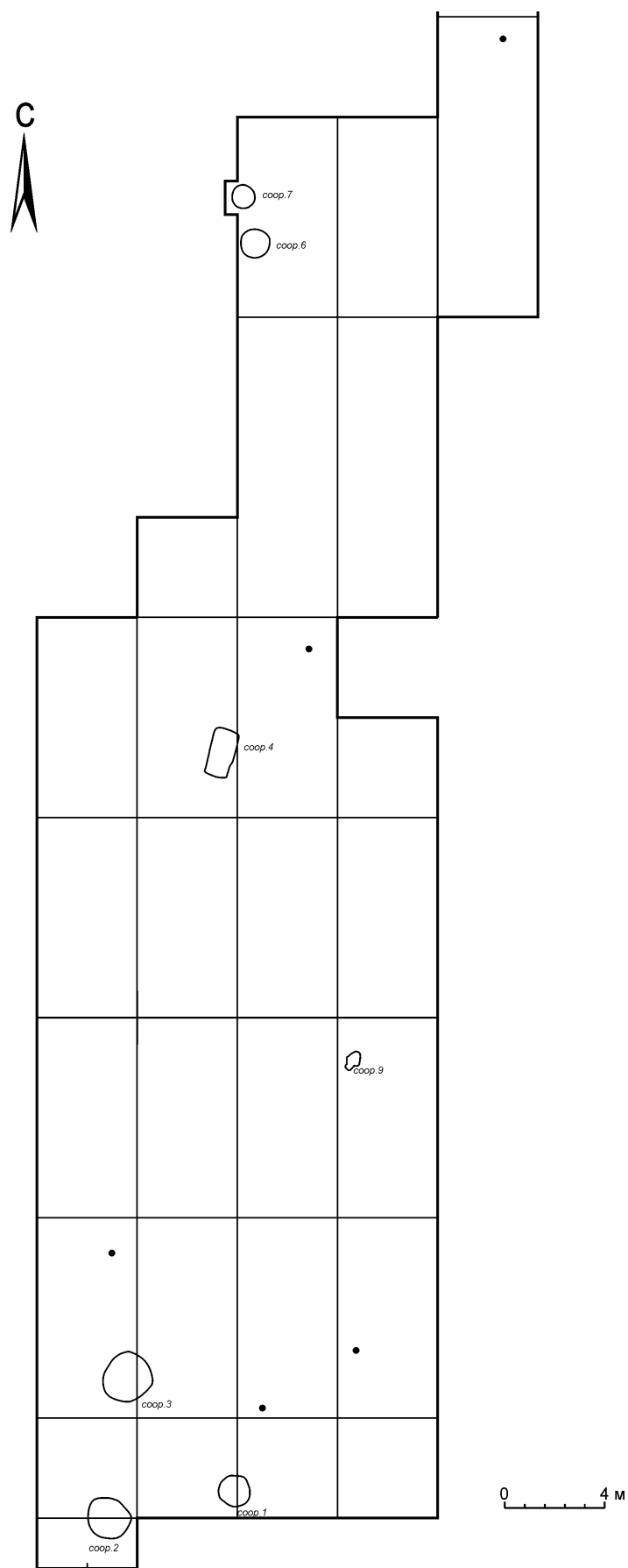

Рис. 3. Поселение Подгоры V. План раскопа (северная часть)

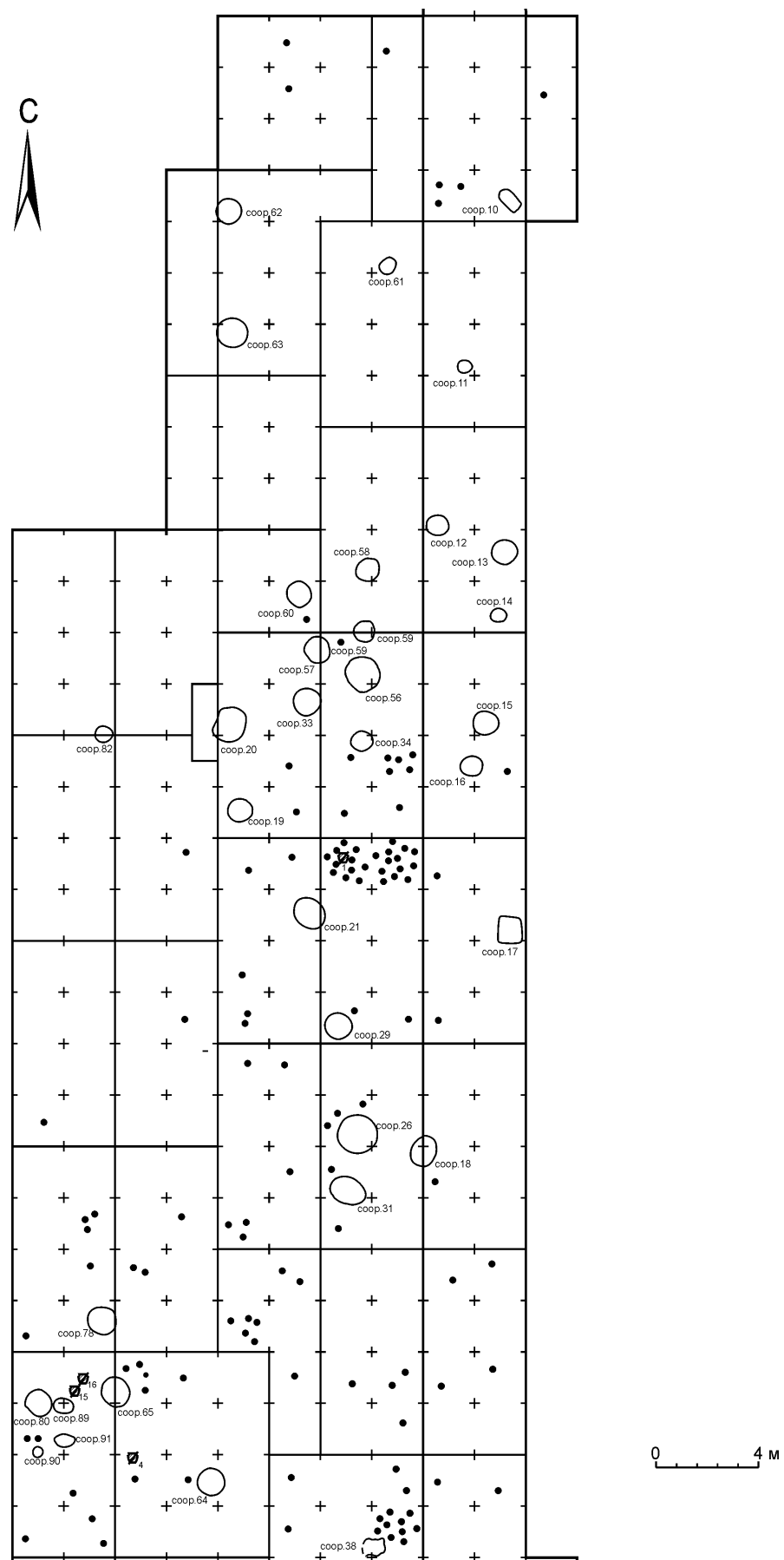

Рис. 4. Поселение Подгоры V. План раскопа (центральная часть).
 ● – именковская керамика

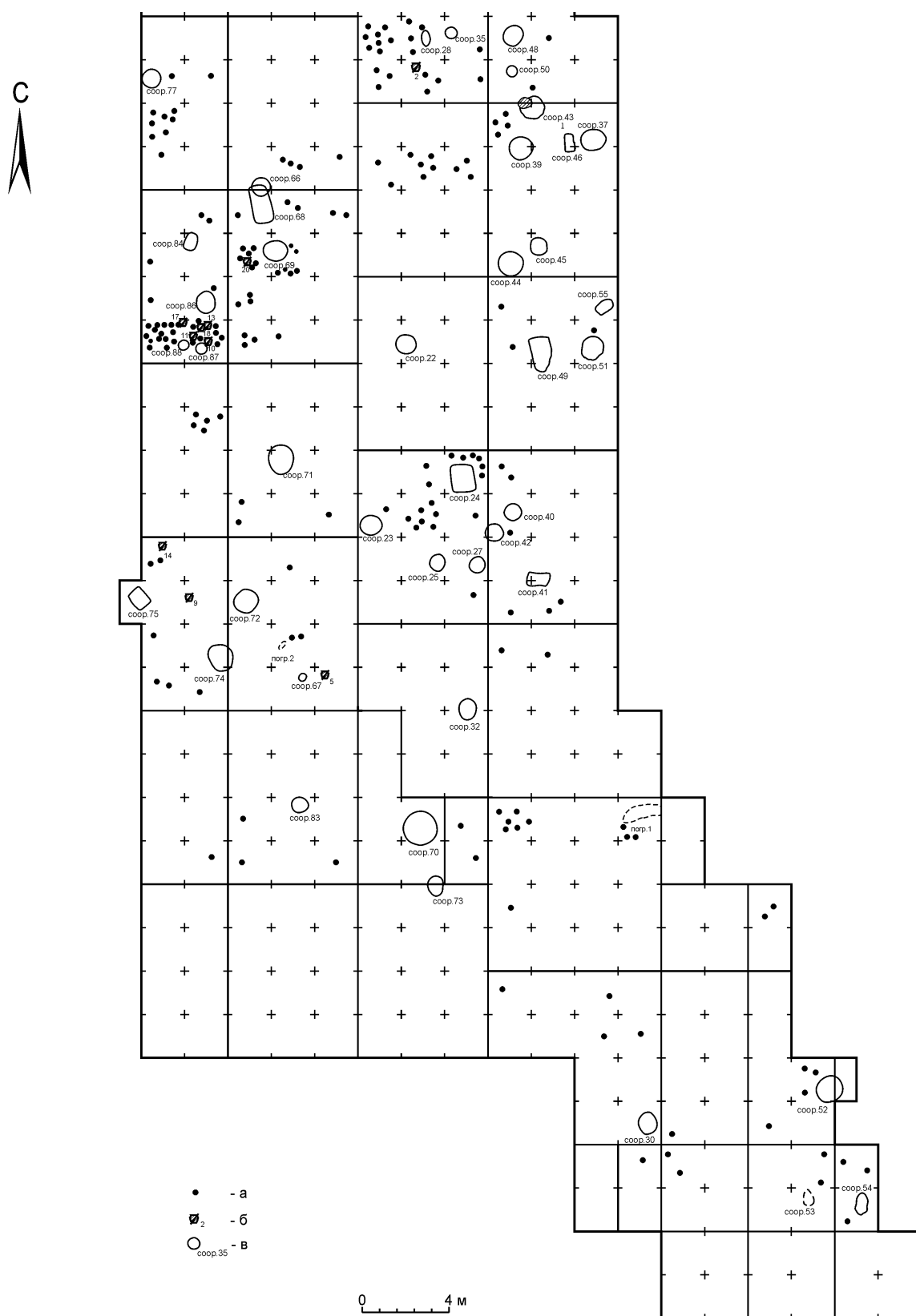

Рис. 5. Поселение Подгоры V. План раскопа (южная часть).
 Условные обозначения: а – темно-серый гумусированный суглинок, б – материковый суглинок, в – индивидуальные находки, г – кальцинированные кости, д – пестроцвет, е – керамика, ж – желтая супесь

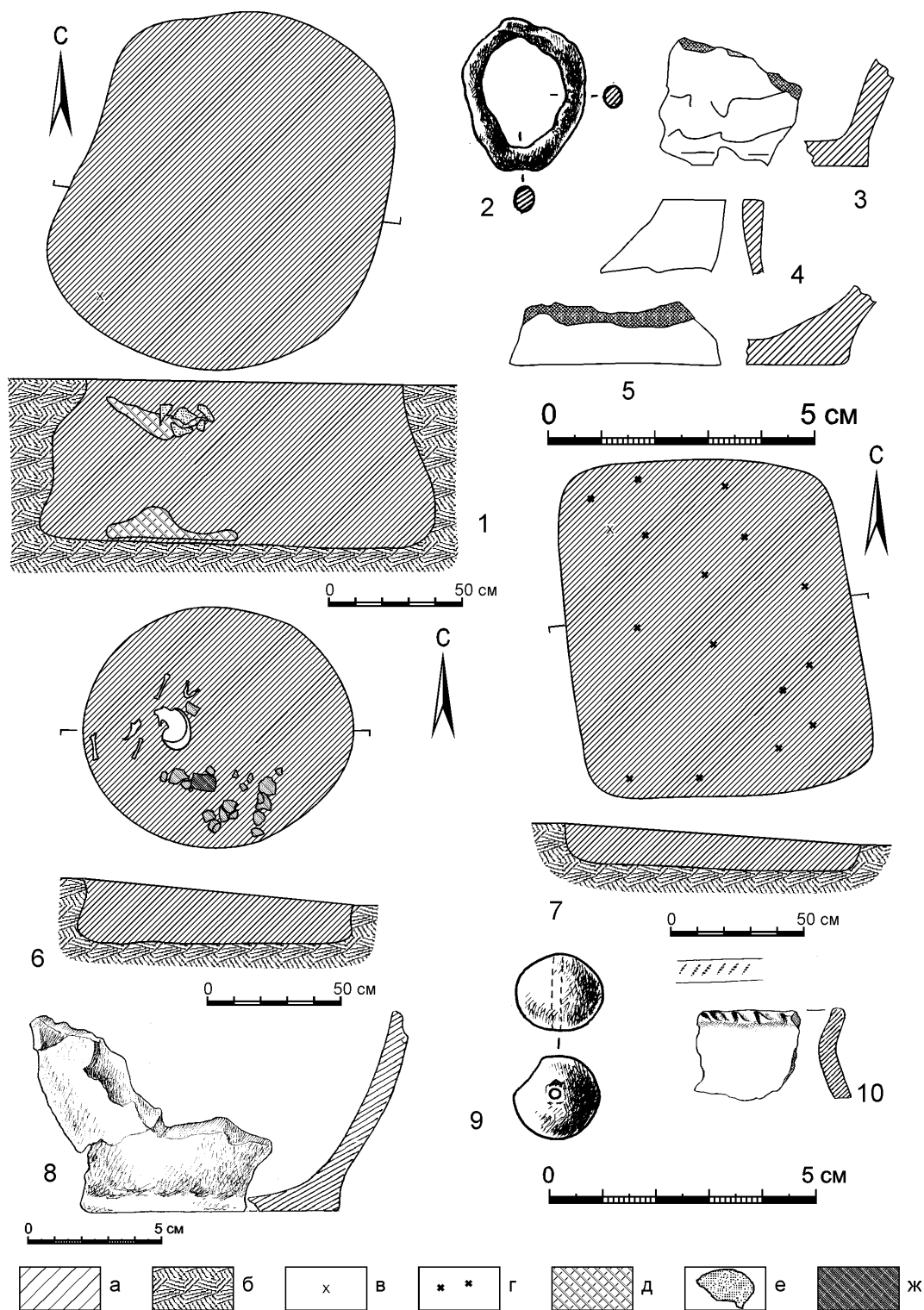

Рис. 6. Поселение Подгоры V. Сооружения и находки из сооружений:

1-5 – сооружение 20 (1 – план и профиль сооружения, 2 – железное кольцо, 3-5 – фрагменты глиняных сосудов); 6,8 – сооружение 23 (6 – план и профиль сооружения; 8 – часть глиняного сосуда); 7, 9,10 – сооружение 24 (7 – план и профиль сооружения, 9 – глиняная бусина, 10 – фрагмент глиняного сосуда)

Условные обозначения: а – прокаленный темно-серый гумусированный суглинок, б – светло-серый слабогумусированный суглинок, в – индивидуальные находки, г – материковый суглинок, д – углистый слой, е – керамика, ж – отдельные угольки, з – кости

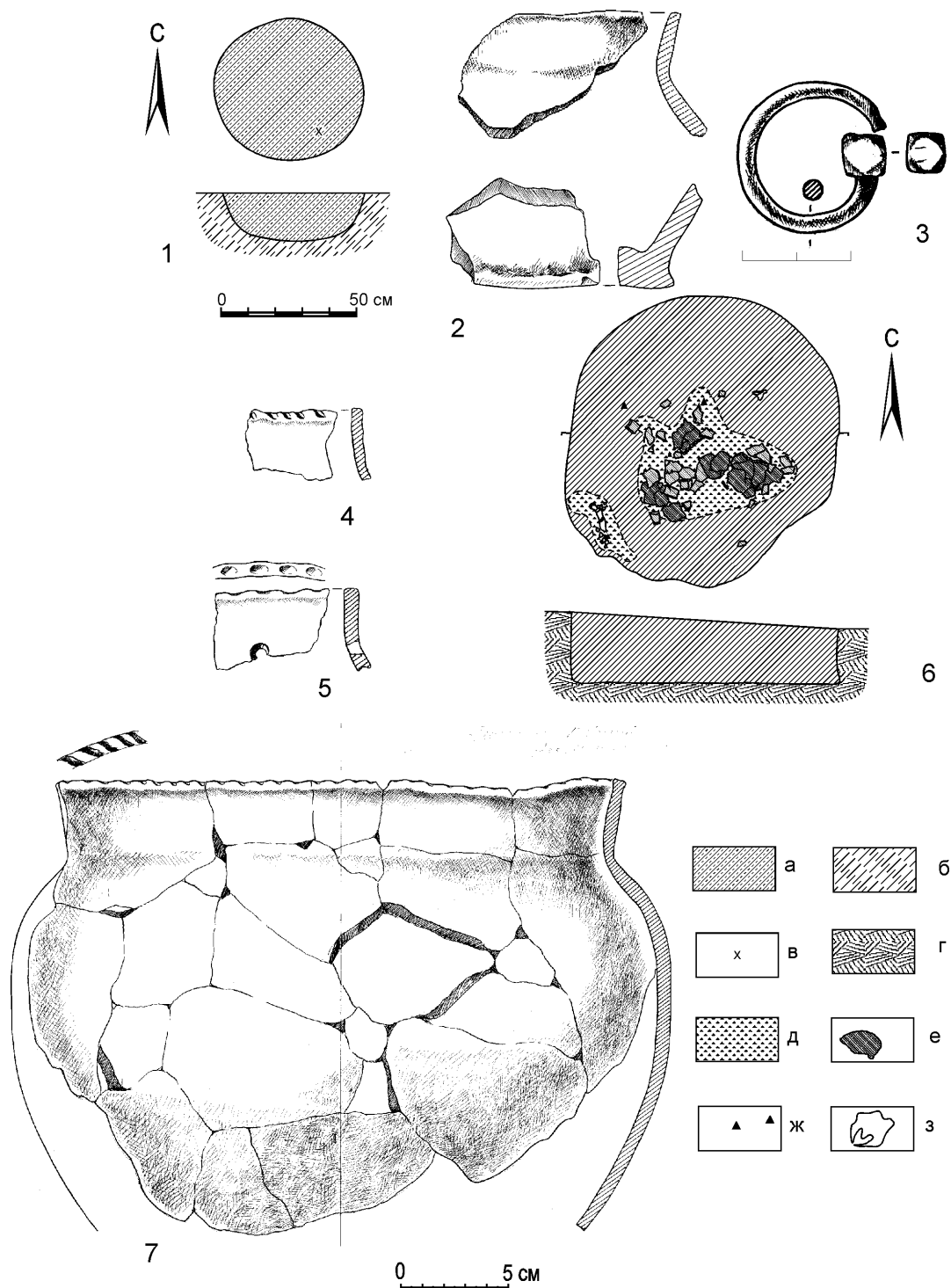

Рис. 7. Поселение Подгоры V. Сооружения и находки из сооружений:
1-3 – сооружение 35 (1 – план и профиль сооружения, 2 – фрагменты глиняных сосудов, 3 –
железная подвеска с многогранником); 4-7 – сооружение 51 (6 – план и профиль
сооружения; 4, 5 – фрагменты глиняных сосудов, 7 – глиняный сосуд)

Условные обозначения: а – прокаленный темно-серый гумусированный суглинок, б –
светло-серый слабогумусированный суглинок, в – индивидуальные находки, г –
материковый суглинок, д – прокаленный суглинок, е – керамика, ж – супесь с небольшой
примесью золы,
з – кости

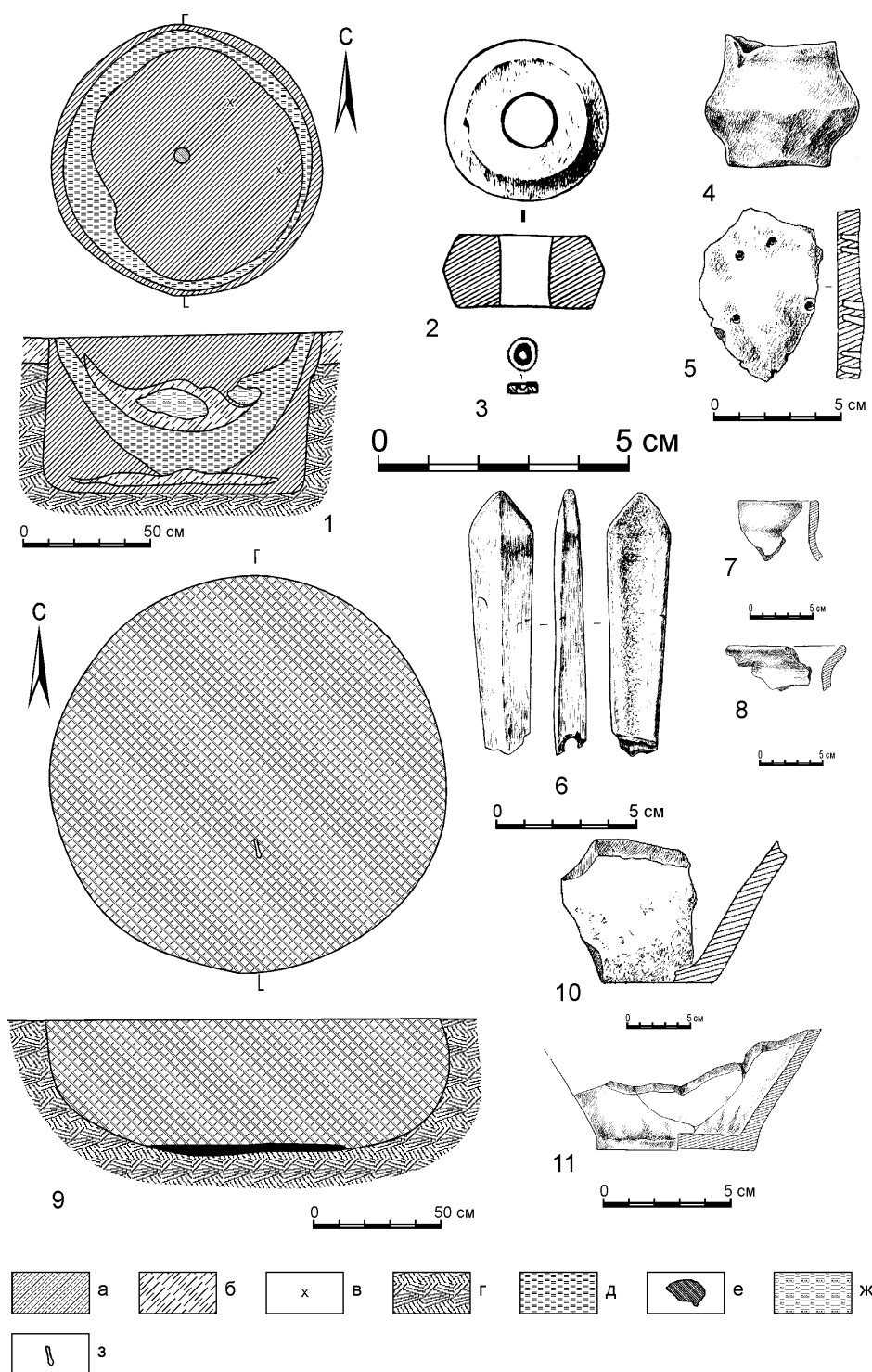

Рис. 8. Поселение Подгоры V. Сооружения и находки из сооружений:

1-5 – сооружение 64 (1 – план и профиль сооружения, 2 – глиняное пряслице, 3 – пастовая бусина, 4 – глиняный сосудик, фрагмент глиняной лепешечницы); 6-11 – сооружение 70 (9 – план и профиль сооружения; 6 – обломок костяного орудия, 7-11 – фрагменты глиняных сосудов)

Условные обозначения: а – темно-серый гумусированный суглинок, б – светло-серый слабогумусированный суглинок, в – индивидуальные находки, г – материковый суглинок, д – кабельная траншея, е – керамика, ж – отдельные угольки, з – кальцинированные кости, и – золистый слой, к – палевый суглинок, л – суглинок с золой и костями

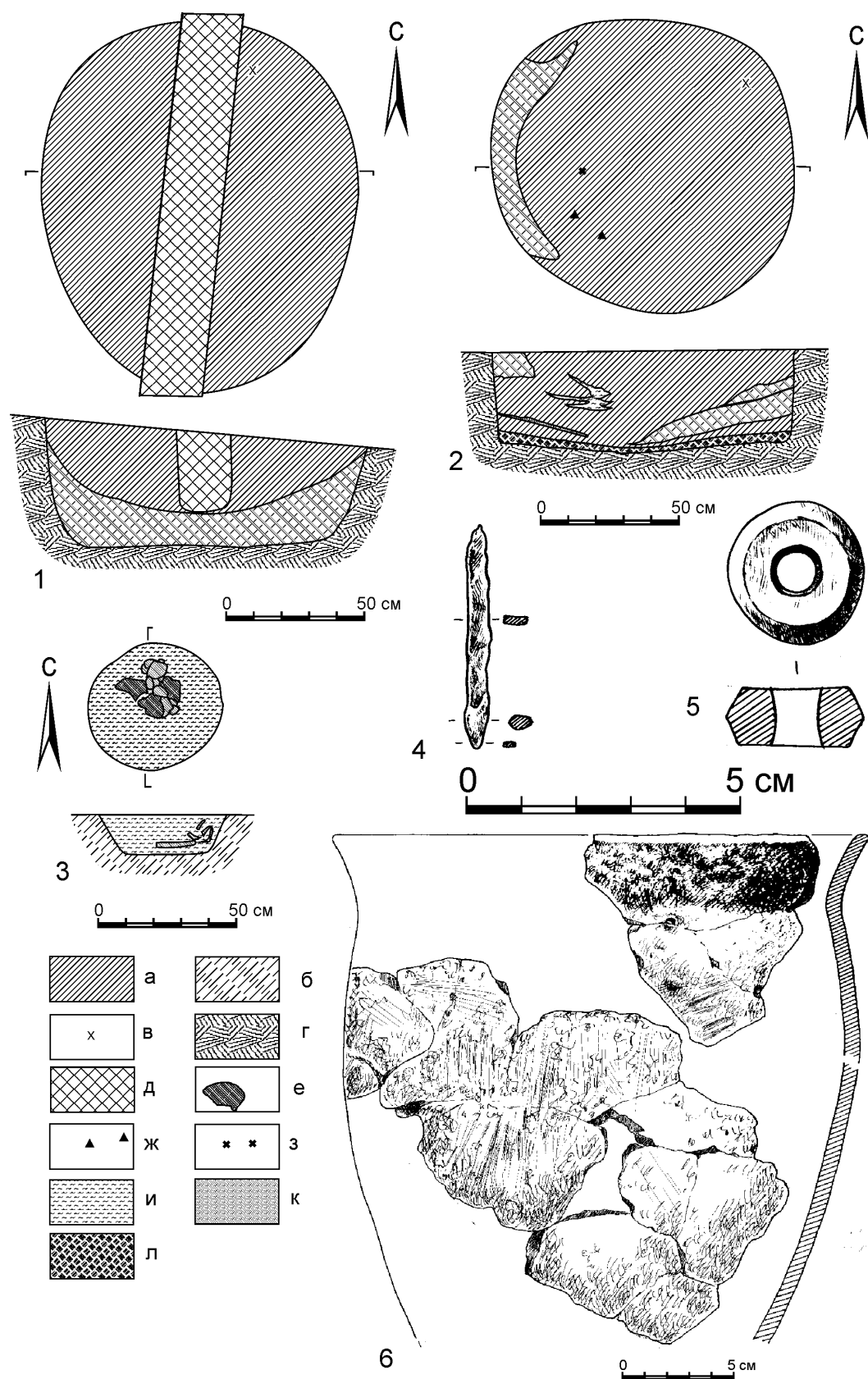

Рис. 9. Поселение Подгоры V. Сооружения и находки из сооружений:
 1, 4 – сооружение 71 (1 – план и профиль сооружения, 4 – железный предмет); 2, 5 –
 сооружение 78 (2 – план и профиль сооружения; 5 – глиняное пряслице); 3, 6 – сооружение
 78 (3 – план и профиль сооружения; 6 – глиняный сосуд)

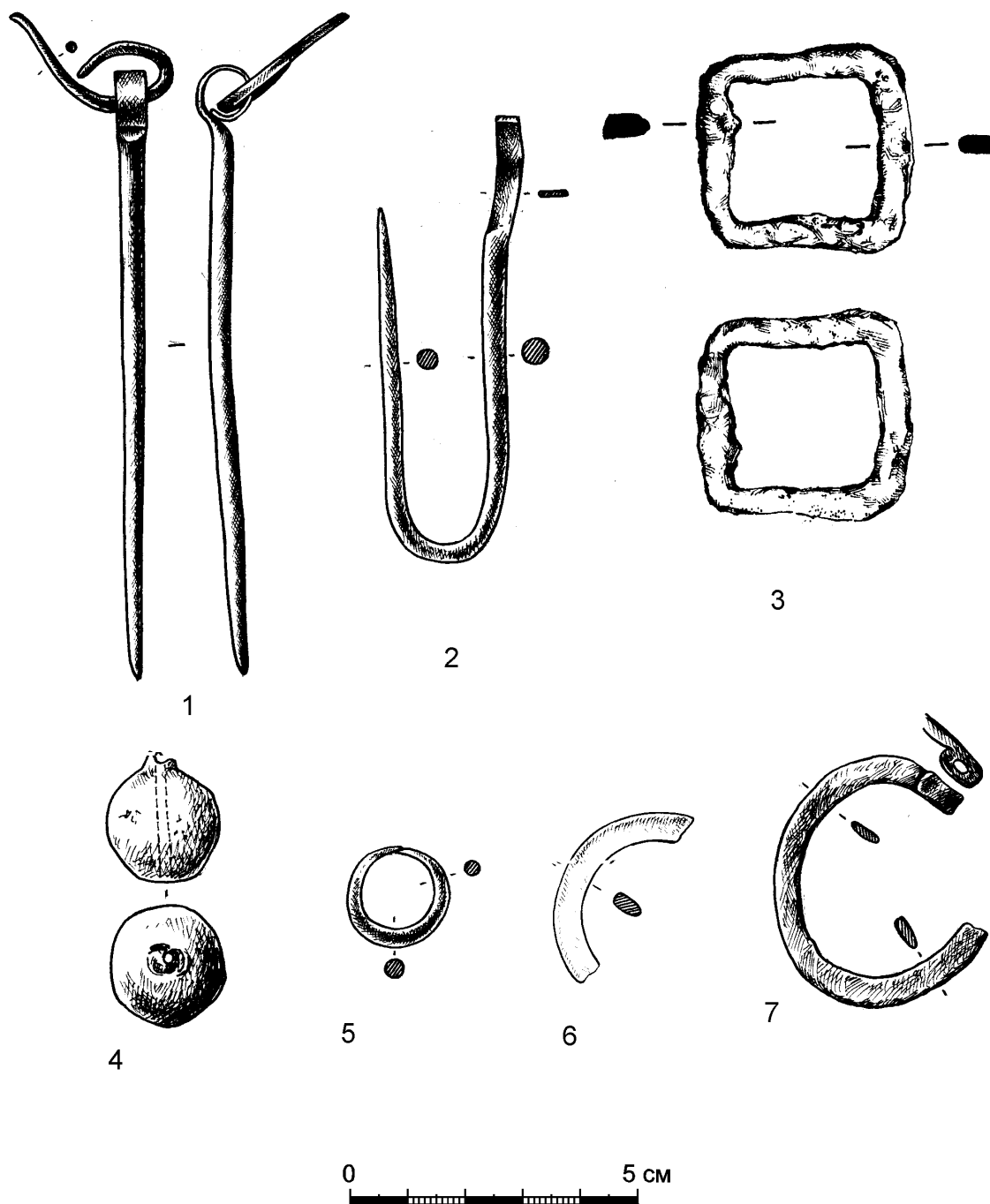

Рис. 10. Поселение Подгоры V. Предметы из слоя:
 1-2 – булавки, 3 – пряжка, 4 – бусина, 5 – серьга, 6-7 – сьюльгамы (1,2,5, 6 – бронза,
 4 – глина, 7 – железо)

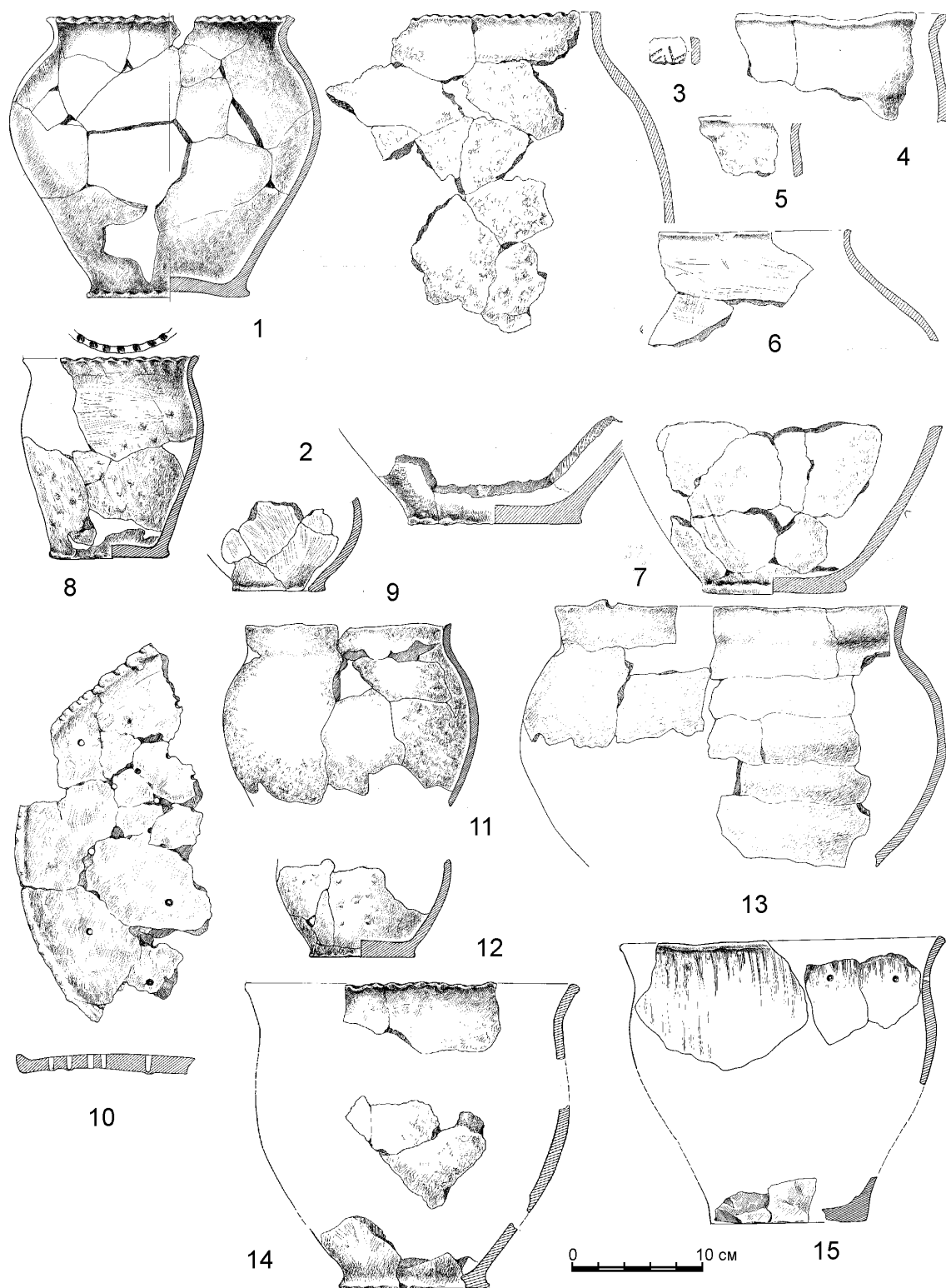

Рис. 11. Поселение Подгоры V. Развалы глиняных сосудов:
 1, 2 – сосуды из развала 1; 3-7 – сосуды из развала 2; 8, 9 – сосуды из разв. 4; 10 – разв. 5;
 11 – разв. 9; 12 – разв. 10; 13 – разв. 11; 14-15 – сосуды из разв. 13

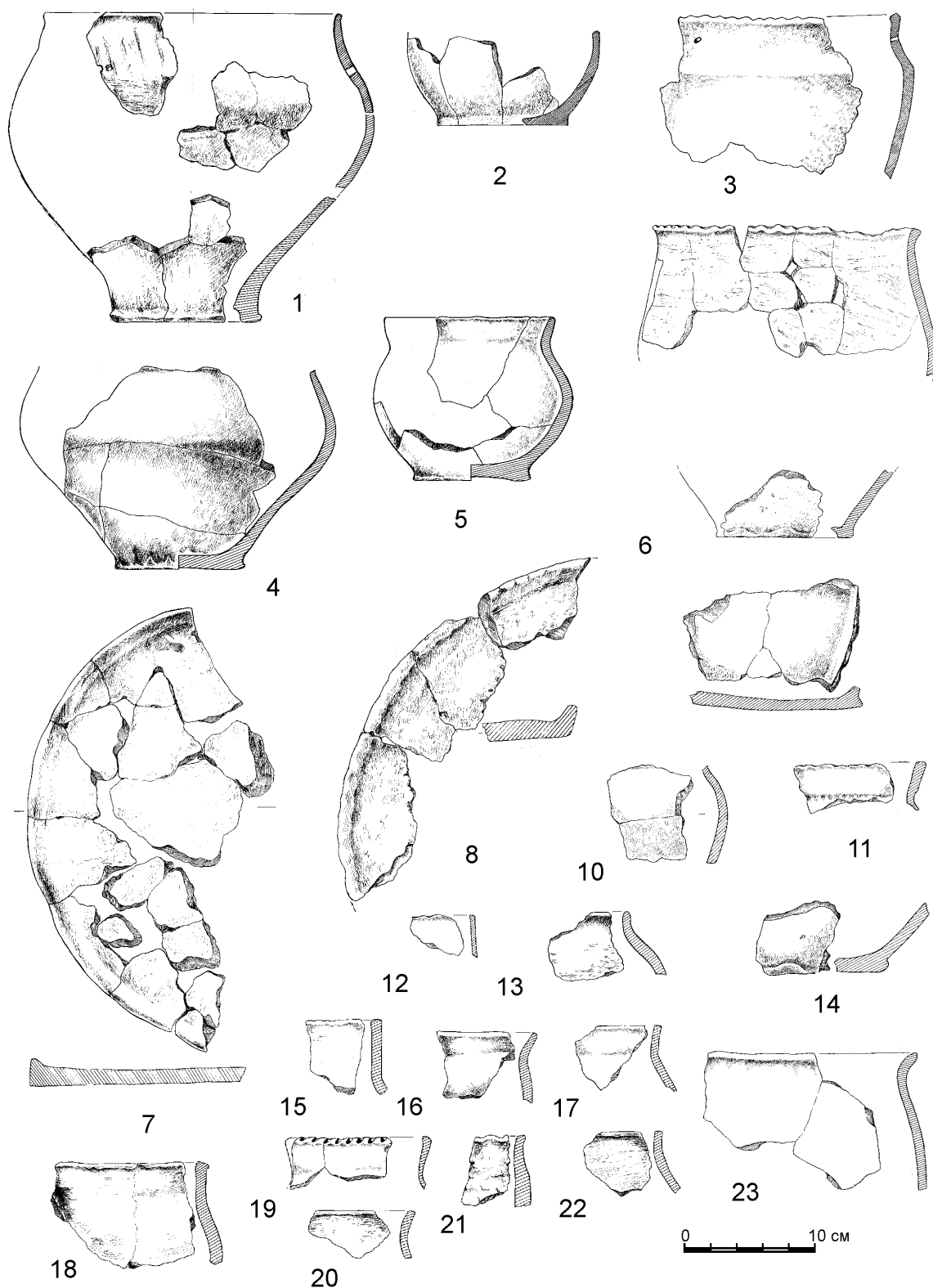

Рис. 12. Поселение Подгоры V. Развалы глиняных сосудов:
 1 – развал 14; 2 – развал 15; 3 – развал 16; 4 – развал 18; 5, 6 – сосуды из развала 17; 7 –
 разв. 20; 8 – развал в кв. М.98; 9-11 – керамика из скопл. 1; 12-14 – керамика из скопл. 2;
 15-22 – керамика из скопл. 3; 23 – керамика из скопл. 5

Литература

1. Мышкин В.Н. Отчет о раскопках поселения Подгоры V в Волжском районе Самарской области по открытому листу № 663 в 1999 г.

2. Мышкин В.Н. Отчет о раскопках поселения Подгоры V в Волжском районе Самарской области по открытому листу № 661 в 2000 г.
3. Мышкин В.Н. Отчет о раскопках поселения Подгоры V в Волжском районе Самарской области по открытому листу № 609 в 2001 г.
4. Сташенков Д.А. Оседлое население Самарского лесостепного Поволжья в I-V вв. н.э. М., 2005.
5. Медведев А.П. Чертовицкое городище (материалы первой половины I тыс. н.э.) // Археологические памятники первой половины I тыс. н.э. Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 12. Воронеж, 1998.
6. Медведев А.П. Археологические материалы о присутствии сарматов на лесостепных городищах // Сарматы и их соседи на Дону. Материалы и исследования по археологии Дона. Выпуск 1. Ростов-на-Дону, 2000.
7. Хлебникова Т.А. Керамика памятников Волжской Болгарии. М., 1984.
8. Максимов Е.В., Терпиловский Р.В. Киевская культура // Археология СССР. Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н.э. – первой половине I тысячелетия н.э. М., 1993.
9. Обломский А.М., Терпиловский Р.В. Среднее Поднепровье и Днепровское Левобережье в первые века нашей эры. М., 1991.
10. Хреков А.А. Культовое место Шапкино II и некоторые вопросы мировоззрения постзарубинцев Прихоперья в первые века нашей эры // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1997 году. Вып. 3. Саратов, 1999.

УДК 902/904

© 2012 Белорыбкин Г.Н.

ЗАСЕЧНЫЕ ЧЕРТЫ – ВЕЛИКАЯ РУССКАЯ СТЕНА

В статье рассматривается Пензенская засечная черта, строившаяся в 1676-1680 гг. Автор делает вывод, что засечная черта строилась разными народами для защиты всех жителей России и можно смело назвать ее идеей, объединяющей всех жителей современной России.

Ключевые слова: засечная черта, кочевники, Русское государство.

На протяжении 200 с лишним лет (XVI-XVII века) шло грандиозное строительство засечной черты, которая должна была закрыть южную границу России от набегов кочевников. Одновременно строились крепости и города в целях освоения приграничных территорий. Появление большинства городов Поволжья так или иначе связано с возникновением засечной черты. В результате было построено четыре оборонительных ряда засечных черт, общая их длина составила более 2000 км. «Пояс обороны», протянувшийся от р. Воркслы до Камы, был построен всего за 135 лет (с 1521 по 1656 год) [4]. Такие невиданные темпы строительства являются свидетельством огромного трудолюбия жителей России и эффективности государственного управления. Опыт функционирования засечных черт прежних лет показал, что для эффективной деятельности необходимо наряду со сторожевой службой разместить на границе военные гарнизоны. С этой целью началось массовое строительство новых городов в пограничной зоне. Для этого был введен налог – засечные деньги – и направлены строительные бригады из крестьян близлежащих деревень Волго-Окского междуречья, многие из которых после

окончания работ остались жить в районе засечной черты. Поэтому до сих пор сохранилось много деревень с названием «Новая ...».

На Приволжской возвышенности, там, где берут начало реки Хопёр, Арчада и Атмис, сохранился участок никогда не паханой степи. Здесь до сих пор произрастает свыше 300 видов растений. Это так называемая Попереченская степь. Травяной покров степи пёстр и яркок. Здесь горюцвет весенний, ветреница лесная, медуница узколистная и прочее разнотравье. И всё же основу составляет ковыль. Вот почему в документах XVI-XVII веков такая степь значилась как "дикое поле ковыля". Такая степь простиралась на огромной территории, от Каспийского и Чёрного морей на юге до дремучих лесов Мордовии на севере. Подобно огромному морю, она врезалась в лесные массивы, затопляла все безлесные пространства и тонкими нитями уходила далеко на север, как бы образуя естественные дороги. По этим дорогам кочевники, главным образом ногайские и крымские татары, вторгались на юго-восточные окраины Русского государства, в том числе в Пензенский край. Они разоряли и сжигали селения, вытапывали пашни, забирали в рабство мирное население, угоняли скот.

В XVI веке через территорию нынешней Пензенской области проходили дороги из Ногайской орды и Крымского ханства. С включением Пензенского края в состав Русского государства здесь для контроля над "диким полем", а прежде всего над дорогами, правительством Ивана IV была учреждена дозорная служба. В степь были направлены "сторожи" и "станции". Сторожи назывались мещерскими [2].

Чтобы прикрыть щитом и мечом мирное население растущего Российского государства от набегов кочевников, правительство стало возводить "украинные" города в системе хорошо продуманных поясов обороны – засечных черт.

Весной 1663 года, а именно 3 мая, на левый берег реки Пензы пришли служилые люди под командованием Юрия Ермолаевича Котранского, где ему велено было построить город Пензу [1].

Пензенская засечная черта 1676-1680 годов начиналась в г. Пензе и заканчивалась в с. Мокшан. Сначала через заповедный лес (5450 сажень) шла засека (поваленные вперемешку деревья). Словом «засека» старожилы и поныне называют пригородный лес в сторону Арбекова. На стыке леса и степи стояла башня. Ее основание сохранилось у Панкратовской свинофабрики. От башни в северо-западном направлении к речке Рамзайке шел вал. Он четко прослеживался по линии: комбикормовый завод ОАО «Панкратовский» – железнодорожный разъезд Пяша – северо-восточная окраина поселка Пяша – село Рамзай. Так, у комбикормового завода ОАО «Панкратовский» его высота от дна рва достигает 2 метра 70 сантиметров, глубина рва – 1 метр 20 сантиметров [3].

На возвышенном месте у речки Рамзайки стоял «Рамзаевский острог». Он был построен в 1678 году. В плане острог представлял четырехугольник, каждая сторона которого равнялась 57 сажням. И сейчас еще можно видеть основание этого укрепленного пункта. Оно находится у сельского кладбища и среди старожилов называется «острогом». По нашим замерам, стороны острога составляли 111, 120, 103 и 123 метра.

От «Рамзаевского острога» вал идет в северо-западном направлении к реке Мокше. Здесь его высота от дна рва около трех метров, глубина рва – немногим более метра. У поселка Мирный вал пересекается оврагом Вязовый, у поселка Юровка – оврагом Рогатка. Этот участок интересен тем, что здесь, на валу, стояли две сторожевые башни. Земляные основания этих башен сохранились до сих пор.

На крутом берегу реки Мокши стояла крепость Мокшанск (Мокшан). Сохранилось описание ее, сделанное в 1703 году мокшанским воеводою Петром Соловым. Из него следует, что крепость представляет в плане квадрат, длина сторон

которого составляла по 100 сажен. Мокшанск имел шесть башен: четыре угловые и две проезжие. От одной проезжей башни выходила дорога на Инсар, от другой – на Пензу. Город охраняли стрельцы, конные казаки, пушкарки, воротники. Укрепления города еще сохранились в конце XVIII века [3].

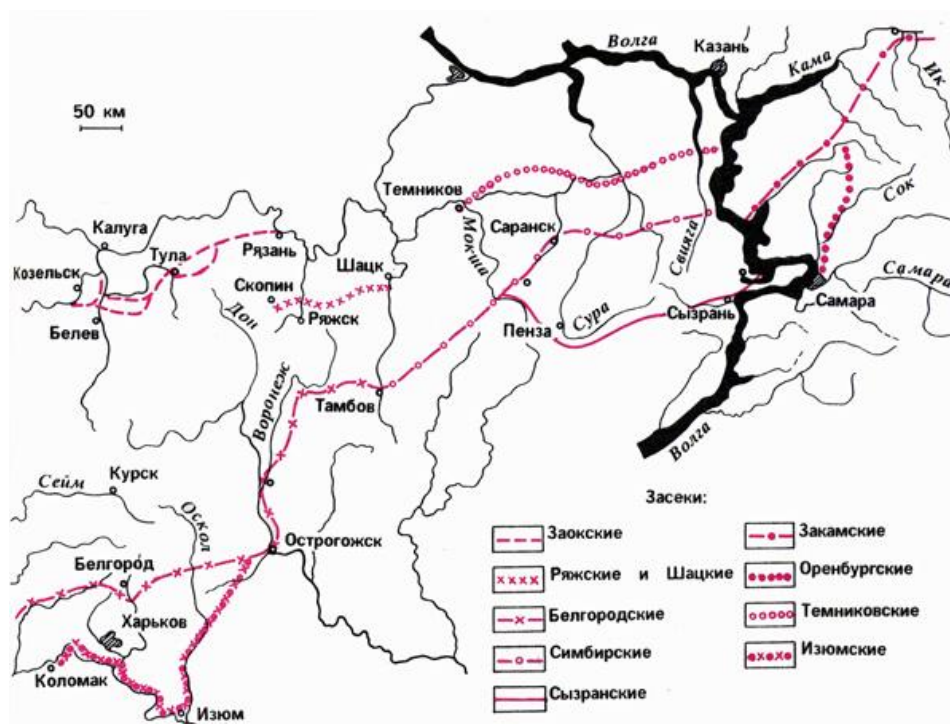
Вал расположен параллельно проселочной дороге от станции Пяша в село Пяша, в 200 м к Ю от нее, в 1 км к С от железной дороги Пенза – Москва. В ходе обследования были установлены следующие параметры вала: высота – 2,4-2,5 м, ширина – 9 м, с двух сторон вала расположены рвы. С ЮЗ стороны вала ров шириной 3 м, глубиной 1,2-1,3 м, у СВ подошвы вала ров шириной 3,5 м, глубиной 1,1-1,2 м. Поверхность вала задернована и поросла ковылем, что свидетельствует о том, что на поверхности вала не проводились земляные работы на протяжении как минимум 200 лет.

В настоящее время вал пересекает действующий газопровод (**координаты – N 53° 16.042; E 044° 46.467**), расположенный в 180 м к СЗ от лесополосы и в 200 м от ЛЭП. В точке пересечения газопровода и вала имеются следы разрушения.

На расстоянии 100 м к СЗ был обнаружен еще один разрушенный участок вала (**координаты – N 53° 16.070; E 044° 46.411**), образовавшийся в результате работы бульдозерной техники, в рамках прокладки регионального газопровода в ноябре 2010 года. По данному факту были написаны обращения в прокуратуру, министерство культуры, институт археологии РАН. Однако из милиции и прокуратуры был получен отказ о возбуждении уголовного дела. В связи с этим был предпринят целый ряд шагов, которые позволили придать гласность фактам разрушения засечного вала. Так, в Интернете был создан сайт livewall.edu-map.ru (живая стена), на котором были выложены все материалы, связанные с разрушением вала, обращения и ответы официальных органов, а также история самой черты. Особый упор делался на привлечение людей к охране всей засечной черты, а не только фрагмента у станции Пяша. Кроме того, было организовано несколько акций с участием молодежи. Все это вместе с обращением к президенту страны позволило добиться того, чтобы на факт разрушения вала обратили внимание.

В настоящее время данным вопросом занимается прокуратура Пензенской области. Виновные в разрушении вала должны быть привлечены к ответственности.

В дальнейшем планируется продолжить публичную работу по защите великой русской стены на всем ее протяжении. Наряду с этим планируется организовать массовое изучение стены, которое будет включать в себя фотографирование засечного вала, его измерение и сбор преданий о его строительстве. Каждый участок стены получит имя своего исследователя и охранника, а любой разрушитель стены будет навеки вписан в черный список. Учитывая тот факт, что засечная черта строилась для защиты всех жителей России разными народами, можно смело назвать ее идеей, объединяющей всех жителей современной России.

Литература

1. Гошуляк В.В. История Пензенского края. Кн. 2. Пенза, 1996.
2. История Пензенского края: учеб. пособ. / Под ред. Г.Н. Белорыбкина. Пенза, 1996.
3. Лебедев В.И. Легенда или быль. По следам засечных сторожей. Саратов, 1986.
4. Лебедев В.И., Лебедева Л.В. Засечные черты / Пензенская энциклопедия. М.: Большая Российская энциклопедия, 2001. С. 192-194.

УДК 902/904

© 2012 Ахмедов И.Р.

ОКСКИЕ КРЕСТОВИДНЫЕ ФИБУЛЫ КАК ИНДИКАТОРЫ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ ЭПОХИ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ

В статье рассматриваются находки рязано-окских крестовидных фибул и их дериватов на территории Верхнего Поочья, Волжско-Окского междуречья, верхнего и нижегородского-марийского участков течения р. Волги. Анализируя эти находки как культурно-хронологические и социальные индикаторы, автор выдвигает предположение, что они маркируют рязано-окские культурные импульсы в направлении этих районов в V в. н.э. Характер их использования в составе престижного убора древних марийцев и муромы позволяет автору предположить участие рязанских финнов в сложении этих народностей.

Ключевые слова: окские крестовидные фибулы, этнокультурные, хронологические, социальные индикаторы, культурное взаимодействие, миграции.

В научной деятельности наших уважаемых юбиляров вопросы классификации археологического материала и возможность его использования в историко-культурных реконструкциях занимают основное место. Поэтому выбор темы для данной работы не является случайным. Эту работу, продолжающую ряд исследований фибул как одной из важнейших категорий материальной культуры населения центральной России в середине I тысячелетия н.э., автор с удовольствием посвящает своим друзьям С.Э. Зубову и А.В. Богачеву с пожеланиями дальнейших творческих успехов, человеческого и научного долголетия.

Крестовидные фибулы являются одной из самых ярких категорий материальной культуры населения средней и нижней Оки в гуннское и постгуннское время. Эти застёжки связаны по происхождению с «Т-образными» фибулами, характерными для древностей черняховского круга. Они появляются в начале гуннского времени и используются вплоть до первой половины VII в. [1; 2; 15]. Основная часть «классических» рязано-окских крестовидных фибул бытует в пределах конца IV – начала VI вв. н.э. [3, с. 167-168; 11, с. 175; 4]. У рязанских финнов эти фибулы имели важное значение в системе маркеров социальной стратификации общества. Они встречены в погребениях предводителей коллективов, оставивших могильники, изначально в мужских воинских погребениях, в середине – второй половине V в. отличавшихся многочисленностью, «избыточностью» инвентаря. С середины V в. крестовидные фибулы появляются и в погребениях женщин, которые по сумме составляющих погребального инвентаря могут быть отнесены к элите рязано-окского общества. Эти предположения были проверены на материалах полностью раскопанного Никитинского могильника и наиболее репрезентативных погребений могильника Борок 2, в результате чего было установлено, что в погребениях с крестовидными фибулами были захоронены люди, обладавшие наивысшим статусом в иерархической структуре коллективов рязанских финнов. Вместе с гривнами, наборными поясами, клинковым оружием фибулы входят в систему иерархических знаков власти, занимая в ней одно из наиболее значимых мест. Подобный набор, основанный на римских традициях, известен и в варварской среде Центральной Европы, как у римских союзников, так и у различных групп, входивших в державу Атиллы. Особенно ярко он представлен в комплексах элиты зарождающихся «варварских» королевств в постгуннское время [10, с. 105-122; 11, с. 175-176; 6].

Следует указать, что подавляющее большинство крестовидных фибул найдено на памятниках, расположенных на рязанском течении р. Оки. На них выявлены серии фибул, образующих эволюционные ряды, отраженные в находках на каждом из регулярно исследованных могильников (могильники Никитинский, Кораблино, Заречье, в меньшей степени Шатрищенский и Старо-Кадомский). Общее количество находок фибул на Средней Оке уже превышает 70, из них 65 находок происходят из исследованных комплексов или привязаны к определенным памятникам. Все это указывает на то, что эти вещи являлись результатом местного производства, и, учитывая их социальную нагрузку, их можно считать своеобразным племенным маркером. Достаточно большие массивы крестовидных фибул выявлены также на памятниках бассейна нижней Оки – Малышевском, Подболотьевском, Кочкинском и др. – и связанных с ними памятниках Безводнинско-Ахмыловского круга. Однако находки на этих памятниках представляют собой скорее уменьшенные дериваты классических «рязано-окских», а в более поздних версиях имитации их, украшавшие женские головные уборы – «муромская» и «марийская» серии. Высказывалось предположение о «западной, балтской» принадлежности крестовидных фибул [14, с. 91]. Позднее для окских серий крестовидных фибул были определены районы

распространения, включавшие в себя бассейн р. Оки и некоторые сопредельные территории, под которыми подразумевались в первую очередь притоки Клязьмы, отдельные районы Нижегородского и Марийского Поволжья. По Ю.А. Краснову, погребения с крестовидными фибулами Безводнинского могильника относятся ко второй хронологической стадии памятника, рамки которой он определяет в пределах VI в. [17, с. 106-108]. Он также указывал на то, что эти погребения относились к группе «богатых». Это свидетельствует о том, что у населения, оставившего памятники безводнинско-ахмыловского круга, крестовидные фибулы могли выполнять функции социальных маркеров, близких рязано-окским образцам.

Проведенный типологический анализ рязано-окских крестовидных фибул, установление хронологических рамок бытования различных серий, их места в погребальной обрядности показали, что основная масса этих изделий бытовала в рамках V в. [2, с. 58-61; 10, с. 105-122, 5; 6]. Лишь отдельные экземпляры доживают в качестве исключений до горизонта распространения геральдических гарнитур развитого облика. Они встречены в могильниках шиловской группы памятников. Здесь памятники расположены чрезвычайно близко друг к другу, отличаются большим количеством погребений с престижным набором инвентаря. Два погребения включают в себя, наряду с фибулами, поясами, престижным оружием, бронзовым медальоном Септимия Севера, наборные крестовидные диадемы с декором в виде головок птиц, характерным для дунайских древностей эпохи Великого переселения народов (м-к Борок II, пп. 126,525). Такой набор свидетельствует о весьма высоком социальном статусе погребенных людей [6; 9]. Вероятно, эта группировка представляла собой некий племенной центр, консолидирующийся в течение гуннского времени, в котором традиции ношения различных регалий могли сохраняться достаточно долго. В целом в течение VI века в употребление входят круглые крупные пластинчатые и дрововые застёжки с выступающими, завернутыми в спирали концами. Эти застёжки явились прототипами широко распространенных в последней четверти I тыс. н.э. в мордовских древностях застёжек с «крылатой» иглой, которые также использовались как символы особого статуса их владельцев [7, с. 7-34].

Выработанная автором классификационно-хронологическая схема бытования серий фибул в несколько упрощенном виде представлена на рис. 1а и б.

Выявленная роль крестовидных фибул как одного из важнейших в системе социально-иерархических и культурных маркеров у рязанских финнов заставляет обратить более пристальное внимание на их находки за пределами рязанского течения р. Оки.

Уже первые обращения к этой теме показали перспективность ее разработки. В статье, посвященной окским фибулам, автором было установлено, что находки фибул в Волго-Окском междуречье могут свидетельствовать не только об активности рязанских финнов в этом направлении, но и об их важной роли в формировании материальной культуры населения сопредельных территорий – в частности, в появлении фибул серии «Картавцево-Серенск», характерных для населения Верхнего Поочья в конце V – начале VI веков [5].

Появление сведений о новых находках позволяет снова обратиться к этому сюжету.

Наиболее близкой территориально среднему течению р. Оки является находка на селище на берегу р. Елинки, притоке р. Лопасни – левом притоке р. Оки (на границе Серпуховского и Ступинского районов Московской области). Фибула бронзовая, на поверхности видны следы гравировки, по пропорциям близка серии рязано-окских фибул IA4, бытовавших в основном во второй четверти V в. (рис. 2, 1).

Примерно в 30 км к ЮЗ от этого места, на правом берегу р. Оки в Заокском районе Тульской области, были найдены еще две фибулы. Одна из них еще в 1985 году была обнаружена на городище у с. Нижняя Городня на небольшом правом притоке р. Скниги, также являющемся правым притоком р. Оки. Это небольшая бронзовая фибула длиной 6,5 см, относящаяся к серии IA4 рязано-окских фибул. Еще одна фибула происходит с р. Скниги и, судя по всему, является дериватом фибул той же серии. Ее длина тоже составляет 6,5 см, ножка тоже украшена гравированным орнаментом. Форма ножки сближает эту фибулу с окскими фибулами серии «Картавецво – Серенск»⁶ (рис. 2, 2-3).

В рязано-окских древностях фибула серии IA4 найдена в п. 4 (мыс. 1) могильника Кораблино. Комплекс по составляющим инвентаря – проволоочная гривна с перпендикулярными крючками, пластинчатая трехрогая лунница-подвеска, а также по находкам в соседних погребениях 9, 10, 42 датируется серединой V в. Фибула этой серии найдена и на городище Земляной Струг у г. Касимова. Ниже будет описана находка фибулы этой серии на городище Орлов Городок на Верхней Волге.

Эта серия фибул на Средней Оке относится к началу хронологического периода 3 в. Для него характерны и находки фибул серий IA3, IA6. Встречаются также фибулы серии IA5, появляющиеся уже в предшествующий период 3a2 (рис. 1a) [4].

Еще одна находка на Верхней Оке известна в ареале мощинской культуры. Здесь на селище у Чертова городища, в Козельском районе Калужской области, была обнаружена рязано-окская крестовидная фибула серии IA5 (рис. 2, 4). Бронзовая фибула длиной 11,3 см аналогична фибулам этой серии в рязано-окских памятниках – в п. 84 м-ка Заречье, комплексе 67 м-ка Борок 2, погребении, обнаруженном в 1995 году у здания Шиловского районного краеведческого музея, а также в находке у п. Прибрежный, на окраине г. Шилово.⁷

Находка на селище у Чертова городища подтверждает выдвинутый ранее тезис об активности рязанских финнов на этом направлении в первой половине V в. [5]. А концентрация фибул серии IA4 на участке течения р. Оки между Серпуховым и Ступино позволяет предположить присутствие здесь населения, не только использовавшего крестовидные фибулы, но и изготавливавшего их дериваты. Возможно, эта популяция могла быть связана по происхождению с рязанскими финнами и появилось здесь в результате той самой активности в направлении Верхнего Поочья в первой половине V в. Конечно, эта гипотеза останется лишь предположением, пока не будут получены другие материалы с этих памятников.

Другим направлением, на котором известны находки фибул, являются районы верхнего Москворечья и Верхней Волги. Здесь известны две фибулы, ранее уже описанные автором. Это находки фибул серии IA3 в 2 в подъемном материале на древнерусском поселении Хотяжи 2 (Никифоровское), расположенном на р. Москве под Звенигородом, и на Брыкиной Горе в черте современного Можайска, также в контексте средневекового культурного слоя (рис. 3, 1-2) [29, с. 121-122]. Фибулы серии IA3 в рязано-окских древностях известны в комплексах п. 91 Борковского м-ка, п. 513 могильника Борок 2, п. 31 Старо-Кадомского м-ка, п. 11 (мыс 1) м-ка Кораблино, п. 14 Никитинского м-ка (раскопки Р.Ф. Ворониной).

В могильнике середины I тыс. с погребениями по обряду кремации была обнаружена фибула серии IBa. Аналоги этой фибулы хорошо представлены в рязано-окских древностях середины V в. – периода 3B, они найдены в п. 33 и п. 50 м-ка Ундрих, на Старо-Кадомском м-ке, п. 79 (мыс 1) м-ка Кораблино, п. 108 м-ка

⁶ Автор приносит искреннюю благодарность А.М. Воронцову за информацию о находках в Заокском районе Тульской области.

⁷ Автор признателен О.Л. Прошкину, предоставившему для публикации информацию и фото находки.

Заречье, в случайной находке у г. Шилово, п. 202 Никитинского м-ка. Такая же фибула, происходящая с рязанского течения р. Оки, еще в начале XX века была описана Б. Салином.

Могильник располагался на мысовой площадке дьяковского Ратьковского городища, исследованного В.И. Вишневым в верховьях р. Дубна, в Александровском районе Московской области (рис. 3,7) [12, с. 550-557]. Некоторые из находок, обнаруженных в выделенных автором раскопок скоплениях – остатках погребальных комплексов, находят параллели в древностях рязанских финнов [5]. Возможно, не будет натяжкой предположение, что коллектив, оставивший могильник, мог быть каким-нибудь образом связан с рязанскими финнами.

Серия находок фибул происходит из районов Верхнего Поволжья.

Крестовидная фибула, близкая сериям IA1 и IA2, была обнаружена С.В. Томсинским в предматериковом слое в раскопе 13 на территории кремля в Угличе (рис. 3, 3) [30, с. 87, рис. 40: 8].

Единственной известной автору находкой в Заволжье является крестовидная фибула серии IA4, происходящая с городища Орлов городок, расположенного в северной части Тверской области (Молоковский р-он) (рис. 3, 5) [22, с. 64-65; 23, с. 66]. Датировка этой серии, как уже неоднократно было указано выше, определяется в пределах начальной части периода 3 в. Для нашей темы интересно предположение автора о разрушениях оборонительных сооружений и жилища в начале V в. Фибула происходит из сдвинутого бульдозером отвала, поэтому лишь полная публикация интереснейших материалов с городища конкретизирует контекст ее находки.

Не совсем ясен контекст находки крестовидной фибулы на Дуденевском городище, расположенном на правом берегу Волги, в районе Рыбинска [14, рис. 9: 15]. Она, без всяких сомнений, принадлежит к рязано-окским изделиям серии IB12 (рис. 3; 9), бытовавшим в рамках периодов 3C1-3C2 второй половины – конца V н.э. Фибулы этой серии известны в п. 5а Никитинского м-ка (р-ки Р.Ф. Ворониной), п. 71а м-ка Заречье, п. 57 Старо-Кадомского м-ка, п. 91 Шатрищенского м-ка. К дуденевской находке наиболее близки последние две указанные фибулы из рязано-окских могильников, относящиеся к варианту б серии IB12.

Далее к востоку, на правом берегу ярославского течения Волги, известна находка крестовидной фибулы на Попадьянском селище. Она может быть отнесена к сериям IA4-5, более точно определить по рисунку в публикации трудно (рис. 3, 6) [14, с. 89, рис. 9:16, 36, 25].

Ниже Ярославля по течению р. Волги, на правом берегу найдена фибула серии I3A1в на поселении Введенское [28, с. 17, табл. 23] (рис. 3,4).

Фибулы серии 1 и 2, бытовавшие в рязано-окских древностях в течение периода 3A1 – последних десятилетий IV – рубежа IV-V вв., найдены также на Поганом озере под Суздалью (серия IA2) и на селище Овчухи 2 под Владимиром (серия IA1a) [21, с. 158-159].⁸ Фибулы наиболее раннего варианта серии IA1a и серии IA2 хорошо представлены на рязанском течении р. Оки. Фибулы серии 1 найдены в комплексах погребений п. 55, мыс 1 могильника Кораблино, а находки серии IA2 – в комплексах погребений 21, 55 Шатрищенского могильника, р-ки Т.А. Кравченко, 7 Борковского могильника, р-ки В. Зубкова, в находке 1989 г. у поселка Прибрежный на восточной окраине г. Шилово.

В 110 км к В от Владимира на правом берегу р. Клязьмы, на территории древнерусского Ярополча (Пировы Городищи) был найден фрагмент фибулы серии IA11, бытовавшей во второй половине V, связанный по происхождению с

⁸ Хочу искренне поблагодарить Н.А. Макарова, любезно предоставившего информацию об этих находках.

поселением середины – второй половины I тысячелетия (рис. 3, 8) [23, с. 154-155, рис. 3:7]. Аналогичные известны в случайной находке в могильнике Ундрих, п. 27 м-ка Заречье, в сборах А.В. Антонова на Шатрищенском м-ке (Фонды РИАМЗ), п. 197 Никитинского м-ка (р-ки И.Р. Ахмедова).

Наиболее удаленной от рязанского течения р. Оки является находка рязано-окской крестовидной фибулы серии IA3 в погребении 485 Ахмыловского могильника, расположенного на правом берегу марийского Поволжья. Это ритуально потревоженное погребение, в котором кроме фибулы сохранились обломки гривны, фрагменты боевого ножа в ножнах, детали пояса, удила, сосуд (рис. 4, 1; 6, 1). В непосредственной близости к нему располагалось ритуально потревоженное воинское п. 436 и богатое воинское погребение 487. Эти погребения являются наиболее ранними захоронениями на памятнике и, возможно, исходя из инвентаря их следует датировать временем не позже середины V в. [25].

Таким образом, в настоящий момент известно шестнадцать находок рязано-окских крестовидных фибул, найденных за пределами ареала культуры рязанских финнов. По сериям и соответственно по времени эти находки распределяются следующим образом.

Наиболее ранними являются находки серий 1-2 и 2 в Угличе, на Поганом озере и Овчухи 2. Бытование этих фибул в древностях рязанских финнов относится к периоду 3A1, который датируется в рамках последней четверти IV – начала V в. н.э.

Фибулы серий IA3a подтипа 1в, происходящие из Введенского и Младшего Ахмыловского м-ка, IA 3a26 с Брыкиной Горы и IA3a2в селища Хотяжи относятся уже к следующему периоду 3A2 древностей рязанских финнов, который может быть датирован в рамках первой трети V в. н.э.

Экземпляры серий IA4 и IA5 (Елинка, Нижняя Городня, Скнига, Чертово городище, Орлов городок, Попадьино), а также фибула серии IA6a из Ратьковского могильника характерны уже для начальной стадии периода 3B. Это позволяет датировать их в рамках второй четверти V в. При этом следует указать, что фибулы IA5 появляются уже в предыдущем периоде 3A2.

Фибулы серий IA11 и IA12, найденные в Ярополче и Дуденево, встречены в рязано-окских погребальных комплексах периода 3C, в целом датирующегося второй половиной V в. н.э.

Таким образом, наблюдается следующая динамика поступления крестовидных фибул на эти территории. Две наиболее ранние фибулы попадают на левобережье владимирского течения р. Клязьмы и в Суздальское Ополье в конце IV в. н.э. (Овчухи, Поганое озеро).

Поганое озеро, откуда происходит фибула серии IA2, располагается в непосредственной близости от группы финских памятников Кибол – Сельцо, которые по находкам деталей украшений датируются серединой – третьей четвертью I тыс. н.э. Селище Овчухи 2, на котором найдена вторая фибула, входит в группу памятников Новгородское – Овчухи на р. Рпени, относящихся в целом к первой половине I тыс. н.э. [21, с. 158-159].

При анализе этих находок следует учитывать наличие в 11 км к северо-западу от Поганого озера грунтового могильника конца III – первой половины IV вв. у села Большое Давыдовское на р. Урде, правом притоке р. Ирмес, исследованного Суздальской экспедицией Института археологии РАН под руководством Н.А. Макарова. На могильнике изучено 20 погребений, по обряду и инвентарю весьма близких синхронным комплексам из рязано-окских могильников. Проанализировавшие погребальный обряд и состав комплексов захоронений Н.А. Макаров, А.М. Красникова, И.Е. Зайцева пришли к выводу о том, что именно рязанские финны составляли основу коллектива, оставившего могильник. Находки

же крестовидных фибул в соседних микрорегионах, по мнению исследователей, свидетельствуют о тесных связях местного населения с финнами рязанского течения р. Оки и в конце IV – начале V вв. [19, с. 41-52; 20, с. 3-16; 21, с. 159-160].

К этому же времени относится и находка фибулы серий 1-2 в Угличе, в 170 км к СЗ от Суздали. Вероятно, примерно на рубеже IV-V вв. можно фиксировать новый всплеск взаимодействия рязанских финнов и родственного населения на левобережье р. Клязьмы. Мне кажется, что не следует исключать и возможности прихода новых групп с рязанского течения р. Оки, которые принесли с собой вещи, входящие в систему социально-иерархических маркеров, формирующуюся в это время у рязано-окского населения.

Путь, по которому могли попадать сюда фибулы, может быть очерчен наиболее многочисленными находками (6 экз.) более позднего времени – первой половины V в. н.э., к которому относятся находки фибул серий IA3 – IA6. Находки в Хотяжах, Брыкиной горе, Ратьковском могильнике, Орловом городке, Введенском показывают, что фибулы попадали в Верхнее Поволжье, а в более раннее время и в междуречье Клязьмы и Нерли, через районы Москворечья. В пользу этого предположения свидетельствуют находки рязано-окских гривен с замком в двойную петлю, напускными бусами и обмоткой на Дьяковском и Березняковском городищах, двухъярусных трапециевидных подвесок на Подмокловском, Кунцевском, Саввино-Сторожевском, Попадьянском городищах. Эти подвески начинают широко распространяться в составе рязано-окского женского убора во второй половине V века. Состав импортов может быть дополнен. Но даже картографирование только находок крестовидных фибул достаточно показательно (рис. 5).

Другие проявления жизнедеятельности рязанских финнов в это время обнаружены в районах верхнего Поочья, что подтверждает находка фибулы серии IA3 на Чертовом городище, на левобережье калужского течения р. Оки, и группы фибул серии IA4 на восточной границе верхнего течения р. Оки (Елинка, Нижняя Городня, Скнига).

О том, что культурные импульсы среднеокского происхождения на районы Верхней Волги и Клязьму продолжались и во второй половине V в. н.э., свидетельствуют не только находки фибул серий IA11 и IA12 из Дуденево и Ярополча (Пировы Дворищи), но и находки фрагмента однолезвийного меча на Попадьянском селище, рязано-окской поясной бляшки и псаля, относящегося к «понтийской» группе узды, на селище Усть-Черная, которое входит в одну группу памятников с Введенским. По предположению А.Е. Леонтьева, селище Усть-Черная может являться остатками воинского лагеря [18, с. 225, рис. 96]. Следует указать, что рязано-окские формы поясных наборов, однолезвийные мечи и узды, связанная по происхождению с районами Северного Причерноморья и Северного Кавказа, составляют основу воинского комплекса рязанских финнов. В частности, число известных на данный момент однолезвийных мечей в рязано-окских памятниках составляет 48, на остальных же территориях – Нижнем Поочье, Верхнем Поволжье, Нижнем Посурье, Марийском Поволжье – их известно всего 11 экземпляров [11, с. 177; 8].

Сопоставляя даже эти неполные данные, можно предположить, что появление фибул на указанных памятниках – результат непосредственного участия рязано-окского населения в сложных этнокультурных процессах, в том числе в миграциях различных групп населения эпохи Великого Переселения в лесной зоне Центральной России. И.В. Исланова, основываясь на находках крестовидных фибул на Ратьковском могильнике, городищах Орлов городок и Дуденево, предполагает наличие определенных импульсов юго-восточного происхождения, достигающих в

середине I тыс. районов Верхнего Поволжья. Возможно, престижные находки рязано-окского происхождения маркируют пути, связывавшие в то время районы Среднего Поочья и Верхнего Поволжья, по которым происходили инфильтрации нового населения и взаимодействие их с другими аллохтонными группами, например с населением «удомельской» группы, оставившим памятники типа Юрьевской Горки, расположенные не так далеко от городища Орлов городок. На Юрьевской Горке также найдены бронзовые шумящие подвески окского облика и «крапчатые» бусы, являющиеся одним из хронологических маркеров древностей последней трети V века на Средней Оке [16, с. 312, рис. 13; 19, 6-8]. В то же время приведенные сведения свидетельствуют в пользу выдвинутого А.Е. Леонтьевым предположения о рязано-окском регионе как возможной «прародине» предков мери [18, с. 19-22].

В связи с вышеприведенными соображениями представляется необходимым конкретизировать наши представления об истоках появления и значении крестовидных фибул в культуре безводнинско-ахмыловского и муромского населения. Именно фибулы первой половины V в. послужили образцами для создания специфических фибул «муромской» и «марийской» серий – группы II подгруппы Б, характерных для убора населения, оставившего памятники «безводнинско-ахмыловского» круга и муромы. В пользу этого предположения свидетельствуют не только репрезентативная выборка фибул в междуречье Клязьмы и Волги, но и находки фибулы серии IA3 в п. 485 Ахмыловского м-ка и деривата этой серии фибул, украшенного орнаментом из треугольников, с подвесками по нижнему краю ножки в могильнике на Чертовом городище в Поветлужье (рис. 4, 2).

В связи с тем, что наиболее изученные муромские памятники (Малышевский, Подболотьевский могильники) описаны не полностью, представляется правомерным предпринять попытку определения роли крестовидных фибул в культуре нижеокских и средневолжских финнов на примере подробно описанных древностей безводнинско-ахмыловского круга.

Памятники этого круга, по Т.Б. Никитиной, относятся к I этапу древностей раннесредневековых марийцев VI-VII вв. Исследовательница относит освоение районов марийского Поволжья группами населения, составившими основной субстрат марийского народа, к середине VI в., определяя район их происхождения в пределах нижнего Поочья. К памятникам этого этапа, по ее мнению, относятся могильник на Чертовом городище в Поветлужье, Младший Ахмыловский, Юльясский, Безводнинский и, возможно, Желтухинский могильники, а также ряд городищ и селищ, в частности Сомовское 1 и 2, Васильсурское 2, Чертово и др. [26, с. 166-167, 174].

В Безводнинском могильнике найдено 25 крестовидных фибул, из них три происходят из случайных находок, остальные найдены в 2 мужских, 7 женских и в одном погребении девочки. Погребение 5 было потревожено в древности, костяк разбросан, также были встречены отдельные кости лошади. Инвентарь, вероятно, сохранился частично, однако включал в себя кроме серебряной фибулы бронзовые детали ременной гарнитуры дунайского происхождения, украшенные головками птиц, подобные тем, которые входили в состав крестовидных диадем из рязано-окского могильника Борок II, а также бронзовый браслет, наконечник пояса, сосуд, проколку и железную пластинку (рис. 6, 22-28). Погребение 21 представляло собой мужскую кремацию – в центре ямы, на скоплении кальцинированных костей, углей, золы находились следующие вещи: крестовидная серебряная фибула, поясной набор с двумя серебряными пряжками и бронзовыми накладками, бронзовый браслет, а также наконечник копья, топор и однолезвийный, длинный боевой нож.

Одна фибула, в области груди, обнаружена в женском погребении 4, находившемся в непосредственной близости у ЮВ окончания п. 5. В п. 97, которое, так же как и п. 5, было подвергнуто в древности ритуальному (?) разрушению, кроме фибулы сохранились остатки пояса с двумя пряжками, височное кольцо, удила, бусины, железный нож, пронизи. В остальных случаях фибулы входили в состав женских головных уборов, в погребении 41 вместе ними находилась и двупластинчатая серебряная фибула, подражающая прототипам, восходящим к дунайским застегкам горизонта Смолин-Косино, еще один экземпляр находился в п. 150, расположенном рядом с 151. Для нашей темы важно, что погребения с фибулами группируются в нескольких зонах памятника. Так, п. 5 входит в один ряд с пп. 3, 41, 40, 12, которые также были подвергнуты в древности ритуальному ограблению. Все эти погребения сопровождаются конскими захоронениями, остатки инвентаря свидетельствуют о богатстве могил. Женское захоронение 4 с крестовидной фибулой примыкает с юга к п. 5, с северной стороны к ряду примыкает п. 61, тоже потревоженное, в котором из инвентаря сохранились фрагменты деревянного сосуда, окованного тонкими обручами и обложенного листочками золотой фольги. В непосредственной близости к этому ряду находилось детское погребение 31, с фибулами в составе головного убора и полным набором украшений костюма. Можно обоснованно предположить, что эти погребения представляют собой захоронения особой группы внутри коллектива, оставившего могильник, которая, судя по характеру сохранившихся предметов, занимала высокое социальное положение. Еще в двух случаях погребения с фибулами группировались вместе – пп. 150, 151, 155 и пп. 94 и 97. В остальных случаях фибулы встречены в погребениях, каждое из которых входило в пару погребений, совершенных по обряду кремации. Мужское погребение 21, как уже было указано, представляло собой достаточно богатое воинское погребение, пару ему составляло погребение 67 – мужское воинское с более скромным инвентарем. Несколько далее к ЮЗ этот ряд продолжали две женских ингумации, содержавшие комплекты полного убора взрослой женщины (пп. 77,85). Другая пара погребений по обряду кремации – пп. 159, 160 – содержала женское погребение с деталями полного взрослого убора (фибула здесь входила в состав украшений головы) и мужское погребение со скромным инвентарем – серебряная пряжка и две сьюльгамы [17, с. 52, 135-136, 142, 145, 148-149, 163-165, 182-186, рис. 2].

На Младшем Ахмыловском могильнике так же четко прослеживаются две семейных группы, в которых погребения женщин с фибулами находились в тесных рядах с воинскими погребениями с богатым инвентарем и мечами – пп. 153, 128 и пп. 91, 90. [25, с. 50-54, 56, рис. 2].

На Желтухинском могильнике фибула найдена в одном из самых ранних погребений конца V в. – воинском захоронении 11. Она располагалась на груди. Погребение сопровождалось погребением лошади и являлось центральным в ряду престижных захоронений. В этом ряду располагалось также богатое женское погребение с пятью фибулами, из которых одна была двупластинчатой. К этому ряду примыкало вторичное женское п. 23, в состав инвентаря которого тоже входила фибула [31, с. 47, рис. 1, 5-6, 9-10, 18].

Подобные случаи известны и на других территориях. Так, в Холуйском могильнике на р. Тезе, левом притоке Клязьмы, фибула была найдена в мужском воинском погребении 1 конца V – начала VI вв. [27, с. 43, 104, табл. XII, 21-29]. Из муромских памятников следует указать на Подболотьевский могильник, где два богатых женских погребения с крестовидными фибулами в составе головного убора – пп. 217 и 220 – находились на одном участке с богатым воинским погребением 218 [13, с. 131-133].

Таким образом, можно предположить, что, как и у рязано-окских финнов, у безводнинско-ахмыловского и муромского населения значение крестовидных фибул в системе социально-иерархических маркеров было чрезвычайно велико. Они являлись одним из признаков высокого социального статуса их обладателей. В более позднее время эти фибулы переходят в категорию украшений головных уборов состоятельных женщин.

Тут следует указать на еще одну параллель с рязано-окскими древностями. В середине – второй половине IV в. довольно часто черняховские двучленные прогнутые фибулы украшали статусные головные уборы рязано-окских женщин. При этом они использовались по несколько штук; например, шесть фибул входило в состав головного убора из п. 75, мыс 1 могильника Кораблино [4, рис. 15,6-11]. Возможно, наличие в составе декора «импортных» фибул должно было подчеркивать статус владелицы. Это явление также следует учитывать при анализе состава декора и социальной нагрузки головных уборов муромы и безводнинско-ахмыловского населения.

Вероятно, отражением процесса перехода этой категории убора из мужского обихода в женский является и находка фибулы в могильнике на Чертовом городище, расположенном на правом берегу р. Ветлуги. В декоре этого деривата рязано-окских фибул серии IA3 были использованы бутыльчатые подвески, которые являются одной из самых характерных категорий украшений для женского убора поволжских финнов [26, рис. 47, 12].

Выше было указано, что подобный процесс прослеживался в конце V в. и в рязано-окских древностях. Здесь мужские фибулы использовались родственниками лидеров коллективов, оставивших могильники [Ахмедов, Казанский 2004, с. 175-176]. Однако в муромских и волжских памятниках местные реплики крестовидных фибул из застёжек превращаются в декоративный элемент богатых головных уборов, лишаются механизмов, – изготавливаются только с петельками для пришивания. В то же время кроме декоративных функций, они, судя по всему, выполняют роль символа высокого социального статуса их владелиц.

При сравнении фибул «марийской» и «муромской» серий с синхронными крестовидными фибулами конца V – начала VII вв. можно видеть, что образцами для изготовления первых послужили ранние фибулы серий IA 1-4 и, возможно, IA13. На это указывают морфологические особенности – ромбическая форма ножки, форма площадки и кнопок (рис. 1аб). Возможно, к переходным формам следует отнести находку фибулы из Введенского, отнесенную выше к подтипу 1в серии IA3а. По размерам и пропорциям она достаточно близка к «марийским» и «муромским» крестовидным фибулам. Можно предположить, что именно экземпляры ранних рязано-окских крестовидных фибул, попавшие в районы междуречья рек Волги и Клязьмы, были прототипами крестовидных фибул «марийской» и «муромской» серий.

Возможно, эти фибулы являются продуктом развития в среде формирующегося безводнинско-ахмыловского и муромского населения иерархических маркеров, которые появляются в конце IV – первой половине V веков как результат культурного импульса с рязанского течения Оки. Одинаковая роль крестовидных фибул и у рязанских финнов, и у «безводнинско-ахмыловского» населения, и у муромы указывает на то, что в этом процессе принимали непосредственное участие рязанские финны, в том числе люди, обладавшие высоким статусом предводителей. Крестовидные фибулы как символы власти вряд ли могли служить предметами обмена или торговли. Так, мы не знаем ни одной находки крестовидных фибул в памятниках родственных рязано-окским финнам групп в Потешье, на верхнем течении р. Мокши, верхнем и нижнем течении р. Суры. Наличие контактов этих

групп с рязанскими финнами не подлежит сомнению, однако систему иерархических признаков последних они не используют.

Напротив, у безводнинско-ахмыловского и муромского населения эта система становится основой при формировании престижного убора. Образцом для нее становится убор предводителей, возглавлявших коллективы в процессе расселения в районах междуречья рр. Клязьмы и Волги, Нижнего Поочья и нижегородско-марийского Поволжья. В пользу этого предположения свидетельствует и то, что в единственном документированном случае именно рязано-окская фибула ІА3 найдена в воинском погребении 485 Ахмыловского могильника, одном из самых ранних на памятнике. Эта система существует в этих районах и в то время, когда у рязанских финнов иерархические маркеры изменяются, а единичные находки крестовидных фибул являются исключением. Возможно, сходство престижного убора безводнинско-ахмыловского и муромского населения может быть также аргументом в пользу общности их происхождения.

Так или иначе, можно утверждать, что крестовидные фибулы следует считать одной из наиболее важных категорий при изучении формирования культур различных этнических группировок на пороге Средневековья, как вновь выявленных на верхнем течении р. Оки, так и ставших основой для формирования муромы и марийцев – групп безводнинско-ахмыловского круга.

Рязанские крестовидные фибулы могут быть использованы и как хронологические индикаторы, что позволяет уточнить датировки безводнинско-ахмыловских и муромских древностей. Именно это, а также более пристальное изучение наиболее значимых категорий убора представляется сейчас наиболее важным и перспективным при реконструкции этнокультурных процессов в Волго-Окском междуречье в третьей четверти I тысячелетия.

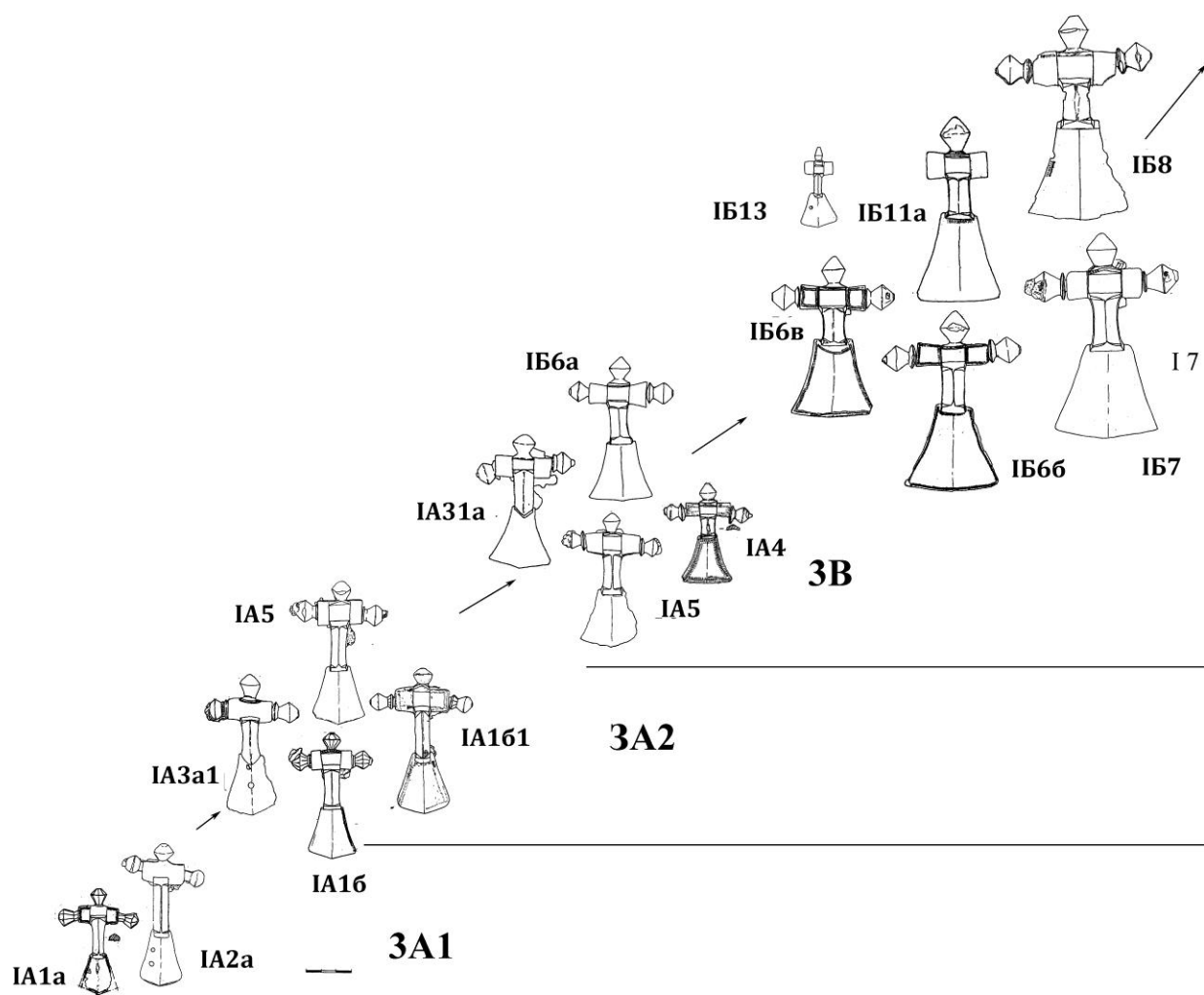
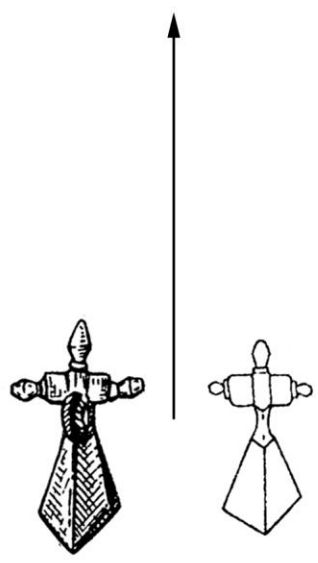
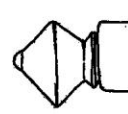

Рис. 1 а, б. Схема развития крестовидных фибул

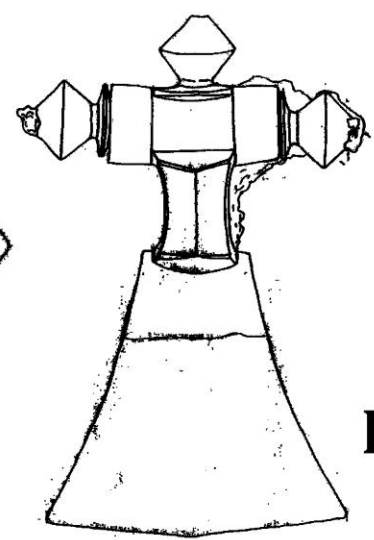
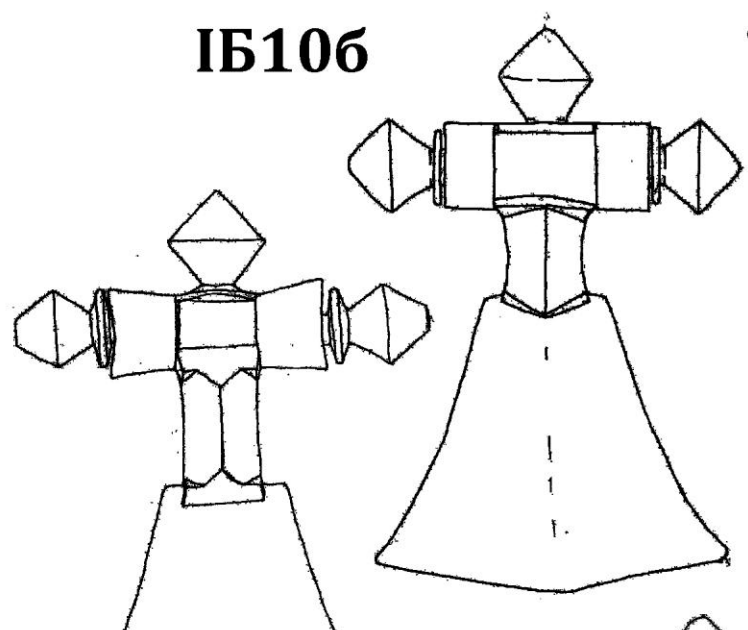

IIБ

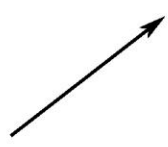

IB9

IB106

IB9

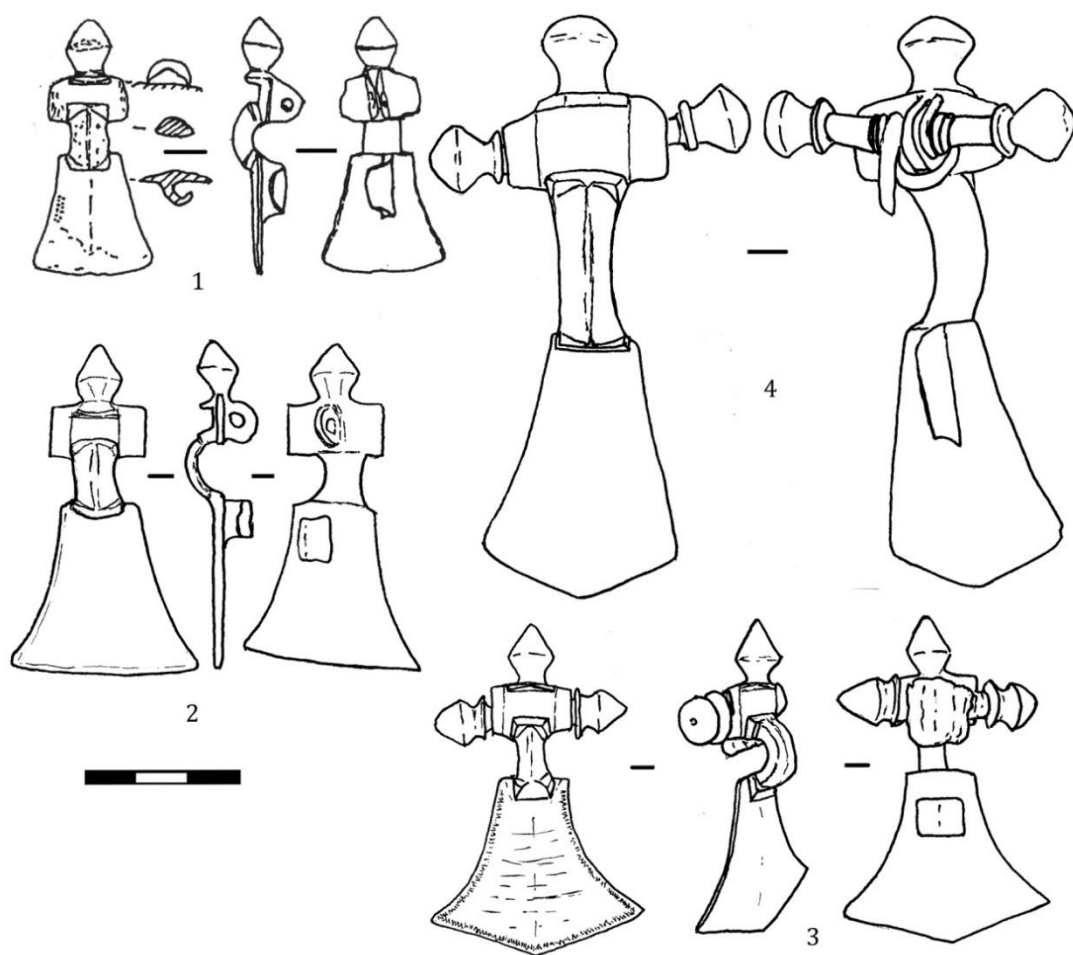

Рис. 2. Находки крестовидных фибул в верхнем течении р. Оки:
 1 – Елинка; 2 – Нижняя Городня; 3 – Скнига; 4 – Чертово городище;
 1-4 – бронза

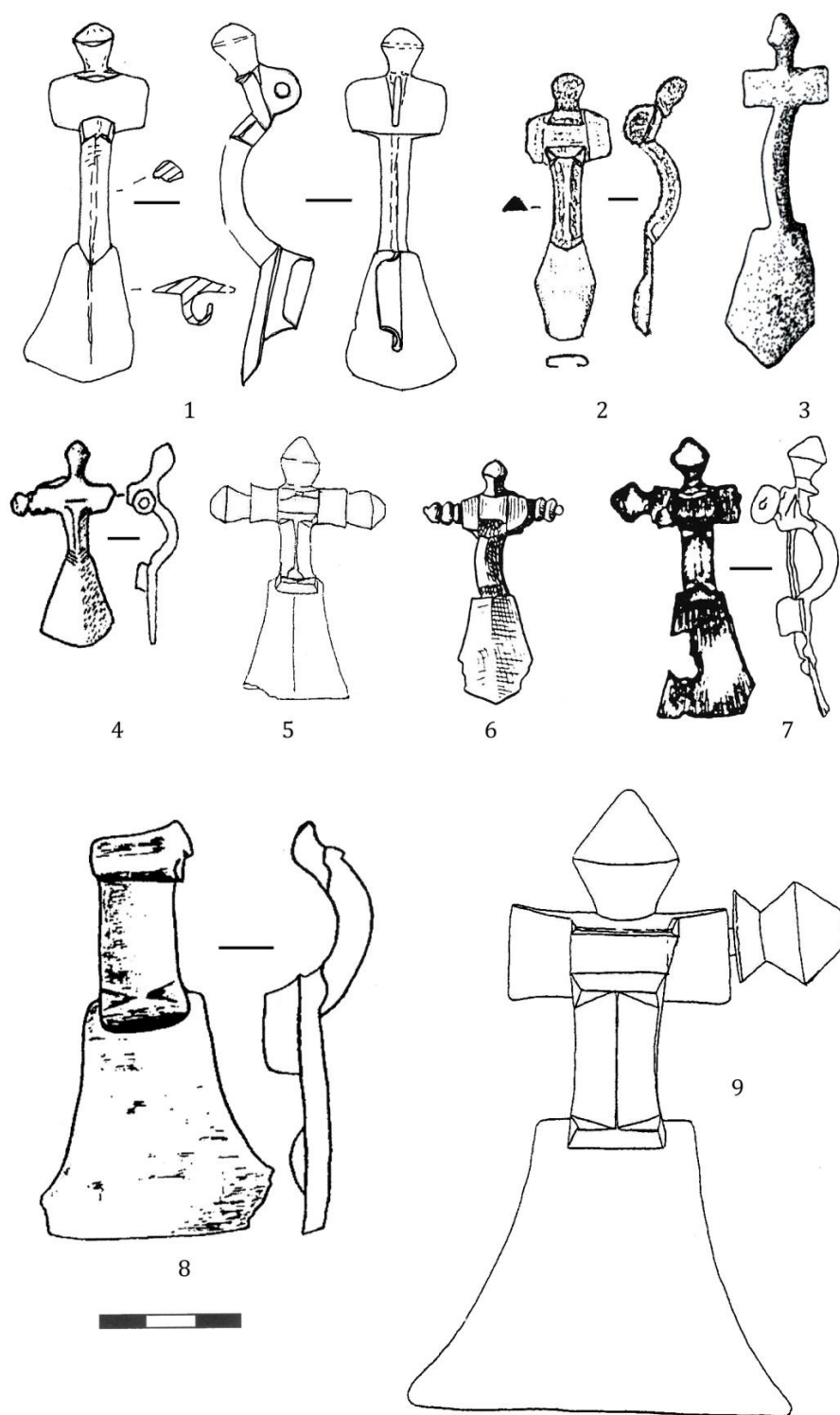

Рис. 3. Находки фибул с памятников верхнеокского, москворецкого, верхневолжского регионов:

1 – Брыкина Гора (Можайск); 2 – Хотяжи (по А.К. Станюковичу и А.В. Алексееву); 3 – Углич (по С.В. Томсинскому); 4 – Введенское селище (по И.Л. Станкевич); 5 – Орлов городок (по А.Д. Максимова); 6 – Попадьянское селище (по Е.И. Горюновой); 7 – Ратьковский могильник (по В.И. Вишневскому); 8 – Пировы Городища (по Л.А. Михайловой); 8 – Дуденевское городище (по Е.И. Горюновой). 1-8 – бронза

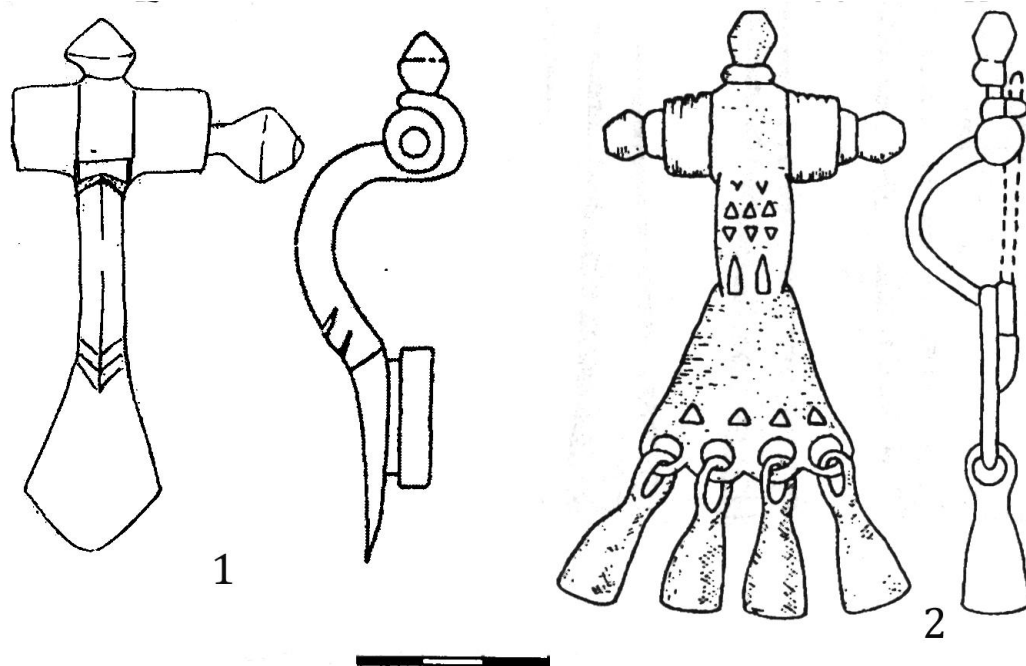

Рис. 4. Крестовидные фибулы из древнемарийских памятников:
 1 – п. 485, Младший Ахмыловский могильник (по рисунку А.К. Амброза); 2 – могильник
 на Чортовом городище (по Т.Б. Никитиной). 1-2 – бронза

Рис. 5. Карта расселения финнов в западной части Среднего Поволжья в середине I тысячелетия и находок крестовидных фибул за пределами среднего течения р. Оки:

- 1: а – ареал культуры рязанских финнов; б – группа в верхнем Примокшанье; в – группа в верхнем Посурье; г – группа в Потешье; д – группа в нижнем Посурье;
- 2 – Чертово городище; 3-4 – Нижняя Городня, Скнига; 5 – Елинка; 6 – Брыкина Гора (Можайск); 7 – Хотяжи (Звенигород); 8 – Ратьковский могильник; 9 – Овчухи; 10 – Поганое озеро; 11 – Углич; 12 – Попадьинское; 13 – Дуденево; 14 – Орлов городок; 15 – Пировы Городищи (Ярополч); 16 – Введенское; 17-19 – Холуйский, Хотимльский, Кочкинский могильники; 20-22 – Малышевский, Подболотьевский, Максимовский могильники; 23 – Безводнинский могильник; 24 – Желтухинский могильник; 25 – могильник на Чертовом городище; 26 – Младший Ахмыловский могильник

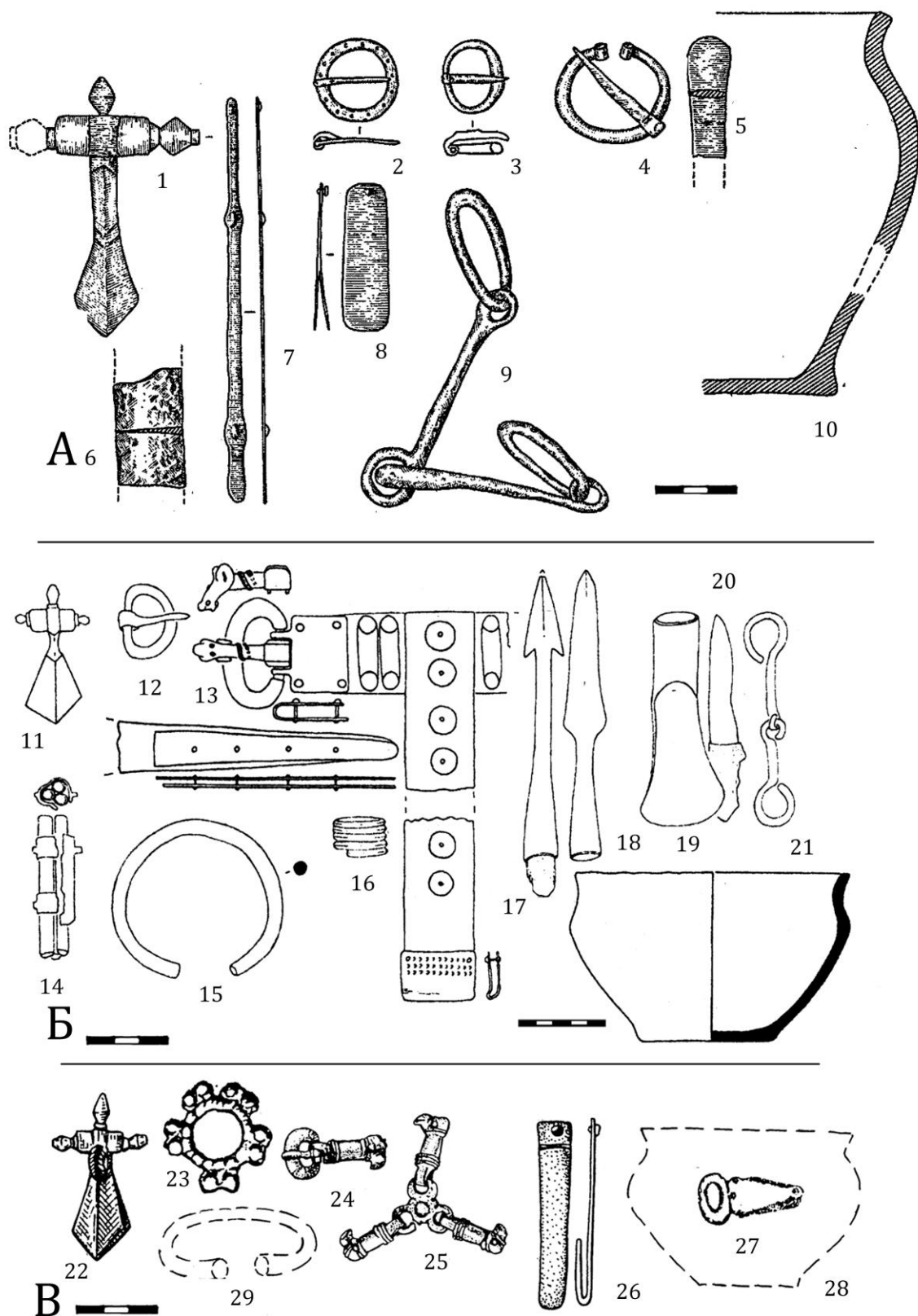

Рис. 6. Безводнинско-ахмыловские комплексы с крестовидными фибулами:

А – инвентарь п. 485 Мл. Ахмыловского могильника (по Т.Б. Никитиной);

Б – п. 11 Желтухинского могильника (по А.В. Уткину и В.Ф. Черникову);

В – п. 5 Безводнинского могильника (по Ю.А. Краснову)

Литература

1. Амброз А.К. Фибулы Юга Европейской части СССР. САИ, 1966. Вып. ДІ-30. М.: Наука, 1966. 111 с.
2. Ахмедов И.Р. Рязано-окские крестовидные фибулы // Исследования П.Д. Степанова и этнокультурные процессы древности и современности: материалы научной конференции. Саранск: Ист.-социол. ин-т им. Н.П. Огарева, 1999. С. 58 – 61.
3. Ахмедов И.Р. Воинские погребения гуннского времени на Средней Оке // Тезисы докладов конференции, посвященной 60-летию кафедры археологии МГУ. М.: Изд. МГУ, 1999. С. 166-169.
4. Ахмедов И.Р. Инвентарь мужских погребений // Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. Раннеславянский мир. Вып. 9. М., 2007. С. 137-185.
5. Ахмедов И.Р. Окские фибулы // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Вып. 1. Тула, 2008. С. 7-27.
6. Ахмедов И.Р. К выделению индикаторов социальной стратификации в культуре рязано-окских финнов в эпоху Великого переселения народов по материалам могильника у села Никитино // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 2. Тула, 2010. С. 105 – 137.
7. Ахмедов И.Р. Проблема «финального» периода культуры рязано-окских финнов (К современному состоянию вопроса). Раннеславянский мир. Вып. 13. М., 2010. С. 7-34.
8. Ахмедов И.Р. Короткие однолезвийные мечи из Никитинского могильника // Germania – Sarmatia: сборник научных трудов по археологии народов Центральной и Восточной Европы, посвященный памяти М.Б. Щукина. Вып. II / Калининградский областной историко-художественный музей, Курский государственный областной музей археологии. Клайпеда, 2010. С. 319 – 341.
9. Ахмедов И.Р. Находка медальона Септимия Севера на р. Оке // Проблемы истории, философии, культуры. № 4. Москва-Магнитогорск-Новосибирск, 2011. С. 119-136.
10. Ахмедов И.Р., Белоцерковская И.В. О месте фибул в рязано-окских могильниках. Постановка вопроса // Археологические памятники Среднего Поочья. Вып. 7. Рязань, 1998. С. 105-122.
11. Ахмедов И.Р., Казанский М.М. После Атиллы. Киевский клад и его культурно-исторический контекст // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем Средневековье: доклады научной конференции, посвященной 60-летию со дня рождения Е.А. Горюнова (Санкт-Петербург, 14-17 ноября 2000 г.). СПб., 2004. С. 168-202.
12. Вишневский В.И. Финно-угорский раннесредневековый могильник на Ратьковском городище в верховьях р. Дубны // ТАС, вып. 5. Тверь, 2002. С. 550- 557.
13. Городцов В.А. Археологические исследования в окрестностях г. Муром в 1910 г. // Древности. Труды Императорского Московского Археологического общества. Вып. 24. М., 1914. С. 40-216.
14. Горюнова Е.И. Этническая история Волго-Окского междуречья // МИА. №94. 1961. 267 с.
15. Ефименко П.П. Рязанские могильники. Опыт культурно-стратиграфического анализа могильников массового типа // Материалы по этнографии. Т. III. Л.: Русский музей, 1926. С. 59-84.
16. Исланова И.В. Верхневолжье и Валдай // Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. Раннеславянский мир. Вып.9. М., 2007. С. 301-332.
17. Краснов Ю.А. Безводнинский могильник. М.: Наука, 1980. 224 с.

18. Леонтьев А.Е. Археология Мери. К предыстории Северо-Восточной Руси // Археология эпохи Великого переселения народов и раннего Средневековья. М., 1996. 337 с.
19. Макаров Н.А., Красникова А.М., Зайцева И.Е. Могильник Большое Давыдовское II – погребальный памятник первой пол. I тыс. н.э. // РА. 2010. № 1. С. 41-52.
20. Макаров Н.А., Красникова А.М., Зайцева И.Е. Могильник Большое Давыдовское II в Суздальском Ополье: продолжение полевых исследований // Археология Владимирско-Суздальской земли. Материалы научного семинара. Вып. 3. М.-СПб., 2011. С. 3-16.
21. Макаров Н.А., Красникова А.М., Зайцева И.Е. Финские древности первой половины – середины I тыс. н.э. в Суздальском ополье // Историко-культурное наследие и духовные ценности России. Программа фундаментальных исследований Президиума Российской академии наук. М.: РОССПЭН, 2012. С. 151-161.
22. Максимов А.Д. Раскопки городища Орлов городок // Археологические открытия 1980 г. М., 1981. С. 64-65.
23. Максимов А.Д. Раскопки городища Орлов городок // Археологические открытия 1982 г. М., 1983. С. 66.
24. Михайлова Л.А. Дьяково городище у села Пировы городища // Проблемы изучения древнерусской культуры (Расселение и этнокультурные процессы на Северо-Востоке Руси). М., 1988.
25. Никитина Т.Б. История населения марийского края в I тыс. н.э. (по материалам могильников). Йошкар-Ола, 1999. 150 с.
26. Никитина Т.Б. Марийцы в эпоху Средневековья (по археологическим материалам). Йошкар-Ола, 2002. 430 с.
27. Спицын А.А. Древности бассейнов рр. Оки и Камы. МАР. Вып. 25. СПб., 1901. 120 с.
28. Станкевич И.Л. Отчет о работах археологической экспедиции Ярославского государственного университета в 1987 г. // Архив ИА РАН. Р-1, №11891.
29. Станюкович А.К., Алексеев А.В., Ёлкина И.И., Насырова Н.Ш. Работы Звенигородской экспедиции // Археологические открытия 1999 г. М., 2001. С. 121-122.
30. Томсинский С.В. Угличе Поле в IX-XIII веках. СПб., 2004. 320 с.
31. Уткин А.В., Черников В.Ф. Желтухинский грунтовый могильник // Проблемы средневековой археологии волжских финнов. Серия «Археология и этнография Марийского края». Вып. 23. Йошкар-Ола, 1994. С. 41-56.

УДК 902/904

© 2012 Васильева И.Н., Кулакова Л.С., Салугина Н.П.

РАСКОПКИ ПАМЯТНИКА АРХЕОЛОГИИ ЧЕРНОРЕЧЬЕ-6

Публикация новых материалов памятника археологии Черноречье-6, расположенного в пойме р. Самары. Он представляет собой новый для Самарского Поволжья вид археологических памятников, относящихся к I тыс. н.э. Широкое привлечение аналогий позволило предположить, что он имел назначение святилища.

Ключевые слова: раннее Средневековье; пойма р. Самары; площадка, окруженная прямоугольным рвом; святилище.

В статье представлены новые материалы, полученные в ходе охранно-спасательных раскопок экспедиции Института истории и археологии Поволжья в 2011 году. Памятник археологии Черноречье-6 расположен у с. Черноречье Волжского района Самарской области, на территории высокой поймы левого берега р. Самары. При раскопках было выявлено уникальное сооружение раннесредневекового времени в виде ограниченной ровиком площадки длиной 10,4 м и шириной 8-8,8 м, предположительно святилище I тыс. н.э. Получен немногочисленный керамический и вещевой материал. Исследование носило комплексный характер: были применены методы археологического почвоведения, археозоологический и технико-технологический анализ материалов.

ХАРАКТЕРИСТИКА РАЙОНА ИССЛЕДОВАНИЯ (рис. 1). Памятник находится на левобережье р. Самары, в 3,5 км от современного русла реки, приблизительно в 20 км от ее устья. Район исследования расположен в переходной от лесостепной к степной (буферной) почвенно-ландшафтной зоне, в геоморфологической провинции Низменного Заволжья. По характеру ландшафта этот район представляет собой южную лесостепь с преобладанием степей и редкими рощицами, разбросанными по речным долинам. До вмешательства человека здесь находилась луговая степь, переходящая в разнотравно-кипчаково-ковыльную степь [12]. Долина р. Самары в нижнем течении представляет собой луговую, отчасти заболоченную низменность, заливаемую во время половодья. Основной тип почв – черноземный. Уровень грунтовых вод в данном районе был существенно повышен после строительства Саратовского водохранилища. Близкое к поверхности залегание грунтовых вод влияет на засоление почв, образование солодей и солонцов. Через неделю после зачистки стенок строительной траншеи на границе предматерика и материка выступила четкая полоса белесого цвета, образовавшаяся за счет большого содержания солей. Высокая пойма левого берега р. Самары изрезана многочисленными старицами, протоками, озерами. Пойменные озера вытянуты параллельно Самаре, имеют вид узких полос, представляющих старые, заброшенные рукава реки (старицы). Встречаются и более крупные озера, такие как оз. Лебяжье.

ТОПОГРАФИЯ ПАМЯТНИКА (рис. 2). Он находится в 1,6 км к западу от съезда с грунтовой дороги, идущей вдоль южной окраины села, на крайнюю западную улицу с. Черноречье и расположен на небольшом всхолмлении в 160 м к ССЗ от берега оз. Лебяжье. Окружающая местность представляет собой пойму Самары, расчлененную многочисленными озерами, затонами, старицами. В 1,3 км к югу и в 3 км к востоку от памятника видны уступы надпойменной террасы. Исследованное сооружение располагалось на небольшой возвышенной площадке, с севера ограниченной оз. Кривым, с востока – заболоченным понижением, с юга – оз. Лебяжье. Все близлежащие озерца и заболоченные ложбины (старицы) имеют узкую дугообразную форму, вытянуты цепочкой и, скорее всего, представляют собой остатки единого древнего русла, образующего в этом месте излучину с длиной колена около 900 м. Площадка, на которой находится Черноречье-6, является шпорой древней излучины. Линия берега оз. Кривое проходит приблизительно в 100 м к СВ от нее, изгиб излучины – приблизительно в 230 м к ЮВ. С востока и юга ее огибает еще одна длинная дугообразная заболоченная ложбина шириной около 100 м, которая северным краем выходит к оз. Кривому и отделяется от него сухой перемычкой шириной 55 м. В 150-170 м к Ю от исследованного участка эта старица соединяется с озером Лебяжье. Судя по космоснимкам, всхолмление – место расположения Черноречье-6 – во время половодья не затопливается.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Памятник археологии Черноречье-6 был открыт осенью 2011 г. в ходе осмотра траншеи, вырытой при строительстве шоссе, связанного с Кировским мостовым переходом. В северном и южном обнажениях

траншеи было выявлено несколько искусственно вырытых ям и керамика. Строительная траншея шириной 3-4 м пересекала склон всхолмления в направлении СЗЗ-ЮВВ. С целью полного исследования разрушенного объекта археологии было заложено три раскопа общей площадью 228 кв. м. Раскоп № 1 площадью 158 кв. м находился на южной стороне траншеи. Раскоп № 2 площадью 20 кв. м располагался рядом с валом строящейся дороги в 14 м к югу от раскопа № 1. На северной стороне траншеи был заложен раскоп № 3 площадью 50 кв. м.

Стратиграфия всех трех раскопов была практически одинаковой. Напластования, последовательно располагавшиеся сверху вниз, были следующими:

1. Сверху шел слой дерна – горизонт А₀ почвенного профиля мощностью от 0 до 5 см. Местами дернина была снята при рытье траншеи. Грунт представлял собой суглинок темно-серого цвета, густо переплетенный корнями многолетней луговой растительности.

2. Ниже дерна повсеместно шел гумусовый горизонт А₁ почвенного профиля мощностью в среднем 20-50 см. Представлял собой суглинок темно-серого цвета, легкого или среднесуглинистого гранулометрического состава. Грунт однородный, слабоуплотненный, мелкокомковато-зернистой структуры, пронизанный большим количеством корней травянистых растений. Переход к нижележащему горизонту ясный по цвету и плотности. Граница между ними слабоволнистая, местами нарушаемая глубокими клиновидными углублениями.

3. Предматериковый слой – горизонт АВ почвенного профиля мощностью 15-40 см. Неоднородный средний суглинок: на буроватом фоне – темно-серые пятна и языки верхнего гумусированного материала. Грунт имел комковато-зернистую структуру. Частично прорезался многочисленными углублениями – промоинами в виде клиновидных канавок, заполненных верхним гумусовым темно-серым материалом.

4. Материк – горизонт ВА карбонатный, средний или близкий к тяжелому суглинок светло-коричневого цвета с палевым оттенком. Грунт неоднородный: содержал темно-серые трещины, пятна. Местами был прорезан углублениями естественного характера, идущими с уровня гумусового горизонта, которые в материке переходили в паутинообразные трещины. По мнению палеопочвоведа Д.И. Васильевой, большое количество этих углублений – глубоких языков и карманов, заполненных материалом гумусового горизонта, на раскопах № 1-3 было связано с переувлажненностью данной территории в осенне-весенний период и процессами морозобойного растрескивания (криоморфизмом). На возвышенной части раскопа материк содержал большое количество светло-бежевых карбонатных конкреций.

5. На раскопах 1 и 3 было выявлено сооружение (ровик), заполнение которого представляло собой средний суглинок темного серовато-бурого цвета, неоднородной окраски, с большим количеством темно-серых пятен диаметром до 3-4 мм. Грунт свежий, близкий к влажному, уплотненный. Заполнение внутреннего ровика отличалось более темным (до черного) цветом (за счет вкраплений угольков и сажи).

Характеристика сооружения. Строительная траншея проходила почти посередине сооружения и разрушила приблизительно его треть. В целом оно представляло собой ограниченную ровиком площадку длиной 10,4 м и шириной 8-8,8 м (рис. 3, 4). Ровик имел подпрямоугольную в плане форму с закругленными углами, ориентированными по сторонам света. На юго-востоке были вырыты две линии рва: внешняя и внутренняя, параллельные друг другу. На площади раскопа № 1 находилась меньшая часть сооружения, а именно внешний южный угол, фрагменты юго-восточной и юго-западной траншей, а также южный угол внутреннего ровика (рис. 5). Они были выявлены на уровне предматерика, на

глубине -88-90 см от 0. Юго-восточная внешняя траншея (внешний ровик) на площади раскопа № 1 представляла собой дуговидный фрагмент длиной 2,8 м, идущий от округлого южного угла ровика к южному обнажению строительной траншеи, в направлении к СВ. Она имела чашевидную форму в разрезе и размеры: ширину 40-44 см, глубину от уровня фиксации 12-20 см. Ее заполнял средний суглинок темно-серого цвета, более светлый, чем во внутреннем ровике, не содержащий никаких культурных остатков. Юго-западная траншея сооружения была ориентирована по оси СЗ. Ее длина от южного угла до южного обнажения строительной траншеи составляла около 5,4 м. На расстоянии 1,4 м от южного угла сооружения к СЗ траншея имела вид внешнего неглубокого ровика шириной в плане 44-46 см и глубиной 20-30 см. Постепенно она расширялась и углублялась к месту, где находился южный угол внутреннего ровика. Начиная от этого участка, юго-западная траншея приобретала вид более глубокого и широкого рва, заполненного гумусированным суглинком с вкраплениями угольков и сажи. В среднем траншея имела ширину по верху более 1 м. Далее ее стенки шли вниз наклонно, чашевидно закругляясь к округлому дну. Глубина ее составляла 44-50 см. Ближе к южному обнажению строительной траншеи дно ровика становилось более узким (10-15 см) и наклонным. Южный угол внутреннего ровика представлял собой более крутой, чем у внешнего ровика, поворот к СВ. Его очертания стали четкими на глубине -106-114 см от 0. Под бровкой 3, на глубине 94 см от 0 фиксировалась четкая ступенька шириной около 20 см, после чего стенки внутреннего рва чашевидно спускались ко дну. В профиле южного обнажения строительной траншеи вдоль восточной стенки рва хорошо был виден бортик предматерика высотой 20 см и шириной 10-14 см. В заполнении внутреннего рва встречались угольки и пятна сажи.

На площади раскопа № 3 исследован более крупный сохранившийся фрагмент сооружения. Здесь находились: его северный и восточный углы, полностью северо-восточная траншея (фрагмент рва, идущего по прямой линии), фрагмент северо-западной траншеи, участок соединения внутреннего и внешнего ровика и частично юго-восточные траншеи. Длина северо-западной траншеи от северного обнажения строительной траншеи до центральной оси поворота ровика почти под прямым углом к ЮЮВ составляла 4,4 м. Очертания траншеи показались на уровне перехода гумусового горизонта в предматерик, на глубине -76-82 см от 0. Верхние очертания стенок траншеи были волнистыми, по-видимому, за счет их оползания вниз. Ров был вырыт с уровня предматерика, основная же его часть находилась в материковом грунте. Материковый выкид при рытье ровика складывался на поверхность стенок в виде валиков шириной до 30 см. Обращает на себя внимание тот факт, что на некоторых участках валик находился только на одной стороне. Судя по профилю северного обнажения траншеи, на данном участке валик по внешнему периметру рва отсутствовал. Стенки рва наклонно шли вниз на глубину 30 см, затем следовала небольшая ступенька шириной не более 10 см, и нижняя часть рва плавно сужалась к округлому дну, ширина которого составляла около 20 см. Общая глубина ровика на данном участке – 52-60 см. Северо-восточная траншея начиналась с плавного поворота к ЮЮВ (северного угла ровика) и имела длину по внешнему контуру 10,2 м. На расстоянии 6,8 м от северного угла начинался поворот внутреннего ровика к ЮЗ, далее на расстоянии 7,8 м от этого же угла шел поворот внутренней стенки внешнего ровика. Очертания северо-восточной траншеи проявились на глубине -80-94 см от 0. Они также были волнистыми и неровными. Внешний контур рва был слегка выпуклым. Ширина ровика на уровне внешних контуров колебалась от 1,05 м до 1,46 м. Зафиксированы крупные нераспавшиеся комки грунта стенки, оползшие сверху на дно ровика. Форма ровика в разрезе на участке северо-восточной траншеи была следующей: сверху стенки шли вниз почти вертикально, с небольшим уклоном

вовнутрь, на глубину 40 см. Затем следовала горизонтальная ступенька шириной около 15 см, после чего ров наклонно сужался к узкому неровному дну, ширина которого составляла не более 20 см. Общая глубина рва здесь составляла 55 см. На расстоянии 6,8 м от северного угла сооружений внутренний ровик ответвлялся от северо-восточной траншеи. Ширина внутреннего ровика (или внутренней юго-восточной траншеи) вначале составляла 1 м, а затем уменьшалась до 62-66 см. В широкой части фрагментарно сохранялись ступеньки в одной или обеих стенках, затем дно постепенно повышалось в сторону ЮЗ и ровик приобретал в разрезе форму неправильной трапеции. Его размеры: ширина по верхним контурам – 62-66 см, ширина по дну – 34-36 см, глубина – 28-30 см. Длина сохранившегося фрагмента этой части внутреннего ровика от поворота до северного обнажения строительной траншеи составляла 1,3-1,4 м. Именно на данном участке находилось скопление керамики 1, состоящее из 164 фрагментов. Заполнение ровика на данном участке – однородный темно-серый (до черного) суглинок с вкраплениями угольков и сажи. На расстоянии 7,8 от северного угла сооружения начинался поворот внешнего ровика – восточный закругленный угол сооружения и небольшая часть внешней юго-восточной траншеи. Аналогично внутреннему ровику, на расстоянии 50 см от северного обнажения строительной траншеи дно внешнего ровика повышалось, его форма в разрезе приобретала вид канавки с наклонными стенками и узким дном шириной 10-15 см. Ширина по верху была около 60 см, глубина 25-27 см. Длина сохранившегося внешнего ровика от восточного угла до северного обнажения строительной траншеи составляла около 1 м.

При раскопках зафиксирован более низкий уровень залегания гумусового горизонта на площадке, ограниченной рвом, по сравнению с более удаленными от сооружения участками раскопа 3, а также более ровная граница гумусового слоя и предматерика в этих же пределах. Возможно, данная ситуация объясняется специальным нивелированием площадки внутри и вокруг ровика.

В целом последовательность сооружения рва представляется следующей: первоначально площадка почти квадратной в плане формы была окопана рвом. Ее размеры составляли 8-8,2 x 8,8 м (вместе со рвом). Ров имел ширину в среднем 80-100 см и глубину 52-60 см. Почти по всему периметру в стенках рва имелись ступеньки. Ко дну ров резко сужался, ширина округлого или наклонного дна не превышала 20 см. Затем с юго-восточной стороны был вырыт внешний ровик, ограничивающий прямоугольную площадку («тамбур») размером 2,2 x 8,8 м (вместе со рвом). После этого общая длина сооружения в плане составила 10,4 м (по оси СЗ-ЮВ). Размеры внешнего ровика были меньше внутреннего, он представлял собой чашевидную канавку. Его ширина составляла 40-50 см и глубина – 15-20 см. Сооружение рва производилось с уровня предматерика. Основная его часть находилась в материке. Материковый выкид при рытье ровика складывался, по-видимому, на поверхность одной или обеих стенок в виде валиков шириной до 30 см и высотой до 20 см. Вопрос о наличии каких-либо деревянных конструкций во рве решается отрицательно. В суглинистом грунте хорошо сохраняются следы дерева в виде коричневых или темно-серых вкраплений. Но в заполнении рва они не были обнаружены. В нижнем заполнении внутреннего рва фиксировались немногочисленные угольки и сажа – результаты горения дровяного топлива. Практически все культурные остатки находятся в заполнении рва. Они немногочисленны: это фрагменты керамики, кости животных и один предмет из камня (оселок?).

Характеристика вещевого и керамического материала. На раскопе 1 были найдены лишь два предмета. Во-первых, это фрагмент изделия из обожженной глины, предположительно ручка от кругового крупного сосуда, обнаруженный в 4,6

м к ЮЗ от края юго-западной траншеи ровика, в гумусовом горизонте практически под дерном (рис. 6, 1). Он имел цилиндрическую форму и ровный светло-коричневый цвет, который мог быть приобретен только в условиях обжига в гончарном горне. Его размеры следующие: длина 5,5 см, диаметр 3,0×2,7 см. Во-вторых, были найдены два фрагмента от одного изделия из камня, лежащие в разных местах: первый фрагмент был найден в 25 см к ЮЗ от края юго-западной траншеи, в гумусовом горизонте, практически на поверхности предматерика; второй фрагмент этого же изделия находился в верхнем заполнении ровика в 0,5 м к СВ от первого фрагмента. Предмет был изготовлен из камня серебристо-серого цвета. Представляет собой, возможно, часть оселка – точильного бруска, сточенного до такой степени, что одна его часть сильно заострена. Уплотненный брусок имеет прямоугольную форму со скошенным углом и размеры: длину около 5 см, ширину 3,4 см, толщину 0,4-0,8 см (рис. 6, 2).

На раскопе 3 были обнаружены только керамика и кости животных. В заполнении ровика были найдены фрагменты костей животных: фрагментированный зуб МРС (мелкого рогатого скота), а также скопление костей животных. По определению Н.В. Росляковой, в скоплении находилось 3 фрагмента костей КРС и 8 фрагментов костей млекопитающих крупных размеров.

Керамический комплекс памятника Черноречье-6 включает 210 фрагментов лепных сосудов. Все фрагменты керамики окатаны, часть их сильно измельчена (площадь многих фрагментов не превышает 1 кв. см). Преобладающая часть керамики – в заполнении рва, где были обнаружены два скопления. Скопление 1 расположено на участке 5а и квадрате 5, в заполнении внутреннего рва, на глубине - 60-110 см от 0. Из двух пластов происходит 157 фрагментов. Скопление 2 располагалось на границе квадратов 9 и 10 и состояло из 17 фрагментов стенок (рис. 6, 4-5). Все фрагменты принадлежат одному, довольно крупному сосуду. Цвет керамики светло-коричневый, ровный, поверхность гладкая. Излом керамики также ровного светло-коричневого цвета.

По итогам технико-технологического анализа в керамическом комплексе раскопов 1-3 памятника археологии Черноречье-6 было выделено 10 сосудов. Основанием для выделения сосудов послужила корреляция видов исходного сырья и компонентов формовочных масс, цветовые различия поверхностей и форма верхних частей сосудов.

Все сосуды из раскопов 1 и 3 изготовлены из смеси ожелезненных и неожелезненной глины. Ожелезненная глина по количественному и качественному составу естественных примесей подразделяется на 4 подвида, обозначенных соответственно Го-1 – Го-4. Неожелезненная глина относится к одному подвиду и характеризуется наличием в ее составе мелкого (до 0,2 мм), слабоокатанного прозрачного кварцевого песка. Данные по выделенным сосудам содержатся в таблице 1.

Сосуд 1 представлен фрагментами стенок сосудов из скопления 2 раскопа 3 и фрагментом глиняного предмета цилиндрической формы, предположительно ручки крупного сосуда, происходящей с раскопа 1 (ХЗ) (рис. 6, 1, 4-5). Вполне возможно, что стенки и ручка относятся к разным сосудам, но выполнены явно в одной традиции, и их условно можно отнести к продукции одного мастера. Данная керамика окрашена в светло-коричневый цвет, поверхность фрагментов «замыта», заглажена, скорее всего, орудием с эластичной рабочей частью. Изготовлена из смеси незапесоченной ожелезненной глины (с естественной примесью единичных включений прозрачного и цветного песка размером 0,1-0,2 мм, оолитового бурого железняка размером 0,3-0,5 мм и охристых включений размером 0,1-0,2 мм – Го-1) и неожелезненной глины, дробленой до порошкообразного состояния (Гн/о1). При составлении ФМ к

концентрату добавлен органический раствор. Обжиг производился в гончарном горне.

Сосуд 3 представлен фрагментами стенок сосуда бурого цвета (Р.3, участок 9а и кв. 10, шт. 2) (рис. 6, б). Он изготовлен из смеси ожелезненной глины подвида 3 (Го-3), содержащей в своем составе естественную примесь песка, от пылевидного до песчинок размером 0,1-0,3 мм, оолитового бурого железняка размером 1,5 мм и включений сланцевой глины размером до 2 мм, и неожелезненной глины, дробленой до крупности 0,5-0,7 мм (Гн/о2). Формовочная масса составлена по рецепту: шамот крупный + органический раствор. Шамот вводился в концентрации 1:5. Поверхность данного сосуда заглажена кусочком ткани.

Сосуды 4-6 (рис. 6, 15), происходящие из скопления 2, изготовлены из одного вида концентрата: смеси ожелезненной глины (Го-2) и неожелезненной глины (Гн/о2). В составе ожелезненной глины содержались окатанный цветной песок размером 0,2-0,3 мм в небольшой концентрации и оолитовый бурый железняк размером до 1,3 мм. Неожелезненная глина дробилась и калибровалась до крупности 0,5-0,7 мм. Фрагменты имеют окатанную и «замытую» поверхность. Различались сосуды по следующим признакам: формовочная масса сосуда 4 составлялась путем добавления к глиняному концентрату только органического раствора; сосуды 5 и 6 имели одинаковый состав формовочной массы: шамот+органический раствор, но различались цветом поверхностей. Внешняя поверхность сосуда 5 окрашена в белесый цвет, внутренняя – в характерный пепельно-серый; обе поверхности сосуда 6 окрашены в густой терракотовый цвет, данный сосуд отличается еще и большей толщиной стенок.

Сосуды 7-9. Все три сосуда изготовлены из смеси ожелезненной глины подвида 4 и неожелезненной глины. Ожелезненная глина имеет в своем составе следующие примеси: прозрачный и цветной, окатанный и полуокатанный песок размером 0,5-0,7 мм и оолитовый бурый железняк размером 0,5-1,0 мм (го4). Вторым компонентом глиняного концентрата была неожелезненная глина, дробленая до размеров 1,5-4,5 мм (Гн/о3). Формовочная масса сосудов составлена по рецепту: шамот+органический раствор. Данные сосуды различаются формой венчиков. Сосуд 7 представлен верхней частью слабо профилированного сосуда с заостренным, срезанным внутрь и слегка отогнутым наружу венчиком. Поверхность сосуда светло-коричневого цвета, сильно замыта, но можно предположить наличие орнамента в виде вдавлений по тулову сосуда (рис. 6, 16). От сосуда 8 происходит слабо профилированный, плоско срезанный неорнаментированный венчик (рис. 6, 12). Сосуд 9 представлен слабопрофилированным неорнаментированным венчиком с плоско-овальным срезом. Форма сосуда близка баночной (рис. 6, 17). К этой же группе сосудов относятся части стенок, но в силу фрагментарности и невыразительности их сложно соотнести с конкретным выделенным сосудом.

Сосуд 10 представлен фрагментами только стенок сосуда и изготовлен из той же смеси глин, что и сосуды 7-9 (Го4+Гн/о3), а его формовочная составлена по рецепту: шамот+навоз. Внешняя поверхность сосуда имеет светло-терракотовый цвет, внутренняя – яркий коричневый. Кроме того, сосуд отличается толщиной стенок, которая составляет от 1,1 до 1,5 см (рис. 6, 8-11).

Технико-технологический анализ керамики из раскопов № 1 и 3 Черноречье-6 показал значительную однородность приемов изготовления большей части сосудов на ступенях отбора и подготовки исходного сырья, а также составления формовочных масс. Вся посуда изготовлена из глиняных концентратов. Ожелезненные глины, применяемые для их составления, различались по количественным показателям: крупности естественных включений и их концентрации. Данный факт может указывать на разработку одного района

залегания ожелезненных глин, но разных конкретных мест их добычи, принадлежащих, возможно, разным семейным группам. Формовочная масса большинства сосудов составлена по рецепту: шамот+органика (органический раствор или навоз жвачных животных); в формовочную массу одного сосуда вводился только органический раствор. Из общей массы исследованного материала выделяется сосуд 1, который обожжен в гончарном горне.

Из раскопа 2 происходит один фрагмент стенки сосуда с частью ручки темно-серого цвета с шершавой поверхностью, обозначенный как *сосуд 2* (рис. 6, 3). Он изготовлен из одного вида сырья – ожелезненной глины подвида 2, содержащей в своем составе следующие естественные примеси: окатанный цветной песок размером 0,2-0,3 мм в небольшой концентрации и оолитовый бурый железняк размером до 1,3 мм. Формовочная масса сосуда составлена по рецепту: дресва + органический раствор. Поверхность данного сосуда заглажена кусочком ткани. Кроме того, сосуд, возможно, подвергался обвариванию, о чем свидетельствует наличие в изломе черепка с обеих сторон слоя черного цвета толщиной менее 0,1 мм. Прокаленность стенок сосуда на всю толщину и наличие обваривания позволяет высказать предположение об его обжиге в специализированном обжиговом устройстве типа печи.

Таблица

Выделение сосудов по соотношению навыков отбора исходного сырья и рецептов формовочных масс

Состав формовочных масс	Глина ожелезн.	Глиняные концентраты			
	Г2	Го1+Гн/о1	Го2+Гн/о2	Го3+Гн/о2	Го4+Гн/о3
Органический раствор		Сосуд 1	Сосуд 4		
Д+Ор-р	Сосуд 2				
Ш+Ор-р			Сосуд 5 Сосуд 6	Сосуд 3	Сосуд 7 Сосуд 8 Сосуд 9
Ш+Н					Сосуд 10

Примечания: Го1 – глина ожелезненная подвида 1; Гн/о1 – глина нежелезненная, дробленая до пылевидного состояния; Гн/о2 – глина нежелезненная, дробленая до крупности 0,5-0,7 мм; Гн/о3 – глина нежелезненная, дробленая до крупности 1,5-4,5 мм;

Д – дресва; Ор-р – органический раствор; Ш – шамот; Н – навоз жвачных животных; р – № раскопа.

ОСНОВНЫЕ ВЫВОДЫ. Вследствие разрушения центральной части сооружения окончательная атрибуция памятника крайне затруднена. Полученные данные не позволяют отнести изученный памятник ни к одному из известных в самарской археологии видов археологических памятников: курганным или грунтовым могильникам, поселениям, городищам. Особенности изученного объекта заключаются в следующем:

1. Расположение памятника в затопляемой пойме реки, в то же время его приуроченность к возвышенной по отношению к окружающей территории площадке, а именно на склоне холма.

2. Отсутствие курганной насыпи над сооружением (по данным исследования

стратиграфии раскопов 1 и 3). Сооружение в течение длительного времени оставалось открытым для ветров и дождей, о чем свидетельствуют оползшие фрагменты стенки рва, его заполнение и значительная окатанность фрагментов глиняных сосудов в ровике.

3. Заполнение рва, несмотря на некоторые особенности (остатки сажи и угольков), имеет большое сходство с окружающим гумусовым слоем, который накапливался, по-видимому, одновременно вокруг ровика и собственно в нем. При этом нижнее заполнение формировалось из гумусового грунта и остатков горения немногочисленных костров, ранее имевших место в ровике.

4. Основываясь на изучении стратиграфии, можно предполагать, что ровик сооружался с поверхности предматерика (горизонта АВ). Практически на всем протяжении ровика вдоль его стенок шел бортик из перемешанного предматерикового и материкового грунта шириной 20-30 см и высотой около 20 см. Нижний уровень гумусового горизонта внутри ограниченной рвом площадки был ниже общего уровня предматерика на других участках раскопов 1 и 3. Это могло быть результатом определенного нивелирования площадки внутри рва или «вытапывания» этой поверхности в ходе неоднократного использования пространства внутри рва.

5. В гумусовом слое на данном участке отсутствовали признаки культурного слоя: насыщенность угольками, вкраплениями глины, фрагментами керамики и костей животных. Основная часть культурных остатков была приурочена именно к заполнению ровика.

6. Небольшие размеры площадки внутри ровика не позволяют отнести Черноречье-6 к городищам-убежищам, для которых характерен подобный слабонасыщенный культурный слой.

7. Несмотря на разрушение значительной части центральной площадки внутри рва, в раскопе 3 остался фрагмент ее внутреннего пространства размером 640х360х720 см, который не содержал даже следов разрушенных погребений. Тщательный осмотр отвалов вырытой траншеи также не дал никаких результатов. Данное обстоятельство свидетельствует не в пользу предположения о существовании на изученной площади всхолмления грунтового могильника.

На основании выявленных особенностей памятника археологии Черноречье-6 была выдвинута рабочая гипотеза о его использовании в качестве святилища.

Обоснование культового характера открытого памятника очень затруднительно, т.к. общеизвестно, что для этого недостаточны такие аргументы, как необычный вид объекта и его непонятное с современной точки зрения назначение. Для подтверждения культового значения памятников необходимо выявить их устойчивые признаки, которые отражают закономерности в расположении, конструкции, планировке и являются характерными для большинства известных культовых мест и святилищ раннесредневекового времени. Уникальность изученного нами памятника на территории Самарского Поволжья обусловила обращение к довольно широкому кругу аналогий. В то же время при изучении сравнительного материала привлекались аналогии с учетом культурной принадлежности памятников и их времени.

Векторы поиска аналогий изученному сооружению исходят из нашего предположения о дате памятника Черноречье-6 (I тысячелетие н.э.), этнокультурной ситуации в Самарском Поволжье этого периода и его возможной принадлежности к праславянскому или позднесарматскому кругу древностей, а также к раннеболгарскому (хазарскому) периоду истории Среднего Поволжья. К сожалению, во время раскопок не было найдено культурно и хронологически определенных вещей. Предположительная культурная атрибуция изученного

памятника археологии основывается на данных исследования морфологических особенностей и технологии керамики из рва. Она имеет признаки сходства с керамикой сарматов [8] и посудой первой половины I тыс. н.э., оставленной населением праславянского происхождения (Сташенков, 2005). Однако подобная керамика имела место в древностях второй половины I тыс. н.э., связанных с древностями тюркского (раннеболгарского) и угорского (древнемадьярского) населения. Осуществление более точной культурной атрибуции изученного объекта археологии требует проведения тщательного исследования, поэтому, обозначив предполагаемую дату памятника археологии Черноречье-6 I тыс. н.э., тем не менее, следует обратиться к широкому кругу аналогий.

Праславянские древности. Культовые памятники славянских народов изучены достаточно полно. Святилища IX-X вв. в урочище Перынь на берегу озера Ильмень (раскопки В.В. Седова, 1951-1952 гг.) имели вид круглых площадок, ограниченных ровом. По мнению исследователей, ров так же, как и святилище, играл магическую роль, использовался в качестве ограды от злых сил. Во рвах часто имеются остатки костров (жертвенных огней) и жертвоприношений животных. В.В. Седов обратил внимание на частое расположение славянских святилищ на мысах, омываемых с востока водой [16, с. 92-93]. Подобные святилища-капища известны в разных местах славянского мира и являются одним из характерных элементов многих культовых памятников. На основе исследования многочисленных объектов культового назначения исследователями славянских древностей разработана четкая группировка этих памятников и выявлены конструктивные детали, характерные для большинства святилищ [15, 8-9]. Общими признаками культовых объектов являются следующие: расположение их за пределами населенных пунктов, обычно на возвышенности или высокой горе; находки идолов и специальных мест, где они были поставлены (капищ); сохранение остатков жертвоприношений, длительное употребление огня на одном и том же месте. Выделяется ряд конструктивных деталей, свойственных большинству святилищ: символическое ограждение; обычно круглая форма капищ с идолом в центре (культы славян были связаны с поклонением солнцу, отсюда – форма круга и огонь при совершении обрядов); широкое распространение камня и каменных вымосток; наличие священных колодцев, целебных источников; расположение поблизости общественных зданий. Известные к настоящему времени в славянских землях культовые памятники, обладающие хотя бы некоторыми из перечисленных признаков, делятся на несколько видов и типов: 1. почитаемые места и объекты естественного происхождения (священные камни, деревья, рощи, горы, источники и т.д.); 2. культовые места (ямы или площадки, устроенные человеком для одноразовых жертвоприношений по какому-либо отдельному поводу (по «случаю») и затем оставленные); 3. святилища – места постоянных молений и жертвоприношений, на которых имелся объект поклонения – идол. Среди святилищ вычленяется несколько типов: 3а) круглые площадки-капища с идолом в центре, ограниченные ровиком или системой отдельных ям; 3б) такие же площадки, огражденные валом и ровом, – малые городища-святилища; 3в) деревянные постройки, внутри которых стояли идолы, – храмы; 3г) городища-убежища, служившие одновременно и в культовых целях; 3д) большие культовые центры, в которых сочетаются все типы святилищ, культовых мест и почитаемых природных объектов [15, 8-9].

По имеющимся данным, языческие культы и связанные с ними святилища-капища, близкие славянам, были распространены у балтских народов, в частности у пруссов V-XIII вв., проживавших на территории Европы к востоку от р. Вислы. Их святилища представляли собой открытые площадки округлой формы, расположенные на возвышенностях. На площадках находились жертвенные камни и

следы кострищ. Они являлись местами периодического проведения культовых церемоний и народных собраний. Размеры небольших святилищ составляли 7х4 м (Ирзекапинис), 16 м в поперечнике (урочище Охсендреш); более крупные святилища-городища окружены валом диаметром до 60 м. Наиболее крупным, единым для всех пруссов культовым центром являлось древнейшее городище-святилище V-VI вв. Рикойто: оно имело размеры 205х182 м [9, с. 137-140].

Сарматские древности. Самые близкие аналогии изученному памятнику найдены нами в сарматских древностях на территории лесостепного Подонья, которые датируются не позже 1 в. н.э. На площади II Чертовицкого и Писаревского курганных могильников, расположенных в низовьях р. Воронеж, выявлены углубленные в грунт сооружения подквадратной формы. На II Чертовицком могильнике их было не менее пяти: они составляли цепочку, расположенную между курганами и склоном реки. Могильники располагаются на краях высоких мысов правого берега р. Воронеж, иногда рядом с городищами, содержащими материалы сарматского времени. Курганы имеют обычную круглую форму диаметром 5-10 м при высоте 0,2-0,5 м. Среди курганов встречаются также курганы эллипсовидной формы («длинные»). Одно сооружение, близкое своими конструктивными деталями изученному нами памятнику Черноречье-6, было раскопано в 1980 г. [13, с. 52]. Оно представляло собой замкнутую канавку подквадратной формы размерами 12х12 м. Внутри ограниченного ею пространства погребений не было, но находились две ямы с углистым заполнением. В канавках встречались только фрагменты лепной керамики и отдельные скопления углей. Погребальные памятники с похожими квадратными ровиками известны на Нижнем Дону, в Северо-Западном Причерноморье и далее на запад вплоть до венгерского Алфельда [13, с. 52]. По мнению А.П. Медведева, западные памятники являются более поздними по отношению с выявленными на р. Воронеж. Появление подобных поминальных сооружений в лесостепном Подонье исследователь считает привнесенной со стороны традицией вместе с другими характерными элементами среднесарматской культуры. По его мнению, поминальные сооружения II Чертовицкого могильника указывают на восточные истоки этой ритуальной традиции, где квадратные и прямоугольные в плане святилища известны еще с савроматского времени, а «идея квадратного рва», воплощенная в указанных явно культовых непогребальных сооружениях, имеет древние иранские корни. В верховья Дона эта традиция могла быть принесена из восточных районов одной из родоплеменных групп сарматов, памятники которой в степи до сих пор не открыты [13, с. 53]. В погребениях II Чертовицкого могильника обнаружено значительное количество сосудов. Для керамического комплекса характерно сочетание круговой (51%) и лепной керамики (49%). Лепная посуда содержит всегда примесь шамота [13, с. 34-35]. Вся керамика обожжена в восстановительной атмосфере и имеет серый цвет, кроме импортной круговой посуды античного производства [13, с. 36]. Массовой категорией посуды являются лепные горшки с косыми насечками по срезу венчика и примесью шамота.

Обращение к сарматским материалам Оренбургской области, на которые ссылался А.П. Медведев, показало следующее. В 60-е годы XX в. К.Ф. Смирновым проводились раскопки курганного могильника «Шиханы» у с. Липовка Бузулукского района Оренбургской области, в котором находились курганы срубной культуры и различных этапов сарматской культуры. В ходе этих работ на площади могильника были изучены два объекта. Сооружение А имело круглую форму и представляло собой земляной кольцевидный вал вокруг ровной площадки диаметром более 20 м. В центре находилась яма круглой формы, заполненная остатками костра и окруженная мощным кольцом красного прокаленного грунта толщиной до 0,6 м [18, с. 212-213]. В сооружении были найдены только две гальки-терочника. К.Ф. Смирнов

интерпретировал данное сооружение как святилище – примитивный «храм огня» – и отнес к сарматской культуре [18, с. 214-215]. Сооружение Б находилось в 50 м к СЗ от первого сооружения и имело квадратную со закругленными углами форму и размеры 24х24 м. Оно представляло собой также невысокий вал квадратной в плане формы, сооруженный из грунта вокруг плоской центральной площадки, в центре которой находилась линзообразная яма. Кострища отсутствовали. Назначение и время существования этого объекта остались невыясненными (18, с. 216). Таким образом, изученные в Оренбуржье сооружения представляли собой земляные сооружения-ограды – круглые или прямоугольные площадки, обнесенные невысокими валами, а вовсе не ровиками. Подобные кольцеобразные оградки были найдены во время раскопок Лебедевского курганного могильника на территории Западного Казахстана. Они располагались на территории курганных могильников, рядом с курганами. Конструктивно все сооружения-ограды выполнены одинаково: невысокие валы были насыпаны прямо на древней поверхности и состояли из твердой коричнево-серой супеси, не отличающейся от почвенного слоя. Две из 4 исследованных оградок имели неглубокие (до 0,2 м) ровики, окружавшие валы по всему внешнему периметру – из них брали грунт для валов. На площади внутренних площадок были найдены немногочисленные кости животных, сарматская керамика (красноглиняные и сероглиняные сосуды) и песчаниковые плитки-терочники. Датировка изученных объектов, интерпретированных как культовые сооружения-святилища, предполагается в пределах II-III вв. н.э. [14, с. 196-201].

Таким образом, кроме самой идеи сооружения прямоугольных в плане культовых объектов, близости конструктивных особенностей между сарматскими памятниками описанного выше типа Оренбуржья и Подонья нами не обнаружено. Между тем сходство в конструкции и размерности культовых объектов II Чертовичского могильника и Черноречье-6 (Самарское Поволжье) явно прослеживается. Однако данные памятники имеют одно существенное различие: приуроченность донских сарматских поминальных сооружений к территории курганных могильников. Как выше уже говорилось, на площадке вокруг чернореченского объекта курганы отсутствовали.

Тюркские древности. Обращение к культовым объектам тюркского мира позволило выяснить наиболее распространенные и традиционные черты святилищ, характерных для средневекового времени. В основе конструкций тюркских святилищ всегда лежит принцип квадрата в квадрате и культ огня. Подобные постройки выявлены на Маяцком селище, входящем составной частью в комплекс «Маяцкое городище» (крепость-поселение-могильник), расположенный в Подонье, на территории Воронежской области. Оно относится к салтово-маяцкой культуре VIII-X вв., оставленной населением Хазарского каганата. В центральной части мыса на территории Маяцкого селища была исследована слегка углубленная в материк прямоугольная наземная постройка, от деревянных конструкций которой остались лишь столбовые ямы по периметру стен. Ее размеры составили 6,3х8,3 м. Постройка была ориентирована углами по сторонам света. В постройку был вписан квадрат 4х4,9 м, на краю которого располагалась каменная площадка-вымостка, а в центре – остатки громадного кострища. Рядом со святилищем находились ритуальные захоронения трех черепов свиней в стене у входа, ряд могил в катакомбах, а также две удлиненные постройки нежилого характера, предназначенные для совершения каких-то ритуалов [4, с. 118-126]. Определенные параллели подобных святилищ имеются в памятниках Дунайской Болгарии – Первого Болгарского царства. Основная черта языческих храмов этого времени – правильная ориентировка по сторонам света, форма прямоугольника или квадрата, вписанного один в другой. Эти храмы-капища рассматриваются исследователями как посвященные верховному

богу праболгар – Тенгри-хану [4, с. 128].

Перейдем к территориально более близким аналогиям, к памятникам раннеболгарского периода и Волжской Болгарии (VIII-XIII вв.). В ходе активных археологических исследований последних 40 лет было установлено, что территория Самарской области входила в ареал распространения и формирования волжских болгар. Праболгары появились в Самарском Поволжье уже в конце VII в. и оставили на Самарской Луке курганы с каменными насыпями (новинковский культурный тип) [10,1]. В X-XIII вв. Самарская Лука и северные районы нашей области являлись составной частью государства волжских болгар [11]. Южнее р. Самары памятники волжских болгар неизвестны, поскольку степные районы Самарского Поволжья традиционно принадлежали кочевникам (печенегам и половцам) [3]. В X в. болгарские племена отказались от языческих культов и перешли в ислам. Однако из письменных источников известно, что часть болгарского населения не приняла власть болгарского царя и отреклась от мусульманства. Язычество еще долгое время оставалось религией отдельных групп населения Волжской Болгарии. В Чувашии раскопано известное Тигашевское городище, на котором изучены памятники доисламской религии болгар: два святилища, последовательно сменявшие друг друга на данном памятнике [20, с. 49-89]. Оба святилища расположены на мысу, обращенном к востоку. Более раннее святилище X в. представляет собой прямоугольное пространство, отгороженное забором (от которого остались лишь канавки), с ямами и полуземлянкой у входа. Оно было ориентировано углами по сторонам света. Размеры данного сооружения: 49х60 м. Вход находился в юго-восточной стенке. Пройдя этот вход, посетитель оказывался в некотором прямоугольном пространстве, образованном внешними стенами святилища и внутренней перегородкой, параллельной юго-восточной стене. Эта внутренняя перегородка представляла собой такой же забор из вертикально поставленных в канавку досок. Аналогии подобным культовым сооружениям известны в этнографии: чуваша строили и использовали подобные постройки – керемети еще в XIX в. Позднее, в XI в., на месте старого родового святилища на Тигашевском городище было построено укрепленное городище-замок, в котором также функционировало святилище. Оно было окружено прямоугольной оградой (размеры 40х34 м) аналогично первому святилищу. Внутри стоял столб-идол. Рядом со святилищем были обнаружены кости жертвенных лошадей и собак. По мнению Г.А. Федорова-Давыдова, первое Тигашевское святилище отражает преобладание культов первобытно-шаманистических («демонологических»), второе – культ персонифицированного бога, изображение которого стояло в виде идола (Тенгри-хана?).

Куйбышевской археологической экспедицией в 50-е годы XX в. были исследованы остатки нескольких святилищ на территории Татарии. Одно святилище, относящееся, по-видимому, к именьковской культуре (V-VII вв.), располагалось на искусственно сооруженном холме «Шолом» (с. Балымеры). В основании холма высотой около 10 м находились мощные срубовые деревянные конструкции. На вершине, по-видимому, размещалась деревянная постройка, в которой исследователями предполагалось наличие идола. У подножия холма со стороны Волги располагался огромный жертвенник, на котором раскладывался большой костер и сжигались многочисленные жертвоприношения. К сожалению, холм был частично разрушен, и полная реконструкция святилища невозможна [6, с. 424-450]. Во время раскопок на городище Болгар (столицы Волжской Болгарии) в урочище Ага-Базар, расположенном на мысу волжского затона и р. Меленки, было исследовано языческое святилище XIII-XIV вв. Оно представляло собой площадку диаметром около 13 м с комплексом ям и глиняных вымосток с остатками кострищ,

расположенных по кругу. В центре этой округлой площадки находилась столбовая яма с деревянным столбом, являющимся, по предположению исследователей, остатками идола [17].

Несмотря на наличие некоторых закономерностей в расположении, конструкции, планировке, характерных для культовых мест и святилищ раннесредневекового времени, сравнительный анализ морфологических и конструктивных особенностей сооружения Черноречье-6 и приведенных выше аналогов существенной близости между ними не выявил, поэтому нельзя обойти вопрос об археологических памятниках, имевших такую близкую конструктивную деталь, как прямоугольный ровик. В последние десятилетия в восточноевропейской археологии стал выделяться особый вид курганов – курганы с прямоугольными или квадратными ровиками. Они относятся к хазарскому времени (VIII-X вв.) и были распространены в восточноевропейских степях. Несколько курганов с подобными конструкциями под насыпями исследованы в Самарской и Ульяновской областях.

В бассейне р. Дон к настоящему времени известно значительное количество курганов с четырехугольными ровиками [5, с. 137-153]. Характерными чертами таких объектов являются следующие: 1) насыпь кургана над ровиком; 2) форма ровиков четырехугольная (квадратная или близкая к ней) и следующие размеры: от 41,6 до 557,6 кв. м; 3) ориентировка углов или траншей рва по сторонам света; 4) ширина рва по верху 0,6-2,5 м, по дну 0,1-1 м, глубина с уровня древнего горизонта 0,5-1,25 м; в углах рвов находились материковые перемычки; 5) в двух курганах удалось проследить, что материковый выкид из рва был сложен в виде вала по внешнему периметру; 6) обычно заполнение во рвах затечное, уплотненное, т.е. ровики длительное время оставались открытыми; 7) во рвах найдены кости жертвенных животных: лошадей, овец, птиц, а также следы горения костров и иногда деревянных конструкций; 8) главной чертой вышеуказанного типа археологических памятников является то, что в большинстве случаев в центре площадки, окруженной ровиком, находилось погребение. Однако в 4 курганах Новосадовского могильника отсутствовали могильные ямы и останки умерших [5, с. 137]. В Астраханской области раскопаны курганы с квадратными ровиками под насыпями в курганных группах Кривая Лука. Ровики были ориентированы углами по сторонам света. Их размеры составляли: 19х20 м, 13х15 м. В углах кольцевых ровиков находились материковые перемычки. Размеры рвов: ширина по верху – 2-2,6 м, по низу – 0,6-0,7 м, глубина 1-1,2 м. В центре площадок, ограниченных рвом, находилось по одному погребению хазарского времени [21].

На территории Самарской и Ульяновской областей исследован ряд курганов с ровиками подпрямоугольной формы в плане с закругленными углами: Урень II, Брусяны III, Шиловка, I Старомайнский. Их месторасположение приурочено к территории Самарской Луки и более северным районам Поволжья. В одном из изученных курганов (Урень II, курган 2) форма ровика была округлой, а его диаметр составлял 14,5 м. В кургане 1 Шиловской группы был обнаружен прямоугольный ров, ориентированный длинной осью по линии ССЗ-ЮЮВ. Длина его по прямой достигала 45,5 м, ширина – 42,5 м. В разрезе ров представлял суживающуюся ко дну траншею глубиной до 0,9 м и шириной 0,3-0,5 м. В заполнении ровиков находились отдельные кости лошадей и овец, конские черепа, но чаще всего нижние челюсти и зубы лошади [1]. Обобщая все имеющиеся данные по вышеназванным курганам с ровиками, исследованным в нашем регионе, следует обратить внимание на следующие моменты: 1) район их распространения расположен севернее и северо-западнее бассейна р. Самары; 2) курганы сооружались на господствующей высоте, на водоразделах, а не на склоне небольшого всхолмления в низко расположенной, заливаемой талыми водами пойме реки, как Черноречье-6; 3) размеры и глубина

подкурганных ровиков в основном значительно больше исследованных на Черноречье-6. Не совпадают и такие детали, как наличие перемычек по углам ровиков под курганами, а главное – в изученном нами памятнике археологии отсутствовала искусственно возведенная насыпь над ровиком; 4) основная цель сооружения курганных памятников была связана с погребением умерших, хотя процесс погребения, несомненно, сопровождался многочисленными обрядами и церемониями, в том числе поминальными, от которых остались под насыпью различные сооружения и предметы. Выше уже говорилось, что при изучении внутренней площадки Черноречье-6 и отвала строительной траншеи никаких следов разрушения погребений не было найдено.

Одним из векторов поиска аналогий изученному объекту археологии являются *древнемадьярские древности*. К настоящему времени накоплены материалы конца VIII – первой половины IX вв., позволяющие некоторым исследователям предполагать «мадьярский путь» миграции этого народа из Нижнего Прикамья и Приуралья на запад, в Европу, через территорию Самарского Поволжья. По мнению В.А. Иванова, этот путь шел по южной границе волго-уральской лесостепи, вдоль левого берега Волги [7]. Исследователь опирается при этом на погребения: Ромашинское, 116 км г. Куйбышева, Немчанское, расположенные в бассейне р. Самары. В последние годы появились новые памятники данного типа: погребения Палимовское, Лебяжинское, Просвет. Подкурганное погребение Просвет находится совсем недалеко от с. Черноречье [2, с. 400-410]. Однако все эти погребения не содержат керамики, поэтому сравнение их с памятником археологии Черноречье-6 невозможно, т.к. в изученном нами памятнике обнаружена только керамика. Памятник, содержащий керамику и предметы древнемадьярского круга, исследован Д.А. Сташенковым возле поселка Власть Труда, недалеко от с. Курумоч, на берегу Мاستрюковского озера. Отчеты о найденных материалах пока не опубликованы. Техничко-технологический анализ небольшой выборки керамики этого памятника показал наличие двух групп керамики. Первая группа посуды изготовлена с применением гончарного круга. Исходное сырье основной ее части представлено глиняными концентратами, составленными из ожелезненной незапесоченной и неожелезненной, насыщенной карбонатами глин. В состав формовочной массы вводился только органический раствор. Вторая группа керамики изготовлена без применения гончарного круга. В качестве исходного сырья в данном случае отбиралась ожелезненная слабозапесоченная глина. Формовочные массы составлены по рецепту шамот+органический раствор. Шамот представлен в основном крупной фракцией и введен в формовочную массу в достаточно большой концентрации: 1:3/4. Сравнение технологии изготовления керамики поселения Власть Труда и памятника археологии Черноречье-6 свидетельствует о некоторой близости круговой керамики (сосуд 1 Черноречья-6): использование для ее изготовления глиняных концентратов, составление формовочных масс с добавлением органического раствора, горновой обжиг. Но поскольку данная группа посуды является импортной, ее наличие отражает контакты населения, оставившего исследованные памятники, с инокультурными группами. Керамика же, изготовленная без применения гончарного круга, отличается прежде всего особенностями исходного сырья – ни в одном из исследованных сосудов из поселения Власть Труда не зафиксировано содержание глиняных концентратов.

В заключение можно подвести некоторые итоги изучения нового типа археологических памятников в Самарском Поволжье.

1. Сравнительный анализ морфологических и технологических особенностей керамики, обнаруженной в сооружении Черноречье-6, указывает на возможность

отнесения изученного комплекса в целом к I тысячелетию н.э. К сожалению, ее плохая сохранность, отсутствие четких морфологических признаков и полученные к настоящему времени результаты изучения технологии ее изготовления не позволяют сузить временные рамки.

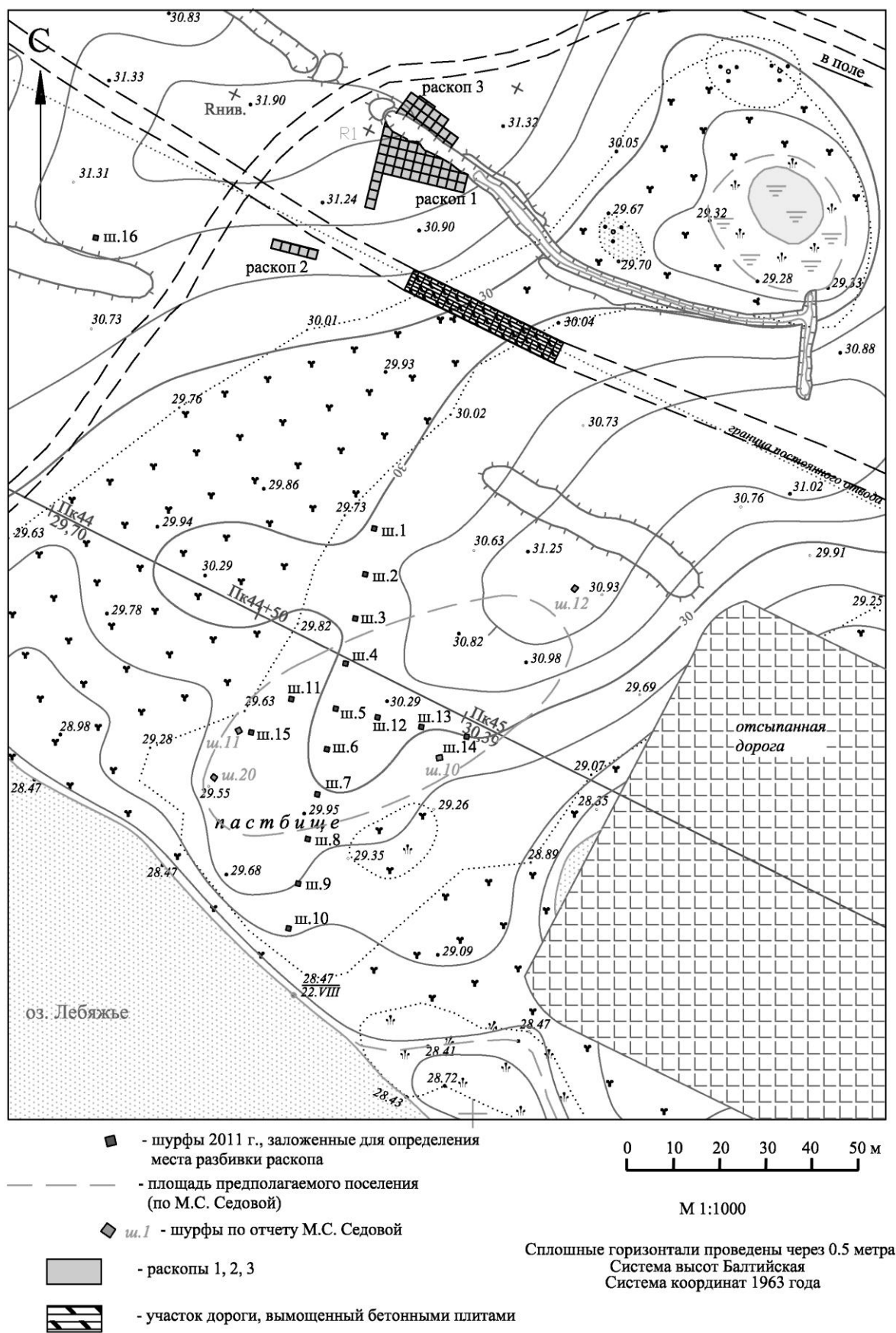
2. Отсутствие искусственной курганной насыпи не дает возможности идентифицировать изученный памятник с таким типом археологических памятников, как курганы, а крайняя слабая насыщенность заполнения котлована следами жизнедеятельности исключает использование этого сооружения в качестве жилища, что подтверждается отсутствием культурного слоя поселения вокруг изученного сооружения. Тот факт, что в оставшейся центральной части сооружения и в отвалах строительной траншеи отсутствовали следы разрушенных погребений, указывает на отсутствие на площадке, ограниченной ровиком, грунтового могильника. Поэтому в качестве рабочей гипотезы о функциональном назначении изученного объекта Черноречье-6 было выдвинуто предположение о нем как святилище.

3. Обращение к широкому кругу аналогий в древностях этого времени позволило установить ряд общих признаков, свойственных особому типу археологических памятников (святилищам): 1) расположение их за пределами населенных пунктов – обычно на возвышенности или высокой горе, часто на восточном склоне возвышенного места, обращенном к водоему; 2) остатки жертвоприношений (в частности, костей животных); 3) длительное употребление огня на одном и том же месте; 4) символическое ограждение (ров, деревянная или каменная стена); 5) обычно круглая форма славянских капищ с идолом в центре (культы славян были связаны с поклонением солнцу, отсюда – форма круга и огонь при совершении обрядов); 6) четырехугольная форма святилищ тюркских народов по принципу квадрата в квадрате, связанных с культом верховного бога многих тюркских народов – Тенгри-хана; 7) квадратная форма святилищ – поминальных сооружений была характерна и для индоиранского (позднесарматского) населения Волго-Уралья.

Вышеуказанные признаки в той или иной степени присутствуют в памятнике археологии Черноречье-6. Четырехугольная форма сооружения указывает на его возможную иранскую или тюркскую принадлежность.

4. Для уточнения хронологического положения изученного сооружения в системе древностей Самарского Поволжья образцы керамики были переданы для проведения радиоуглеродного анализа М.С. Кульковой в лабораторию Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург). К настоящему времени получена одна абсолютная дата по керамике: SPb-582: 1050±100. Единичность полученной радиоуглеродной даты и отсутствие серии подобных дат для средневековых памятников нашего региона, к сожалению, не смогло внести большую ясность в решение данного вопроса. Хотя она все-таки указывает на вероятность существования изученного памятника во второй половине I тыс. до н.э.

Для дальнейшего выяснения хронологии и культурной принадлежности памятника Черноречье-6 важен более полный технико-технологический анализ керамики данного круга памятников и привлечение более широкого сравнительного материала. Кроме того, продолжение археологических раскопок на площадке всхолмления, расположенной к северу от раскопа 3 и находящейся вне зоны строительства шоссе, могло бы прояснить вопрос о наличии каких-либо сооружений или грунтового могильника рядом с исследованным нами объектом археологии.

Илл. 5. Топографический план памятника археологии Черноречье-6 после начала строительства шоссе и мостоотвода Кировский.

Рис. 2. План памятника археологии Черноречье-6

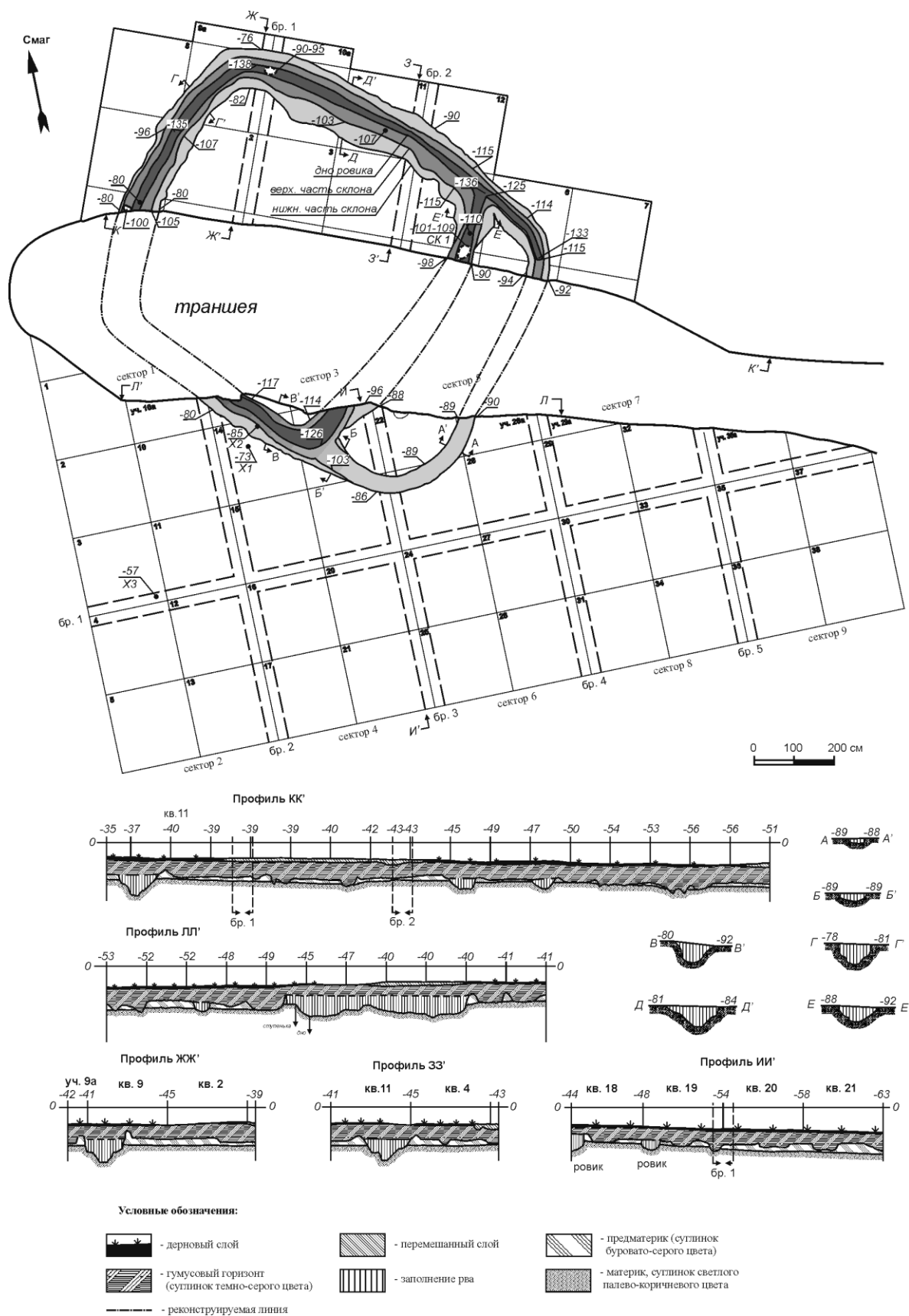

Рис. 3. План и профили сооружения

Рис. 4. Общий вид изученного сооружения с СЗЗ

Рис. 5. Вид ровика на раскопе 1 на уровне материка. Вид с С

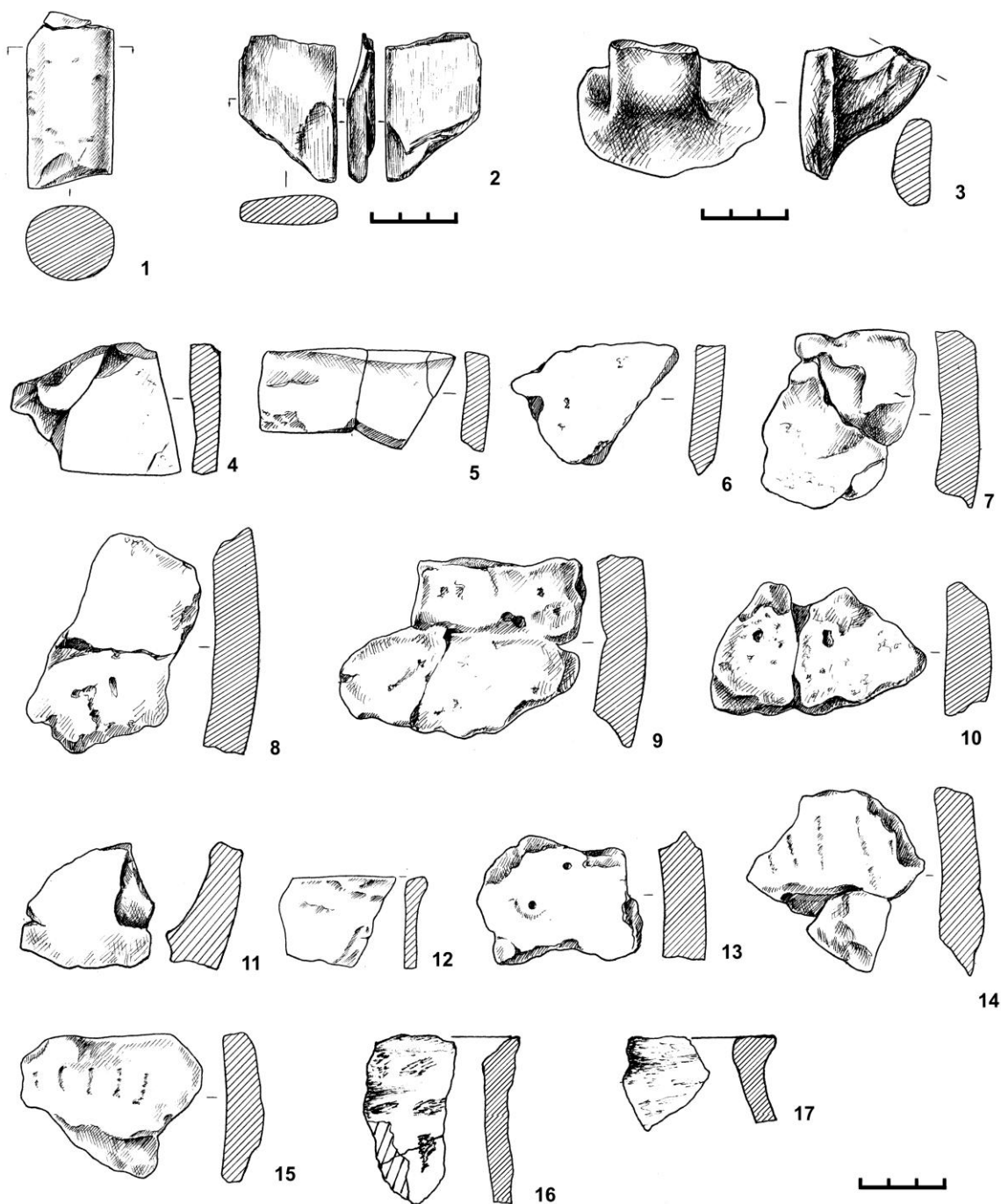

Рис. 6. Вещевой и керамический материал с памятника археологии Черноречье-6:

- 1 – изделие из глины (раскоп 1, кв. 3, шт. 1); 2 – предмет из серебристо-серого минерала (оселок?), х1-х2 – заполнение ровика; 3 – фрагмент стенки сосуда с плоскоовальной ручкой (раскоп 2, сосуд 2); 4-5 – керамика из скопления 2, сосуд 1; 6 – фрагмент сосуда 3 (граница уч. 9а и кв. 9, гл. -65-80 см от 0); 7-10 – скопление 1, внутренний ровик; 11-15 – скопление 1, внутренний ровик; 12-14 – фрагменты сосуда 8; 15-17 – фрагмент сосуда 6, фрагмент сосуда 7, фрагмент сосуда 9

Литература

1. Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э. Праболгары на Средней Волге. Самара, 1998.

2. Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э. Средневековые комплексы могильника Просвет I // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 4. Самара, 2006.
3. Васильева И.Н., Иванов В.А. Волжская Печенегия и половцы (X-XIII) // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Ранний железный век и Средневековье. М., 2000.
4. Винников А.З., Афанасьев Г.Е. Культовые комплексы Маяцкого городища. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1991.
5. Власкин М.В., Ильюков Л.С. Раннесредневековые курганы с ровиками в междуречье Сала и Маныча // СА. 1990. № 1.
6. Жиромский Б.Б. Древнеродовое святилище Шолом // МИА, №61. М., 1958.
7. Иванов В.А. Урало-Поволжская часть мадьярского пути // Культуры евразийских степей. Самара, 1996.
8. Иванова Н.В., Мышкин В.Н. К вопросу о гончарной технологии кочевников Самарского Заволжья в V-I вв. до н.э. // Вопросы археологии Поволжья. Вып.4. Самара, 2006.
9. Кулаков В.И. Прусы (V-XIII вв.). М.: ИА РАН, 1994.
10. Матвеева Г.И. Могильники ранних болгар на Самарской Луке. Самара, 1997.
11. Матвеева Г.И. Волжская Болгария (X век – 1236 год) // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. М., 2000.
12. Мильков Ф.Н. Среднее Поволжье. М.: АН СССР, 1953.
13. Медведев А.П. Сарматы в верховьях Танаиса. М., 2008. 252 с.
14. Мошкова М.Г. Культовые сооружения Лебедевского могильника // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984. С. 196-201.
15. Русанова И.П., Тимошук Б.А. Языческие святилища древних славян. М.: ИА РАН, 1993.
16. Седов В.В. Древнерусское языческое святилище в Перыни // КСИИМК. Вып. 50. 1953.
17. Смирнов К.А. Святилище в урочище Ага-Базар // МИА, №61. М., 1958.
18. Смирнов К.Ф., Попов С.А. Сарматское святилище огня // Древности Восточной Европы. М., 1969. С. 210-216.
19. Сташенков Д.А. Оседлое население Самарского лесостепного Поволжья в I-V веках н.э. М., 2005.
20. Федоров-Давыдов Г.А. Тигашевское городище // МИА, №111. М., 1962.
21. Федоров-Давыдов Г.А. Погребения хазарского времени из кургана «Кривая Лука» в Нижнем Поволжье // Проблемы хронологии степей Евразии. Кемерово: Изд-во КГУ, 1984.

© 2012 Морозов В.Ю.

ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ: СУЩНОСТЬ, ВЗАИМОВЛИЯНИЕ (НА ПРИМЕРЕ СРЕДНЕВЕКОВОГО СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ)

Автор исследует особенности денежного обращения на стадии натурального хозяйства, в том числе в период Средневековья. Прослеживается влияние денежного обращения государств, активно участвующих в мировой торговле, особенно Персии, на периферию. В этой связи рассматривается появление денежного обращения в Среднем Поволжье.

Ключевые слова: денежное обращение, Среднее Поволжье, сасаниды, драхма, Персия, слитки, именковцы, торговля.

Прежде чем определять какие-либо рамки возникновения денежного обращения, охарактеризуем рассматриваемую территорию и сущность терминов «деньги» и «денежное обращение».

Регион Среднего Поволжья в данном исследовании искусственно ограничен Самарской и Ульяновской областями. Во-первых, потому, что территории этих двух соседних областей находились на средневековом Волжском торговом пути и входили в одни и те же государства. Во-вторых, население было этнически и культурно близким, следовательно, одинаковым было и экономическое развитие территорий.

Что такое «деньги»? Это понятие в истории экономической мысли определялось неоднократно. Например, это товар, выполняющий в экономике определенные функции: меры стоимости, средства обращения, средства платежа, средства сбережения и мировых денег [2]. Более упрощенно – только функции меры стоимости, средства обращения и средства сбережения (по версии К.Р. Макконнелла и С.Л. Брю в «Экономикс» [1]). Следовательно, можно определить «денежное обращение» как период, когда деньги являются неотъемлемой частью экономики, систематически влияя на нее отпавлением своих функций.

Этот экскурс в экономическую теорию в данном случае необходим, так как очень многие исследователи (особенно историки, нумизматы), говоря о возникновении денежного обращения, сужают значение этих терминов, оперируя значением терминов «монета» и «монетное обращение». Экономисты же обычно учитывают, что до денег-монет (тем более, бумажных и кредитных) были другие деньги, но, занимаясь преимущественно современной экономикой, мало обращают внимания на сущность этих денег и на ранние этапы возникновения денежного обращения.

Не ставя в данном случае перед собой цели углубляться в экономическую теорию и делать какие-то основополагающие выводы, хочу заметить, что экономистами-теоретиками мало исследовано денежное обращение при натуральном хозяйстве, а историками исследованы только некоторые аспекты этого обращения. В частности, практически не учитывались следующие моменты: 1) возникновение денег в условиях натурального хозяйства совсем не означает одновременного возникновения массового денежного обращения; 2) деньги и государство не были тесно взаимосвязаны в прошлом, деньги на определенной территории могли появиться раньше государства. Речь идет не только о товароденьгах наподобие пушнины, скота, каких-то ремесленных изделий; «изготовление» этих денег не могло быть естественной монополией государства, и такие деньги часто возникали раньше государственных органов. Но даже монеты могли появиться в роли денег на определенной территории раньше, чем там образовалось государство, если речь идет об иностранных монетах.

То есть денежное обращение при натуральном хозяйстве было **стихийным** и даже в условиях абсолютистского феодального государства не полностью управляемым, так как государственные деньги-монеты не окончательно вытеснили другие виды денег, а все деньги в целом не вытеснили бартерную, меновую торговлю. Если же учитывать, что при натуральном хозяйстве торговля не играла определяющей роли в экономике, значительная часть населения обходилась без денег, возникает вопрос: а правомерно ли вообще определять существующую при натуральном хозяйстве ситуацию термином «денежное обращение»? Ведь деньги еще нельзя было назвать неотъемлемой частью экономики.

Вот он, этот разрыв между появлением денег и денежным обращением. Нам хронологическая расстановка процессов представляется так: появление

естественных денег – возникновение стихийного денежного обращения – появление искусственных денег (монет) в этом стихийном денежном обращении – появление регулируемого денежного обращения. Последнее только в условиях товарного хозяйства, когда массовое производство вытесняет естественные деньги (не без направленного влияния государства, конечно) и почти вытесняет меновую торговлю. Следовательно, деньги только с периода капитализма играют важную роль в экономике. Но стихийное денежное обращение складывается раньше, когда в умах людей укореняется представление о том, что определенный товар может быть посредником в торговле. Человек может обладать этим товаром лишь несколько раз в жизни, остальное время обходясь без него, но психологически он готов им пользоваться в определенном качестве. Доказательством наличия такого обращения могут быть пусть очень редкие, но равномерно расположенные на определенной территории находки монет либо других типов денег.

Исследование стихийного денежного обращения чрезвычайно сложно. Государственные архивы здесь мало могут помочь. Историки обычно используют археологические данные, письменные памятники и данные этнографии. Но первые дают информацию в первую очередь о монетах, вторые используют устаревшие термины, значение которых сейчас утрачено. Данные этнографии, конечно, не являются точными, так как собраны в эпоху товарного производства и у других народов. Именно поэтому, например, в исследовании денежного обращения Киевской Руси остается много «белых пятен».

Денежное обращение в Средние века во многом не похоже на современное нам. Во-первых, тогда его основу составляли не бумажные и кредитные деньги, а монеты из драгоценных металлов. Во-вторых, гораздо большее значение играл не номинал монеты (который не всегда на ней и указывался), а металл, из какого она была сделана, его проба и вес монеты. В-третьих, обмен денег если и производился государством, то часто не по экономическим, а по политическим причинам, например, после смены правителя. Можно привести и много других отличий, среди них – возможность отсутствия прямой связи между государством и деньгами, которые в нем обращаются. То есть не всегда в государстве обращались только те деньги, что выпускались его правительством. А иногда государство обходилось только иностранными монетами. По сути, монеты обращались не как представители экономики конкретных государств, а как изделия из серебра и золота, ценность которых была универсальна практически для всех народов.

Есть и сходство современного периода и Средневековья: как тогда, так и сейчас существуют деньги, распространенные широко, и деньги, имеющие локальное распространение. На ареал распространения тех или иных монет оказывали влияние в основном два обстоятельства: роль государств-эмитентов в мировой торговле и стабильно высокое содержание драгоценного металла в монете.

Влияло ли денежное обращение одной территории на денежное обращение другой, монеты одного государства на монеты другого? Несомненно. История возникновения денежного обращения на отдельных территориях показывает, что территория, менее экономически развитая, пользуется монетами экономически более развитых соседей, а государство, позже пришедшее к идее выпуска своих монет, обычно в той или иной степени копирует популярные у купцов, а значит, имеющие широкий спрос иностранные монеты.

Насколько велика степень копирования? От перенимания только металла и весовой нормы до копирования названия и всего монетного типа вплоть до надписей. Выпуском монетных подражаний на определенной стадии развития занимались почти все народы.

То есть существовали, если можно так выразиться, наиболее «экономически удачные» монеты, которые так или иначе влияли на денежное обращение очень обширных территорий. К таким монетам относились и сасанидские драхмы.

Иран, в прошлом Персия, имеет очень выгодное географическое положение. В частности, в период Средневековья по его территории проходил важный как для Азии, так и для Европы Великий шелковый путь. Персидские купцы принимали активное участие в этой торговле.

Сасаниды – династия, правившая в Иране с 223 по 642 год. При них в Персии выпускались золотые динары, серебряные драхмы и медные монеты, но только драхмам досталась роль мировых денег.

Само название «драхма» и весовая норма монеты – тоже результат заимствования. Они были переняты у греков. Благодаря Александру Македонскому аттическая монетная и весовая система распространилась на территории всей его империи, в том числе на Ближнем Востоке. Сохранилась она на этих территориях и после распада империи, монеты этой системы чеканились Селевкидами на территории современного Ирака, Птолемеями в Египте, парфянскими правителями. Именно парфянские драхмы – ближайший предшественник сасанидских. Драхмы Парфии и ранние драхмы Сасанидов считаются памятниками не только денежного обращения, но и искусства благодаря высокой технике исполнения штемпелей и монет, портретному сходству правителей.

Сасанидская драхма – это серебряная высокопробная монета весом 4,25 г, позже 3,9 г. Монетный тип драхмы оставался неизменным практически весь период чеканки: на лицевой стороне погрудный портрет правителя, на оборотной – алтарь огнепоклонников (аташдан) между двумя стражами. Интересно, что у каждого представителя династии Сасанидов была своя оригинальная корона, которая изображалась на монете и может служить датирующим признаком.

Благодаря активности персидских купцов и высоким качествам монеты сасанидские драхмы встречаются на обширных территориях – от Дальнего до Ближнего Востока, в Средней Азии, на Кавказе, в Восточной, Северной и Западной Европе. На всех территориях, соседствующих с Персией, то есть на Ближнем Востоке, в Средней Азии, на Кавказе, эти монеты выполняли обычные функции денег – средства платежа, средства накопления, мировых. Они принимались благодаря привычной весовой норме и качественному серебру, но уже на север Средней Азии и в Казахстан доходили редко.

Шелковый путь заканчивался в Китае, поэтому в V-VII вв. сасанидские драхмы встречаются и там: в Западном, Северном и Восточном Китае, иногда кладами до 70-80 экз. Однако в Китае не было традиции денежного обращения серебряных монет, многие из драхм имеют отверстия и явно использовались в виде украшений. Возможна их роль и в виде средства накопления.

На территории России сасанидские драхмы встречаются в сравнительно большом количестве в Пермской области и Удмуртии, то есть в Прикамье. Массовое их поступление туда отмечается в V-VII вв., но, как и в Китае, эти монеты использовались как украшения, поскольку денежное обращение там еще не сложилось.

На территориях западнее Волги, в частности в Киевской Руси, а также в государствах Западной Европы сасанидская драхма участвовала в денежном обращении, но позже, в VIII-X вв., и не самостоятельно. Эти монеты равномерно, но редко встречаются как дополнение к куфическим дирхемам.

Драхмы Сасанидов на некоторых территориях послужили образцом для начала своей монетной чеканки. Например, в Бухаре династия т.н. Бухархудатов выпустила «грубые» подражания драхмам Варахрана V (V в.) как свои монеты. На

монетах, хоть и очень примитивно, копировались изображения драхм, а вот металл был гораздо хуже, вплоть до биллона. Однако очевидно, что эти монеты выпускались несколько веков, хоть и редко выходили за пределы государства.

Но особенно большой вклад драхмы Сасанидов внесли в формирование монетной системы Арабского халифата, то есть всего мусульманского мира. В середине VII в. арабы разгромили и захватили Иран. Первоначально в денежном обращении они продолжали использовать сасанидскую драхму, а когда потребовались свои монеты, они выпустили драхмы с сасанидскими изображениями, но с арабскими надписями, т.н. арабо-сасанидские драхмы.

Но это была временная мера, каноны мусульманства монетный тип сасанидских драхм не устраивал, так как мусульманством не допускались изображения людей и животных. На драхмах присутствовали и символы зороастризма. В 695 году халиф первой арабской династии Омейядов Абд ал-Малик провел денежную реформу и ввел новые монеты, но многое было скопировано с сасанидской монетной системы. У сасанидов арабы взяли номиналы: золотой динар и серебряную драхму, переименованную в дирхем. Причем и размер, и проба, и весовая норма дирхема (3,9 г) не отличались от аналогичных у драхмы.

Дирхемы как продолжатели драхм сыграли еще большую роль в мировом денежном обращении, включив в него огромные территории и послужив образцом для выпуска монет другими государствами, например Киевской Русью.

Очевидно, что современная мировая денежная система сложилась в результате взаимовлияния национальных денежных единиц в ходе исторического процесса, а «генеалогия» монет так же разветвлена, как и «генеалогия» человеческих родов, каждый кирпичик в ней имеет свое значение и требует пристального внимания ученых.

Но вернемся к территории Среднего Поволжья в средние века. В исследуемый период она не входила в Русь, а время от времени присоединялась к территории разных государств (Волжская Булгария, Золотая Орда), причем являлась окраиной этих государств. Значительный период Среднее Поволжье (или его часть) вообще оставалось «ничейной территорией». В первую очередь потому, что было сравнительно слабо заселено: оседлое население по берегам Волги и основных притоков, окруженное кочевниками. Мешает исследованию как истории региона в целом, так и денежного обращения в частности и то, что следы большинства этих народов утеряны в истории, часто неизвестно даже их название, поскольку письменности они не имели. Поэтому остаются только археологические данные.

Изучение возникновения денежного обращения в выше определенных границах Среднего Поволжья ведется достаточно давно и еще не закончено [4; 5]. Хотя эта задача имеет не только местное, краеведческое значение. Ведь Среднее Поволжье в тот период входило в ареал Волжского торгового пути, по которому издавна передвигались купцы, то есть люди, для которых деньги стали обыденностью гораздо раньше, чем для местного населения. И это интересная проблема: как влияли их деньги и сам факт их передвижения на экономику Среднего Поволжья, на возникновение у нас денежного обращения? Или по-другому: может ли денежное обращение возникнуть в результате влияния извне в объективно не готовой к этому экономической среде?

Скажем сразу: у историков на сегодняшний день нет информации о наличии в регионе каких-либо товаров местного производства или привозных, кроме монет, которые местное население использовало бы как деньги. Хотя севернее, в Татарии, археологами зафиксированы бронзовые слитки определенной формы и веса, которые, предположительно, могли играть роль денег. Данные о них обобщены и обработаны А.Г. Мухамадиевым [7], исследователем, занимающимся проблемами

раннего денежного обращения на территории Поволжья в целом. Однако он, рассматривая находки археологического материала преимущественно на территории Татарии и Прикамья, распространил свои выводы и на нашу более южную территорию, что неоправданно. Более того, ряд его утверждений представляется довольно спорным даже для региона Прикамья и Татарии. Например, он считает, что с III века н.э. в Поволжье обращались слитки, изготавливавшиеся по сасанидской весовой норме, а с VII века – монеты, в большинстве своем династии Сасанидов [7, с. 66-69].

По нашему мнению, на основании данных разработанной топографии находок сасанидских монет в Поволжье и Прикамье [6, с. 81-98], слитки не могли чеканиться по весовой норме Сасанидов, а монеты этой династии не могли обращаться с VII века даже в Прикамье. Более того, само использование слитков в виде денег в регионе – пока лишь предположение.

Бросятся в глаза несколько противоречий. Во-первых, нужно отказаться либо от отнесения слитков к Сасанидской весовой системе, либо от датирования начала их обращения с III – середины IV века, так как эти выводы противоречат друг другу. Если верно первое, то есть если слитки действительно сделаны по весовой норме Сасанидского времени, то начало их обращения можно датировать в лучшем случае концом V века, именно с этого времени в регион начали поступать первые образцы Сасанидской весовой системы в виде драхм. Если же слитки действительно обращаются хотя бы с середины IV века, то какое-либо сходство с Сасанидской весовой системой может быть лишь случайным совпадением. Кроме того, слитки изготавливались из меди либо медных сплавов, в то время как все возможные эталоны Сасанидской весовой системы, поступавшие в Поволжье и Прикамье, – монеты и сосуды – были серебряными. Именно серебро было образцом драгоценного металла в Прикамье, если судить по импортным изделиям и подражаниям им. Да и кочевники, по мнению А.Г. Мухамадиева, познакомившие регион с денежным обращением [7, с. 219], на юге в этот период могли столкнуться лишь с системой, основанной на серебре.

Зачинателями денежного обращения в регионе (причем по Сасанидской весовой системе) А.Г. Мухамадиев считает именковцев [7, с. 68], однако на памятниках именковской культуры наукой зафиксирована находка 10 сасанидских драхм середины V – середины VI веков. Даже если какое-то количество находок не зафиксировано, а что-то навсегда останется в земле, что вполне возможно, этих экземпляров слишком мало, чтобы говорить о денежном обращении или влиянии драхм на весовую систему упоминавшихся слитков. Речь в данном случае идет о сравнении с объемом находок монет (не Сасанидских) в тех регионах, где действительно было денежное (монетное) обращение. А ведь нельзя сказать, что Поволжье в период Средневековья находилось на отшибе от торговли.

Правда, все найденные на именковских памятниках монеты не имеют отверстий и найдены на поселениях, а не в погребениях, но это говорит лишь о том, что племенами именковской культуры монеты не использовались как подвески-украшения. Малочисленность находок свидетельствует, с одной стороны, о том, что эти монеты не являются памятником местного денежного обращения, с другой – о том, что ценность серебра, в этих монетах содержащегося, именковцами понималась. Посмотрим на состав Кармалинского клада: кроме сасанидских драхм в него входили серебряные же изделия, а также серебряный лом и золотая фольга, применявшаяся для изготовления украшений [4, с. 82]. Кармалинский клад – единственный случай находки относительно большого количества сасанидских драхм в одном комплексе на именковских памятниках. И по этому кладу видно, что драхма для местного населения – не «деньги»; она, разумеется, ценность, но

главным образом используется как драгоценное сырье для переплавки в что-то более понятное, например в украшения. Понятно, что, имея только такое практическое значение, драхма не могла долго использоваться и сравнительно быстро переплавлялась.

Стихийное денежное, в том числе монетное, обращение возникло на территории Самарской и Ульяновской области не ранее XIV века, в период Золотой Орды. Находки джучидских монет хотя и сравнительно редки, но более-менее равномерно рассыпаны по территории областей, имея отношение к золотоордынским поселениям. На территории Самарской и Ульяновской области эти монеты не чеканились, следовательно, денежное обращение все-таки было занесено извне, но не купцами, а переселенцами, которые в корне изменили экономическую ситуацию в регионе, способствуя развитию ремесла и торговли.

Что же касается влияния купцов... Следы их продвижения через территорию областей остаются: один клад римских монет, один клад сасанидских драхм, несколько находок кладов и отдельных куфических дирхемов [подробнее о находках в Самарской области см. 4]. Только клад сасанидских драхм привязан к местному поселению, но, судя по составу клада, серебряные драхмы приобретались ремесленником для переплавки [3, с. 177]. Находок куфических дирхемов больше, но два клада вдоль Волги без привязки к поселениям скорее свидетельствуют о нападениях на купцов, чем о торговле. Отдельные же дирхемы – с пробитыми отверстиями, а, значит, монета играла не роль денег, а роль драгоценного украшения.

Вывод: транзитная торговля не стала определяющей предпосылкой для появления денежного обращения в Среднем Поволжье в период раннего Средневековья. Сначала должна была развиваться местная, внутренняя торговля. Но вот на дальнейшее развитие денежного обращения транзитная торговля влияние оказывала. Ведь находки даже джучидских монет, как и золотоордынские поселения в целом, располагаются с ориентацией на Волжский торговый путь.

Литература

1. Макконнелл К.Р. Экономикс. Принципы, проблемы и политика / К.Р. Макконнелл, С.Л. Брю. М., 1992. Т. 1.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23.
3. Матвеева Г.И. Кармалинское городище / Г.И. Матвеева, В.Ю. Морозов // Археологические исследования в лесостепном Поволжье. Самара, 1991. С. 177.
4. Морозов В.Ю. Топография кладов и случайных находок монет на территории Самарской области // Краеведческие записки. Самара, 1995. Вып. 7.
5. Морозов В.Ю. Денежное обращение в Среднем Поволжье / В.Ю. Морозов, А. Борькин // Экономические и социально-культурные аспекты российских реформ: Материалы научно-методической конференции. Самара, 1999.
6. Морозов В.Ю. Топография находок сасанидских драхм в Урало-Поволжском регионе // Краеведческие записки. Вып. XII. Самара, 2005.
7. Мухамадиев А.Г. Бронзовые слитки – первые металлические деньги Поволжья и Приуралья (I тысячелетие н.э.) // Советская археология. 1984. № 3.
8. Мухамадиев А.Г. Древние монеты Казани. Казань, 2005.

КУРГАНЫ С ГЛИНЯНЫМИ «МАВЗОЛЕЯМИ» КОЧЕВНИКОВ САМАРО-УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ

Статья посвящена характеристике курганов с глиняными погребальными наземными сооружениями, которые были возведены кочевниками в степях Самаро-Уральского региона в конце VI – начале IV в. до н.э.

Ключевые слова: ранний железный век, курганы, кочевники, погребальный обряд.

В последнее десятилетие XX – первое десятилетие XXI века в степях Самаро-Уральского региона были исследованы несколько курганов кочевников скифского времени, одной из ярких обрядовых характеристик которых является совершение захоронений в наземных погребальных сооружениях, возведенных из необожженных глиняных кирпичей. С этой особенностью связано предложение выделить такие курганы в отдельную группу, отражающую реализацию специфического типа погребального обряда [19, с. 168-171].

В данной статье предполагается более полно охарактеризовать эту группу погребальных памятников, отметить элементы обряда, которые позволяют связать их с социальной элитой кочевников, определить время существования традиции возведения таких курганов и фиксируемый в настоящее время ареал распространения.

Погребальные комплексы с глиняными сооружениями представлены в подробных публикациях [21; 24; 23; 3-7]. Поэтому в приведенном ниже описании опущены детали их характеристик, акцент сделан на обрядовых элементах, наиболее значимых для темы данной статьи.

В настоящее время представляется возможным включить в число погребальных памятников с глиняными наземными сооружениями шесть курганов.

1. Могильник Илекшар I, курган 1, погребение 4 (рис. 2). Диаметр 48 м, высота 5 м. Курган насыпан над наземным погребальным сооружением, возведенным из сырцовых глиняных кирпичей и гумусных блоков. Сооружение имело квадратную в плане форму. Ширина развала стен достигала 3 м. В южной части развал стены имел меньшую мощность, поэтому допустимо предположение, что здесь находился вход. Погребальную площадку, на которой располагалось сооружение, ограничивал глиняный вал диаметром 36 м (рис. 2, 1,2). Остался неясным характер перекрытия сооружения. Пространство внутри глиняного сооружения было покрыто тонкими неотесанными досками, которые, возможно, служили перекрытием могилы. Могильная яма, вырытая внутри сооружения, имела квадратную в плане форму, ее стороны на уровне погребенной почвы имели длину 8,2-8,3 м (рис. 2, 3). Могила была ориентирована стенками по сторонам света. Она имела пять ступенек и меньшие размеры у дна. Погребение ограблено. Из вещей найдены пластины панциря, несколько наконечников стрел, фрагменты железного меча, стеклянного и глиняного сосудов, золотая бляшка (рис. 3, 13-35). К югу от могильной ямы располагалось захоронение двух коней, погребенных в сбруе (рис. 2, 3; 3, 1-12) [4, с. 72-75].

С.Ю. Гуцалов датировал курган временем в пределах конца VI – первой половины V в. до н.э. Дата кургана определена автором публикации по предметам конской сбруи и наконечникам стрел из погребения [4, с. 75]. Многие находки из этого кургана дают более широкий хронологический диапазон. Так, двудырчатые псалии с загнутыми в одну сторону концами, оформленными в виде голов

животных, повернутых в одну сторону (рис. 3, 7,8), имеют аналогии среди находок в кургане 5 у пос. Матвеевский и кургане 3 группы Алебастрова гора, которые К.Ф. Смирнов датировал соответственно первой половиной V в. до н.э. и рубежом V-IV вв. до н.э. [26, рис. 34, 4б; с. 55-56; рис. 40, 1в; с. 60]. Пряжки, подвески, обоймы для перекрестных ремней (рис. 3, 2-6,12) имеют многочисленные аналоги среди находок, датированных концом VI-V в. до н.э. [Смирнов, 1964. Рис. 21, 1а, 1д; 2в; 27, 4-6, 8, 9; 28, 2, 11-15, 20, 22; 29, 4г, 4д; 32, 1з; 10, рис. 6, 3-9; 10; 9, рис. 1, 2, 4, 5; 17, рис. 4, 3]. Фрагмент стеклянного сосуда (рис. 3, 34) относится к числу изделий, которые могли изготавливаться в одной из периферийных мастерских на территории Северо-Западного Ирана. Время изготовления таких стеклянных сосудов – не позднее второй четверти V в. до н.э. Погребения, давшие находки таких сосудов в Южном Приуралье, датируются не позднее V – начала IV в. до н.э. [32, с. 252]. Трехлопастные наконечники стрел со сводчатой головкой, внутренней втулкой и опущенными вниз шипами (рис. 3, 13-15, 19) появились в VI в. до н.э., чаще всего использовались в V в. до н.э. и продолжали существовать в IV-II вв. до н.э. Достаточно длительное время использовались и наконечники стрел (рис. 3, 18) со сводчатой головкой, внутренней втулкой и косо срезанными к острию лопастями [25, с. 49, 50]. Дату в пределах конца VI – начала V в. до н.э. дают только бляхи, украшенные изображениями в зверином стиле, которые имеют аналогии среди вещей прежде всего конца VI – первой половины V в. до н.э. Так, сбруйная бляха в виде припавшего к земле (лежащего) хищника (рис. 3, 9) имеет большое количество аналогий среди древностей Евразии [12, табл. 28, 1-8, 20-28]. Среди предметов из погребальных комплексов Южного Приуралья можно выделить изображения на сбруйной бляшке из погребения 1 кургана 5 Аландского III могильника, датированного концом VI – началом V в. до н.э. [17, рис. 4,1, с. 68], на фрагменте рога лося из погребения 3 кургана 4 могильника Пятимары I, дата которого, по мнению К.Ф. Смирнова, – начало V вв. до н.э. [26, с. 52; 27, с. 22]. Аналогичное изображение имеется на золотой нашивной бляшке из погребения 2 кургана 3 могильника Покровка II [35, рис. 76, 12-14]. Это погребение может быть датировано, в частности, по серьгам конической формы, тождественным серьгам, найденным в кургане 3 могильника Бесоба, дата которого – рубеж VI-V вв. до н.э. [11, рис. 3, с. 69-70]. Бляхи, украшенные изображениями трех припавших к земле хищников, обращенных головами друг другу (рис. 3, 10-11), аналогичны случайной находке из Восточного Казахстана, которая датирована VII-VI в. до н.э. [4, рис. 4, 1, 4; с. 75].

2. Могильник Кырык-Оба II, курган 16 (рис. 4, 1, 2). Современный диаметр около 39-40 м, высота – 1,2 м. Погребальная площадка по периферии была ограничена кольцевым валом, имевшим по внешнему периметру диаметр 38 м. В южной части вала находился разрыв, служивший входом на погребальную площадку. На пространстве внутри вала располагалось погребальное сооружение, возведенное из сырцовых глиняных кирпичей. Сооружение имело квадратную в плане форму и площадь 11×11 м. Толщина стен составляла около 1 м. Перекрытие из жердей и тростника имело, вероятно, вид шатра. Центральная часть перекрытия опиралась на столбы, по краям опорой для него, очевидно, служили стенки вала. Внутри сооружения была вырыта могильная яма с дромосом-входом, располагавшимся с южной стороны. Сама яма в плане прямоугольной (со слегка закругленными углами) формы была ориентирована длинной осью по линии С-Ю. Размеры могилы на уровне фиксации составляли 5,3 × 7,4 м, у дна – 5,2 × 6,4 м. Могила ограблена. На дне обнаружены разрозненные остатки захоронения: череп и фрагменты трубчатых костей человека, железный заостренный предмет (шило?) (рис. 4, 7); железные пластинки (рис. 4, 8, 9); фрагменты лепного сосуда; золотые оковки деревянных сосудов (рис. 4, 3-6), галька и бронзовая пронизка. На периферии

кургана в юго-западной поле на уровне погребенной почвы обнаружены кости лошади и детали уздечного набора (рис. 5, 1, 3-11). К югу от могилы, западнее дромоса, на уровне погребенной почвы располагалось захоронение лошади (рис. 4, 1), положенной на живот с подогнутыми ногами, головой на север. В районе ребер лежало подпружное кольцо. С этим захоронением, вероятно, связаны найденные в дромосе бронзовый псалий (рис. 5, 2), фрагменты черепа лошади и ребро этого животного. Глиняное сооружение после завершения всех обрядовых действий было сожжено. Под воздействием огня часть его рухнула в могильную яму, часть, не успев обгореть, обрушилась наружу в сторону глиняного вала [7, с. 86-87].

Курган отнесен С.Ю. Гуцаловым к хронологическому периоду, приходящемуся на конец VI – первую половину V в. до н.э. или первую половину V в. до н.э. [3, с. 89; 7, с. 93]. Дата кургана определена по набору принадлежностей конской упряжи, состоящему из двудырчатых псалиев с загнутыми в одну сторону концами, оформленными в виде голов животных, бронзового подпружного кольца со шпеньками на внутренней стороне, обойм для перекрестных ремней с клювовидными окончаниями, подвески-налобника и золотым накладкам деревянных сосудов (рис. 4, 3-6; 5, 1-11). Псалии, обоймы для перекрестных ремней, подвески-налобники из кургана 16 могильника Кырык-Оба II имеют аналогии среди подобных предметов сбруи из памятников, датированных не только концом VI – первой половиной V в. до н.э., но и концом VI – V в. до н.э., а также рубежом V – IV в. до н.э. [26, рис. 21, 1а, 1д; 2в; 27, 4-6, 8, 9; 28, 2, 11-15, 20, 22; 29, 4г, 4д; 32, 1з, рис. 40, 1в; 10, рис. 6, 3-9, 10; 9, рис. 1, 2, 4, 5; 17, рис. 4, 3].

Наиболее близкая аналогия накладкам на сосуд из кургана 16 могильника Кырык-Оба II (рис. 4, 3-6) происходит из погребения 3 кургана 9 могильника Пятимары I. Дата этого комплекса – конец VI – начало V в. до н.э. Обкладки деревянных сосудов обнаружены также в кургане 2 у с. Покровка (раскопки И.А. Кастанье в 1911 г.) и погребения 3 в кургане 4 могильника Пятимары I, датированных ранним V в. до н.э. [26, рис. 16, 2п-2т, рис. 32, 1г, с. 52, рис. 24, 4, с. 50]. Вместе с тем золотая обкладка сосуда обнаружена также в кургане 5 могильника Березки I, который может быть датирован временем в пределах V в. до н.э. или рубежа V-IV вв. до н.э., но не позже первого десятилетия IV в. до н.э. [21, с. 73; 24, с. 393; 20, с. 231-234]. Поэтому верхнюю границу даты кургана 16 могильника Кырык-Оба II, возможно, не следует проводить в пределах первой половины V в. до н.э., отнеся ее к концу этого столетия.

3. Могильник Кырык-Оба II, курган 18 (рис. 6, 1). Диаметр 40 м, высота 1,6 м. Погребальную площадку в этом кургане окружал грунтовый кольцевой вал диаметром 21-23 м. В юго-западной части вал, скорее всего, имел разрыв. Основное погребение 5 располагалось в центре площадки внутри сооружения из сырцового кирпича с толщиной стен около 1 м. Оно было перекрыто деревянной конструкцией шатрового типа, плахи и жерди которой от центра радиально расходились к периферии и концами опирались в стенки вала. В сооружении находились останки не менее чем четырех людей. Захоронение было совершено на уровне древней поверхности, которая перед похоронами была подрезана (выровнена?), посыпана белым веществом (мелом) и устлана камышом и корой. Погребенные лежали в северной и южной частях площадки, центральная часть оставалась свободной. Один из них – мужчина зрелого возраста – был положен в южной части сооружения. Его скелет был разрушен, поэтому первоначальное положение погребенного установить не удалось. В этой же части погребальной площадки найдены кинжал (рис. 6, 9), бронзовые наконечники стрел (рис. 6, 4, 5), каменного алтарика (рис. 6, 11), обломок железного кольца, обложенного золотой фольгой (рис. 6, 16), фрагменты сосудов. В северной части сооружения находились останки нескольких человек. Судя по

положению сохранившихся в непотревоженном состоянии костей одного из них (мужчины зрелого возраста), он лежал головой на юг. Вместе со взрослыми был погребен ребенок. Помимо останков погребенных обнаружены фрагменты широкого бабочковидного перекрестья меча, обложенного золотой фольгой (рис. 6, 3). В завершение обрядовых действий сооружение было сожжено. Около центрального погребения 5 располагались сопровождающие захоронения людей, скопления костных останков людей и животных, вещей. У юго-восточного края деревянной шатровой конструкции на настиле из коры на уровне погребенной почвы располагалось погребение 1, являвшееся частью единого погребального комплекса. Погребенный лежал в скорченном положении на правом боку, с плотно прижатыми к туловищу руками, головой на юг (рис. 6, 2). Вещей около него не было. В восточной части кургана, под валом, находилось погребение 2. В могильной яме подпрямоугольной формы, ориентированной длинной осью по линии С-Ю, погребен ребенок, лежавший вытянуто на спине головой на юг. Глиняный сосуд (рис. 6, 14) стоял в ногах погребенного [6, с. 55, 58]. Как сопровождающие следует, очевидно, рассматривать также погребения 3 и 4, которые могут быть интерпретированы как захоронения стражников (рис. 7). Они были совершены в процессе возведения центрального погребального сооружения или через короткий промежуток времени после его завершения. Выкиды из погребений располагаются непосредственно над валом, окружавшим центральную площадку. О том, что эти два погребения – часть единого сложного погребального комплекса, свидетельствует их расположение друг напротив друга на противоположных краях кургана, одного (№3) к юго-западу от центрального захоронения, другого (№4) – к северо-востоку. Оба погребения совершены в подпрямоугольных могильных ямах, ориентированных длинной осью по линии СЗ-ЮВ и перекрытых деревянными плахами. Погребенные лежали вытянуто на спине головой на ЮВ. Инвентарь состоял из акинаков, стрел, колчаных крючков, ножей, глиняного сосуда. Напутственная пища представляла собой в одном случае бок КРС, в другом – бок овцы [6, с. 58-61].

В кургане обнаружены также компактно расположенные черепа четырех людей зрелого возраста – двух женщин (одной из них было 45–55 лет) и двух мужчин (35-45 и 45-55 лет). Черепа найдены на глубине 0,5 м от поверхности кургана. Возле них находились другие человеческие кости: трубчатые, ребра, позвонки, лопатка, а также каменная плитка, нож и фрагменты глиняной посуды. На уровне погребенной почвы в кургане были найдены кости лошади (позвонки, лопатки, ребра, трубчатые и тазовые кости), глиняное пряслице, фрагменты глиняных сосудов, каменного алтарика, обгоревшая трубчатая кость МРС. Во рву в южной его части около скопления костей лошади находился развал глиняного сосуда, в который при совершении обрядов положили 100 черных галек. Сверху сосуд прикрывала большая трубчатая кость лошади. Под сосудом зафиксирована спекшаяся масса шлака, еще ниже обнаружены трубчатая и тазовая кость КРС, коренные зубы, фрагменты черепной коробки и лопатка лошади. Кроме того, в южной поле кургана (в 20 м к Ю) обнаружено скопление предметов, возможно, от трех сбруйных наборов: шесть бронзовых S-видных псалиев (рис. 8, 9, 10); восемь круглых бляшек с петлей на обратной стороне (рис. 8, 2-5) и фигурным оформлением закраины (рис. 8, 6, 8); шесть подвесок, украшенных изображениями в зверином стиле (рис. 8, 12, 13), и две крупные конические ворворки (рис. 8, 7, 11). Наборы лежали в яме [6, с. 55-61].

Курган датирован концом VI – первой половиной V в. до н.э. [6, с. 64]. Немаловажным для датировки кургана является наличие предметов уздечного набора. Это S-видные двудырчатые псалии (рис. 8, 8, 10), время использования которых, по мнению К.Ф. Смирнова, – конец VI-V в. до н.э. [25, с. 84-85]. Найденные в

кургане 18 круглые полусферические бляшки (рис. 8, 2-5) имеют аналогии среди находок в курганах V – рубежа V-IV вв. до н.э. В частности, подобные бляшки встречены в таких комплексах V до н.э., как погребение 2 кургана 9 Мечет-Сайского могильника и курган 12А могильника у с. Блюменфельд [26, с. 315, рис. 22,9; 25, с. 154, рис. 52, 3-5]. Такие же бляшки обнаружены в погребении 2 кургана 10 Переволочанского могильника, который датирован концом V-IV в. до н.э. [13; 22, с. 101] или второй половиной V-IV в. до н.э. [31, с. 3, рис. 6, 23]. Аналогичные бляшки найдены в кургане, раскопанном у хут. Ак-Булак (раскопки Зарецкого 1935 г.), дата которого – рубеж V-IV вв. до н.э. [26, с. 332, рис. 38, 10]. Сбруйная бляха (рис. 8, 1) из кургана 18 могильника Кырык-Оба II имеет аналогии среди случайно найденных вещей (в курганах у сел Иркуль, Пьяновка) Южного Приуралья, датированных концом VI в. до н.э. [30, табл. 21, 2,7, с. 14, 15]. Аналогичная бляха найдена в кургане 9 могильника Бесоба, датированном концом VI-V в. до н.э. [9, с. 91, рис. 5, 6]. Изображения оскаленной морды хищного животного на подвесках из рассматриваемого кургана 18 могильника Кырык-Оба II (рис. 8, 12, 13) сходны с изображениями на подвесках, обнаруженных в кургане 4, 6 и 8 могильника Пятимары I, в кургане 1 могильника Сынтас I. Эти комплексы датированы соответственно первой половиной V в. до н.э., концом VI – началом V вв. до н.э., концом VI-V вв. до н.э. [26, рис. 28, 4, 29, 4в, 32, 1з, с. 50-52; 10, рис. 3,7, 6,4, 10, 1]. Наличие мечей с широкими бабочковидными (некоторые из них близки к сердцевидному) перекрестьями (рис. 6, 3; 7, 4б) позволяет рассматривать VI в до н.э. как нижнюю границу даты кургана [6, с. 64]. Вместе с тем несколько погребений, содержащих мечи с подобными перекрестьями, датированы концом VI-V в. до н.э. или V в. до н.э. Речь идет о погребении 3 кургана 1 могильника Сынтас I, погребении 2 кургана 4 могильника Три Мара, погребении 2 кургана 1 могильника Березки I [10, рис. 4, 2; 29, рис. 9, 9, с. 84; 21, рис. 1, 2, с. 73; 8, рис. 3, 2, с. 63]. С учетом изложенного выше предпочтительней для кургана 18 могильника Кырык-Оба II представляется дата, охватывающая более длительный период в пределах конца VI-V вв. до н.э.

4. Могильник Кырык-Оба II, курган 19 (рис. 9, 1, 2). Диаметр 36 м, высота 2 м. Погребальную площадку ограничивал кольцевой вал диаметром 25,5 м. В центре погребальной площадки располагалось сооружение, возведенное из глиняных сырцовых кирпичей с толщиной стен около 1 м. Оно имело шатровое перекрытие из деревянных плах, жердей, веток, камыша и коры. Нижние концы плах перекрытия располагались вдоль периметра вала и опирались, вероятно, на его стенки. Внутри сооружения была вырыта могильная яма прямоугольной в плане формы. Ее размеры 6,1×7 м. Длинной осью яма ориентирована по линии ЗЮЗ-ВСВ. Могила ограблена, вещи в ней не найдены. Погребальное сооружение было сожжено. На погребенной почве в различных секторах кургана встречались кости лошади. В южной поле кургана располагалось захоронение лошади, возле скелета животного найдено подпружное железное кольцо (рис. 9, 3) обложенное золотой фольгой [6, с. 61- 62].

Курган датирован С.Ю. Гуцаловым по железному подпружному кольцу, имеющему обкладку из золотого листа, концом VI – первой половиной V в. до н.э. [6, рис. 5, 15, с. 62-64]. Подпружные кольца без выступов встречены в нескольких кочевнических погребальных комплексах Южного Урала, в частности в кургане 3 могильника Три Мара, кургане 2 могильника Покровка 2, погребении 1 кургана 7 Ново-Кумакского могильника. Эти погребения датированы временем в пределах конца VI-V в. до н.э. [29, рис. 4, 7, с. 78; 15, рис. 17,1, с. 17; 16, рис. 6, 9г, с. 222, 224]. В пределах этого периода следует, вероятно, датировать и курган 19 могильника Кырык-Оба II.

5. Могильник Лебедевка II, курган 6 (рис. 10, 1, 2). Диаметр 30 м, высота 2,25 м. По периметру кургана располагался кольцевой вал диаметром 25 м. На

погребальной площадке, ограниченной валом, располагалось сооружение, возведенное из глины (глиняных кирпичей?) с использованием известняковых блоков. Об этом свидетельствуют следующие наблюдения: «В профилях бровок многих участков хорошо отмечались следы разрушения сооружения, представлявшего собой последовательные наложения руин погребального здания. По центру вокруг могилы наблюдались пики вертикальных валов, в заполнении которых были четко прослежены блоки из известняка» [5, с. 308]. Сооружение имело деревянное перекрытие. Внутри глиняного сооружения находилась квадратная в плане яма. На уровне погребенной почвы ее размеры составляли 3,9х4 м, у дна – 3х3,4 м. На дне прослежены остатки подстилки. Погребенный лежал по центру могилы на спине с подогнутыми ногами, головой на запад. Инвентарь состоял из бронзового зеркала, золотых нашивных бляшек, бус, золотых серег, стеклянных и глиняных сосудинок, каменного оселка, пряслица, проколки, ножей, раковин, гальки (рис. 11). Курган датирован С.Ю. Гуцаловым концом VI – первой половиной V в. до н.э. [5, с. 312]. Серьги в виде кольца, к которому прикреплена цепочка, заканчивающаяся шариком или привеской другой формы, подобные найденным в лебедевском погребении (рис. 11, 1, 4, 5), использовались кочевниками в конце VI-V в. до н.э. Такая же серьга происходит из погребения 3 кургана 9 могильника Пятимары I, датированного концом VI – началом V в. до н.э. [26, с. 50, рис. 24, 5; 27, с. 37]. Аналогичные украшения обнаружены в курганах у с. Любимовка (урочище Лапасина, раскопки 1927 г.) и в погребении 1 кургана 2 могильника Три Мара, датированных V в. до н.э. [26, рис. 15,3а, с. 46; 29, рис. 3,11, с. 74]. Серьга с цепочкой, к концу которой прикреплен шарик, обнаружена также в кургане 9 могильника Бесоба, который отнесен к концу VI-V в. до н.э. [9, рис. 4, с. 91]. В кургане 6 могильника Лебедевка II обнаружены два стеклянных сосуда – один фигурный в форме уточки, другой – с туловом яйцевидной формы (рис. 11, 3, 17). Стеклянные сосуды этой группы могли изготавливаться в одной из периферийных мастерских на территории Северо-Западного Ирана. *Terminus ante quem* изготовления этих стеклянных сосудов – не позднее второй четверти V в. до н.э. [32, с. 252]. Найденные в кургане 6 Лебедевского II могильника золотые нашивные бляшки (рис. 11, 6, 7) сходны с бляшками, которые происходят из кургана, раскопанного в урочище Биш-Оба и датированного второй половиной VI в. до н.э. [30, табл. 26, 7,8; 26, рис. 10, 1а,1б, с. 40]. Эти бляшки свидетельствуют в пользу даты, предложенной С.Ю. Гуцаловым.

6. Могильник Березки I, курган 5 (рис. 12, 1, 2). Современный диаметр по оси С-Ю 35,5 м, по оси З-В – 30,7 м. Высота 0,5 м. Погребальное сооружение реконструировано автором раскопок В.А. Скарбовенко следующим образом. Погребальная площадка была окружена валом, который составлял основу стен сооружения. На вал опиралась плоская кровля – кладка из сырцового кирпича, уложенного на деревянный помост, покоившийся на радиально расходящихся от центра к стенам деревянных балках. Внутри этого сооружения был выкопан неглубокий котлован диаметром 12,8 м × 14,5 м и глубиной до 0,5 м. В центральной части располагалась могильная яма трапецевидной в плане формы, длина которой составляла 5,30 м, ширина 5,78 м у северной стенки и 6,42 м у южной (рис. 12, 3). Глубина ямы от уровня дна котлована составляла 0,32-0,34 м. В центральной части дна могилы имелось подквадратное углубление, в котором были найдены 3 мелкие гальки. Между углублением и западной стенкой могилы обнаружены отдельные части скелета крупного мужчины пожилого возраста. Судя по непотревоженным костям ног, погребенный был ориентирован головой на юг. Под костяком и вокруг него на дне могилы зафиксированы отпечатки верхней одежды погребенного (типа плаща) или подстилки. Из вещей в могиле обнаружены наконечник стрелы,

костяная ворворка, железный нож, костяная пластина с орнаментом, боевой пояс, набранный из бронзовых пластин, каменный алтарь, коробка с дробленой раковинной, комок красной краски, серебряная серьга, стеклянный флакон, бусы, золотая обкладка деревянного сосуда, круглодонный сосудик (рис. 13). После совершения захоронения яма была перекрыта деревянным настилом, уложенным на уровне дна котлована. На деревянное перекрытие могилы были положены части туши лошади и крупного рогатого скота. После этого периферия котлована была забутована суглинком вплоть до уровня, с которого был вырыт котлован. При забутовке был оставлен вход в могилу, который располагался с южной стороны. Этот вход-дромос соединял могильную яму с внутренним пространством объемного надмогильного погребального сооружения. Внутри этого сооружения можно было попасть с крыши, где имелось входное отверстие. Все это погребальное сооружение было окружено сплошным рвом, имевшим в плане форму неправильного кольца. На дне рва обнаружены кости лошади и крупного рогатого скота. Спустя некоторое время после завершения обрядовых действий погребальное сооружение было сожжено [21, с. 72-73; 24, с. 386-389].

Курган первоначально был датирован V в. до н.э. [21, с. 73]. Впоследствии В.А. Скарбовенко предложила датировать его временем не ранее рубежа V-IV вв. до н.э. [24, с. 392]. Многие вещи тех типов, которые были найдены в этом погребении, использовались кочевниками на протяжении достаточно длительного времени. Пояс с набором из бронзовых пластин (рис. 13, 10) имеет аналогии среди древностей Скифии. У скифов такие пояса появились в середине VI в. до н.э. Чаще всего их находят в памятниках, датированных периодом между серединой V и III вв. до н.э. [14, с. 27; 34, с. 71-72]. Бронзовый трехлопастной наконечник со сводчатой головкой, внутренней втулкой и опущенными ниже втулки шипами (рис. 13, 12) относится к типу, который появился в VI в. до н.э. и получил наибольшее распространение в V в. до н.э. Этот тип стрел продолжал использоваться в IV вв. до н.э. и позднее [25, с. 50]. Височные кольца или серьги без подвесок с заходящими друг за друга тупыми концами (рис. 13, 3) стали появляться у кочевников в начале V в. до н.э., но были характерны для более позднего периода [26, с. 143]. Круглодонные сосудики (рис. 13, 8) также начали использоваться кочевниками Южного Урала в V до н.э., продолжали бытовать они и в IV в. до н.э. [33, с. 72-73, рис. 8,2; 31, рис. 5, 29, 53; 18, рис. 4, 4]. Сосуды с аналогичной схемой орнаментации встречаются как в погребениях конца VI-V вв. до н.э., так и в погребениях второй половины V-IV вв. до н.э. [31, рис. 5, III, 4, 21, 33, 38, II]. При определении даты стеклянного флакона (рис. 13, 9) В.А. Скарбовенко, сославшись на исследования по северо-западному Ирану, указала на возможность их датирования ахеменидским временем до IV в. до н.э. или временем в пределах V-IV вв. до н.э. [24, с. 392]. Наличие каменного алтаря (рис. 13, 13) в составе инвентаря рассматриваемого погребения – а он относится к типу, который бытовал в VI в. до н.э. и, главным образом, в V в. до н.э. [26, с. 164; 2, с. 28, рис. 8, 6, 9; 6, 6; 5, 7] – не позволяет датировать комплекс временем позднее конца V в. до н.э. На бортике березкинского алтаря имеется изображение припавших к земле хищников. Такие сюжеты встречаются на предметах, происходящих из кочевнических курганов Южного Урала, которые также датированы концом VI-V вв. до н.э. [28, рис. 1, 9,10, 12; 26, с. 76; 17, рис. 4, 1]. Из кургана 2, раскопанного в 1911 г. И.А. Кастанье у с. Покровка и датированного V в. до н.э., происходят «обоймы с гвоздиками», которые напоминают золотую обкладку деревянного сосуда (рис. 1, 2) из кургана 5 могильника Березки I [26, рис. 16, 2п-2о]. Эти находки свидетельствуют в пользу V в. до н.э. как наиболее вероятной даты кургана. Вместе с тем в состав анализируемого комплекса вещей входит округлая глазчатая бусина темно-синего цвета (рис. 13, 1а), отнесенная В.А. Скарбовенко к типу 84а по классификации Е.М.

Алексеевой [24, с. 393]. Бусы этого типа получили распространение лишь с IV в. до н.э. [1, с. 68, 75, 76, 53]. В результате дата рассматриваемого кургана может быть определена как время на рубеже V и IV вв. до н.э. Для рассматриваемого кургана была получена радиоуглеродная дата. Анализ выполнен в радиоуглеродной лаборатории Института истории материальной культуры РАН (г. Санкт-Петербург). Полученная дата (Le-7199) – 2480 ± 100 BP. Калибровочный возраст погребения при 1σ (68,2% вероятности) укладывается в период с 770 г. до н.э. по 420 г. до н.э. Время совершения погребения предстает более ранним, чем дата, которую дает комплекс вещей, даже если отдать предпочтение наиболее позднему отрезку времени в пределах этого периода. Если же рассматривать калибровочный возраст при 2σ (95,4% вероятности), то он укладывается в период между 810 и 390 гг. до н.э. В данном случае верхняя граница этого интервала совпадает с датой погребения, полученной при анализе времени распространения вещей. Таким образом, за верхнюю границу даты погребения в кургане 5 могильника Березки I следует принять первое десятилетие IV в. до н.э. [20, с. 231-233].

Все перечисленные выше погребальные комплексы, безусловно, следует рассматривать как захоронения кочевников, имевших высокий социальный статус в обществе. Этот статус нашел отражение в значительных размерах могильных ям и курганных насыпей, сложности возведения погребальных сооружений, наличии сопровождающих человеческих захоронений, погребений коней, использовании коня при совершении тризн и в качестве заупокойной пищи умерших, наличии дорогих предметов в составе сопровождающего инвентаря (доспехов, стеклянных импортных сосудов, предметов из золота), использовании нескольких видов животных в качестве жертвенных животных.

Вместе с тем эти курганы обладают набором характеристик, устойчивая взаимосвязь которых позволяет рассматривать их как особый тип погребальных памятников элиты кочевников Самаро-Уральского региона. Для этого типа характерен обычай возводить наземные погребальные сооружения из сырцовых глиняных кирпичей – своего рода мавзолее. Сооружения перекрывали деревянной конструкцией в виде шатра. Зафиксирована также плоская деревянная крыша, покрытая глиняными кирпичами. Важной и неотъемлемой конструктивной частью рассматриваемых курганов является вал, соорудившийся вокруг погребальной площадки. В одном случае вал выступал в качестве стен сооружения. Вал также служил опорой для перекрытий «мавзолеев». Устойчивой характеристикой рассматриваемых курганов является сожжение погребальных сооружений после завершения обрядовых действий. Могилы располагались внутри глиняных сооружений. Захоронения людей совершались на уровне древней поверхности, в простых грунтовых ямах, ямах со специально выделенными входами-дромосами. В тех немногих случаях, когда удавалось проследить ориентировку погребенных, они лежали головой в южном или западном направлении. Известные в настоящее время погребальные комплексы этого типа располагаются в Самарском Заволжье (в низовьях р. Самары) и на левобережье р. Илек в его нижнем течении (рис. 1). Период, когда эти курганы возводились кочевниками в степях Самаро-Уральского региона, приходится на конец VI – начало IV в. до н.э. Безусловно, необходима дальнейшая разработка вопросов хронологии данной группы погребальных комплексов. Необходимо также исследование вопроса об истоках рассматриваемых обрядовых погребальных традиций в культуре кочевников. Возможно, истоки этих традиций следует искать в пределах среднеазиатского или переднеазиатского очагов цивилизации [21, с. 74].

Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, региональный конкурс «Волжские земли в истории и культуре России» 2012.

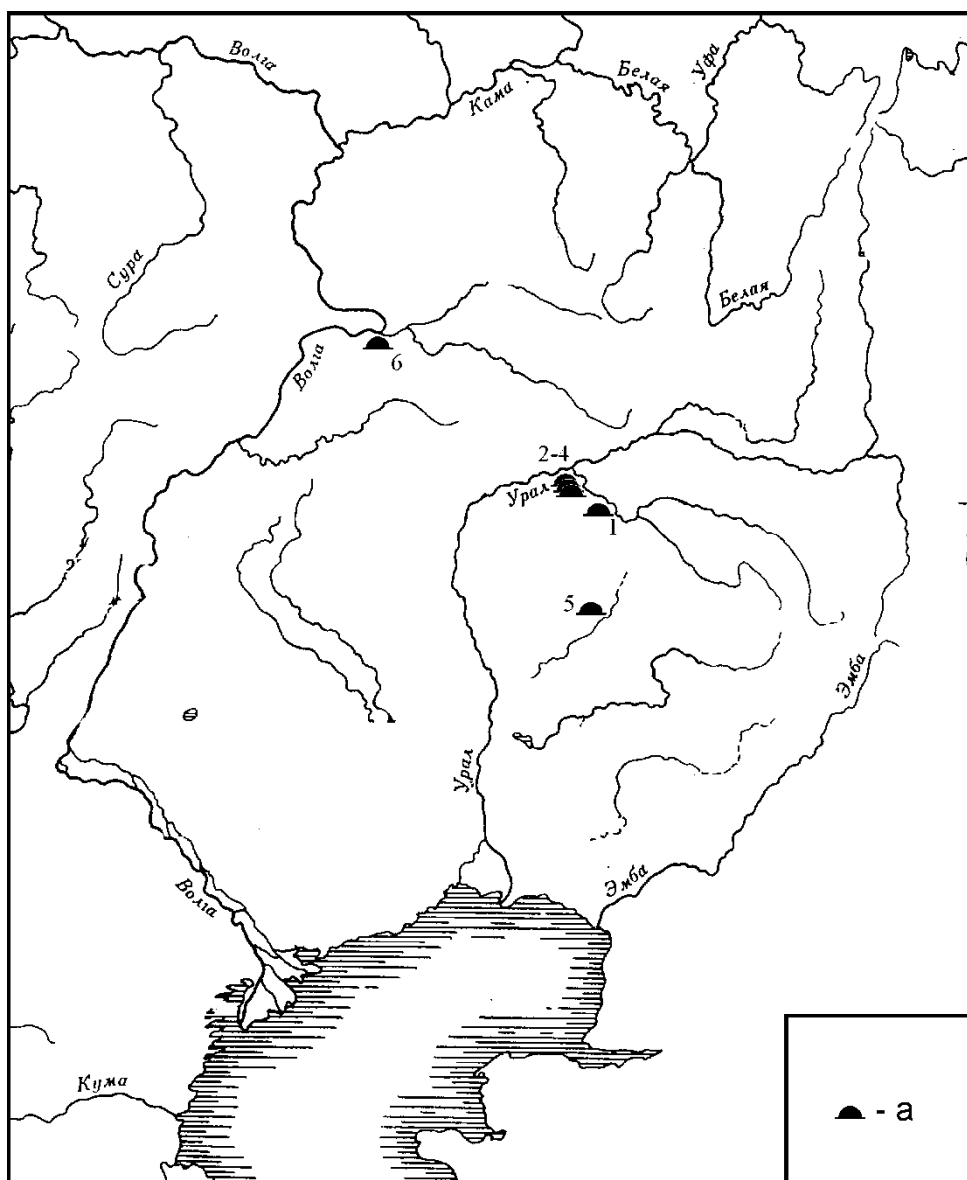

Рис. 1. Курганы кочевников скифского времени с глиняными наземными погребальными сооружениями:

а – курганы; 1 – могильник Илекшар I, курган 1; 2-4 – Кырык-Оба II, курганы 16, 18, 19; 5 – Лебедевка II, курган 6; 6 – Березки I, курган 5

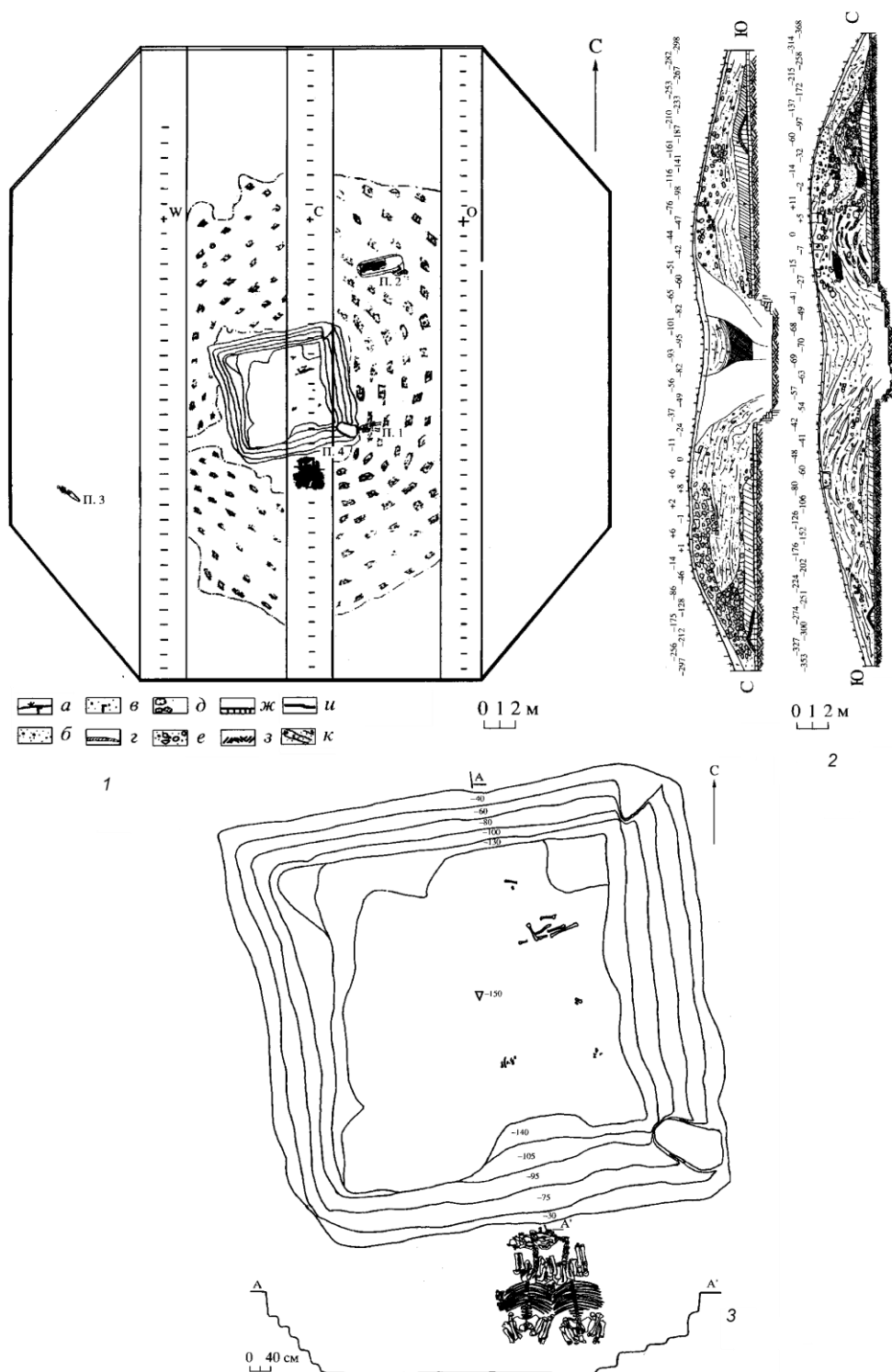

Рис. 2. Могильник Илекшар I. Курган 1: 1 – план; 2 – профили кургана; 3 – план и разрез погребения 4, захоронение коней
Условные обозначения: а – гумус; б – суглинок; в – гумусированный суглинок (выкид); г – грунтовая «подушка»; д – глиняные блоки; е – развал глиняных блоков; ж – погребенная почва; з – материк; и – слой материковой глины; к – развалы сооружения

Рисунок приводится по: Гуцалов С.Ю., 2009

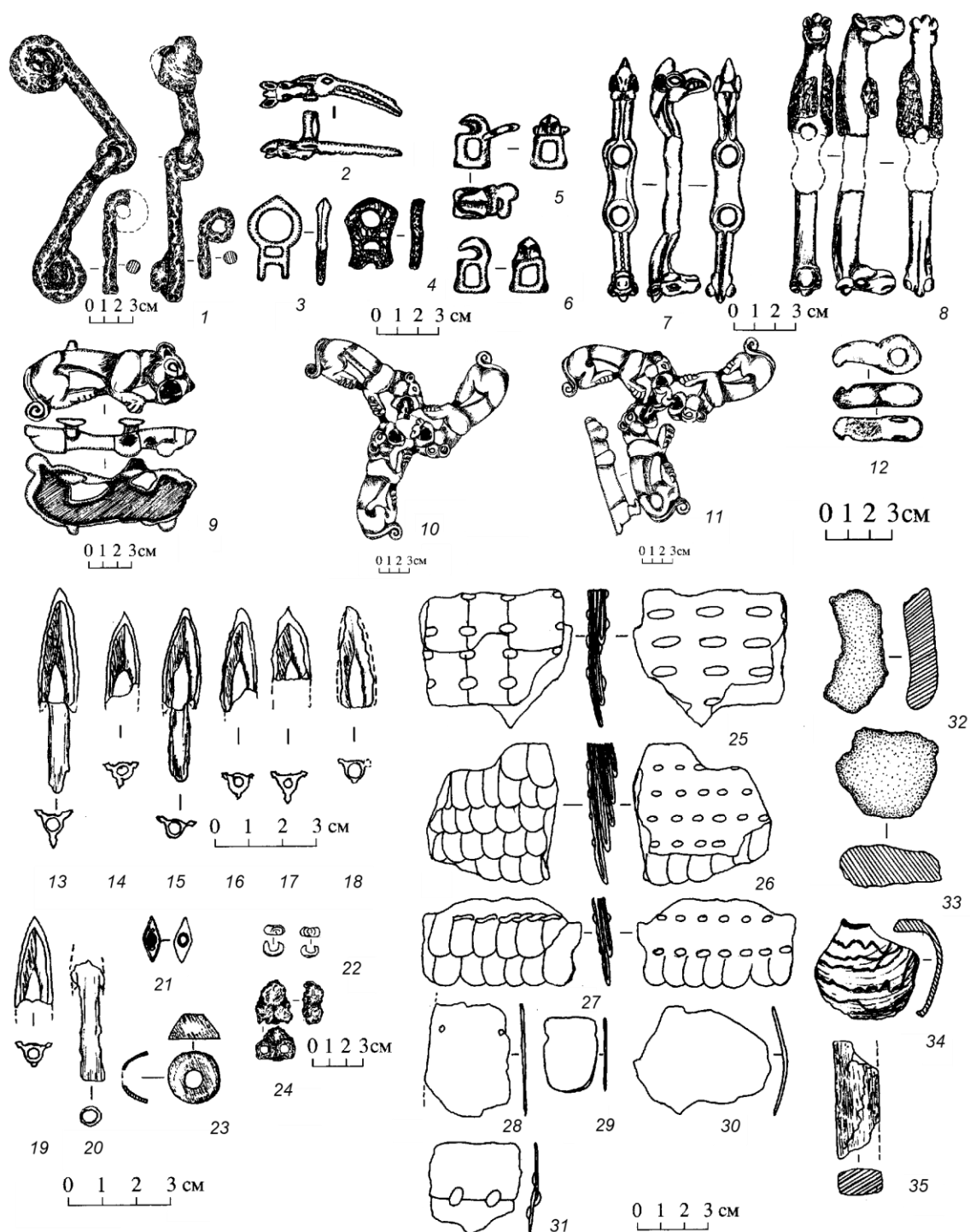

Рис. 3. Могильник Илекшар I. Погребение 4 в кургане 1. Инвентарь: 1 – удила; 2 – подвеска сбруи; 3-4 – сбруйные пряжки; 5-6 – обоймы для перекрестных ремней сбруи; 7-8 – пса́лии; 9-11 – сбруйные бляхи; 12 – пронизь сбруи; 13-20 – наконечники стрел; 21 – бляшка; 22 – пронизки; 23 – бляшка; 24 – железный предмет; 25-31 – пластины панциря; 32-33 – фрагменты лепного сосуда; 34 – фрагмент стеклянного сосуда; 35 – фрагмент меча (2, 3, 5-7, 9-20, 23, 28-30 – бронза; 1, 4, 24, 35 – железо; 34 – стекло; 21 – золото; 32-33 – глина; 8, 25-27, 31 – бронза и железо; 22 – железо и золото)

Рисунок приводится по: Гуцалов С.Ю., 2009.

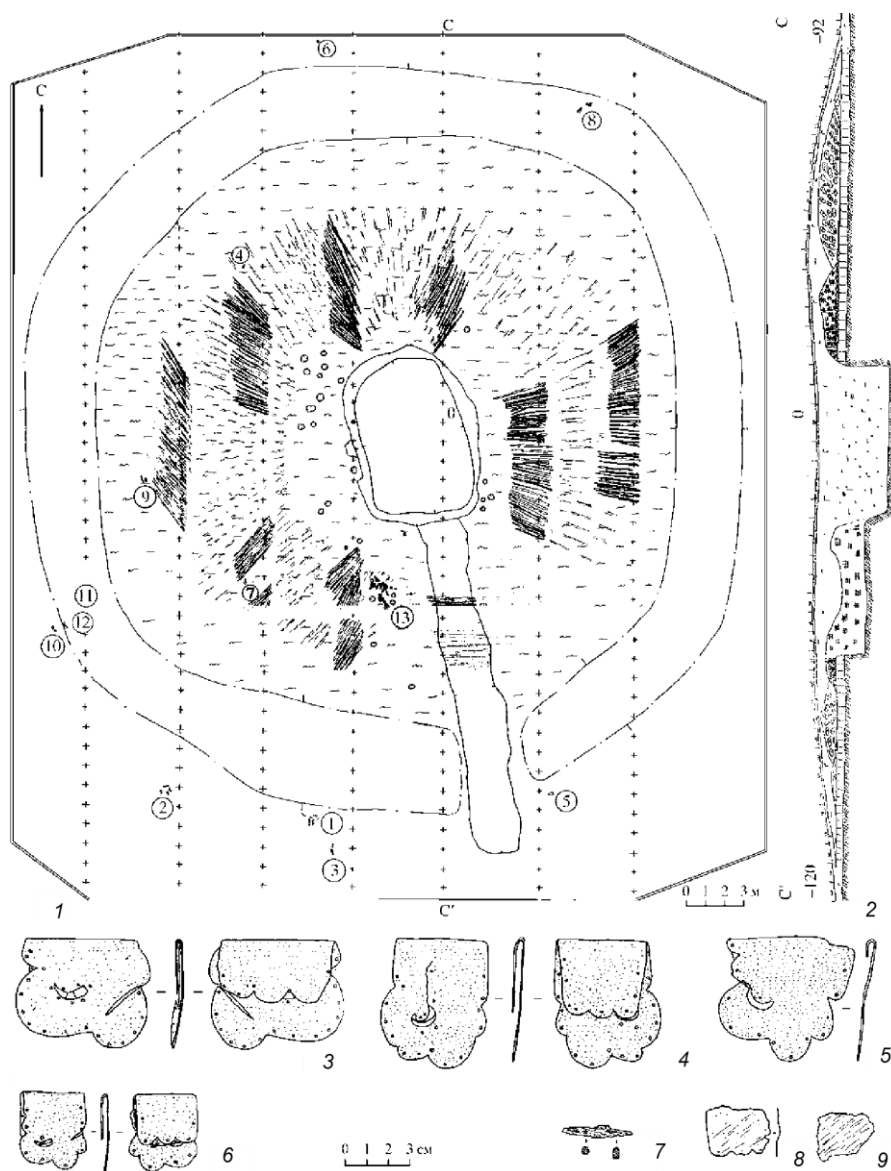

Рис. 4. Могильник Кырык-Оба II, курган 16. План и профиль кургана, инвентарь из могильной ямы: 1 – план кургана; 2 – профиль (вид с востока); 3-6 – золотые оковки деревянного сосуда; 7-9 – железные предметы

Рисунок приводится по: Гуцалов С.Ю., 2010.

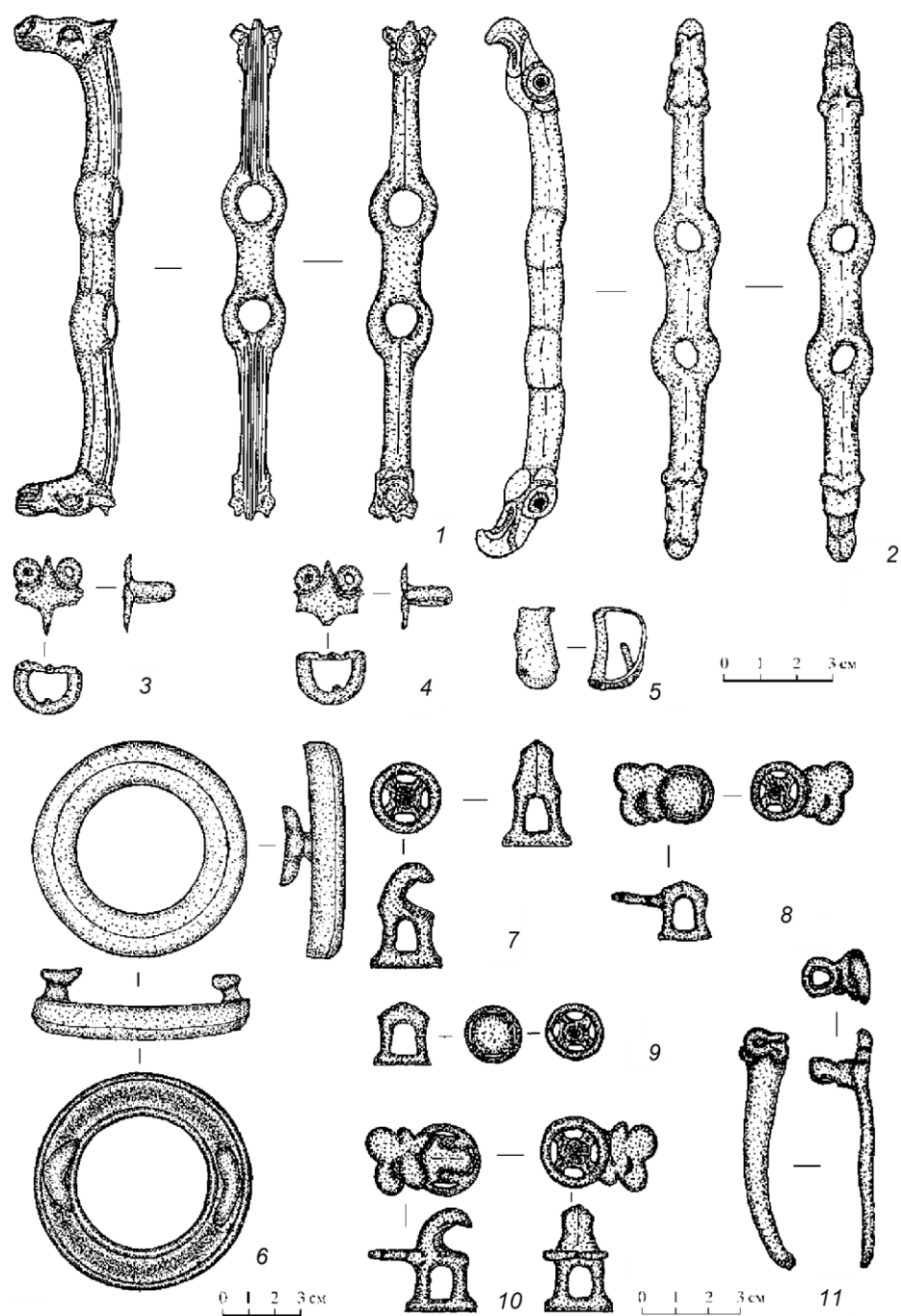

Рис. 5. Могильник Кырык-Оба II, курган 16. Предметы конской сбруи, обнаруженные в юго-западной поле кургана: 1-2 – псалии, 3-5 – бляшки; 6 – пряжка; 7-10 – обоймы для перекрестных ремней; 11 – подвеска. Все – бронза

Рисунок приводится по: Гуцалов С.Ю., 2010.

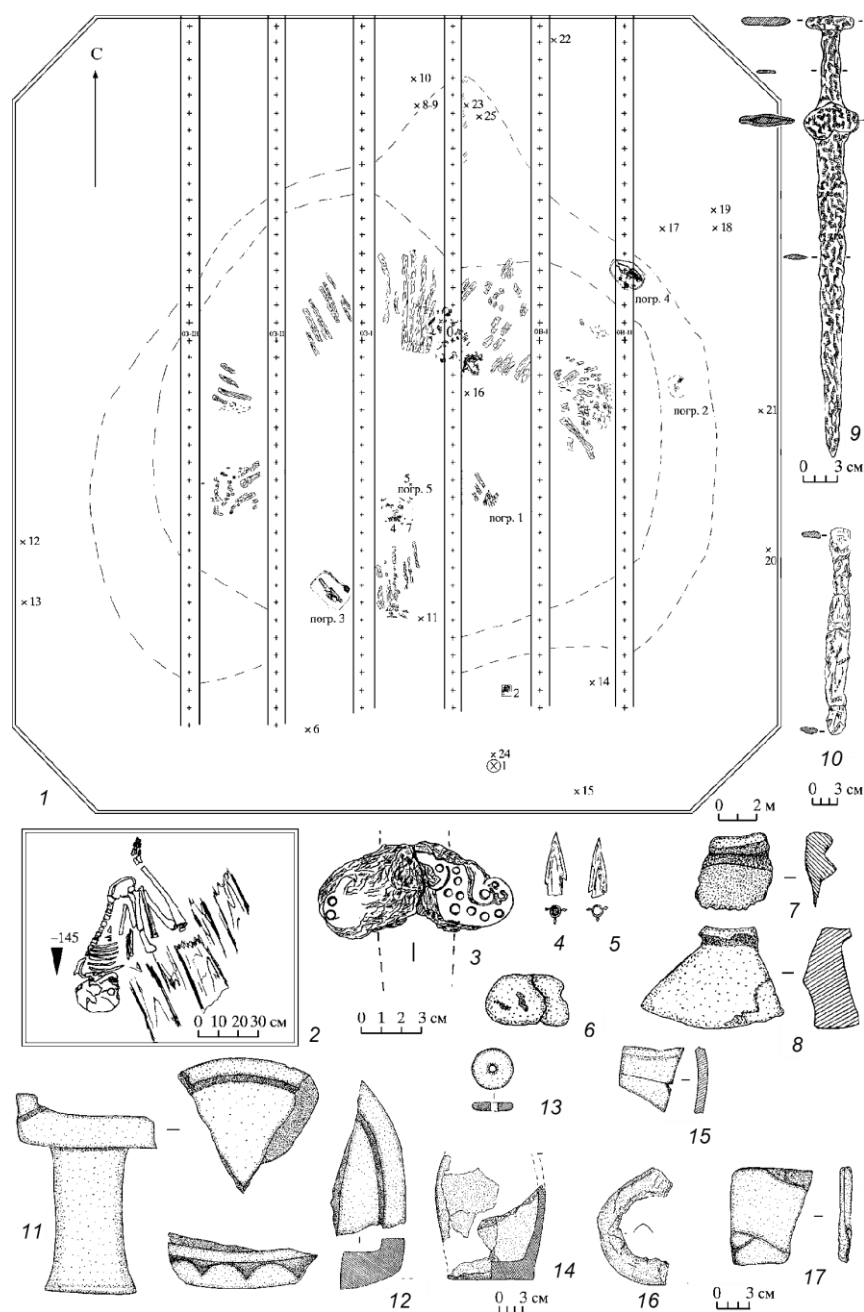

Рис. 6. Могильник Кырык-Оба II, курган 18: 1 – план кургана; 2 – план погребения 2; 3 – фрагмент меча; 4-5 – наконечники стрел; 7, 8, 15 – фрагменты сосудов; 9 – кинжал; 10 – железный предмет; 11-12 – фрагменты алтарей; 14 – сосуд; 16 – фрагмент кольца; 6, 17 – каменные предметы (3 – железо и золото; 9, 10 – железо; 4, 5 – бронза; 7, 8, 14, 15 – глина; 6, 11, 12, 17 – камень; 16 – золото)

Рисунок приводится по: Гуцалов С.Ю., 2010.

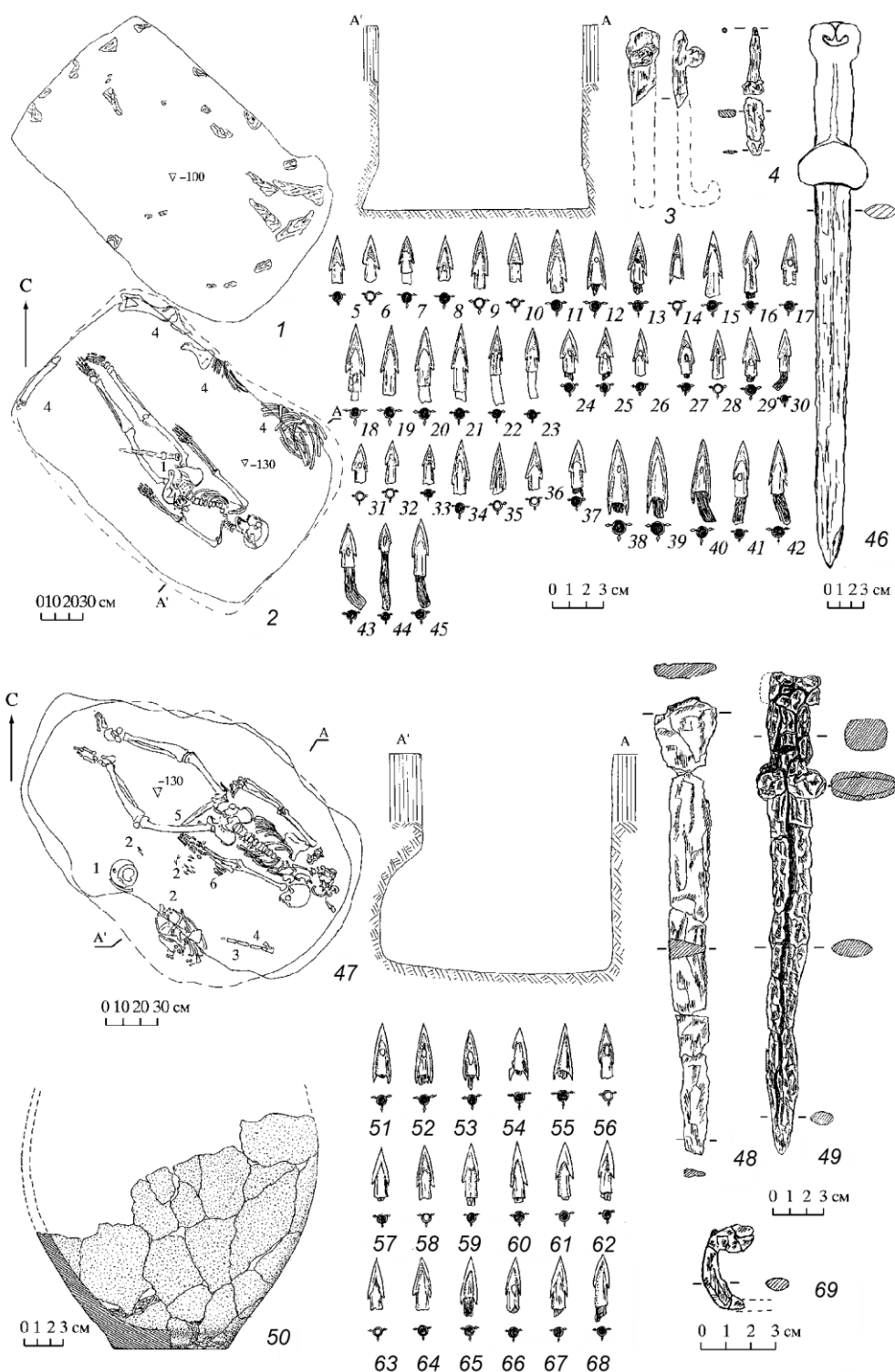

Рис. 7. Могильник Кырык-Оба II, курган 18, погребения 3 и 4: 1-2 – план погребения 3; 3 – крючок из погр. 3; 4 – нож из погр. 3; 5-45 – наконечники стрел из погр. 3; 46 – кинжал из погр. 3; 47 – план и разрез погребения 4; 48 – нож; 49 – кинжал; 50 – сосуд; 51-68 – наконечники стрел, 69 – крючок. 3-46 – погребение 3; 48-69 – погребение 4 (2, 3, 46, 47, 48, 69 – железо; 5-45, 51-68 – бронза; 50 – глина)

Рисунок приводится по: Гуцалов С.Ю., 2010.

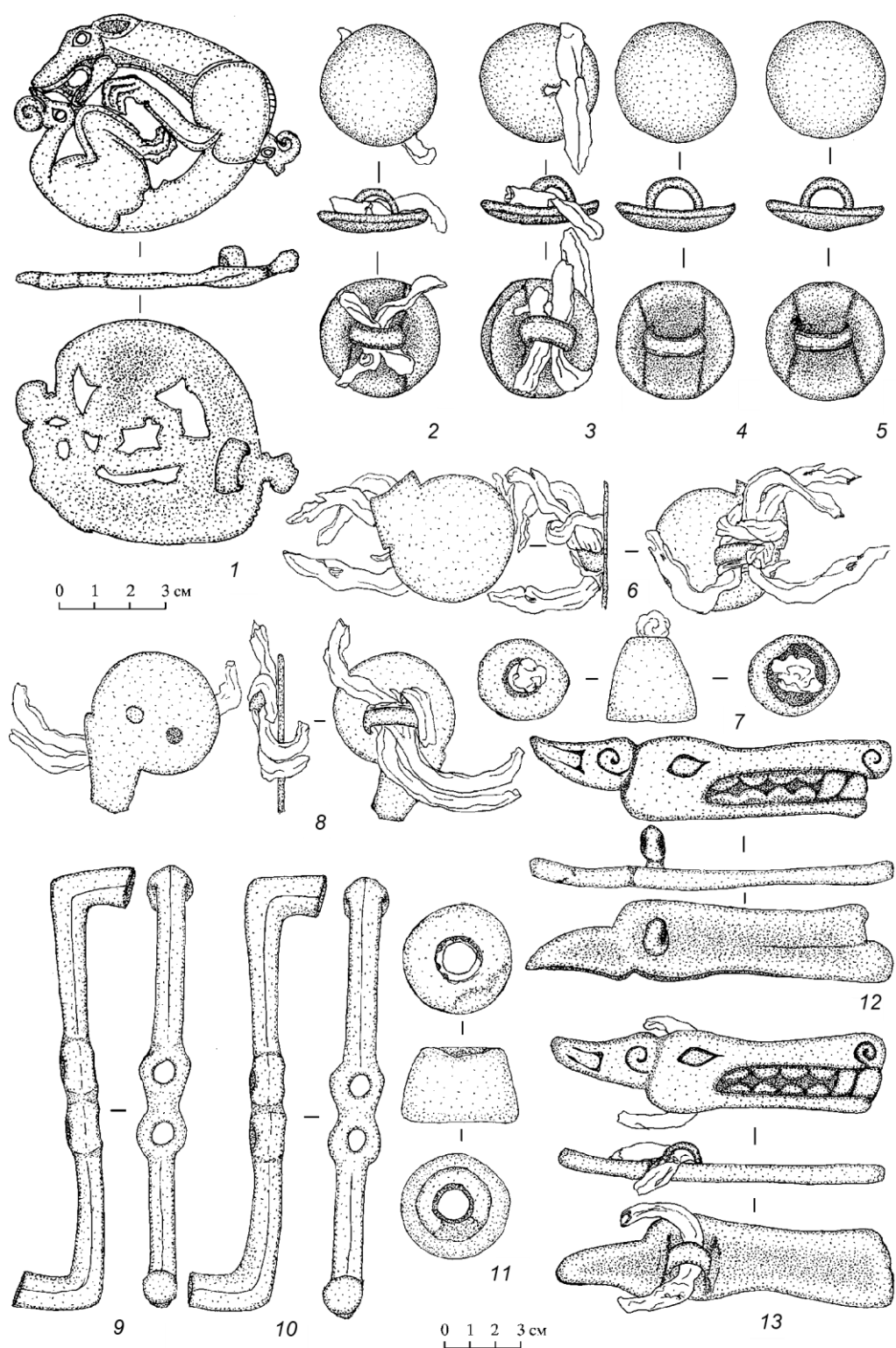

Рис. 8. Могильник Кырык-Оба II, курган 18. Комплект конской узды из южной половины кургана. 1, 4, 5, 9, 10, 12 – бронза; 11 – известняк; остальное – бронза и кожа

Рисунок приводится по: Гуцалов С.Ю., 2010.

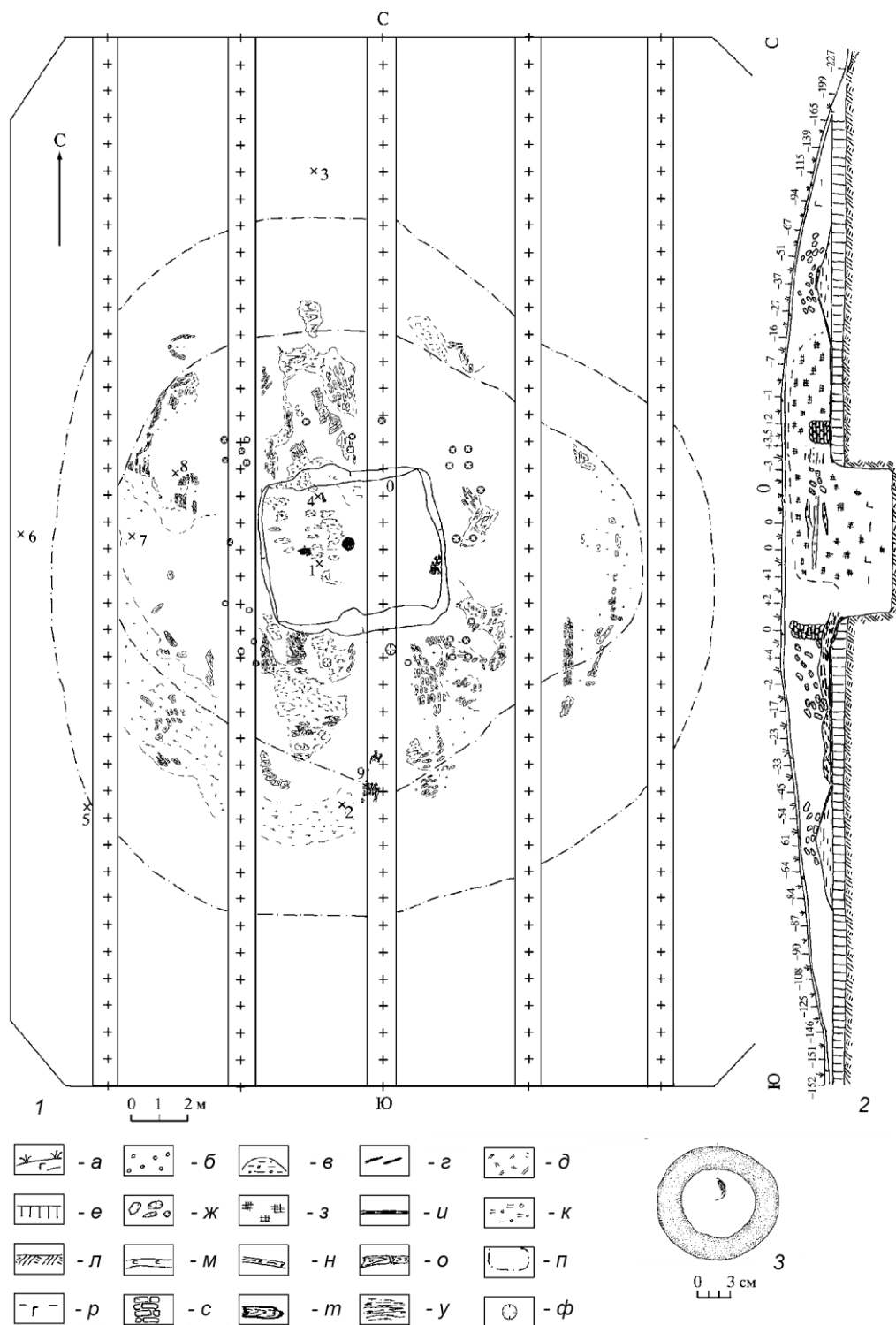

Рис. 9. Могильник Кырык-Оба II, курган 19: 1 – план; 2 – профиль; 3 – золотая обкладка железного подпружного кольца

Условные обозначения: 1 – гумус; 2 – погребенная почва; 3 – материк; 4 – насыпь; 5 – глина; 6 – саманные блоки; 7 – развал самана; 8 – саманная кладка; 9 – глиняно-гравийный вал; 10 – прокаленный грунт; 11 – зола и угли; 12 – обгоревшее дерево; 13 – сгоревшие жерди; 14 – слой пепла на погребенной почве; 15 – доски; 16 – кора; 17 – растительный тлен; 18 – суглинок; 19 – восстанавливаемый контур; 20 – столбовые ямки

Рисунок приводится по: Гуцалов С.Ю., 2010.

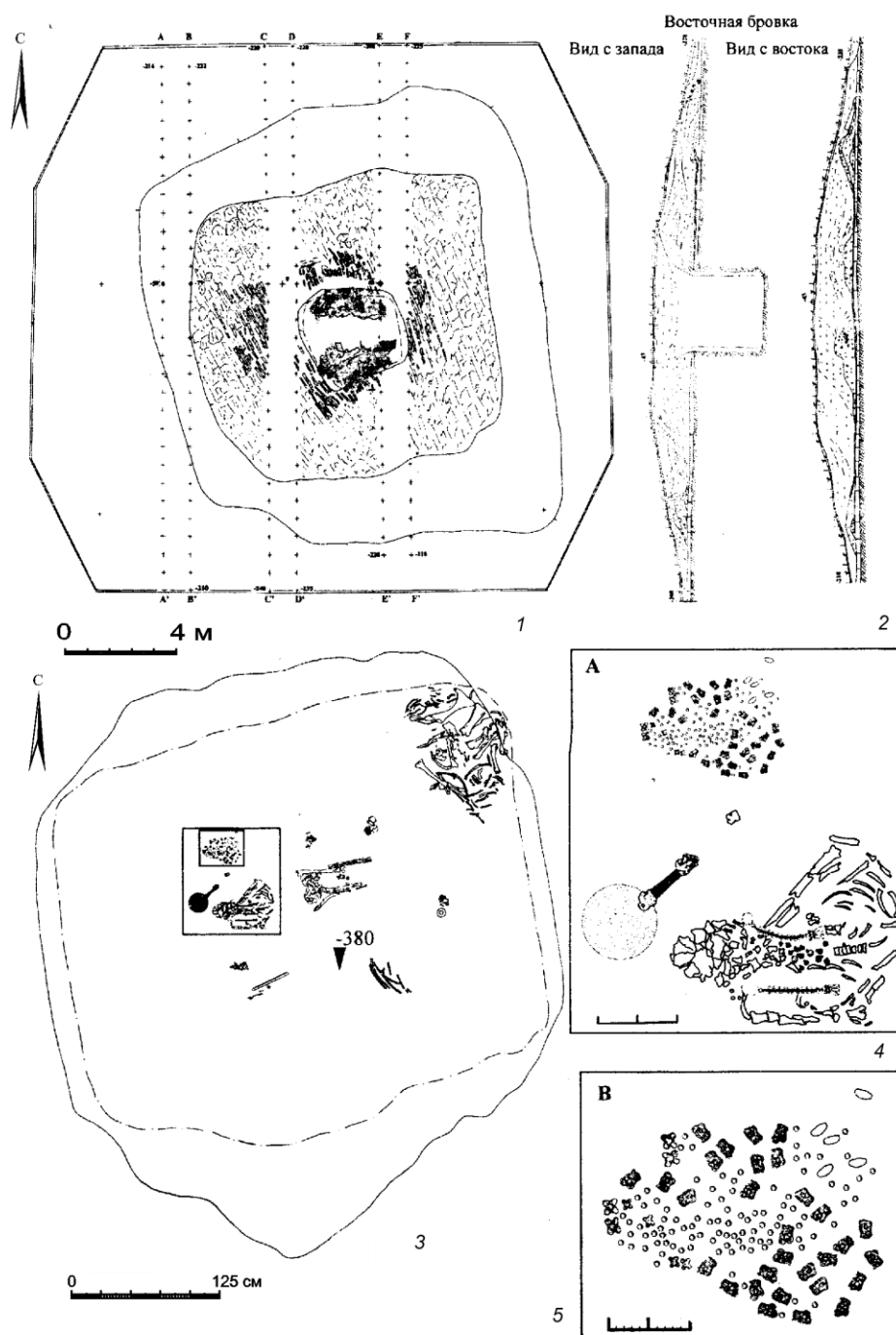

Рис. 10. Могильник Лебедевка II, курган 6:
1 – план; 2 – профиль; 3 – план погребения; 4 – деталь погребения; 5 – выноска
расположения золотых украшений у черепа погребенного

Рисунок приводится по: Гуцалов С.Ю., 2009.

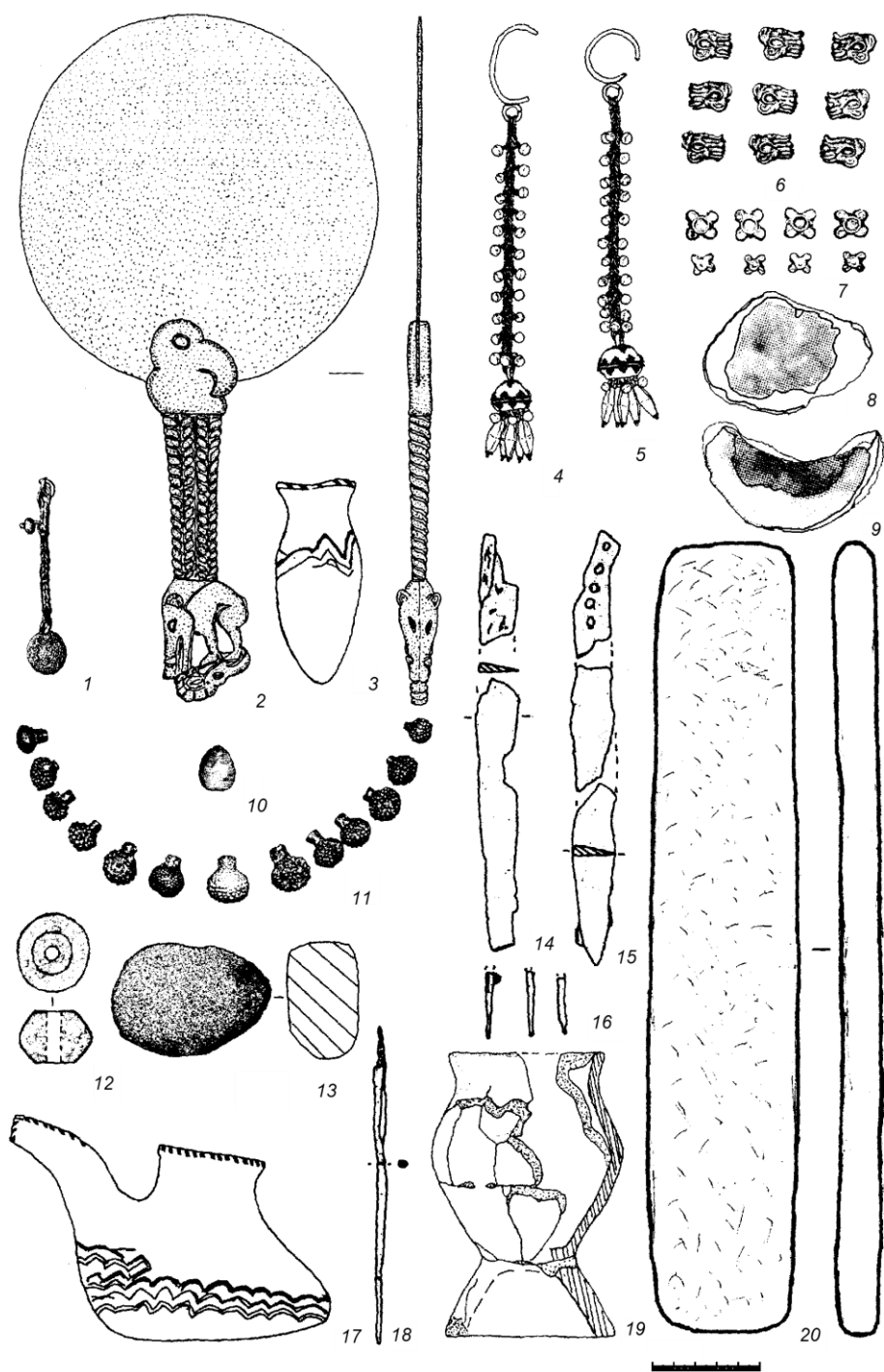

Рис. 11. Могильник Лебедевка II, курган 6, инвентарь из погребения:

1 – подвеска; 2 – зеркало; 3, 17 – сосудики; 4, 5 – подвески; 6, 7 – бляшки; 8, 9 – раковины; 10 – бусина; 11 – нашивки; 12 – пряслице; 13 – галька; 14, 15 – ножи; 18 – проколка; 19 – сосудик; 20 – оселок (1, 4-7, 11 – золото; 2 – бронза; 3, 17 – стекло; 12 – глина; 15-16, 18 – железо; 19 – глина; 13, 20 – камень)

Рисунок приводится по: Гуцалов С.Ю., 2009.

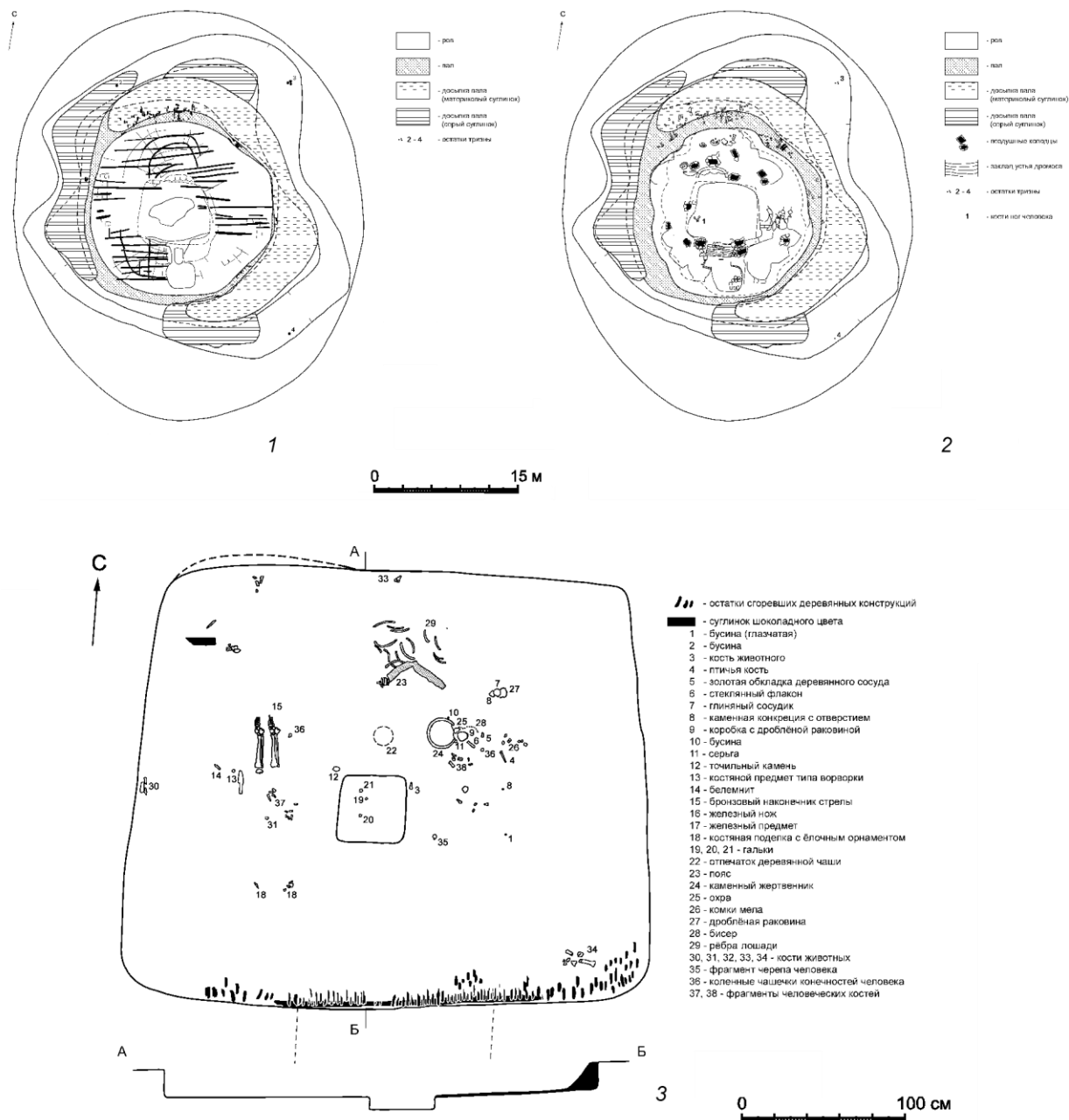

Рис. 12. Могильник Березки I, курган 5:

1 – план надмогильного сооружения на уровне кровли; 2 – план сооружения на уровне пола;
план погребения

Рисунок приводится по: Скарбовенко В.А., 2005.

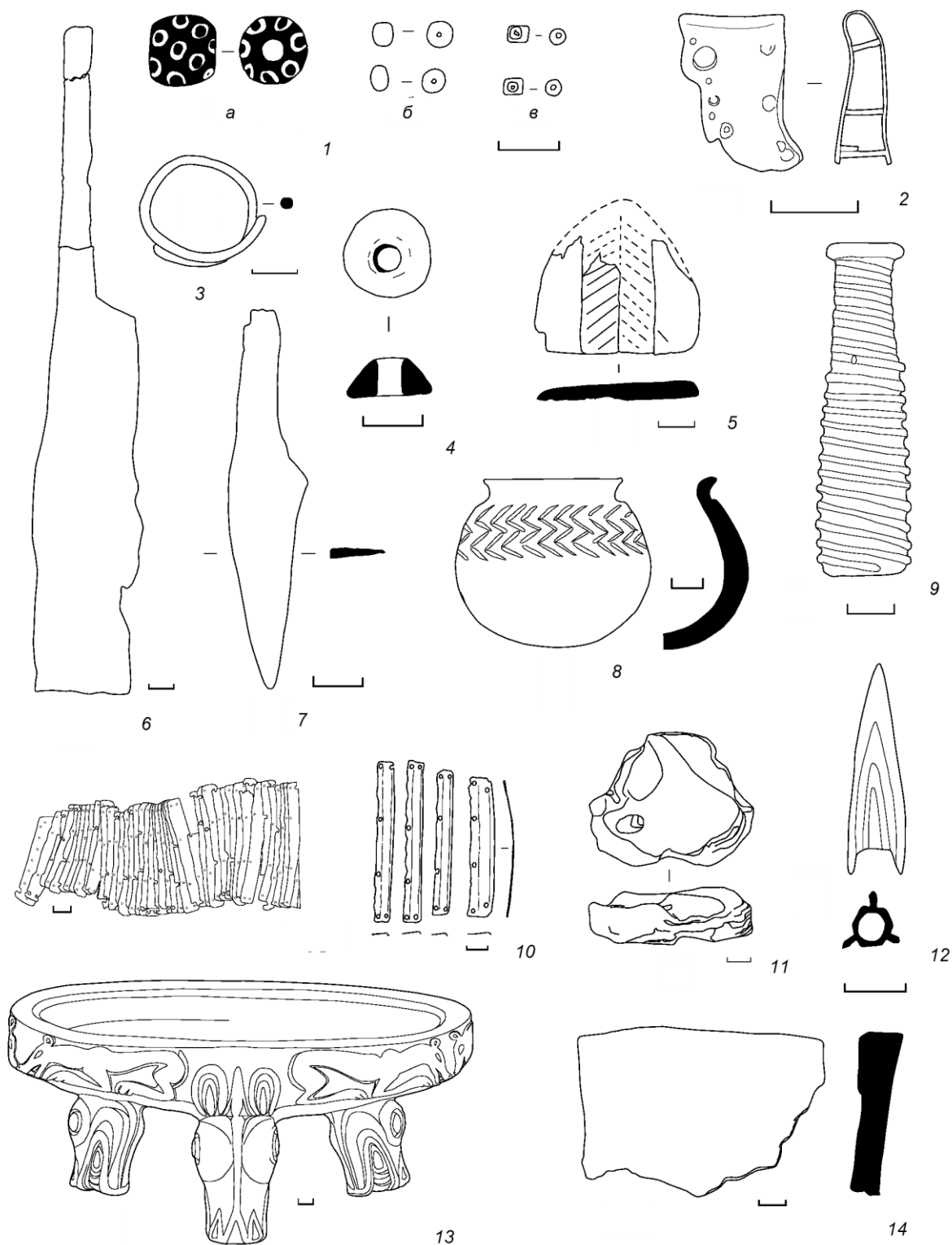

Рис. 13. Могильник Березки I, курган 5. Вещи из погребения:

1а-1в – бусины; 2 – обкладка края деревянного сосуда; 3 – серьга; 4 – ворворка; 5 – пластина; 6, 7 – ножи; 8 – миниатюрный сосудик; 9 – флакон; 10 – пластины портупейного пояса; 11 – конкреция; 12 – наконечник стрелы; 13 – алтарь; 14 – абразивная плитка (1а, 1в, 9 – стекло; 1б – сердолик; 2 – золото; 3 – серебро; 4, 5 – кость; 6, 7 – железо; 8 – глина; 10, 12 – бронза, 11, 13, 14 – камень)

Рисунок приводится по: Скарбовенко В.А., 2005.

Литература

1. Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья. САИ. 1975. Вып. Г1-12.
2. Васильев В.Н. К вопросу о сарматских каменных жертвенниках кочевников Южного Урала // Уфимский археологический вестник. Уфа, 1998. Вып. 1.
3. Гуцалов С.Ю. Погребальные памятники кочевой элиты Южного Приуралья середины I тыс. до н.э. // Археология, этнография и антропология Евразии. Магнитогорск, 2007. № 2.
4. Гуцалов С.Ю. Погребение знатного кочевника скифского времени в урочище Илекшар // РА. 2009. № 3.
5. Гуцалов С.Ю. Погребения скифской эпохи могильников Лебедевка II-III // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград, 2009а. Вып. 10.
6. Гуцалов С.Ю. Погребение сооружения могильника Кырык-Оба в Западном Казахстане // РА. 2010. № 2.
7. Гуцалов С.Ю. Этнокультурная специфика могильника Кырык-Оба II // РА. 2011. № 1.
8. Денисов А.В., Мышкин В.Н. Клинковое оружие кочевого населения бассейна реки Самары в VII-IV вв. до н.э. // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград, 2008. Вып. 9.
9. Кадырбаев М.К. Курганные некрополи верховьев р. Илек // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984.
10. Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж. Захоронение воинов савроматского времени на левобережье р. Илек // Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата, 1976.
11. Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж. Погребение жрицы, обнаруженное в Актюбинской области // КСИА. 1978. № 154.
12. Королькова Е.Ф. Звериный стиль Евразии. Искусство племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (VII-IV вв. до н.э.). Проблемы стиля и интерпретации. СПб., 2006.
13. Мажитов Н.А., Пшеничнюк А.Х. Переволочанский могильник // Курганы кочевников Южного Урала. Уфа, 1995.
14. Манцевич А.П. О скифских поясах // СА. 1941. VII.
15. Моргунова Н.Л., Трунаева Т.Н. Раскопки кургана 2 могильника Покровка 2 в 1991 году // Курганы левобережного Илека. М., 1993.
16. Мошкова М.Г. Ново-Кумакский курганный могильник близ г. Орска // Памятники скифо-сарматской культуры. МИА. 1962. № 115.
17. Мошкова М.Г. Савроматские памятники северо-восточного Оренбуржья // Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени. МИА. 1972. № 153.
18. Мошкова М.Г. Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. М., 1974.
19. Мышкин В.Н. Погребальная обрядность социальной элиты кочевников Самаро-Уральского региона в VI-V вв. до н.э. (к проблеме формирования прохоровской культуры) // Погребальный обряд ранних кочевников Евразии. Материалы VII Международной научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории» (11-15 мая 2011 г.). Ростов-на-Дону, 2011.
20. Мышкин В.Н. О дате кургана 5 могильника Березки I // Известия СНЦ РАН. 2012. Т. 14. №3.
21. Мышкин В.Н., Скарбовенко В.А., Хохлов А.А. Кочевники Самарского Поволжья во второй половине I тысячелетия до н.э. // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология. Материалы IV международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Самара, 2000.
22. Очир-Горяева М.А. Уздечные наборы скифской эпохи // Liber archaeologicae: сборник статей, посвященный 60-летию Б.А. Раева. Краснодар, Ростов-на-Дону, 2006.

23. Скифы западного Казахстана. Алматы, 2007.
24. Скарбовенко В.А. Погребальный комплекс эпохи раннего железа в кургане 5 могильника Березки I // Древности Евразии от ранней бронзы до раннего Средневековья. Памяти Валерия Сергеевича Ольховского. М., 2005.
25. Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов. М., 1961.
26. Смирнов К.Ф. Савроматы. М., 1964.
27. Смирнов К.Ф. Сарматы на Илеке. М., 1975.
28. Смирнов К.Ф. Савромато-сарматский звериный стиль // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976.
29. Смирнов К.Ф. Богатые захоронения и некоторые вопросы социальной жизни кочевников Южного Приуралья в скифское время // Материалы по хозяйству и общественному строю племен Южного Урала. Уфа, 1981.
30. Смирнов К.Ф., Петренко В.Г. Савроматы Поволжья и Южного Приуралья. САИ. 1961. Вып. Д1-9.
31. Таиров А.Д. Периодизация памятников ранних кочевников Южного Зауралья 7-2 вв. до н.э. // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Доклады к 5 международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Краснодар, 2004.
32. Тейстер М.Ю. Стекланные сосуды в «технике сердечника» из раннесарматских погребений Южного Приуралья // Материалы XVIII уральского археологического совещания. Уфа, 2010.
33. Федоров В.К., Васильев В.Н. Яковлевские курганы раннего железного века в Башкирском Зауралье // Уфимский археологический вестник. Уфа, 1998.
34. Черненко Е.В. Скифский доспех. Киев, 1968.
35. Яблонский Л.Т., Трунаева Т.Н., Веддер Дж., Дэвис-Кимболл Дж., Егоров В.Л. Раскопки курганных могильников Покровка 1 и Покровка 2 в 1993 году // Курганы левобережного Илека. М., 1994.

УДК 902/904

© 2012 **Матвеева Г.И.**, Вязов Л.А., Гасилин В.А.,
Ломейко П.В., Серых Д.В., Скарбовенко В.А., Хохлов А.А.

ИССЛЕДОВАНИЯ ГОРОДИЩА ЛБИЩЕ В 2003 Г.⁹

Статья вводит в научный оборот материалы исследований городища Лбище (Самарская область, Ставропольский район) в 2003 г. В ходе раскопок, проведенных под руководством Г.И. Матвеевой, были выявлены очажные котлованы двух жилищ, остатки наземного сооружения и безинвентарное погребение. Комплекс находок с городища Лбище относится к двум эпохам – I тыс. до н.э. (городецкая культура) и второй четверти I тыс. н.э. (лбищенский тип).

Ключевые слова: городище Лбище, Самарская Лука, ранний железный век, раннее Средневековье, селище, жилище, погребение.

В июле 2003 года Средневолжская археологическая экспедиция Самарского государственного университета произвела раскопки городища Лбище,

⁹ Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ, проект № 12-11-63005 «Изучение археологической коллекции с городища Лбище».

расположенного в южной части Самарской Луки. В ходе работ на городище было вскрыто 148 кв. м площади культурного слоя и исследовано два жилищных котлована. Результаты исследований были опубликованы в сжатом виде в 2004 г. (Матвеева, Вязов, Гасилин, 2004); целью настоящей статьи является введение в научный оборот всех полученных в ходе раскопок материалов.

Городище Лбище находится в 1,5 км к западу от пристани Лбище и в 5 км к юго-востоку от с. Севрюкаево Ставропольского района Самарской области, на территории государственного природного национального парка «Самарская Лука» (рис. 1). Оно расположено на мысу обрывистого коренного берега р. Волги, высота которого достигает 50 м над уровнем воды. С западной и восточной сторон площадка городища ограничена оврагами с крутыми труднодоступными склонами, с юга она так же круто обрывается к р. Волге, а с севера защищена оригинальной системой оборонительных сооружений в виде вала с выступающими полукруглыми бастиями, обращёнными к напольной стороне. Аналогичную систему укреплений имеет Переволокское городище, расположенное на Самарской Луке в 19 км западнее городища Лбище [14; 1, с. 85-98]. Площадь городища Лбище в пределах укреплений и естественных границ составляет 70 000 кв. м. Поверхность городища до конца 70-х годов XX века распахивалась.

История изучения городища Лбище

Сведения о существовании оборонительных сооружений около с. Севрюкаево впервые были зафиксированы исследователями еще на рубеже XIX-XX вв. В.Н. Поливанов, ссылаясь на сообщение исправника, пишет об «остатках древнего укрепления», называемого «Севрюкаевское лбище» (Поливанов, 1900. С. 39).

Впервые городище было осмотрено специалистами в 1922 г. Экспедиция под руководством В.В. Гольмстен в процессе обследования территории между селами Лбище и Севрюкаево получила от местных жителей сведения о наличии на одном из береговых мысов древних укреплений. Мыс был осмотрен отрядом экспедиции под руководством А.А. Марущенко, который сделал вывод о естественном происхождении укреплений. Соответственно городище тогда не попало в список памятников археологии (РА ИИМК. Ф. 44. Д. 1).

В начале 1970-х гг. памятник был вновь открыт архитектором и краеведом Е.Ф. Гурьяновым. В 1973 г. в сопровождении Е.Ф. Гурьянова разведочный отряд Куйбышевского государственного университета под руководством Г.И. Матвеевой обследовал городище (Матвеева Г.И., 1998. С. 77). Был собран подъемный материал, отнесенный к городецкой и именьковской культурам. Земляных работ тогда проведено не было, поэтому время сооружения укреплений осталось неясным.

С 1981 г. были начаты планомерные археологические исследования городища. Э.Л. Дубман снял инструментальный топографический план памятника (рис. 1). В том же году А.В. Расторопов с отрядом археологического кружка Куйбышевской станции юных туристов впервые провел раскопки на городище Лбище. В северо-западной части городища был заложен раскоп I площадью 176 кв. м, а в 40 м к юго-востоку от него – раскоп II площадью 24 кв. м (Расторопов, 1985). В раскопах были изучены несколько сооружений, в том числе очажные котлованы жилищ. Полученный в результате раскопок материал исследователь разделил на две группы. Первая из них, представленная отдельными фрагментами керамики с рогожным орнаментом, была отнесена к городецкой культуре. Характеризуя вторую группу керамического материала, А.В. Расторопов отметил, что она «близка именьковской», но «имеет особенности, характерные для керамики зарубинецкой культуры». На основании этого он сделал предположение о том, что «городище Лбище является как бы связующим звеном между памятниками зарубинецкой и именьковской культуры» (Расторопов, 1985. С. 105-106). Таким образом, уже первые

раскопки памятника поставили проблему интерпретации материалов городища Лбище и определения их места в системе археологических культур Восточной Европы I тыс. н.э.

Своеобразие полученных материалов сделало актуальным дальнейшее исследование городища. В течение трех полевых сезонов 1982-84 гг. на городище проводила работу Средневолжская археологическая экспедиция Куйбышевского государственного университета под руководством Г.И. Матвеевой. В 1982 г. были заложены раскоп III и раскоп IV общей площадью 1816 кв. м, на которых выявлены углубленные в материк части 14 жилищ, прослежены остатки их наземных деревянных конструкций (Матвеева, 1984 С. 159-160). В 1983 г. на раскопе III было вскрыто еще 1180 кв. м, на которых исследовано 33 сооружения, и начато изучение оборонительных сооружений. В культурном слое были найдены четыре человеческих костяка (Матвеева, 1985. С. 162-163). В 1984 г. на городище было вскрыто еще 512 кв. м, на которых было изучено еще 13 сооружений. Также было выявлено 8 разновременных погребений. Некоторые погребения были определены как синхронные основному культурному слою городища, а три отнесены к новинковскому типу и датированы концом VII – первой половиной VIII вв. (Матвеева, 1986. С. 141-142).

В ходе исследований был получен богатый материал, включающий многочисленные развалы сосудов – груболепных горшков и лепных лощеных мисок, украшения и детали костюма, предметы кузнечного инвентаря и др. Это позволило Г.И. Матвеевой выделить особый лбищенский тип памятников и датировать его III-IV вв. н.э. (Матвеева, 1986. С. 161-162).

Отмечая сходство материалов лбищенского типа с именьковской культурой и славкинским типом памятников, Г.И. Матвеева предложила единую культурно-хронологическую схему развития древностей Среднего Поволжья в первой половине – середине I тыс. н.э. В этой схеме лбищенским древностям отводилась роль одного из компонентов формирования именьковской культуры. Впоследствии, датируя саму именьковскую культуру V-VII вв. н.э., Г.И. Матвеева определила древности лбищенского типа как ранний этап именьковской культуры, датирующийся IV в. н.э. (Матвеева, 1998; 2003 и др.).

Уже на этом этапе появились исследования, посвященные анализу отдельных категорий артефактов. Особенности керамического комплекса городища Лбище нашли отражение в работах Н.П. Салугиной (Салугина, 1986, 1988, 2000). Osteологические материалы раскопок 1980-х гг. были проанализированы А.Г. Петренко (Петренко, 1998). Жилища городища Лбище рассматривались Н.А. Лифановым (Лифанов, 2000).

В 2000-е годы начинается новый этап исследования городища Лбище, ознаменовавшийся возобновлением полевых исследований памятника, а также появлением новых интерпретаций материалов, полученных ранее. В 2001 г. в ходе осмотра памятника Г.И. Матвеевой было выявлено, что местные жители начали добывать песок на его территории, повредив центральный бастион вала. В 2002 году Г.И. Матвеева провела охранно-спасательные раскопки на городище, которые были продолжены в 2003 году. После этого городище не подвергалось исследованиям. Общая исследованная площадь на городище составила почти 4 тыс. кв. м.

Материалы из раскопок городища неоднократно становились предметом рассмотрения как в специальных статьях, так и в обобщающих исследованиях (Матвеева, 2000; 2001; 2003; Богачев, 2011; и др.). Исследователи в начале XXI в. вновь обращаются к проблеме культурно-хронологической интерпретации лбищенских древностей. Г.И. Матвеева выделила среди материалов городища комплекс находок, относящихся к первым векам н.э. (Матвеева, 2003). А.М. Обломский обратился к вопросу об

интерпретации одной из категорий керамической посуды городища Лбище – мисок с зигзагообразным профилем (Обломский, 2005).

По-прежнему актуальной остается проблема соотношения лбищенских и именьковских древностей. Г.И. Матвеева, подводя некоторые итоги изучения именьковской культуры, фактически возвращается к своему первоначальному тезису о выделении городища Лбище и близких к нему памятников в отдельную группу. По её мнению, материальная культура этих памятников оказала влияние на формирование именьковских древностей Самарской Луки (Матвеева, 2008).

Д.А. Сташенков предложил уточнить культурно-хронологическую схему Г.И. Матвеевой, отводя памятникам лбищенского типа роль особой культурно-хронологической группы, не связанной напрямую с генезисом именьковской культуры и синхронной ее раннему этапу (Сташенков, 2010).

На сегодняшний день наиболее актуальной задачей остается полноценное введение в научный оборот накопленных материалов с городища Лбище и их дальнейший детальный анализ.

Общая характеристика раскопа 2003 г.

В 2003 г. в северной части площадки городища был заложен раскоп VIII (рис. 1; 2)¹⁰. Раскоп VIII примыкал к северной части раскопа III 1982 г. и к восточному краю грабительского раскопа, заложенного неизвестными в 1992 или 1993 году. Первоначальная площадь раскопа составила 96 кв. м, в ходе работ она была увеличена до 148 кв. м за счет прирезок в северной и юго-восточной части.

Характеристика культурного слоя. Культурный слой памятника сложен супесью серо-коричневого цвета, материк – светло-желтым песком. Мощность культурного слоя в раскопе VIII варьирует в интервале 20–50 см. На всей исследованной площади стратиграфически выделяются только дерновый слой мощностью 4–6 см и перепаханный культурный слой мощностью до 30 см. В нижней части перепаханного культурного слоя отмечены скопления продуктов горения, фиксировавшиеся в виде темно-серых прослоек и пятен. Нижняя граница культурного слоя на большей части площади раскопа резкая и четкая. Отдельные пахотные борозды проникали более глубоко, иногда нарушая верхнюю часть материка; они четко прослеживались на зачистках первого и второго пластов, а также на профилях раскопа. В юго-восточной части раскопа, в кв. 19–20, 23–24, 30–37 под слоем перепаханной серо-коричневой супеси залегал еще один слой – серо-коричневая супесь, смешанная с материковым песком и насыщенная продуктами горения. Возникновение описанного слоя предположительно связано с наличием в этой части раскопа сооружения наземного типа. В пользу этого предположения говорит скопление здесь значительного количества керамического материала, а также форма выявленного в кв. 37 сооружения 6, представляющего собой, вероятно, канавку от горизонтально лежавшего бревна (подробнее см. ниже). Следы еще одной подобной канавки прослежены на стенке бровки в кв. 31 и 33 в виде сажистых пятен овальной формы.

Культурный слой в границах раскопа VIII снимался пластами толщиной 18–20 см. Основная масса находок была сосредоточена в нижней части первого – верхней части второго пластов.

Находки из первого пласта представлены 169 фрагментами керамики, остеологическими кухонными остатками (151 кость, табл. 2-3), черешковым железным ножом (кв. 26; рис. 3.12), железным предметом восьмеркообразной формы (звено цепи?) (кв. 10; рис. 3.14) и двумя мелкими фрагментами бронзового шлака (кв. 31). В слое

¹⁰ В 2003 г. раскопки городища Лбище проводились на средства, полученные по гранту федеральной целевой программы «Интеграция науки и высшего образования России в 2002-2006 годах» (проект «Экспедиционные полевые исследования памятников раннего железного века и Средневековья Самарского Поволжья»).

встречались также небольшие известняковые камни. В кв. 4 и 8 они образовывали хаотичное скопление. Вероятно, камни связаны с функционированием сооружений 1 и 4, поблизости от котлованов которых они найдены. При снятии второго пласта найдены 367 фрагментов керамики и кости животных в количестве 171 единицы. Большая часть фрагментов (87%) была выявлена в виде скопления, зафиксированного в кв. 24, 37. Поскольку фрагменты тех же сосудов найдены в заполнении сооружения 6, они могут рассматриваться в качестве единого комплекса (его характеристику см. ниже). За пределами скопления керамики из кв. 24, 37 найден всего 31 фрагмент керамики. Вещей при снятии второго пласта не обнаружено.

Горшковидным сосудам с шероховатой (из-за присутствия зерен крупного шамота в формовочной массе) поверхностью принадлежит большая часть (69%, табл. 1) керамического материала из культурного слоя (за исключением кв. 24, 37, пласт 2). Форма сосудов не реконструируется из-за сильной фрагментированности материала.

Четыре из десяти найденных фрагментов венчиков сосудов этой группы имеют орнамент в виде пальцевых вдавлений. Два фрагмента венчика груболепного сосуда выявлены в кв. 4 и 8 на уровне пласта 1 (рис. 8а, 8б). Край венчика сосуда слегка отогнут наружу, уплощен и орнаментирован насечками по внешнему краю отогнутой части. Один фрагмент украшенного пальцевыми вдавлениями венчика груболепного сосуда найден в кв. 35, пласт 1 (рис. 3.6). Кроме того, в кв. 30 на уровне пласта 1 найден фрагмент лепного сосуда, украшенного небольшой налепной шишечкой (рис. 3.4). Поверхность сосуда неровная, в составе формовочной массы присутствует шамот. Толщина черепка 0,5 см.

Фрагменты *лощеной лепной посуды* составляют 28% керамики из культурного слоя (табл. 1). Определить, какая их часть принадлежит мискам, а какая – горшкам, не удастся. Достоверно относятся к мискообразным сосудам два фрагмента придонных частей, внешняя поверхность которых покрыта сплошным лощением (рис. 3.9; 3.11). Они обнаружены в кв. 13 и 8 на уровне пласта 1. Сосуды изготовлены из формовочной массы однородной плотной текстуры, в составе которой шамот визуально не прослеживается.

Круговая керамика из культурного слоя представлена всего двумя фрагментами (1%, табл. 1) – невыразительным фрагментом тонкой лощеной стенки сосуда (кв. 25, пласт 1) и фрагментом венчика лощеной миски (кв. 36, пласт 1 (рис. 3.1)). Венчик миски отогнут наружу и уплощен сверху. Цвет фрагмента бурый, внешняя поверхность покрыта сплошным лощением. Сосуд изготовлен из формовочной массы однородной плотной текстуры.

Кувшины представлены шестью фрагментами (2%, табл. 1). Пять из них найдены в кв. 30 на уровне пласта 1 и принадлежат, вероятно, одному сосуду. Наибольший интерес представляют два фрагмента горловины (в месте перехода к тулову сосуда), украшенные горизонтальными каннелюрами, поверх которых нанесено сетчатое лощение (рис. 3.3). Цвет фрагментов темно-серый. Внешняя поверхность сохранившейся части горловины покрыта сплошным лощением. Толщина черепка 0,4–0,6 см. Сосуд изготовлен из плотной однородной формовочной массы.

К другому кувшину относится грубо вылепленная ручка, найденная в кв. 22 на уровне второго пласта. Судя по сохранившемуся фрагменту, средняя часть ручки возвышалась над уровнем расположения верхнего крепления ее основания к стенке сосуда. Внешняя поверхность ручки украшена двумя рядами точечных вдавлений, нанесенных вдоль ее краев (рис. 3.13). В месте наибольшего расширения сохранившейся части ручка имеет сечение 1,5×0,6 см. Цвет темно-серый.

Характеристика сооружений. Всего в раскопе выявлено три крупных сооружений – очажных котлована наземных жилищ (сооружения 1, 3 и 4), одна яма

округлой формы (сооружение 5) и одна неглубокая ямка подпрямоугольных очертаний (сооружение 6). Ямы, обозначенные как сооружения 2 (кв. 4, 28) и 7 (кв. 29, 31), прорезают культурный слой памятника и не связаны с периодом его функционирования. Время возникновения столбовой ямы А (кв. 27) определить затруднительно, но по составу и структуре заполнения она больше похожа на современную.

В северной части раскопа VIII сооружения были выявлены уже после снятия первого пласта и на этом уровне имели вид аморфных темных пятен без четких границ; очертания котлованов сооружений удалось проследить только после снятия второго пласта. В южной части раскопа в силу большей мощности культурного слоя на уровне зачистки первого пласта очертания сооружений не прослеживались, они были выявлены только после снятия второго пласта. У сооружения 4 из кв. 19, 20, 23, 24 четкие границы не были прослежены и на этом уровне, их удалось выявить только после проведения повторной глубокой зачистки.

Сооружение 1 (рис. 4) выявлено в квадратах 2–3, 6–7, 10–11 на уровне зачистки первого пласта в виде бесформенного темного пятна без четких границ. После зачистки второго пласта удалось очертить границы: на фоне материка сооружение вырисовывалось в виде тёмного пятна грушевидной формы. Заполнение сооружения 1 состояло из гумусированной супеси серо-коричневого цвета, смешанной с материковой супесью более светлой окраски, с чёрными сажистыми прослойками и прослойками прокала оранжевато-бурого цвета. Вдоль восточной стенки сооружения заполнение имело более светлую окраску за счет высокого содержания золы.

Котлован сооружения 1 размером 375×320 см был ориентирован с северо-запада на юго-восток, имел слегка наклонные стенки и ровное плоское дно. Дно прослежено на глубине 20–30 см от поверхности материка (-110–115 см от 0). На дне котлована, в центральной его части, было обнаружено сажистое пятно округлой формы диаметром 90 см, находившееся в небольшом (9 см) углублении, которое, вероятно, можно рассматривать в качестве остатков отопительного устройства очажного типа. Вокруг него и над ним обнаружено несколько известняковых камней. В южной части котлована находился вход тамбурного типа размером 100×150 см. Уровень пола в тамбуре был на 10–15 см выше уровня пола в центральной части котлована, а южная стенка отличалась пологостью.

Комплекс находок, связанный с сооружением 1, включает в себя фрагменты двух *горшковидных сосудов*, профили которых удалось частично реконструировать.

Более крупный по размерам сосуд (61 фр. из кв. 2–3, 6–7) имел округлобкое тулово, максимальное (диаметром 24 см) расширение которого приходилось на верхнюю треть сосуда, короткую прямую расширяющуюся кверху шейку и округлый венчик диаметром 17 см (рис. 5.4). Придонная часть сосуда не сохранилась. Цвет поверхности сосуда неоднотонный, бежевый с темно-серыми и черными пятнами. Толщина стенок 0,7–1,0 см, в изломе черепок имеет трехслойную структуру.

Меньший по размерам сосуд (64 фр. из кв. 3, 7) имел максимальное расширение тулова диаметром 19–20 см, оформленное в виде сглаженного ребра (рис. 5.1). Шейка сосуда короткая, диаметр по венчику 14–15 см. Нижняя часть сосуда утрачена. Поверхность сосуда заглажена. Цвет внешней поверхности неоднотонный, коричневый и темно-серый, внутренняя поверхность красновато-коричневого цвета.

Поверхности обоих сосудов шероховатые, орнамент отсутствует.

Помимо двух описанных, в заполнении сооружения найдены 48 мелких фрагментов от других сосудов. Большая часть фрагментов принадлежит горшковидным сосудам (рис. 5.9). Следует отметить, что среди них очень незначительное количество составляют фрагменты, поверхность которых покрыта

лощением (всего 6 экз.). В северо-восточной части сооружения обнаружен фрагмент стенки сосуда-зерновика с крупными зернами шамота в составе формовочной массы и шероховатой поверхностью.

В заполнении сооружения 1 найдены также 12 фрагментов *керамики городецкой культуры* (рис. 5.2; 5.3; 5.5; 5.6; 5.7; 5.8; 5.10). Один из фрагментов – венчик слабопрофилированного сосуда с плоским краем и небольшими наплывами с внешней и внутренней стороны. Срез венчика украшен отпечатками «рогожного» штампа (рис. 5.2). Обе поверхности фрагмента заглажены орудием с мягкой рабочей частью; цвет поверхности светло-коричневый с красноватым оттенком. Еще один фрагмент принадлежит днищу городецкого сосуда, остальные – стенкам с отпечатками «рогожного» штампа.

Остеологический материал из котлована сооружения 1 представлен 89 крупными и 250 мелкими обломками костей (табл. 2-3). Большинство (69%) определимых до вида костей принадлежат крупному рогатому скоту.

Сооружение 1 представляет собой очажный котлован наземного жилища, хорошо известны его аналогии в материалах раскопок городища 1980-х гг. (Расторопов, 1985). Фрагменты сосудов городецкой культуры могли попасть в заполнение котлована из какого-то находившегося на этом месте более раннего сооружения.

Сооружение 3 (рис. 6.1) было выявлено в кв. 13, 17 ниже погребения 1 (описание погребения см. ниже). Чётких границ сооружения выявить не удалось, так как они были нарушены при совершении более позднего погребения. После расчистки пятна выявлен котлован неправильной овальной формы, частично уходивший за пределы раскопа. Заполнение котлована состояло из пестроцвета с большим содержанием золы и углей, с прослойками прокаленной глины. Стенки котлована наклонные, дно понижалось по направлению с запада на восток, глубина составляла 40–60 см от уровня материка (-140/-160 см от 0). В центральной части котлована была обнаружена трапециевидная яма размером 95×95 см и глубиной 6 см, с углублением неправильной формы в центральной части, размеры последнего составляли 35×20 см, глубина 6 см.

В заполнении сооружения 3 найдено 75 фрагментов сосудов, большая часть которых залегала в верхней части заполнения; на дне сооружения находок практически не было. После обработки керамического материала из сооружения выяснилось, что большинство фрагментов принадлежит пяти *горшкам с шероховатой поверхностью*.

Наиболее полно удалось реконструировать форму горшковидного сосуда с прямой расширяющейся кверху шейкой, оканчивающейся уплощенным венчиком (рис. 7.1). Развал этого сосуда был представлен 24 фрагментами. Высота сосуда составляет около 22 см, его диаметр по венчику – 22 см, диаметр дна – 13 см. Поверхность сосуда небрежно заглажена.

Четыре фрагмента принадлежат горшковидному сосуду с короткой, слегка отогнутой наружу шейкой (рис. 7.4). Венчик сосуда закруглен и украшен насечками по краю, его диаметр составлял 15 см. Поверхность сосуда бугристая. Черепок в изломе имеет трехслойную структуру, толщина его 0,8 см.

Еще два фрагмента венчиков принадлежат двум сосудам близкой формы, не имеющим орнамента по верхнему краю (рис. 7.2; 7.3).

Найдены 13 фрагментов сосуда с высокой (5 см) прямой вертикальной шейкой, оканчивающейся закругленным венчиком (рис. 6.3). Диаметр сосуда по верхнему краю составляет 13 см. Поверхность сосуда тщательно заглажена, цвет ее красновато-коричневый. Толщина стенки составляет 0,8 см.

Найдены также придонные части от двух разных сосудов: крупного толстостенного (толщина стенки 1,0 см, диаметр по днищу 24 см (рис. 7.6)) и более изящного (толщина стенки 0,7 см, диаметр по днищу 7 см (рис. 7.5)).

Фрагменты *лощеных лепных сосудов* в заполнении сооружения немногочисленны, форма их не реконструируется. В верхней части заполнения был обнаружен единичный фрагмент стенки *кругового* сероглиняного сосуда, украшенной каннелюрами (рис. 7.4).

Остеологический материал из сооружения 3 представлен 26 крупными и 87 мелкими обломками костей животных, большинство (62%) определимых до вида костей принадлежит крупному рогатому скоту (табл. 2-3).

Скорее всего, сооружение 3 является частью очажного котлована наземного жилища. Однако однозначно утверждать этого нельзя, поскольку верхняя часть сооружения была сильно разрушена при совершении на его месте более позднего погребения. По той же причине нельзя однозначно утверждать, что керамический материал из сооружения составляет единый культурно-хронологический комплекс.

Сооружение 4 (рис. 8) выявлено в квадратах 15, 18, 19, 20, 23 на уровне зачистки второго пласта и первоначально имело вид аморфного темного пятна. Для выявления четких границ сооружения в квадратах 19, 20, 23, 24 была сделана дополнительная глубокая зачистка.

Сооружение представляло собой очажный котлован подквадратной формы размером 250×250 см. Заполнение котлована состояло из супесчаного пестроцвета жёлто-коричневого цвета с большим количеством золы, углей и отдельными сажистыми прослойками. Котлован имел почти вертикальные стенки и плоское дно. Глубина котлована составила 45–60 см, дно находилось на отметке -186 см от 0.

В котловане сооружения 4 выявлены следы двух отопительных сооружений в виде открытых очагов, залегавших на разных уровнях и, вероятно, одновременных. Первый из них был найден в юго-восточной части котлована, на глубине -172 см от 0. Он представлял собой пятно прокала буро-коричневого цвета, круглой формы, диаметром 54 см. Второе пятно прокала было обнаружено в северо-западной части сооружения, в квадрате 19, и имело овальную форму. Размеры пятна 80×48 см. Прокал располагался в яме глубиной 15 см.

Верхняя часть заполнения сооружения 4 была выбрана в ходе глубокой зачистки площади квадратов 19, 20, 23, 24, предпринятой для уточнения границ сооружения. Керамический материал, происходящий из этой части заполнения, вероятнее всего, относится к комплексу находок, связанному с сооружением 6 и скоплением керамики в кв. 24; к комплексу, связанному с функционированием сооружения 4, отнесены только находки из нижней части его заполнения.

Находки из сооружения 4 представлены 67 фрагментами керамики, шинкой от перстня, изготовленной из цветного металла (рис. 9.2), которая была найдена в центральной части заполнения, на глубине -164 см от 0, и фрагментами черепной крышки человека, обнаруженными в северо-восточной части заполнения, на глубине -165 см от 0. Следует отметить, что находки в заполнении очажных котлованов человеческих костей, в том числе черепов, отмечались исследователями городища в 1980-е годы (Расторопов, 1985. С. 102).

Керамический комплекс, происходящий из сооружения 4, представлен в основном фрагментами двух горшковидных сосудов с шероховатой поверхностью.

Профиль первого из них (всего найдено 23 фрагмента) удалось полностью реконструировать (рис. 9.3). Сосуд имел округлобкое тулово с наибольшим расширением (диаметром 22 см) на уровне верхней трети высоты, короткую прямую, расширяющуюся кверху шейку, оканчивающуюся округлым венчиком

диаметром 19 см. Высота сосуда – 20 см. Диаметр дна сосуда составляет 9 см. Поверхность сосуда заглажена, цвет поверхности неровный, серо-коричневый.

У второго сосуда (9 фрагментов) реконструирована только верхняя часть (рис. 9.4). Судя по ней, максимальное расширение тулова сосуда оформлено в виде сглаженного ребра. Максимальный диаметр тулова сосуда составлял 29 см. Шейка очень короткая, плавно отогнутая наружу, венчик закруглен, его диаметр 18 см. Поверхность сосуда заглажена, но из-за примеси крупного шамота бугристая. Цвет поверхности серый.

Помимо фрагментов описанных горшков в заполнении были обнаружены также 35 фрагментов других сосудов, часть из которых (21% от общего числа фрагментов, происходящих из заполнения сооружения) покрыта сплошным лощением.

Остеологический материал из сооружения 4 представлен 24 крупными и 50 мелкими обломками костей животных, большинство (67%) определимых до вида костей принадлежит крупному рогатому скоту (табл. 2-3).

Сооружение 4 представляет собой очажный котлован наземного жилища, хорошо известны его аналогии в материалах раскопок городища 1980-х гг. (Расторопов, 1985).

Сооружение 5 (рис. 2) обнаружено в квадрате 33 после зачистки второго пласта. Сооружение представляло собой яму округлой формы диаметром 80 см, глубиной 30 см от поверхности материка, в верхней части которой была сделана небольшая (шириной 30 см, глубиной 5 см) ступенька. Заполнение ступеньки отличается от заполнения ямы более интенсивной насыщенностью сажей и золой. Находки в заполнении сооружения 5 представлены 8 фрагментами стенок сосудов; поверхность одного из них покрыта сплошным лощением.

Сооружение 6 (рис. 10.3) выявлено в квадрате 37 на уровне зачистки второго пласта, на глубине -132 см от 0 в северной части и -142 см в южной. На уровне фиксации оно имело вид пятна подпрямоугольной формы с расширением в северной части, ориентированное по линии северо-запад – юго-восток. После расчистки обнаружена яма глубиной 9–10 см с наклонными стенками. Заполнение ямы состояло из серо-коричневой гумусированной супеси, в юго-восточной части ямы обнаружен крупный фрагмент челюсти коровы.

В заполнении сооружения 6 найдены 14 фрагментов сосудов, в том числе крупные фрагменты лепных венчиков, относящихся к сосуду с шероховатой поверхностью из кв. 37, пласт 2 (рис. 11.4) и лощеному сосуду из скопления в кв. 24, пласт 2 (рис. 10.2).

Сооружение 6, судя по его форме, представляет углубление, оставшееся на месте не сохранившегося горизонтально лежавшего бревна. Это позволяет предполагать существование в кв. 24, 31, 33, 34, 37 наземного сооружения, не имевшего углубленной в материк части. Такое предположение хорошо согласуется с выявленными в этой части раскопа стратиграфическими слоями. Так, на описанном участке раскопа был выявлен слой серо-коричневой супеси, смешанной с материковым песком и насыщенной продуктами горения, отсутствующий на других участках раскопа. В ряде мест встречены сажистые прослойки. Наконец, в бровке в средней части кв. 31 прослежена канавка с сажистым заполнением. Направление канавки параллельно осевой линии сооружения 6. Вероятно, канавка представляет собой след от нижнего бревна второй стены предполагаемого наземного сооружения. Подобные следы наземных конструкций жилищ отмечались исследователями городища и ранее. Так, в раскопе 1982 г. фиксировались сохранившиеся обугленные бревна от срубов (Матвеева, 1984. С. 159; Матвеева, 1985. С. 163).

Участок раскопа в пределах предполагаемого наземного сооружения резко отличается от остальной его площади как по насыщенности слоя фрагментами сосудов,

так и по их качественному составу. Это также свидетельствует в пользу существования здесь в древности наземного сооружения. Поэтому материалы, выявленные в кв. 24, 33, 37 в заполнении сооружения 6 и в верхней части заполнения сооружения 4, были объединены нами в отдельный комплекс.

Всего в состав этого комплекса входят 318 керамических фрагментов (35% от всей массы керамического материала, происходящего из раскопа, табл. 1), большинство из которых относятся к пяти сосудам, поддающимся частичной реконструкции, – двум лощеным горшкам, миске, тщательно заглаженному горшку с налепами-«шишечками» и небольшому горшковидному сосуду с защипами по краю венчика. Кроме того, найдены отдельные фрагменты других горшков с шероховатой и лощеной поверхностью, мисок и кувшинов.

Миски.

Всего обнаружено 60 мелких фрагментов от одной миски (рис. 11.5), из них 55 – в кв. 24, на уровне первого и второго пластов, 4 – в кв. 37 на уровне второго пласта, 1 в кв. 34 на уровне первого пласта и еще 1 – в заполнении сооружения 4. Миска имеет слабо отогнутую наружу шейку, заканчивающуюся округлым венчиком, выраженное плечо, оформленное в виде ребра и плавно сужающееся ко дну тулово со слегка выпуклым профилем. Диаметр миски по венчику составляет 21 см, в месте наибольшего расширения тулова – 26 см, днище утрачено. Внешняя поверхность миски покрыта сплошным лощением, внутренняя заглажена; цвет внешней поверхности темно-серый, неровный, с бежевыми пятнами, внутренней – темно-серый, ровный. Стенки миски довольно толстые, с утолщением в месте перехода от шеи к плечу, черепок в изломе равномерного темно-серого цвета. Миска изготовлена из плотной формовочной массы с включениями зерен мелкого шамота.

В квадрате 24 был найден фрагмент верхней части ещё одной миски с прямой, расширяющейся шейкой и приостренным кверху венчиком (рис. 11.1). Переход от шейки к плечу четко выражен как на внутренней, так и на внешней поверхности сосуда. Толщина черепка 0,8 см.

Горшковидные сосуды с лощеной поверхностью. К этой категории относятся два сосуда. Фрагменты одного из них (120 шт.) выявлены в основном в кв. 24 на уровне первого и второго пластов (111 шт.) и в заполнении сооружения 4 (6 шт., из которых 4 – в верхней части заполнения). Два крупных фрагмента находились в заполнении сооружения 6, еще один – в кв. 21 на уровне второго пласта. Сосуд имеет отогнутую наружу шейку высотой 2,5 см, оканчивающуюся слегка уплощенным венчиком (рис. 10.2). Переход от шейки к плечу снаружи плавный, а внутри четко выраженный. Тулово сосуда реконструировать полностью не удалось, но, судя по фрагментам стенок, его форма была шаровидной. Диаметр сосуда по венчику составляет 12 см. Внешняя поверхность сосуда покрыта сплошным лощением, внутренняя заглажена; цвет внешней поверхности неоднотонный, темно-серый и бежевый, внутренней – темно-серый, ровный. Стенки имеют толщину 0,5–0,7 см, черепок в изломе равномерного темно-серого цвета. Сосуд изготовлен из плотной формовочной массы, с включением зерен мелкого шамота.

Второй сосуд, фрагменты которого (20 шт.) найдены на кв. 24 и 33 на уровне второго пласта, близок к описанному по форме, но отличается меньшими размерами. Диаметр его по венчику составляет 8 см, наибольшее расширение тулова – 15 см. Шейка и венчик сосуда отогнуты наружу, край венчика уплощен; тулово округлобочное, нижняя часть не сохранилась. Толщина стенок не превышает 0,3 см. Сосуд изготовлен из плотной формовочной массы, с включением зерен мелкого шамота.

Сосуды с налечами-«шишечками». 29 фрагментов такого сосуда были выявлены в кв. 24 на уровне 2 пласта (рис. 11.3). Шейка сосуда прямая, расширяющаяся кверху, венчик уплощен; высота шейки 2,5 см. Сохранившаяся часть тулова имеет округлобокую форму. На уровне перехода от плечиков к тулову стенки сосуда были украшены небольшими налечами-шишечками овальной формы. Диаметр сосуда по венчику составляет 12 см. Внешняя и внутренняя поверхности сосуда тщательно заглажены; цвет поверхности бежевый. Стенки имеют толщину 0,4–0,7 см, черепок в изломе двухцветный, бежевый у внешней поверхности и темно-серый – у внутренней. Сосуд изготовлен из плотной формовочной массы, с включением зерен мелкого шамота.

Горшковидные сосуды с шероховатой поверхностью. Поддается частичной реконструкции только один такой сосуд (рис. 11.4). Тулово сосуда округлобокое, венчик украшен пальцевыми защипами. Диаметр венчика составляет 13 см, диаметр днища – 7,5 см. Высота сосуда не реконструируется. Поверхность заглажена, цвет неровный, темно-серый и серо-коричневый, толщина стенок составляет 0,8 см.

Кувшины. Всего в состав описываемого комплекса входят фрагменты от трех кувшинов.

Из кв. 24, пласта 2 происходят пять фрагментов венчика, горловины и ручки кувшина. Венчик кувшина округлый, отогнутый наружу, диаметром 11 см. Основание ручки украшено налепом. Поверхность кувшина покрыта сплошным лощением, цвет ее темно-серый. Толщина черепка сохранившейся части горловины 0,5 см, в изломе черепок имеет многослойную структуру: темно-серый цвет у поверхности сменяется бежевой прослойкой, а в средней части черепка вновь приобретает серый цвет.

Фрагменты венчика и горловины второго кувшина были обнаружены в верхней части заполнения сооружения 4 (рис. 10.1). Венчик кувшина отогнут наружу и уплощен, его диаметр составляет 13 см, поверхность заглажена, цвет фрагментов желтовато-коричневый, толщина стенки горловины 0,6 см.

Третий кувшин представлен ручкой, украшенной у основания налечами (рис. 10.5). Ручка найдена в кв. 24 на уровне второго пласта.

Керамический комплекс, связанный с сооружением 6 и происходящий из кв. 24, 33 и 37, резко отличается от материалов из других частей раскопа. В его составе преобладает лощеная керамика (69%, табл. 1), найдены фрагменты кувшинов и сосудов с налечами-«шишечками». Все это позволяет высказать предположение о том, что группа населения, оставившая этот комплекс находок, отличалась по своей культурно-хронологической принадлежности от той, которой оставлены жилищные котлованы. В пользу этого говорит и присутствие фрагментов лощеных сосудов из кв. 24, 33 и 37 в верхней части заполнения сооружения 4, что, возможно, свидетельствует о хронологически более поздней позиции характеризуемого комплекса по отношению к сооружению 4.

Погребение 1 (рис. 12). В квадратах 9, 10, 13, 14 после снятия второго пласта были выявлены аморфные темные пятна без четких границ, состоящие из темно-серой супеси, смешанной с материковым песком. В ходе зачистки этих пятен в кв. 9 на глубине -108 см от 0 был обнаружен человеческий череп, после чего была начата расчистка костяка. В процессе расчистки выяснилось, что в квадратах 9 и 13 на глубине -122/-133 от 0 лежал скелет взрослого человека длиной 157 см. Он лежал в вытянутом на спине положении, головой на северо-запад (рис. 2). Голова была повернута на левый бок, лицом на северо-восток. Руки и ноги были вытянуты. Кисти рук отсутствовали. Вещей при погребенном не обнаружено. В связи с тем, что погребение прорезало более раннее сооружение 3, очертания могильной ямы проследить не удалось.

Погребения, впущенные в заполнения очажных котлованов, являются характерной чертой городища Лбище (Матвеева, 1986. С. 141).

Характеристика антропологического материала из погребения 1. Скелет принадлежал мужчине 40–50 лет; он сравнительно полный. Сохранность костей средняя.

У черепа отсутствуют левая скуловая кость и дистальные окончания носовых косточек. Мозговая коробка характеризуется очень большим продольным (192 мм), малым поперечным (137 мм) и средневысоким (135 мм) диаметрами. По указателям она долихокранная (71,4), ортокранная (70,3) и акрокранная (98,5). Лобная кость узкая абсолютно (90 мм) и относительно поперечного диаметра (65,7), в профиль средненаклонная (81°). Затылочная кость широкая (114 мм), имеет малый угол перегиба. Макрорельеф выражен несильно.

Лицевой отдел средний по верхней высоте (71 мм) и скуловой ширине (132,5 мм?), по вертикальному профилю мезогнатный (80°) и выраженно прогнатный в альвеолярной части (64°). Нос очень узкий (22,4 мм), лепторинный (46,3), выступал средне или сильно (28°), имеет также средние симметрические величины (4 мм и 8,1 мм).

Нижняя челюсть несколько доминирует в поперечных диаметрах. Можно отметить выраженные углы и несильно и средне очерченный подбородочный выступ.

В целом череп принадлежит европеоидному антропологическому типу, более детальная характеристика которого пока невозможна.

Кости посткраниального скелета в основном разрушены вследствие почвенных процессов и воздействия мышевидных грызунов. В большей степени это относится к эпифизарным окончаниям. Сравнительно целой оказалась лишь левая плечевая кость. Она оценивается в мировом масштабе как короткая (305 мм) и с малой наименьшей окружностью (65 мм). Однако указатель прочности кости довольно высокий (213). Ширина нижнего эпифиза средняя (67 мм). Дельтовидная бугристость развита хорошо. В целом же, несмотря на внешне массивный вид, кость облегчена, вероятно, вследствие резорбции ее ткани. Правая плечевая кость представлена диафизарной частью, которая отличается от таковой левой плечевой кости меньшей длиной, а также меньшими имеющимися поперечными размерами и заметно меньшими окружностями; дельтовидная бугристость по развитию также уступает.

Кости предплечья фрагментированы. Можно отметить, что по обхватным размерам они небольшие. Бугристости лучевых костей (дистальные окончания прикрепления двуглавых мышц), особенно левая, развиты сильно. Все вышесказанное говорит, в первую очередь, о сильном развитии мышц верхних конечностей, в частности двуглавой мышцы, отвечающей за функции сгибания руки.

Левая бедренная кость характеризуется также малыми величинами длины (418 мм) и окружности (86 мм), средне выраженной шероховатой линией и при этом сравнительно высоким показателем прочности (20,6).

Диафиз правой большеберцовой кости визуально небольшой, несколько саблевидной формы, уплощен в поперечном направлении относительно сагиттального сечения.

Плече-бедренный указатель (73,3) средний.

Срединные фрагменты ключиц довольно грацильные, 158,9 см (по формуле К. Пирсона и А. Ли); 161–164 см (по таблице М. Троттер и Г. Глезер). Из названных величин, по причине отсутствия данных о том, к какой именно популяции мог

относиться человек – низкорослой или высокорослой, сложно определить доминирующую величину.

В целом можно говорить, что мужчина был небольшого роста, сравнительно грацильный, вероятно, среднепропорциональный. При этом по степени мышечного развития доминировали верхние конечности, в частности, усилена мощность плечевых костей, особенно левой. Можно также предполагать, что мужчина был леворуким.

Интересно, что при возрасте 40–50 лет кости скелета сильно облегчены. Скорее всего, это следствие вымывания солей, что может быть связано не только со старческими изменениями, коснувшимися человека, но и со специфическими заболеваниями, а также, в какой-то степени, с его профессиональной деятельностью.

Характеристика остеологического материала. На раскопе собраны 892 кости, из которых до видового и родового уровней определено 29%. Сохранность костей в большой мере определена плохими почвенными условиями – кости легкие, хрупкие, расслаиваются. Кости темно-коричневые снаружи и палевые на изломе. Все идентифицированные кости принадлежат домашним копытным, из которых на первом месте по числу костей стоит крупный рогатый скот, в три раза меньше костей лошади, еще более редки кости мелкого рогатого скота, свинье принадлежит одна кость (табл. 2). Среди неопределимых костей в условных группах «крупные» и «мелкие» копытные также количественно преобладает группа «крупных копытных» (94%), всю массу которых, вероятно, и составляют кости крупного рогатого скота и лошади (табл. 3). Две трети всех остеологических находок обнаружены при расчистке сооружений.

Состав костей скелета крупного рогатого скота и лошади, собранных в заполнениях сооружений, отличается большей полнотой, чем в слое вне сооружений (табл. 4). В хозяйственных ямах найдены кости всех отделов скелета крупного рогатого скота, вне сооружений нет костей туловища; голова по большей части представлена зубами, а конечности – костями из их дистальных отделов, то есть более прочными остатками. Вероятнее всего, такой состав объясняется большей величиной выборки костей из заполнений сооружений. Концентрация костей в ямах может объясняться тем, что, оказавшись здесь после кухонной разделки, они более не подвергались механическим разрушениям (например, уничтожению собаками).

В целом, характеризуя материалы городища Лбище, полученные в результате раскопок 2003 г., можно отметить следующие аспекты.

Основная масса находок на памятнике связана с сооружениями, культурный слой содержит незначительное количество материала. Та же ситуация наблюдалась и в раскопах предшествующих лет (Матвеева, 1984. С. 160). Скопления керамики, лежащие на уровне древней поверхности, за пределами углубленных в материк котлованов сооружений также, вероятно, связаны с древними постройками.

Керамический материал памятника неоднороден. Его общая характеристика дана в работах Г.И. Матвеевой, которая выделила на городище Лбище следующие культурные комплексы: 1) комплекс керамики, украшенной отпечатками рогожного штампа, связанный с городецкой культурой I тыс. до н. э.; 2) комплекс керамики первых веков н. э., представленный сероглиняными круговыми мисками и лепными горшками с раструбообразным горлом; 3) комплекс керамики лбищенского типа, представленный груболепными горшками различных форм и лепными лощеными мисками, датирующийся (III)–IV вв. н. э. (Матвеева, 1998; 2003).

В материалах, происходящих из раскопа VIII, фрагменты сосудов городецкой культуры составляют не более 1% находок; не выявлены и сосуды, которые можно

		Лощеная посуда (горшки и миски)		Груболепные горшки		Городецкая керамика		Другие виды керамики		Всего
		Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	
Пласты	пласт 1	46 ³	27	116	69	0	0	круговая		169 (19%)
								2	1	
								кувшины		
								5	3	
	пласт 2 ⁴	24	30	56	70	0	0	кувшины		81 (9%)
1								3		

Сооружения	соор. 1	6	3	170	90	12	6	0	0	188 (21%)
	соор. 3	5	7	69	92	0	0	круговая		75 (8%)
								1	1	
	соор. 4 ⁵	14	21	53	79	0	0	0	0	67 (7%)
	соор. 5	3	21	11	79	0	0	0	0	14 (1%)
	соор. 6, кв. 24, 37, верх.часть заполн. соор. 4	219 ⁶	69	59	19	0	0	с налепами		318 (35%)
								29	9	
								кувшины		
11								3		
Итого		317	35	534	59	12	1	49	5	912

Таблица 2 Распределение костей домашних копытных из раскопа VIII по пластам и сооружениям										
		Крупный рогатый скот		Мелкий рогатый скот		Свинья		Лошадь		Всего*
		Кол- во	%	Кол- во	%	Кол- во	%	Кол- во	%	
Пласты	пласт 1	21	62	2	6	0	0	11	32	34 (15%)
	пласт 2	44	86	2	4	0	0	5	10	51 (22%)
Сооружения	соор. 1	61	69	14	15,5	0	0	14	15,5	89 (38%)
	соор. 3	16	62	1	4	1	4	8	31	26 (11%)
	соор. 4	16	67	0	0	0	0	8	33	24 (10%)
	соор. 5	2	67	1	33	0	0	0	0	3 (1%)
	соор. 6	3	60	0	0	0	0	2	40	5 (2%)
Итого		163	70	20	8	1	0	48	21	232

Таблица 3 Распределение неопределимых костей из раскопа VIII (в размерных группах, по пластам и сооружениям, экз.)				
	Крупное копытное	Мелкое копытное	Обломки	Всего

		<i>Кол-во</i>	<i>%</i>	<i>Кол-во</i>	<i>%</i>	<i>Кол-во</i>	<i>%</i>	
Пласты	пласт 1	77	66	4	3	36	31	117 (18%)
	пласт 2	93	78	4	3	23	19	120 (19%)
Сооружения	соор. 1	230	92	9	36	11	4	250 (39%)
	соор. 3	64	74	14	16	9	10	87 (14%)
	соор. 4	41	82	0	0	9	18	50 (8%)
	соор. 6	6	50	0	0	6	50	12 (2%)
Итого		511	80	31	5	94	15	636

Таблица 4

Состав элементов скелета крупного рогатого скота и лошади в остатках из раскопа VIII, экз.

Элемент скелета	Крупный рогатый скот	Лошадь
-----------------	----------------------	--------

	Сооружения			Пласты	Всего ¹¹	Соор.	Пласты	Всего ¹²
	1	3	4					
Рог	0	0	0	1	1	-	-	-
Череп	1	2	0	2	5	1	0	2
Нижняя челюсть	5	0	2	6	15	0	0	0
Отдельные зубы	15	4	8	32	62	18	10	39
Подъязычная	0	0	0	0	0	0	0	0
Лопатка	6	2	0	0	8	0	0	0
Плечевая	3	0	1	1	5	2	0	2
Лучевая	3	2	1	5	11	0	2	2
Локтевая	1	0	0	0	1	0	1	1
Пястная	5	1	2	2	10	0	0	0
Позвонок	3	0	0	0	3	0	0	0
Крестец	0	0	0	0	0	0	0	0
Ребро	4	0	0	0	4	4	0	4
Таз	0	0	0	0	0	0	0	0
Бедренная	0	3	0	0	4	0	0	0
Берцовая	1	0	0	1	2	1	1	2
Пяточная	1	0	1	4	7	1	0	1

¹¹ Остались без глубинной фиксации по 6 костей КРС и МРС и 12 костей лошади.

¹² В графы «Всего» включены также данные по костям КРС из сооружений 5 (2 зуба), 6 (2 нижние челюсти, бедренная) и оставшимся без глубинной фиксации шести костям КРС (зуб, пяточная, 3 плюсневые, фаланга I) и двенадцати костям лошади (11 зубов и фрагмент черепа).

Таранная	0	1	0	2	3	1	0	1
Плюсневая	1	1	0	0	5	0	0	0
Пястная или плюсневая	2	0	1	1	4	0	0	0
Фаланга 1	1	0	0	2	4	0	1	1
Фаланга 2	1	0	0	1	2	0	0	0
Фаланга 3	0	0	0	0	0	0	0	0
Мелкие кости	8	0	0	5	13	0	1	1
Итого	61	16	16	65	169	27	27	54

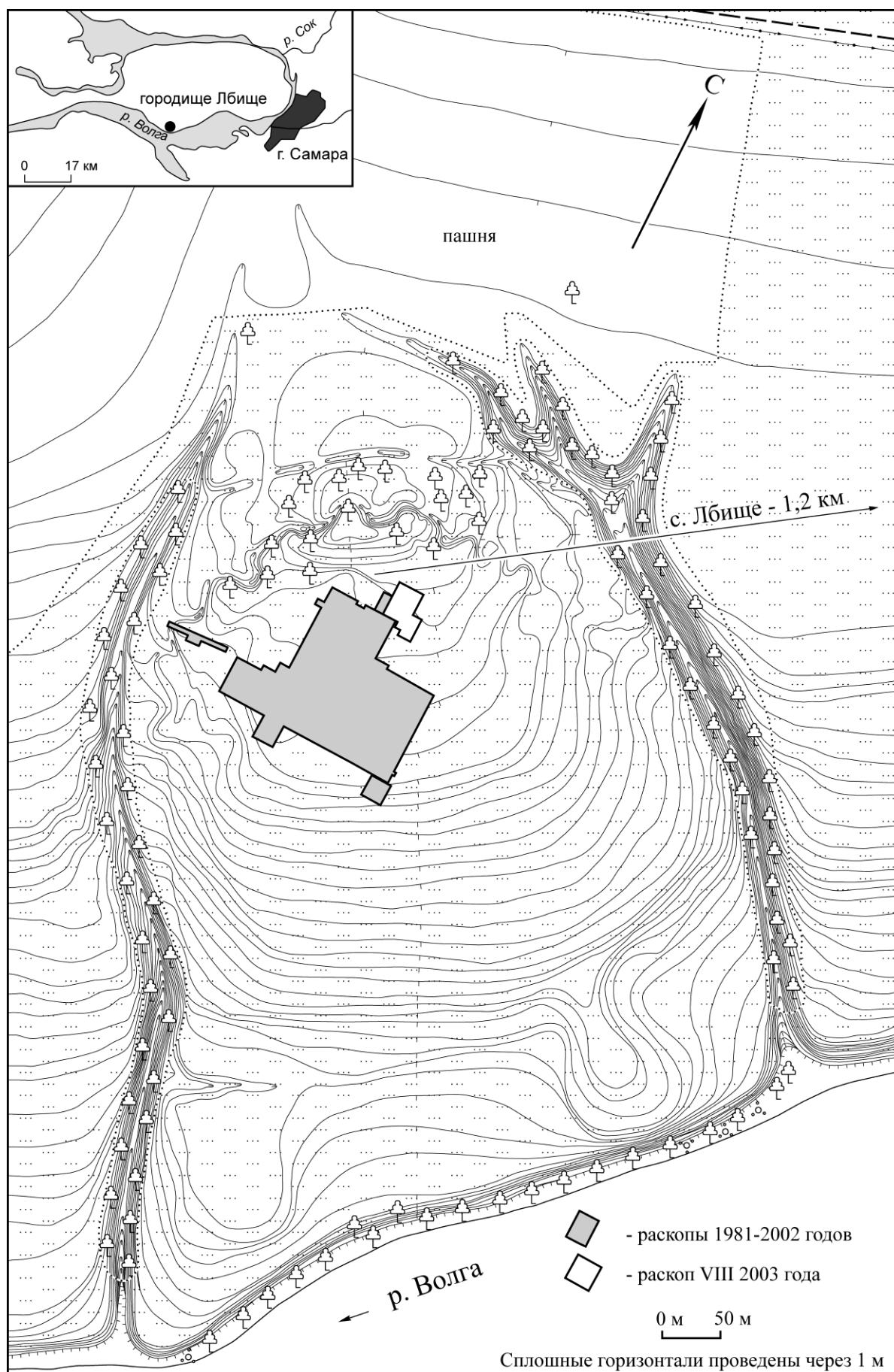

Рис. 1. План городища Лбище и его местоположение на карте Самарской области

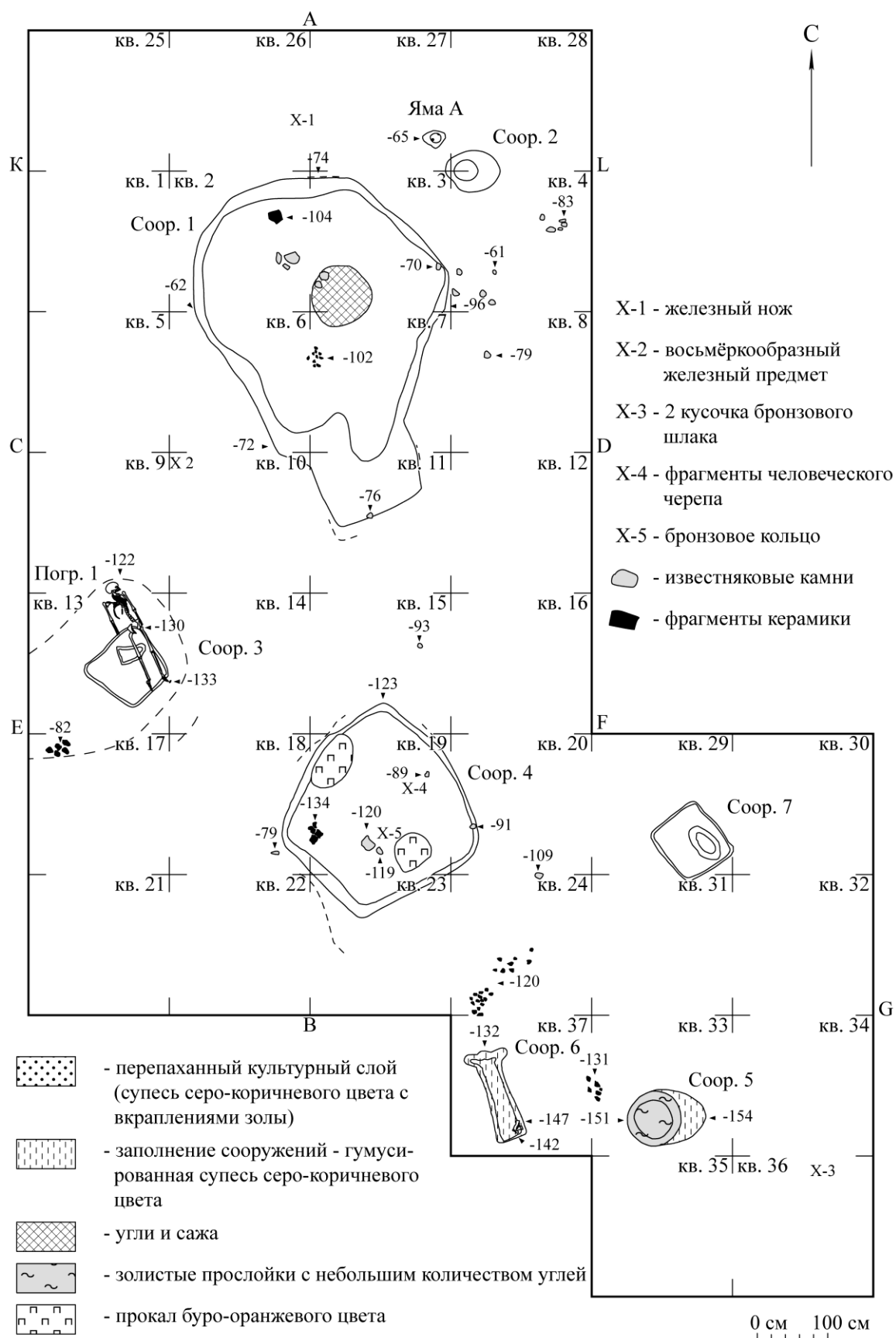

Рис. 2. Городище Лбище. План раскопа VIII

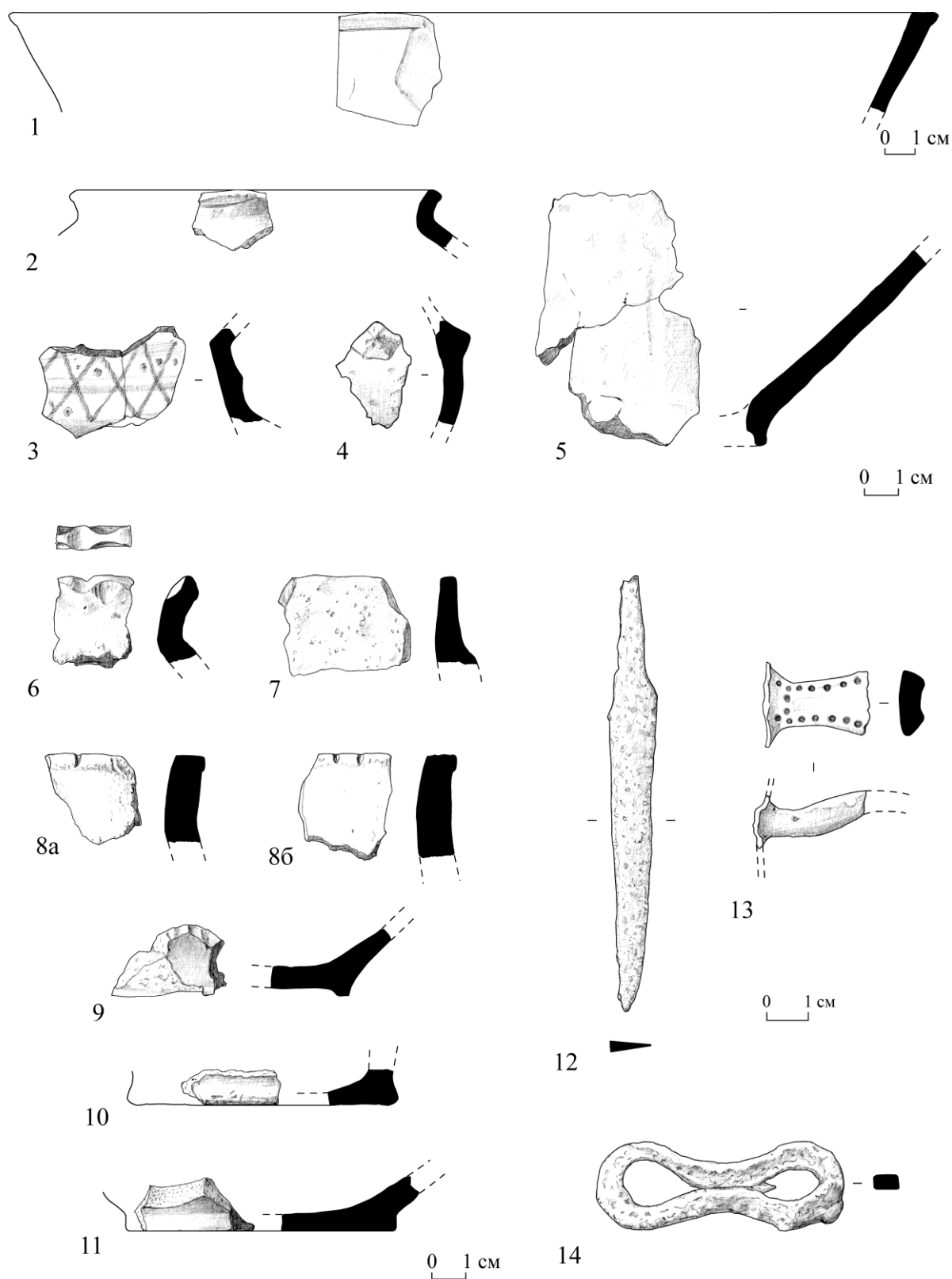

Рис. 3. Вещевой и керамический материал из культурного слоя на уровне 1-го и 2-го пластов:

1 – кв. 36, пл. 1; 2 – кв. 30, пл. 1; 3 – кв. 30, пл. 1; 4 – кв. 36, пл. 1; 5 – кв. 35, пл. 1; 6 – кв. 35, пл. 1; 7 – кв. 34, пл. 1; 8а – кв. 8, пл. 1; 8б – кв. 4, пл. 1; 9 – кв. 13, пл. 1; 10 – кв. 34, пл. 1; 11 – кв. 8, пл. 1; 12 – кв. 8, пл. 1; 13 – кв. 22, пл. 2; 14 – кв. 10, пл. 1. 1-11, 13 – керамика; 12, 14 – железо

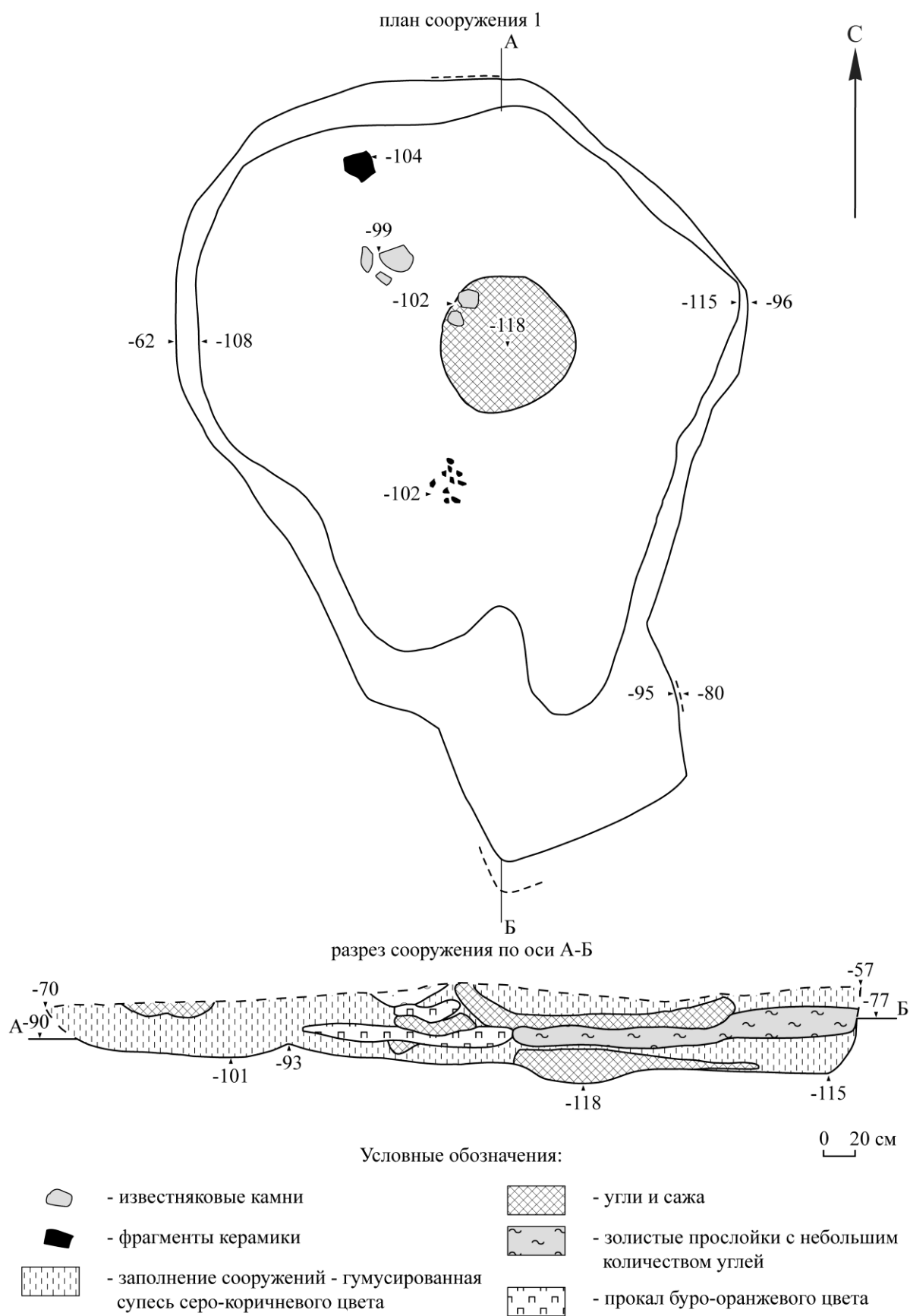

Рис. 4. План и профиль сооружения 1

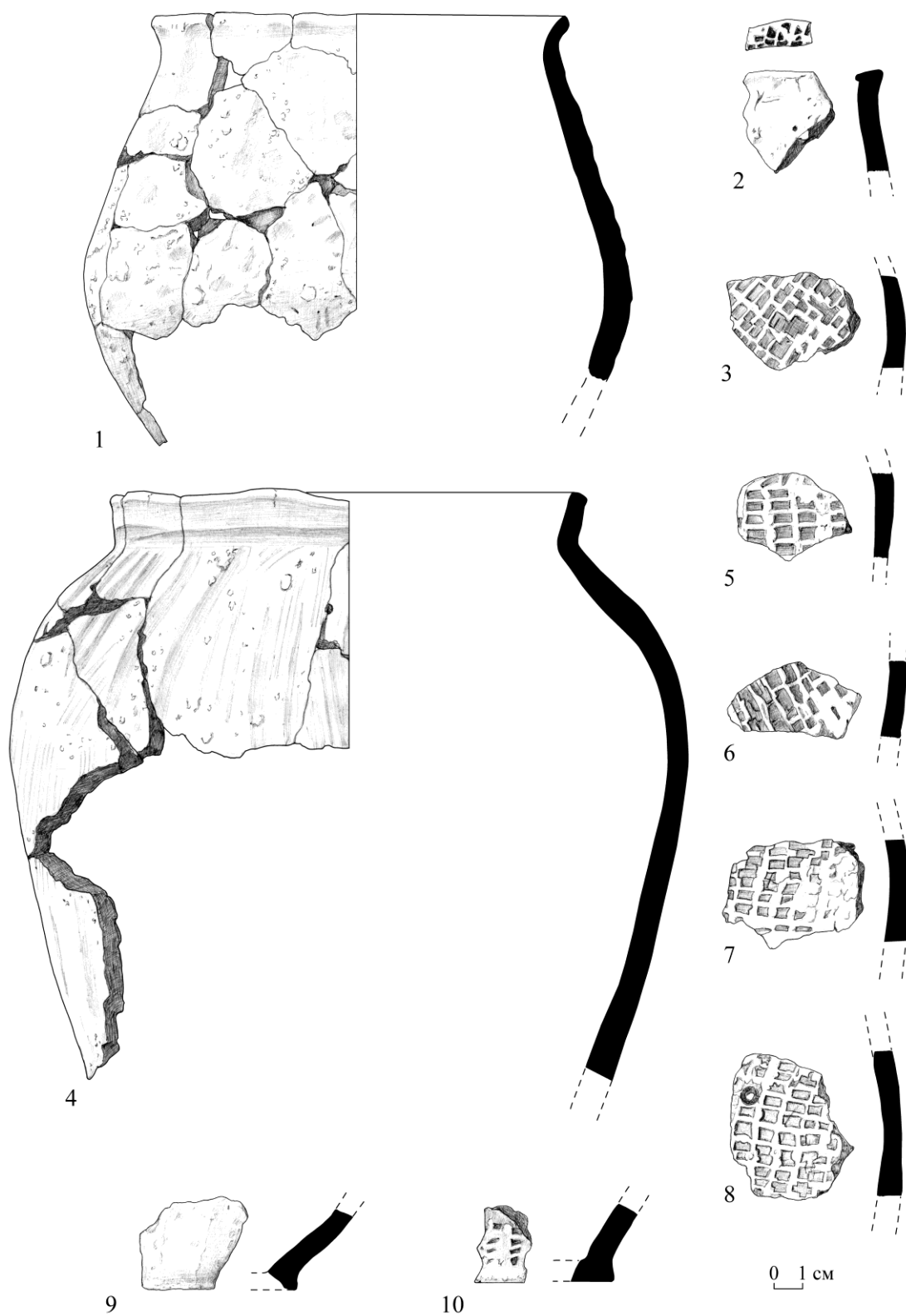

Рис. 5. Керамический комплекс из заполнения сооружения 1:
 1 – кв. 3, 7; 2 – кв. 3, 7; 3 – кв. 3, 7; 4 – кв. 3, 7; 5 – кв. 3, 7; 6 – кв. 2, 6; 7 – кв. 2, 6; 8 – кв. 2, 6;
 9 – кв. 3, 7; 10 – кв. 2, 6. 1-10 – керамика

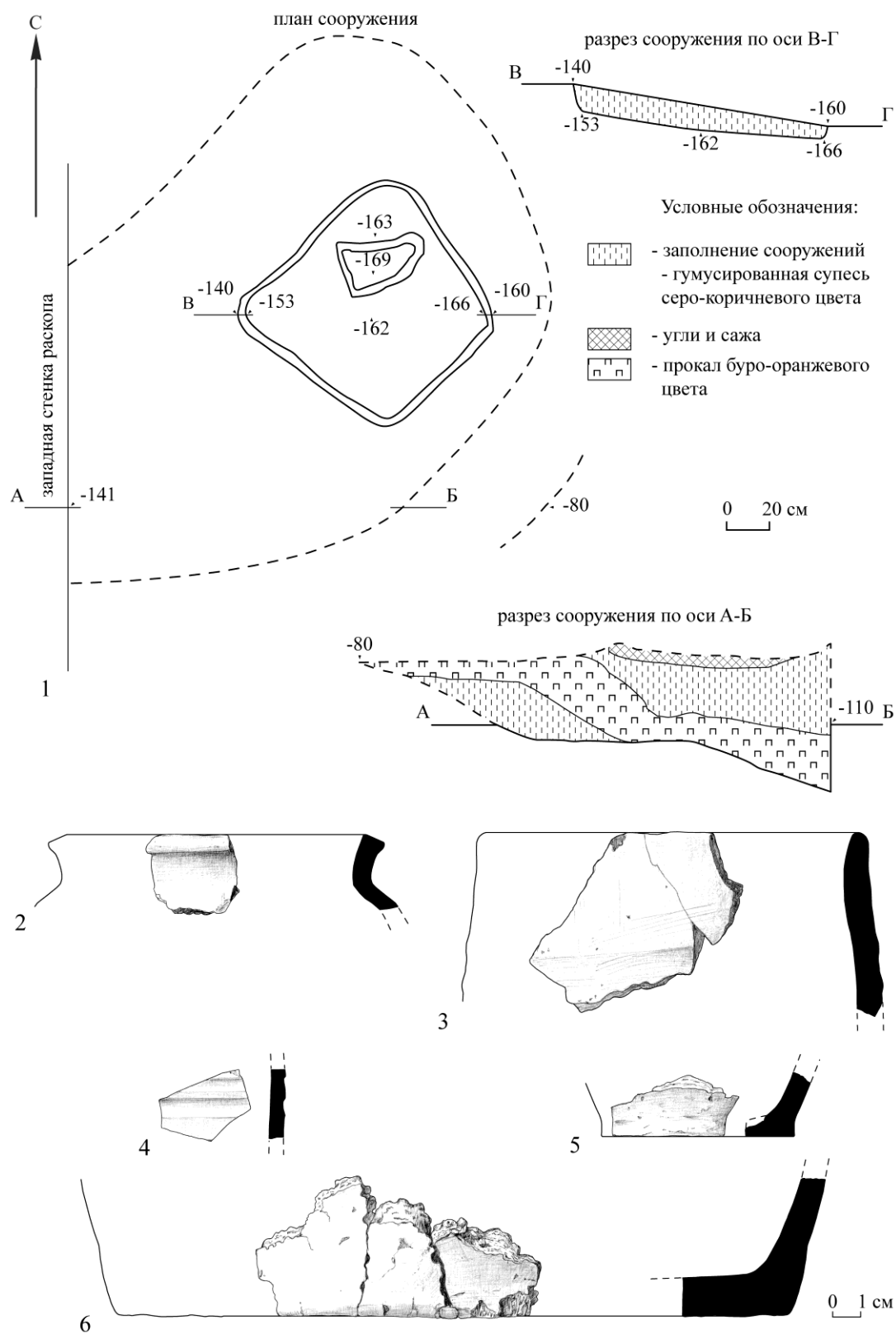

Рис. 6. Сооружение 3 и керамический комплекс из его заполнения:

1 – план и профиль сооружения 3; 2 – кв. 13; 3 – кв. 13, 14; 4 – кв. 13, пл. 2; 5 – кв. 13, пл. 3;

6 – соор. 3. 2-6 – керамика

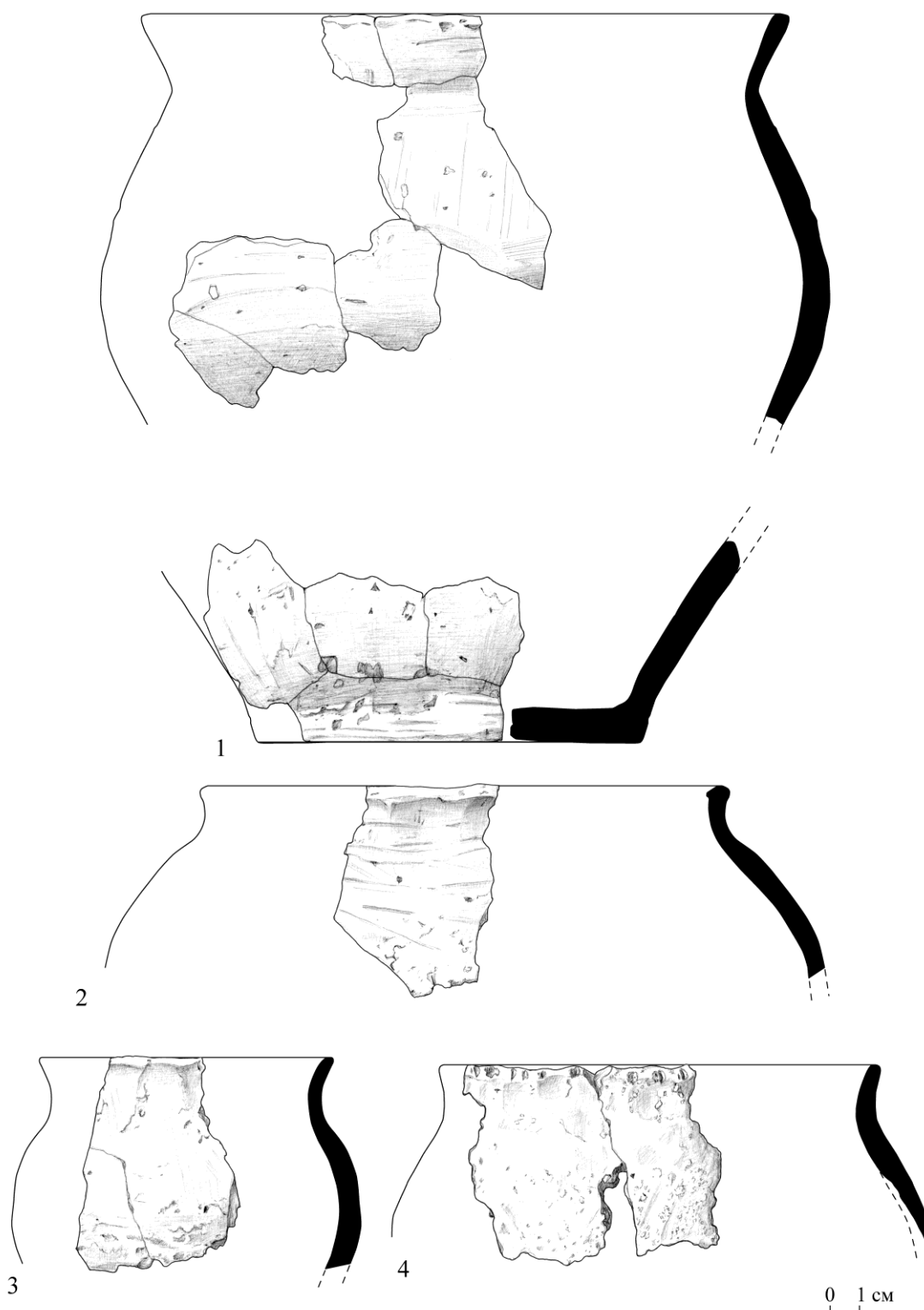

Рис. 7. Керамический комплекс из заполнения сооружения 3:

1 – кв. 13, 17, пл. 2; 2 – кв. 13, 14; 3 – кв. 13; 4 – кв. 13, 14. 1-4 – керамика

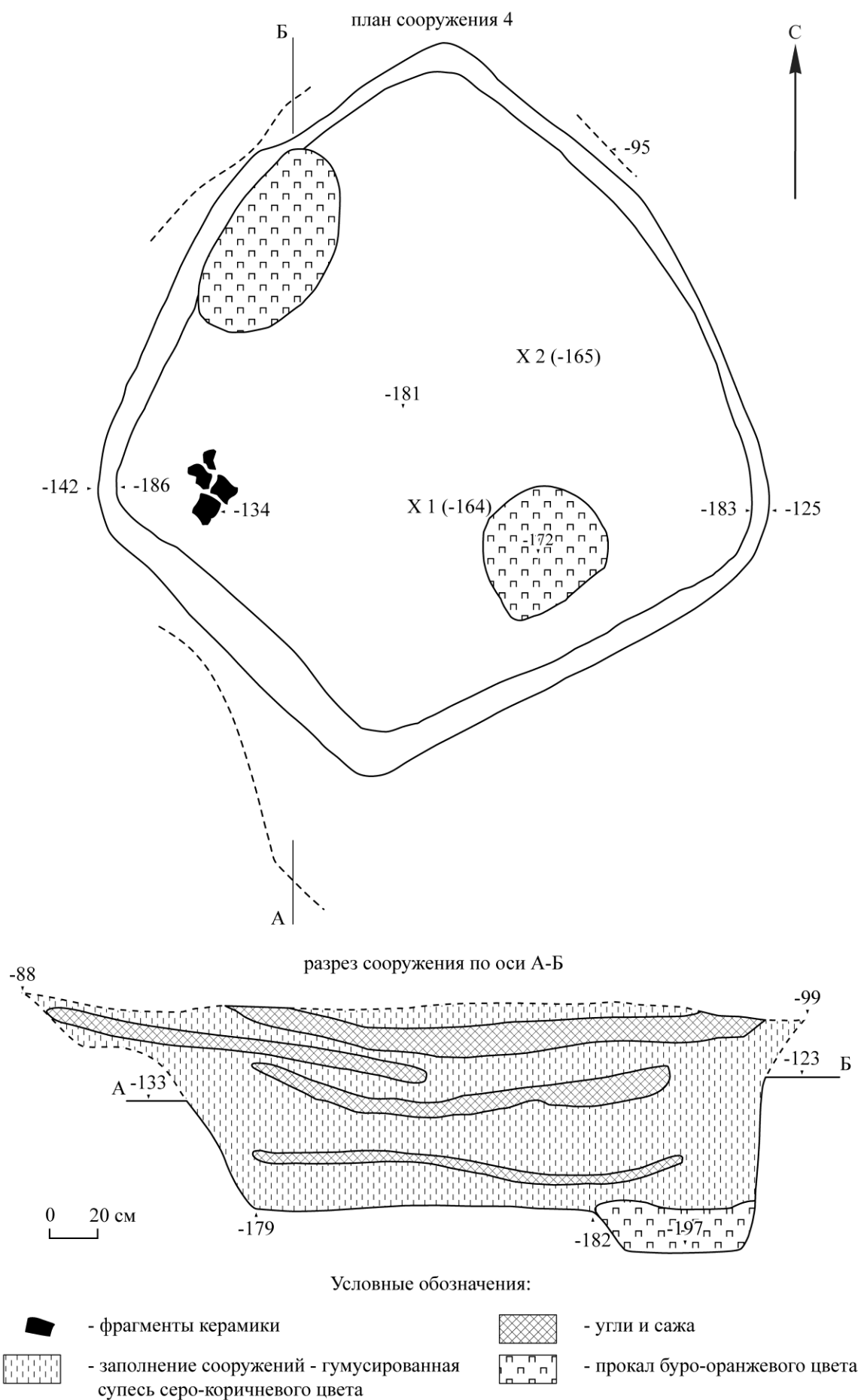

Рис. 8. План и профиль сооружения 4

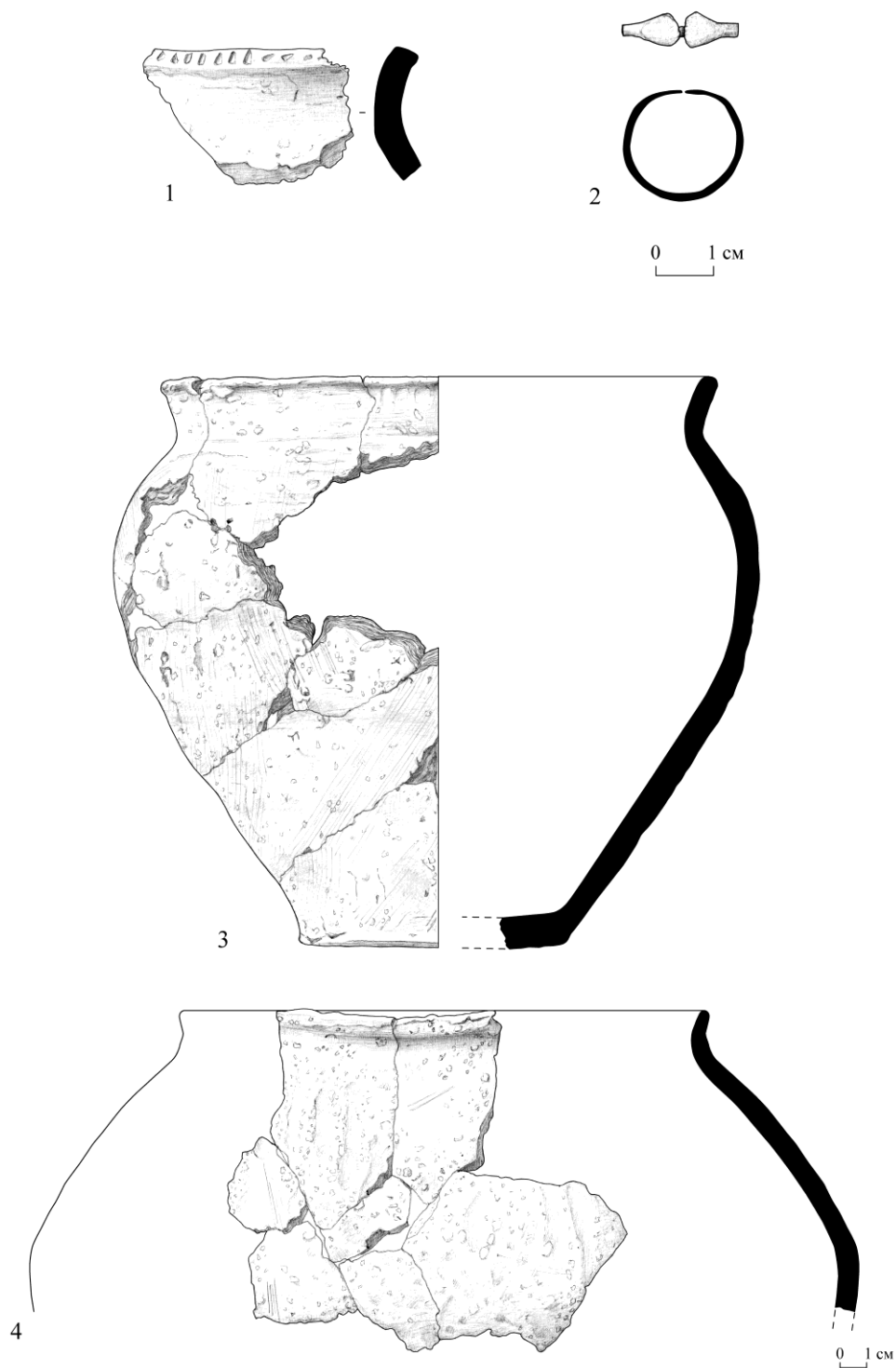

Рис. 9. Вещевой материал и керамический комплекс из заполнения сооружения 4:

1 – кв. 19, 23; 2 – кв. 19; 3 – кв. 16, 18, 19; 4 – кв. 19. 1, 3-4 – керамика; 2 – бронза

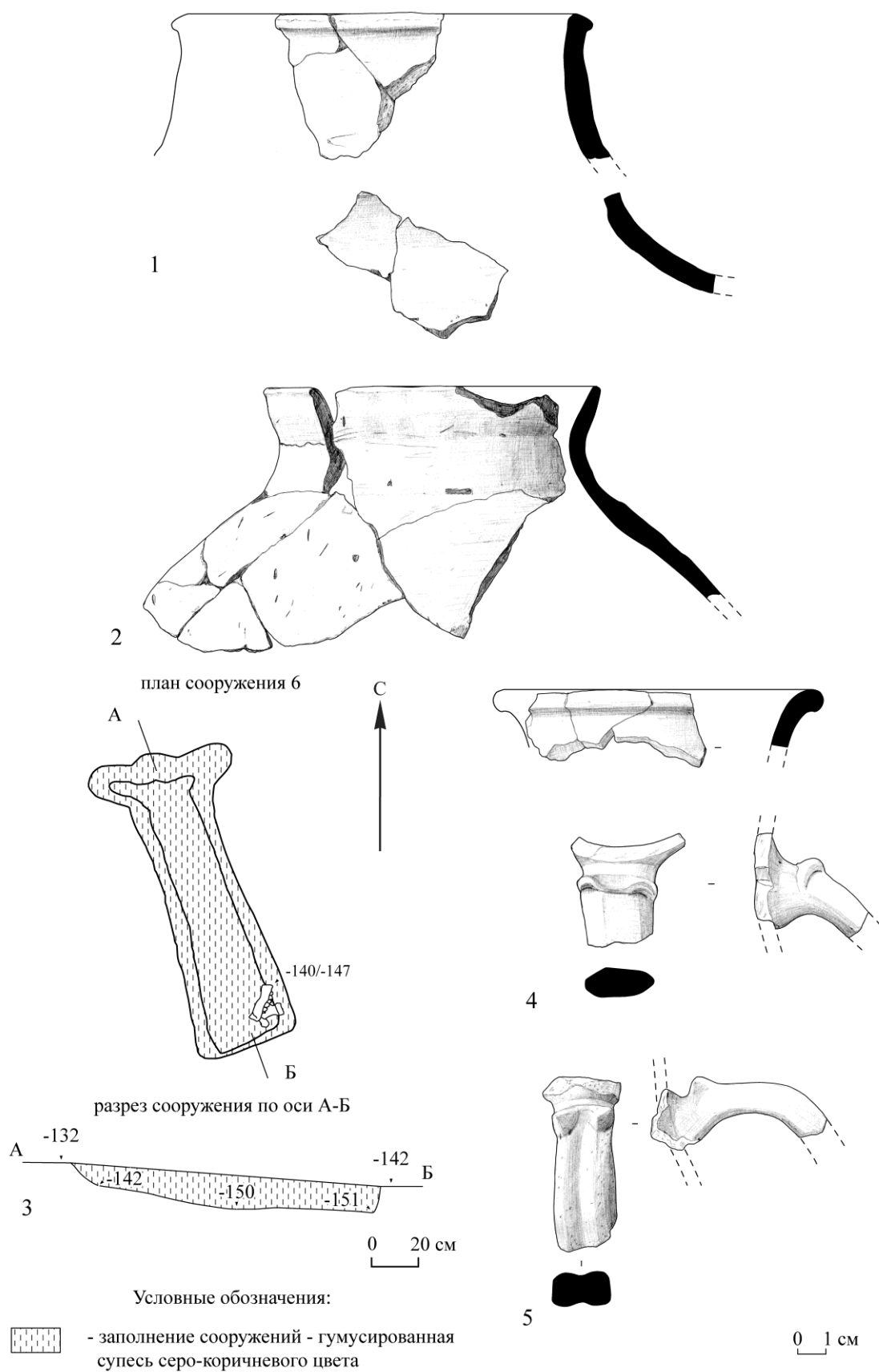

Рис. 10. Сооружение 6 и керамический комплекс из заполнения сооружения 6 и прилегающей части культурного слоя (кв. 24, 37, пл. 2; верх. ч. зап-я соор. 4): 1 – соор. 4, пл. 3; 2 – соор. 6, кв. 37, 33 и кв. 24, пл. 2; 3 – план и профиль сооружения 4; 5 – кв. 24, пл. 2; 6 – кв. 24, пл. 2). 1-2, 4-5 – керамика

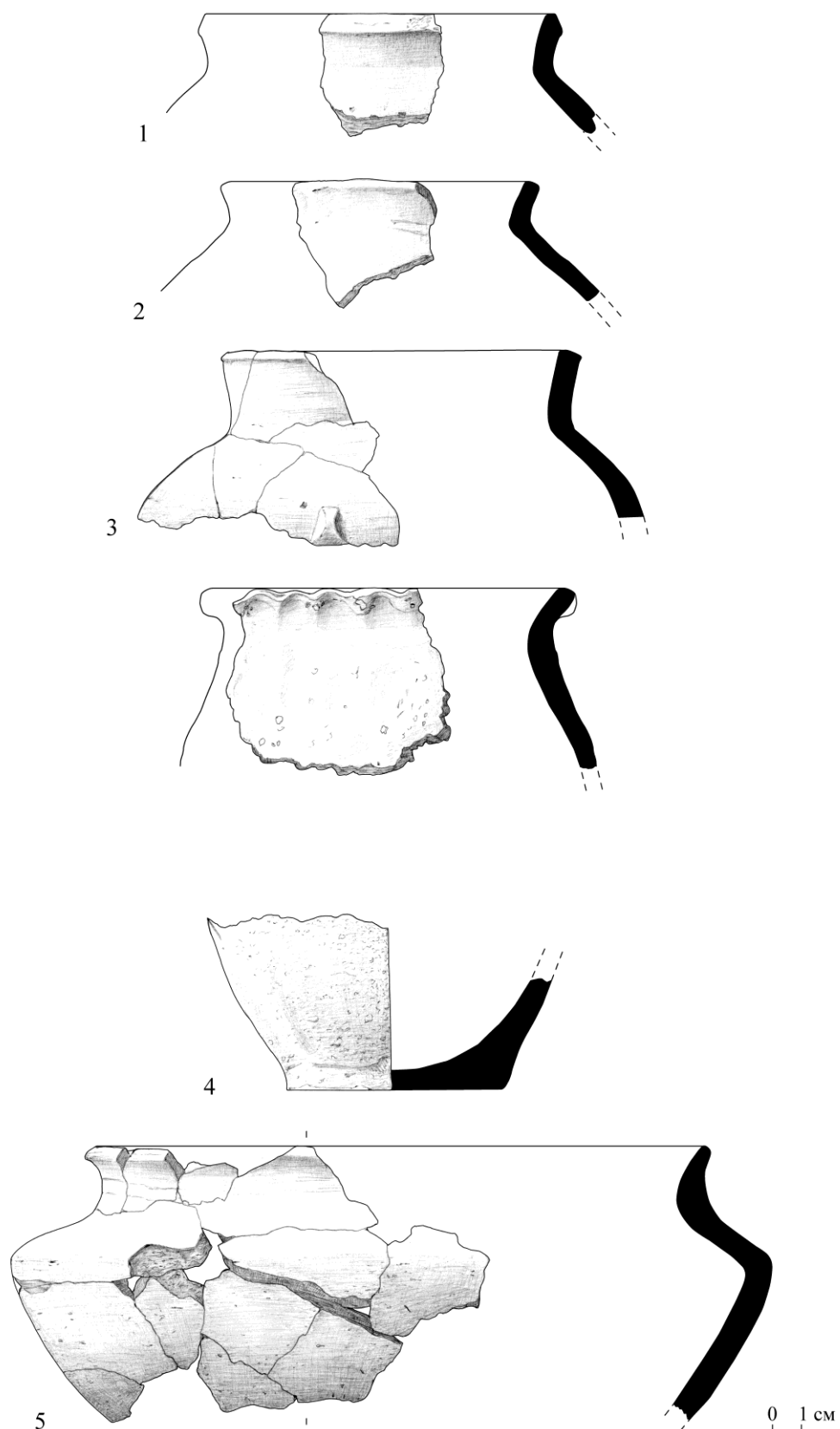

Рис. 11. Керамический комплекс из заполнения сооружения 6 и прилегающей части культурного слоя (кв. 24, 37, пл. 2; верх. ч. зап-я соор. 4):

1 – кв. 24, пл. 2; 2 – кв. 37, пл. 2; 3 – кв. 24, пл. 2; 4 – кв. 37, пл. 2; 5 – кв. 24, пл. 2. 1-5 – керамика

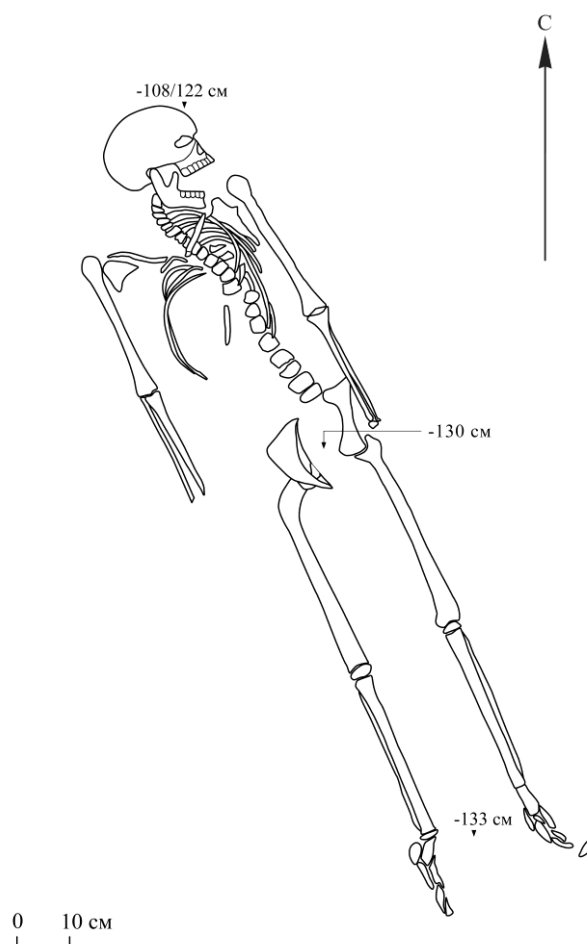

Рис. 12. Городище Лбище. План погребения 1

Литература

1. Богачев А.В. Славяне, германцы, гунны, болгары на Средней Волге в I тыс. н.э. Историко-археологическое исследование. Saarbrücken, 2011.
2. Лифанов Н.А. Раннесредневековые жилые постройки лесостепного Поволжья как источник культурно-генетических реконструкций // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. Материалы научной конференции. (Труды ГИМ. Вып. 122). М., 2000. С. 128-134.
3. Матвеева Г.И. Раскопки городища Лбище // Археологические открытия 1982 года. М., 1984. С. 159-160.
4. Матвеева Г.И. Работы на городище Лбище // Археологические открытия 1983 года. М., 1985. С. 162-163.
5. Матвеева Г.И. Этнокультурные процессы в Среднем Поволжье в I тысячелетии н.э. // Культуры Восточной Европы I тысячелетия: межвуз. сб. статей. Куйбышев, 1986. С. 158 – 171.
6. Матвеева Г.И. Работы Куйбышевского университета // Археологические открытия 1984 года. М., 1986. С. 141-142.
7. Матвеева Г.И. Памятники лбищенского типа – ранний этап именьковской культуры // Культуры евразийских степей второй половины I тыс. н.э. (вопросы хронологии). Материалы II международной археологической конференции. Самара, 17-20 ноября 1997 г. Самара, 1998. С. 87-96.
8. Матвеева Г.И. Экспедиции в прошлое. Записки археолога. Самара, 1998.

9. Матвеева Г.И. Памятники начала эпохи Великого переселения народов (II-IV вв. н.э.) // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней: в 6 тт. Т. 3. Ранний железный век и средневековье. М., 2000. С. 94-112.
10. Матвеева Г.И. Хронология именьковской культуры // Самарский край в истории России. Материалы юбилейной научной конференции. Самара, 2001. С. 186-189.
11. Матвеева Г.И. Среднее Поволжье в IV-VII вв. Именьковская культура: учебное пособие. Самара, 2003.
12. Матвеева Г.И. К вопросу о хронологии городища Лбище // Контактные зоны Евразии на рубеже веков. Материалы археологической экспедиции СОИКМ им. П.В. Алабина и международной конференции. Самара, 2003. С. 90-93.
13. Матвеева Г.И. Именьковская культура: некоторые итоги и перспективы исследования // Археологическая экспедиция: новейшие достижения в изучении историко-культурного наследия Евразии. Материалы всероссийской научной конференции, посвященной 35-летию КВАЭ. Ижевск, 29-30 января 2008 г. Ижевск, 2008. С. 94-103.
14. Матвеева Г.И., Богачёв А.В., Набоков А.В. Переволокское городище // 40 лет Средневолжской археологической экспедиции. Краеведческие записки. Вып. XV. Самара, 2010. С. 231-242.
15. Матвеева Г.И., Вязов Л.А., Гасилин В.В. Раскопки городища Лбище // Археологические открытия 2003 года. М., 2004. С. 323-325.
16. Обломский А.М. Об одной группе сосудов эпохи Великого переселения народов // Российская археология. 2005. № 2. С. 32-45.
17. Петренко А.Г. К истории хозяйственной деятельности населения Нижнего Прикамья I тыс. н. э. // Культуры Евразийских степей второй половины I тыс. н.э. (Вопросы хронологии). Материалы II международной археологической конференции. Самара, 17-20 ноября 1997 г. Самара, 1998. С. 198-212.
18. Поливанов В.Н. Археологическая карта Симбирской губернии. Симбирск, 1900.
19. Расторопов А.В. Исследования городища Лбище на Самарской Луке в 1981 г. // Древности Среднего Поволжья. Куйбышев, 1985. С. 100-110.
20. Салугина Н.П. Технология изготовления керамики на городище Лбище (по результатам микроскопического анализа) // Культуры Восточной Европы I тысячелетия н.э. Куйбышев, 1986. С. 105-117.
21. Салугина Н.П. Некоторые вопросы истории именьковских племен в свете данных технико-технологического анализа керамики // Проблемы изучения археологической керамики. Куйбышев, 1988. С. 119-144.
22. Салугина Н.П. Результаты технологического анализа керамики оседлых племен Самарского Поволжья в раннем железном веке и раннем Средневековье // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней: в 6 тт. Т. 3. Ранний железный век и Средневековье. М., 2000. С. 216-246.
23. Сташенков Д.А. О хронологическом соотношении памятников лбищенского типа и ранних памятников именьковской культуры // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2010. Т. 12. № 6. С. 272-275.
24. Сташенков Д.А. О ранней дате именьковской культуры // 40 лет Средневолжской археологической экспедиции. Краеведческие записки. Вып. XV. Самара, 2010. С. 111-125.

ИНГУМАЦИОННЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ СИДЕЛЬКИНСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА¹

Статья посвящена характеристике погребений, совершенных по обряду ингумации, изученных на территории Сиделькинского археологического комплекса в Самарском Поволжье. Выделены три подгруппы, различающиеся по деталям погребального обряда. Обосновывается датировка погребений III-IV вв. н.э. Делается вывод о смешении в это время разнотипных групп населения на территории Самарского Поволжья.

Ключевые слова: Самарское Поволжье, грунтовые погребения, ингумация, киевская культура.

Среди археологических памятников бассейна р. Большой Черемшан особое место занимает комплекс памятников – селище и грунтовой могильник у с. Сиделькино Челно-Вершинского района Самарской области, относящийся к кругу памятников типа Сиделькино-Тимяшево, а в более широком плане – к числу памятников киевского круга.

В окрестностях с. Сиделькино участок высокой террасы правого берега р. Б. Черемшан, поверхность которой имеет полого-увалистый рельеф с крутыми склонами, вдается в пойму и представляет собой холм, имеющий местное название «гора Маяк» (рис. 1). На вершине и восточном склоне горы Маяк расположены грунтовой могильник Сиделькино I и Сиделькинское II селище.

Поверхность памятника первоначально была задернована. С 1980-х гг. на его территории разрабатывался карьер по добыче щебня. В 1991 г. при проведении археологических разведок на территории Сиделькинского II селища было зафиксировано разрушенное погребение, совершенное по обряду кремации. В 1995 г. в связи с продолжающимся разрушением на памятнике был заложен раскоп площадью 26 кв. м. В раскопе выявлены остатки двух разрушенных безынвентарных погребений, совершенных по обряду трупоположения (рис. 2). В 2001-2007 гг. экспедиция СОИКМ им. П.В. Алабина проводила раскопки Сиделькинских II селища и I грунтового могильника. В зоне разрушения на территории селища и грунтового могильника в различных частях памятника были заложены восемь раскопов общей площадью 1010 кв. м. В ходе исследований были выявлены материалы, относящиеся к разным культурно-хронологическим горизонтам: эпохе каменного века (рубеж палеолита-мезолита, мезолит, неолит), позднесарматскому кругу, киевской культуре. Материалы раскопок частично опубликованы [8; 9; 2; 3].

Наиболее ранние материалы на памятнике, относящиеся к каменному веку, встречены на раскопах 3, 5, 6 и 8. На площадке раскопа 6 исследовано 3 погребения рубежа палеолита-мезолита [4].

Для Самарского Поволжья особое значение имеет обнаружение на территории Сиделькинского комплекса биритуального некрополя рубежа раннего железного века – Средневековья. Выявленные погребения можно разделить на три большие группы.

- 1) Погребения первой группы: ингумационные захоронения.
- 2) Погребения второй группы: остатки кремации на стороне помещены в ямы округлой формы диаметром 0,3-1,2 м, углубленные в материк на 0,15-0,3 м (15 погребений. Информация о них частично опубликована: см. 9). В яму ссыпалась небольшая часть праха погребенных с остатками погребального костра (единичные фрагменты мелких кальцинированных костей, зола и мелкие угольки). Погребальный инвентарь практически отсутствовал. Погребальный обряд этой группы близок к обряду погребальных памятников киевской культуры [10, с. 38-44]. Следует отметить, что отсутствие индивидуальных находок в кремационных захоронениях – устойчивая традиция для Поволжского региона. В хронологически более поздних именковских

могильниках на территории Татарстана все погребения с трупосожжениями безурновые, половина из них – безынвентарные [7, с. 15-16].

3) Погребения третьей группы: остатки кремации на стороне помещены в ямы подпрямоугольной формы со скругленными углами размерами до 0,5х1,6 м, углубленные в материк на 0,1-0,3 м (3 погребения). В могильные ямы помещались единичные фрагменты мелких кальцинированных костей, зола и мелкие угольки, ошлакованные металлические детали одежды. Наиболее ярко черты, свойственные погребениям этой группы, выражены в погребении 6 раскопа 8 Сиделькинского II селища.

В данной публикации будут подробно рассмотрены шесть погребений, совершенных по обряду ингумации. На сегодняшний день это наиболее представительная выборка подобных погребальных комплексов в Поволжском регионе. В свою очередь, ее можно разделить на три подгруппы.

Подгруппа А (два погребения). Погребения без выраженных могильных ям, в могилу помещена только часть костяка.

Остатки двух погребений, совершенных по подобному обряду, исследованы в раскопе 1 в 1995 г.

Погребение 2¹ (рис. 3, А1). Выявлено в слое желтой глины. Очертания могильной ямы не прослеживались. Погребение, ориентированное на СВ, принадлежало мужчине 35-45 лет¹. Погребение было разрушено, возможно, преднамеренно. От костяка сохранилась часть черепной коробки, нижняя челюсть, часть таза и уложенные между ними в строгом порядке кости ног и рук (возможно, кости были «упакованы»). Возле погребения встречены мелкие фрагменты именьковской керамики.

Погребение 3 (рис. 3, А2), выявленное в слое желтой материковой глины, принадлежало женщине 20-30 лет. Погребение разрушено. Сохранились разрозненные фрагменты черепной крышки (затылочная часть) и кости рук. Какой-либо закономерности в расположении костных остатков не прослежено.

В первой публикации материалов раскопок у с. Сиделькино [8] погребения были отнесены к именьковской культуре и могильник трактовался как биритуальный. Однако в последнее время появились некоторые сомнения в правильности определения хронологической позиции данных погребений, так как на памятнике в начале 2000-х гг. были выявлены захоронения мезолитического времени, и требуются дополнительные исследования ранее выявленных погребений методами естественных наук.

Подгруппа Б (два погребения). Погребения, совершенные под каменной наброской.

Оба погребения этой группы выявлены на участке раскопа 3, который дал материалы, имеющие выраженный бытовой характер (рис. 4). Здесь найдены фрагменты многочисленных лепных сосудов, раздробленные кости животных, фрагменты пряслиц и тиглей.

На кв. 1 после снятия 1 пласта было расчищено скопление известняковых камней, которые являлись частью наброски над погребениями. Под каменной наброской выявлены два женских погребения, совершенных по обряду ингумации.

Погребение 1 (рис. 5).

Погребение и участок к северу от него были перекрыты плотной каменной наброской. Над погребением встречены фрагменты лепной керамики. В частности, между камнями находился фрагмент верхней части лощеного сосуда (рис. 5, 3) – небольшой глубокой миски диаметром по венчику 19 см. Погребение совершено в слое серого гумуса, до материкового слоя щебня могильная яма не доходила, и ее очертания проследить не удалось. Непосредственно в засыпи погребения зафиксированы мелкие угольки.

Погребение ориентировано на ВСВ. Погребенная – пожилая женщина¹ – была помещена в могилу в вытянутом положении на спине, левая рука вытянута вдоль туловища, правая согнута в локте. Кисть правой руки отсутствовала. Следы заживления на правой кости руки говорят о том, что кисть была отрублена (?) еще при жизни. Голова находилась на небольшом плоском камне, за счет чего она была чуть приподнята. На черепе прослежены следы преднамеренной искусственной деформации. В районе локтевого сгиба правой руки была найдена железная пряжка (рис. 5, 1), имеющая аналогии в позднесарматских погребальных комплексах Поволжья.

Погребение 2 (рис. 6).

Погребение, принадлежавшее женщине 30-35 лет, которую погребли в скорченном положении на левом боку. Головой погребение ориентировано на ЮВ. Очертания могильной ямы в слое темно-серого гумуса не фиксировались. Над погребением встречены отдельные известковые камни, которые к западу от погребения (между погр. 1 и 2) образовывали скопление. Над погребением, в районе костей погребенной и под ними найдены фрагменты лепной керамики (рис. 6, 2-3) и костей животных, однако целые сосуды и их развалы не зафиксированы. Инвентарь в погребении отсутствовал.

В антропологическом плане погребенные относятся к европеоидному типу.

В лаборатории Геологического института РАН выполнен радиоуглеродный анализ костного материала из погребения 2 (GIN-11527: 1720 ± 70 BP, т.е. 230 ± 70 г. н.э.). Дата для погребения 1 получена в лаборатории университета Брок (Канада) – 1750 ± 45 лет, т.е. 280 ± 45 г. н.э. (обе даты не калиброваны).

Представляется, что погребения 1 и 2 раскопа 3 синхронны и однокультурны. Наиболее вероятная дата совершения захоронений – III в. н.э.

Нужно отметить, что погребения со скорченными погребенными, в том числе с ориентировкой в восточном секторе, на синхронных памятниках встречены, в частности, на Черняховском могильнике II-IV вв. Будешты, в котором ощутим сарматский компонент [5, с. 41, рис. 23, 1; 27, 1].

Находка в заполнении могильных ям и под погребениями фрагментов керамики, типичной для селища, дает основание для утверждения, что погребения совершены во время функционирования поселения, или, что менее вероятно, после оставления его прежними обитателями.

Подгруппа В (два погребения). Погребения выявлены в 2005-2006 гг. в производственных сооружениях на раскопе 8 Сиделькинского II селища.

Погребение в сооружении 26.

Сооружение 26 было выявлено после зачистки 2 пласта по цвету заполнения. Сооружение представляет собой яму округлой формы диаметром 1,6 м, углубленную в материк на 1,04 м (рис. 7, А). Стенки сооружения отвесные, дно ровное. Заполнение верхней части сооружения состояло из плотного пестроцвета почти без находок. Затем следовал слой коричневого суглинка и темно-коричневой гумусированной супеси. В основном в этом слое найдены большая часть из 47 фрагментов керамики (рис. 7, Г), 302 кости животных, среди которых определены кости овцы, шлак, угли, небольшие известняковые камни, в том числе обожженные, неопределимый железный предмет и обрезок тонкой медной пластинки.

На глубине 51 см от уровня фиксации ямы выявлено погребение, совершенное в подбое южной стенки сооружения (рис. 7, Б). Подбой имел прямоугольную форму, высота его в северной части 40 см, глубина – 20 см. Погребенная – женщина в возрасте 40-50 лет – помещена в подбой в вытянутом на спине положении, головой она была ориентирована строго на восток. Руки погребенной были слегка согнуты в локтях. Кисть правой руки находилась на тазовой кости, кисть левой руки – около левого

бедра. Рост погребенной составлял 162-165 см. Мозговая коробка имеет преднамеренную лобно-затылочную деформацию. В районе левой ключицы погребенной найдены фрагмент железного ножа (рис. 7, B1; другой фрагмент находился на несколько сантиметров выше первого), а также костяной игольник, изготовленный из трубчатой кости животного небольшого размера (рис. 7, B2). Подобные игольники из птичьей кости найдены в погребениях черняховского могильника у с. Будешты [5, рис. 21, 9; 28, 17].

Ниже уровня погребения на глубину 30 см прослежен слой глиняной забутовки, а также прослойка сажи и угля мощностью 10 см. Непосредственно на дне сооружения отмечена золистая прослойка толщиной 1 см.

Вероятно, первоначально сооружение 26 представляло собой производственный комплекс, примыкающий к металлургической мастерской, возможно, служивший для выжигания угля. Погребение было совершено уже после использования сооружения по прямому назначению. После совершения погребения яма была забутована (возможно, залита жидкой глиной).

На основании наличия деформации черепа погребение можно отнести к числу погребений сарматского круга. По мнению А.А. Хохлова, краниологический комплекс погребения можно интерпретировать как монголоидный с европеоидной примесью.

Погребение в сооружении 29 (рис. 8).

Выявлено на фоне погребенной почвы по серому цвету заполнения. Сооружение представляет собой яму округлой формы размерами 210x205 см, углубленную в материк на 96 см. Стенки сооружения отвесные, слегка сужаются ко дну, дно ровное. В западной части ямы на глубине 48 см от уровня фиксации сделана ступенька шириной 20-30 см (рис. 8, А).

Заполнение сооружения состояло из гумусированного суглинка светло-коричневого цвета и пестроцвета с включением мелких угольков. В заполнении найдено 113 фрагментов керамики (рис. 8, В), 80 костей животных, среди которых определены кости КРС, МРС и лошади, 26 фрагментов глиняной обмазки размерами до 6 см и 10 мелких известковых камней (размерами до 5 см).

Вероятно, после прекращения функционирования сооружения как производственного оно было использовано для совершения захоронения. На середине глубины (50 см от уровня фиксации) в южной части ямы было выявлено погребение женщины 40-50 лет (рис. 8, Б). Погребение было совершено у южной стенки ямы, погребенная на спине, головой она ориентирована на восток. Левая рука вытянута вдоль туловища, правая согнута в локти и кисть ее находится около лица. Правая нога вытянута, левая согнута в колене. Между бедер зафиксирована обугленная деревянная плашка. Рост погребенной составлял около 160 см. На черепе прослежены четкие следы искусственной (кольцевой) деформации. По мнению А.А. Хохлова, краниологический комплекс погребения можно интерпретировать как европеоидный с незначительной «восточной» примесью. Инвентарь в погребении отсутствовал.

Непосредственно под погребением до самого дна сооружения шел слой раннего заполнения – плотного пестроцвета с вкраплением мелких угольков, образовавшегося до совершения захоронения.

Вероятно, сооружение 29 имело производственное назначение. Возможно, оно представляло собой яму для выжигания угля, аналогичную соор. 26, или было связано с металлургическим производством.

Погребение, совершенное после использования сооружения по прямому назначению, на основании наличия деформации черепа можно отнести к числу погребальных комплексов сарматского круга.

По отношению к погребенным в соор. № 26 и 2 логичным представляется предположение, что эти женщины являлись современницами (или родственницами?) владельцев изученного на раскопе 8 металлургического комплекса.

Раскопки Сиделькинского II селища и Сиделькинского I грунтового могильника дали неоднородный материал, свидетельствующий о пребывании в регионе в III-IV вв. населения, истоки которого следует искать как на территории распространения киевской культуры или граничащих с ней культур, так и среди сарматского населения Волго-Уральского региона.

Вероятно, в это время на территории Самарского Поволжья происходило смешение пришлого оседлого населения с представителями кочевых сарматских групп, причем свои захоронения представители этих групп совершали на различных участках единого могильника.

Можно говорить о том, что лесостепная территория бассейна р. Б. Черемшан, как и территория Самарского Поволжья в целом, на заре раннего Средневековья являлась своеобразной контактной зоной, где на протяжении нескольких столетий непрерывно сменяли друг друга и сосуществовали разнотипные группы, пришедшие как из восточных, так и из западных районов.

Необходимо отметить, что ингумационные погребения, совершенные в культурном слое поселений, встречены и на других памятниках Самарского Поволжья первой половины I тыс. н.э. – в частности, на Царевом кургане и городище Лбище. Скорее всего, в данном случае мы имеем дело с устойчивой традицией, осмысление которой – дело будущего.

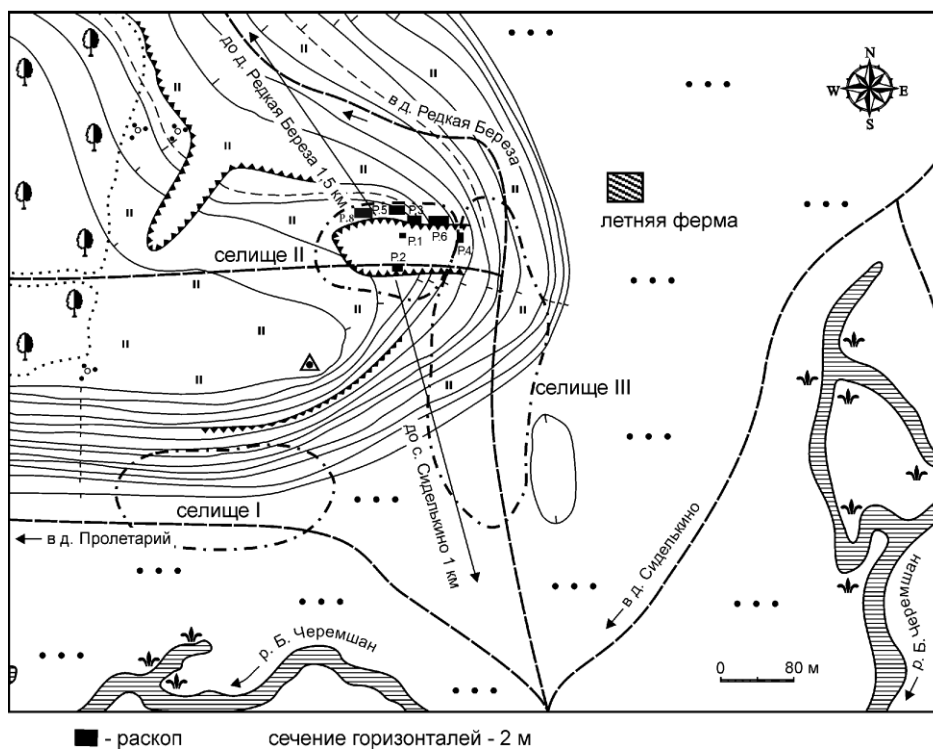

Рис. 1. Археологический комплекс у с. Сиделькино. План

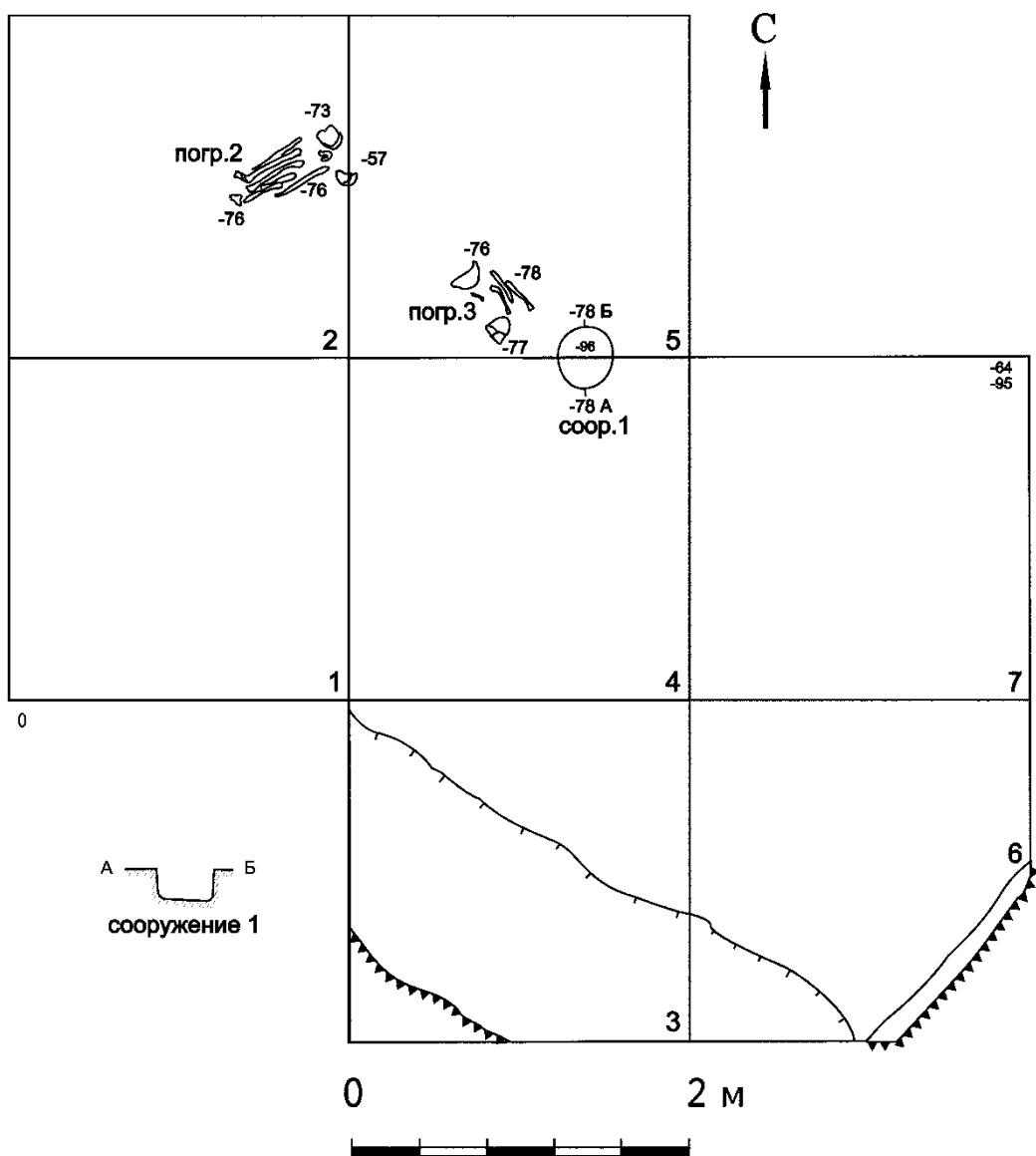

Рис. 2. Сиделькинское II селище. Раскоп 1. План

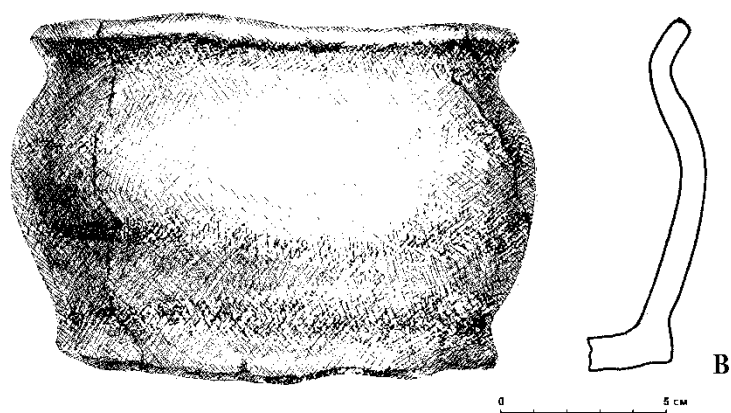
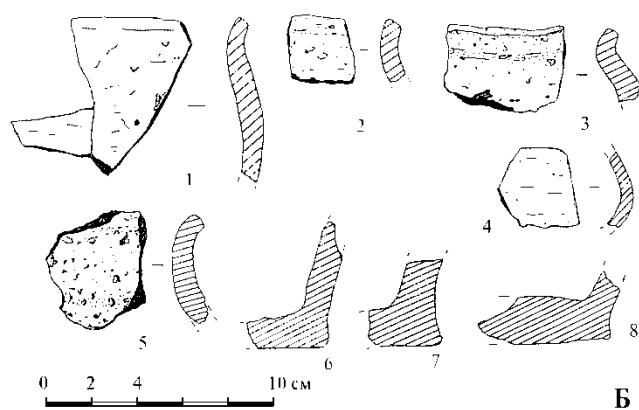
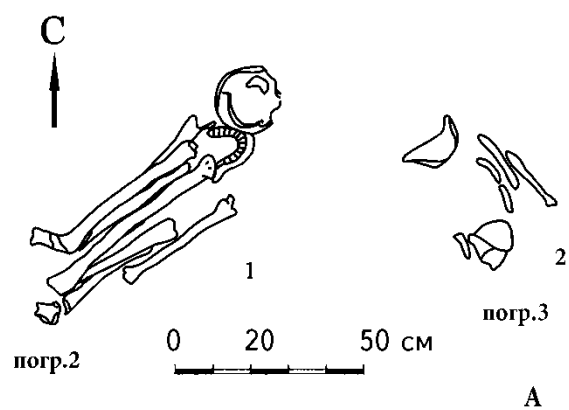

Рис. 3. Сиделькинское II селище. Раскоп 1:
 А – планы погребений 2-3; Б – фрагменты лепных сосудов из раскопа; В – лепной сосуд
 из переотложенного слоя

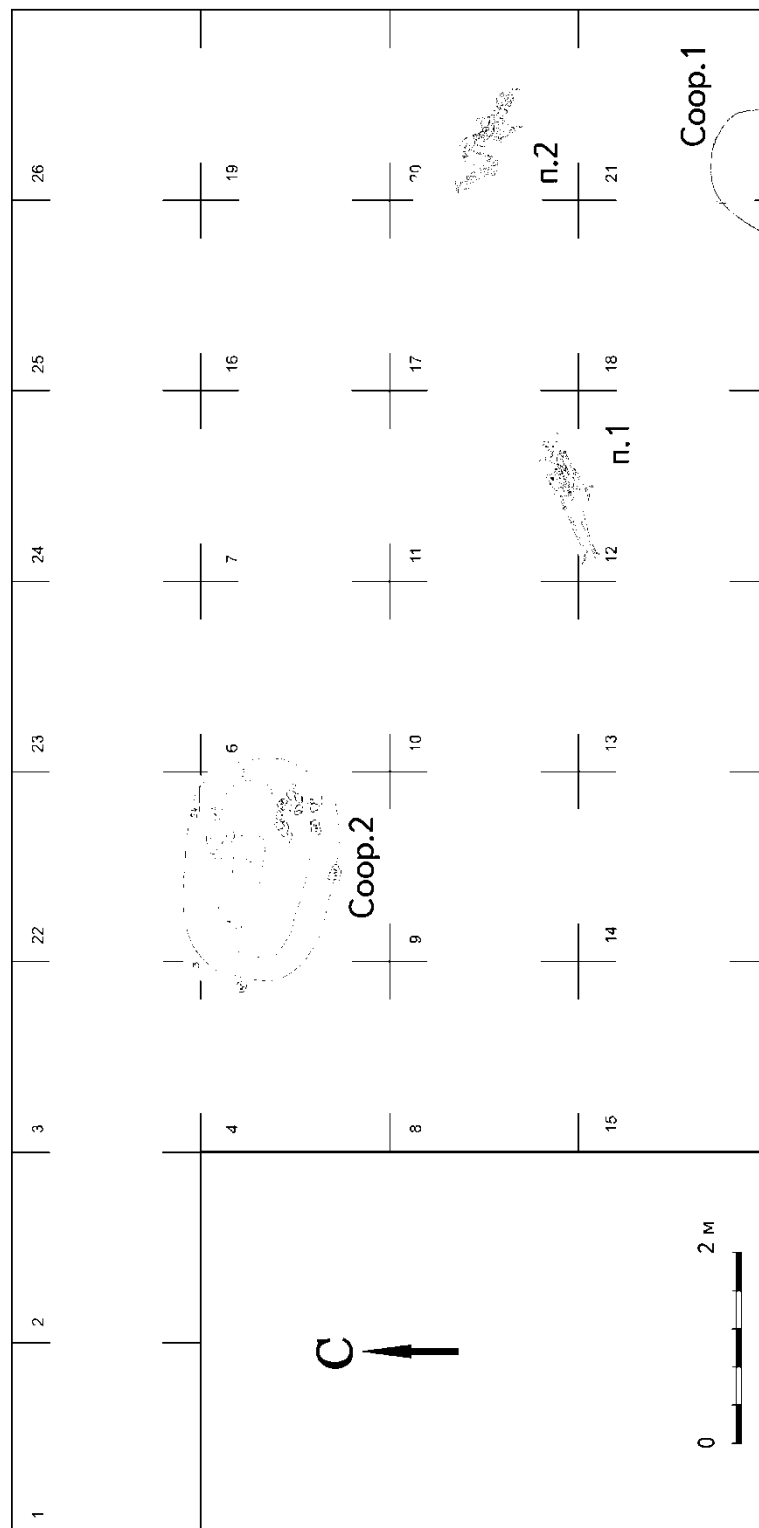

Рис. 4. Сиделькинское II селище. Раскоп 3. План

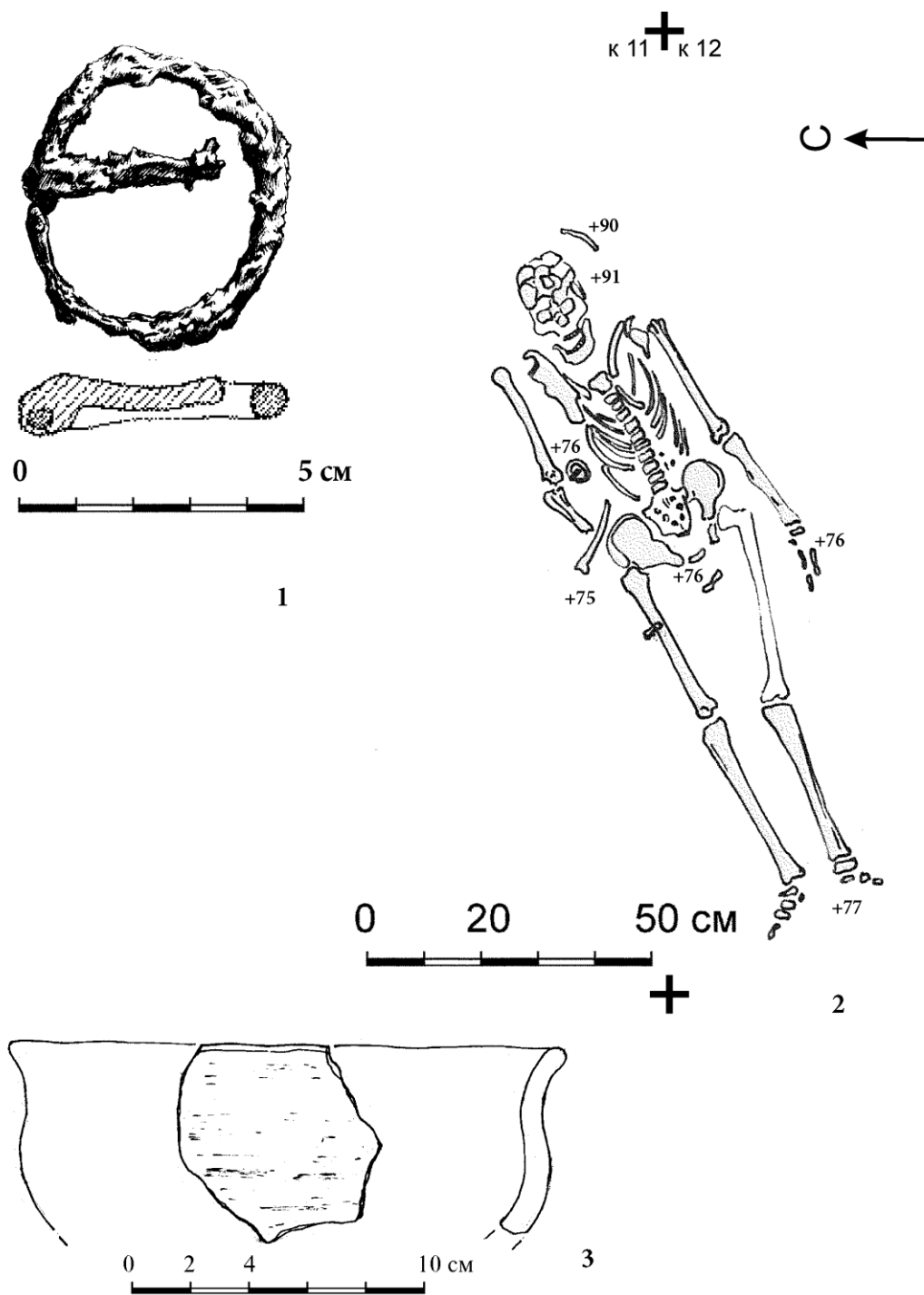

Рис. 5. Сиделькинское II селище. Раскоп 3. Погребение 1:
 1 – железная пряжка; 2 – план погребения; 3 – фрагмент лепной миски из заполнения погребения

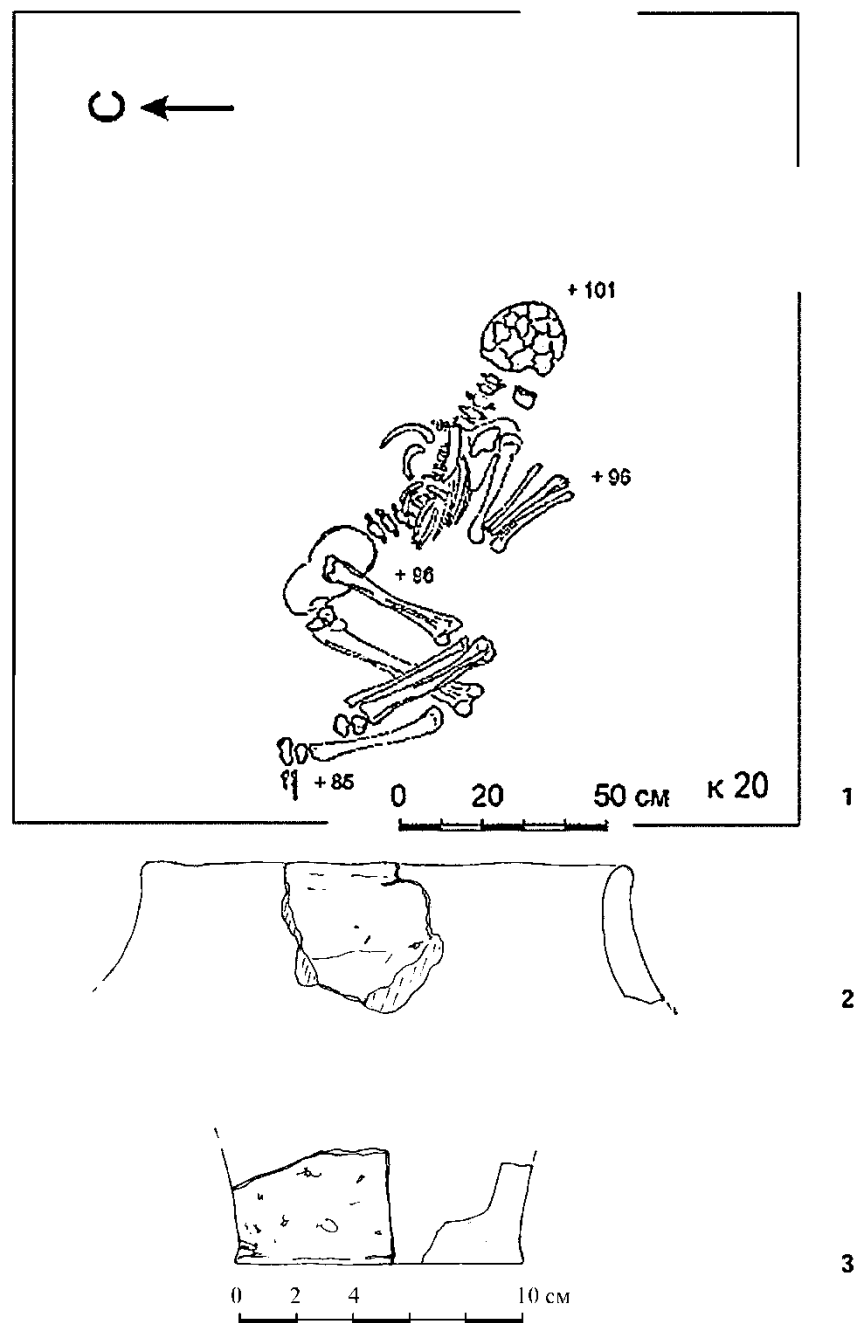

Рис. 6. Сиделькинское II селище. Раскоп 3. Погребение 2:
1 – план погребения; 2-3 – фрагменты лепных сосудов из заполнения погребения

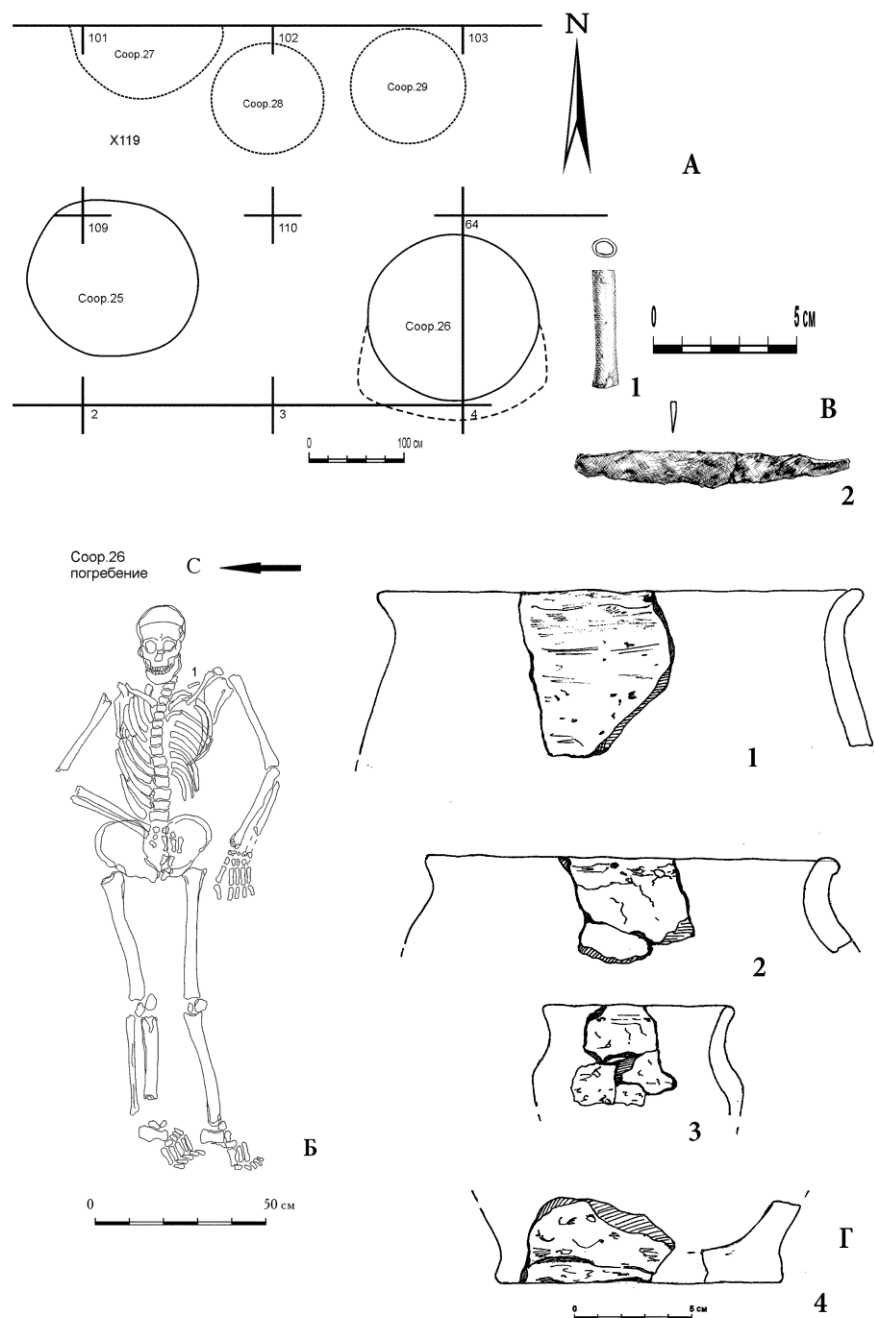

Рис. 7. Сиделькинское II селище. Раскоп 8:

А – план сектора раскопа с сооружениями на уровне фиксации; Б – погребение в сооружении 26; В – костяная трубочка и железный нож из погребения; Г – фрагменты лепных сосудов из заполнения сооружения 26

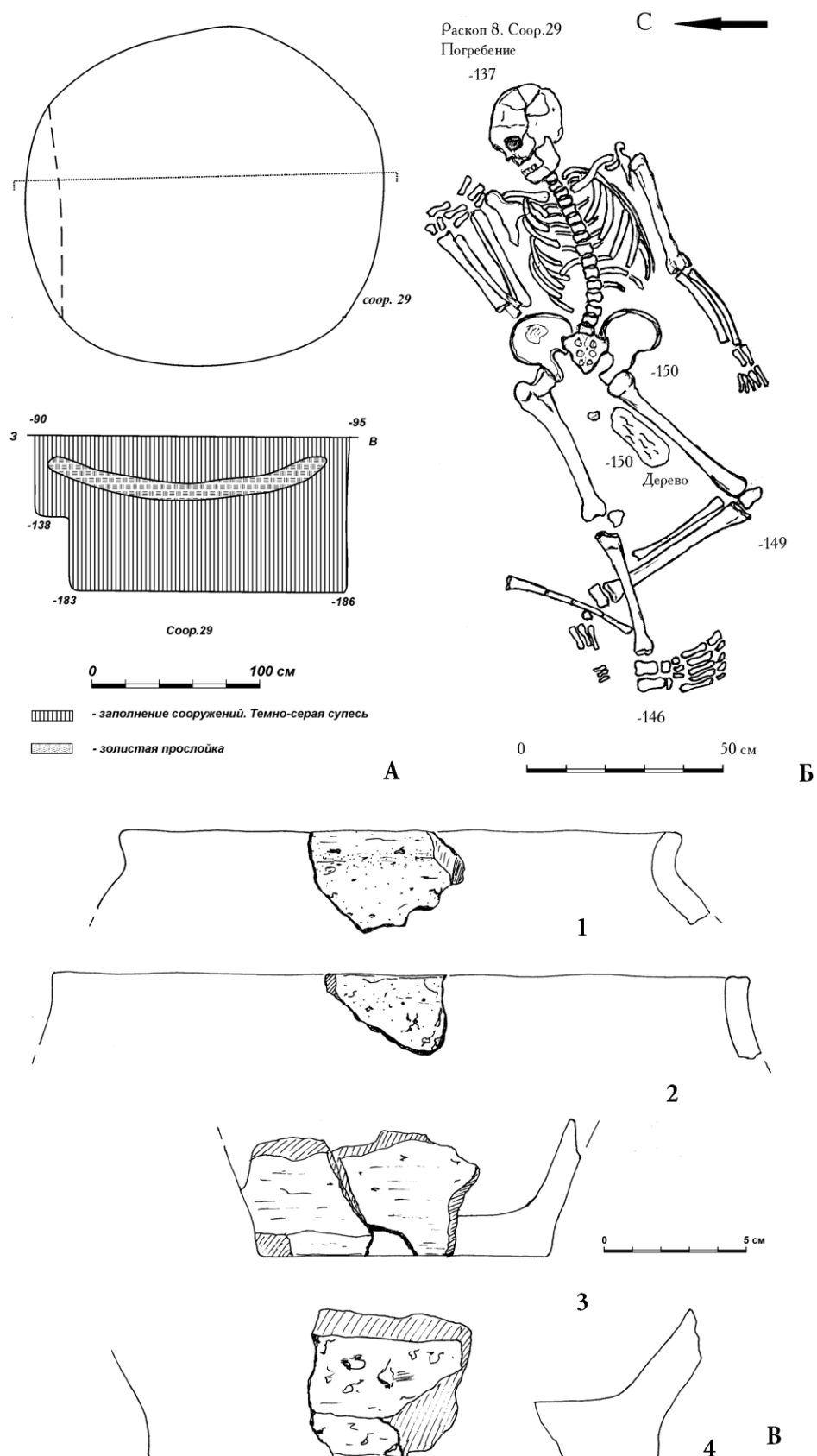

Рис. 8. Сиделькинское II селище. Раскоп 8:
А – план и разрез сооружения 29; Б – погребение в сооружении 29; В – фрагменты лепных
сосудов из заполнения сооружения 29

Литература

1. Газимзянов И.Р. Антропологическая характеристика материалов могильника у с. Сиделькино // Краеведческие записки. Вып. VIII. Самара, 1996.
2. Кочкина А.Ф., Сташенков Д.А. Археологический комплекс на горе Маяк // Проблемы древней и средневековой истории Среднего Поволжья. Материалы вторых халиковских чтений 29-30 мая 2002 г. Казань, 2002.
3. Кузнецова Л.В., Сташенков Д.А. Гора Маяк – новый памятник каменного века в Самарском Заволжье (предварительные результаты исследования) // Верхний палеолит – верхний плейстоцен: динамика природных событий и периодизация археологических культур. (Материалы международной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения А.Н. Рогачева). Санкт-Петербург, 2002.
4. Кузнецова Л.В., Ластовский А.А., Сташенков Д.А., Хохлов А.А. Комплекс памятников каменного века на горе Маяк в Самарском Заволжье // РА. 2004. № 1.
5. Рикман Э.А. Памятник эпохи Великого переселения народов. По раскопкам поселения и могильника черняховской культуры у села Будешты. Кишинев, 1967.
6. Рикман Э.А. Черняховское селище Делакее в Молдавии // История и археология юго-западных областей СССР начала нашей эры. МИА. №139. М., 1967.
7. Старостин П.Н. Памятники именьковской культуры // САИ. Вып. Д1-32. М., 1967.
8. Сташенков Д.А. Памятники эпохи раннего Средневековья у с. Сиделькино // Краеведческие записки. Вып. VIII. Самара, 1996.
9. Сташенков Д.А. Оседлое население Самарского лесостепного Поволжья в I-V веках н.э. М., 2005.
10. Терпиловский Р.В., Абашина М.С. Памятники Киевской культуры. Свод археологических источников. Киев, 1992.
11. Хохлов А.А. Антропологические материалы из погребений на территории поселения Сиделькино II // Контактные зоны Евразии на рубеже эпох. Самара, 2003.

УДК 902/904

© 2012 Газимзянов И.Р., Хохлов А.А.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СКЕЛЕТОВ ИЗ ЗАХОРОНЕНИЙ С ТЕРРИТОРИИ ТЕТЮШСКОГО II ГОРОДИЩА

Характеризуются антропологические материалы раннего Средневековья из погребений на территории Тетюшского II городища, совершённых по мусульманскому обряду. Отмечается наличие двух краниологических вариантов, долихокранного европеоидного и суббрахикранного с монголоидными чертами, соответственно и разные генетические истоки их носителей. Предполагается связь первого с одной из групп населения, переселившихся в золотоордынский период на Среднюю Волгу с юго-запада Восточной Европы. Второй краниологический вариант был широко распространен среди населения Волжской Булгарии X-XV вв., видимо, он местного происхождения.

Ключевые слова: антропологическая характеристика, физический облик, краниологический материал, расогенетический процесс.

Долгое время науке практически ничего не было известно о физическом облике населения, проживавшего в средние века на территории Предволжья (в пределах Республики Татарстан). Небольшим исключением является серия черепов из

раннебулгарского Больше-Тарханского и раннемусульманского Тетюшского могильников [1; 6]. В результате археологических работ в 2009 году на площадке именьевского городища Тетюшское II А.А. Бурхановым было исследовано несколько погребений средневекового времени.

По сообщению автора раскопок, могильные ямы прорезали ниже залегавший культурный слой именьевского времени, скелеты в них располагались вытянуто на правом боку, черепом ориентированы на запад или юго-запад, лицом повернуты к югу, вещевой инвентарь практически отсутствовал. Это дало повод связать захоронения с мусульманским обрядом и датировать их предварительно первой половиной II тыс. н. э.

Для антропологического анализа в наше распоряжение поступили лишь пять скелетов (три взрослых и два детских). Материал хорошей сохранности. С учетом его единичности и редкости для данной территории и данного времени существует необходимость описания каждого скелета. Половозрастные определения приведены в таблице 1, краниометрические измерения по двум черепам взрослых людей (п. 1, 4) представлены в таблице 2. Ниже дается их антропологическая характеристика.

Таблица 1

Половозрастные определения антропологического материала из захоронений на территории Тетюшского II городища

№ погребения	Пол	Возраст	Сохранность
1	Муж.	adultus	Хорошая
2	Дет.	2-3 года	Средняя
3	Дет.	около 3 лет	Средняя
4	Муж.	adultus	Хорошая
5	Жен.?	maturus	Плохая

Погребение №1.

В соответствии с размерами костей (длинные) прижизненный рост субъекта определяется в среднем 168.2 см (по формуле В.В. Бунака / Мамонова, 1986) и 167.0 см (по формуле Г.Ф. Дебеца / Алексеева, 1966). Степень облитерации черепных швов и стертости зубов определяет более точно возраст индивидуума в пределах 18-25 лет.

Черепная коробка характеризуется очень большим продольным и очень большим высотным диаметрами. По указателям она долихокранная, орто- и акрокранная. В проекции norma verticalis череп овоидной формы. Сакрорельеф в области надбровья и затылка выражен умеренно. Сильно развиты сосцевидные отростки и передненосовая кость. Лобная кость широкая, низкая и покатая. Лицевой отдел средний по ширине и большой по высоте, по указателю лептен. Нос абсолютно средневысокий, а относительно узкий (лепторинный), выступает в профиль достаточно хорошо. Орбиты широкие и высокие, мезоконхные.

Лицевой отдел по углам горизонтальной профилировки резко профилирован на уровне орбит и умеренно на уровне переднескуловых точек. Переносье высокое. В вертикальной проекции лицо по углам и указателю ортогнатное. Клыковая ямка средней глубины. Нижний край грушевидного отверстия антропинной формы.

Череп в целом долихокранный, узко- и высоколицый европеоидный.

В основании черепа, на наш взгляд, прослеживаются следы искусственного “расширения” затылочного отверстия. Из патологий зубочелюстной системы отметим развитие кариесных процессов на первом моляре нижней челюсти (2 балла).

Погребение №4.

Сохранившиеся кости скелета по размерам соответствуют росту человека около 170.4 см (по формуле В.В. Бунака) [7]. Его возраст при жизни, судя по диагностирующим признакам, 20-30 лет. Череп имеет средние размеры основных диаметров черепной коробки, суббрахикранный, по указателям орто- и метрикранный. Макрорельеф выражен умеренно. Лобная кость широкая, низкая и сильно покатая.

Лицевой отдел по абсолютным размерам широкий и высокий, относительно – мезен. Нос высокий, очень широкий, по указателю большой. Орбиты, несмотря на большую ширину и высоту, относятся к мезоконхным формам. В горизонтальной плоскости лицо сильно профилировано на уровне орбит и слабо на уровне скул. Переносье невысокое, среднеуплощенное и средневывступающее. По углам вертикальной профилировки лицо умеренно ортогнатно. Клыковая ямка неглубокая. Нижний край грушевидного отверстия имеет предносовые ямки.

Череп имеет как европеоидные, так и монголоидные признаки. Среди последних можно отметить такие особенности, как низкий свод, высокое и широкое лицо с некоторой уплощенностью на нижнем уровне. Видимо, его носитель был метисного происхождения.

На черепе отмечаются следы механического воздействия. Разрушено основание черепа и часть (левая половина) затылочной кости. Здесь фиксируется сквозное отверстие овоидной формы (4см ×1.5 см). Характер дефекта позволяет утверждать, эта травма послужила причиной летального исхода человека.

Таблица 2

Некоторые краниометрические параметры мужских черепов из погребений 1 и 4 на территории Тетюшского II городища

Признаки (по Мартину)	Погр. 1	Погр. 4
Пол	Муж.	Муж.
Возраст (лет)	18-25	20-30
1. Продольный диаметр	197.0	178.0
8. Поперечный диаметр	144.0	143.0
17. Высотный диаметр	142.0	133.0
5. Длина основания черепа	102.0	107.0
9. Наим. ширина лба	103.0	102.0
11. Ширина основания черепа	132.0	134.0
12. Ширина затылка	120.0	-
Высота изгиба лба	21.5	23.0
Высота изгиба затылка	25.8	-
45. Скуловой диаметр	136.0	144.0
40. Длина основания лица	99.0	105.0
48. Верхняя высота лица	75.0	78.0
47. Полная высота лица	121.0	128.0
43. Верхняя ширина лица	112.0	117.0
46. Средняя ширина лица	100.0	106.5
55. Высота носа	53.0	56.0
54. Ширина носа	23.0	29.5

51. Ширина орбиты от mf.	44.0	45.5
52. Высота орбиты	36.0	38.0
20. Ушная высота	116.0	109.0
77. Назомалярный угол	134.6	138.2
Zm. Зигомаксиллярный угол	129.5	134.6
SS. Симотическая высота	4.8	5.1
SC. Симотическая ширина	8.5	13.0
DS. Дакриальная высота	15.8	13.3
DC. Дакриальная ширина	23.0	26.2
Глубина клыковой ямки	5.8	3.2
32. Угол профиля лба	80°	77°
72. Общий лицевой угол	85°	83°
73. Средний лицевой угол	88°	84°
74. Угол альвеолярной части	73°	75°
75(1). Угол выступания носа	29°	27°
8:1. Черепной указатель	73.1	80.3
17:1. Высотно-продольный ук-ль	72.1	74.7
17:8. Высотно-поперечный ук-ль	98.6	93.0
9:8. Лобный указатель	71.5	71.3
40:5. Указатель выст-я лица	97.1	98.1
48:45. Верхнелицевой ук-ль	55.2	54.2
54:55. Носовой указатель	43.4	52.7
52:51. Орбитный указатель	81.8	83.5
Форма черепа сверху	Ovoid	Sfenoid
Надпереносье (1-6б)	3	3
Надбровье (1-3б)	2	2
Затылочный бугор (0-5б)	2	-
Передне-носовая кость (1-5б)	4.5	2.5
Нижний край носового отверстия	Antr.	F.Pr.

Судя по краниометрическим характеристикам, два индивидуума, похороненные рядом на одном кладбище, являлись носителями разных антропологических типов: долихокранного европеоидного и брахикранного с монголоидными признаками. В данном случае мы можем говорить о разных их генетических истоках. Когда и при каких условиях могла сложиться такая ситуация? Во многом разрешение этих вопросов зависит от определения времени функционирования некрополя, так как на разных этапах средневековой истории Среднего Поволжья характер этногенетических связей местного населения имел свои особенности. Рассмотрение этих особенностей приводит нас к выводу, что резкая неоднородность антропологического состава средневожского населения фиксируется на материалах, датируемых эпохой образования Волжской Булгарии и временем вхождения данного государства в состав Золотой Орды [3; 4]. Это связано как с политическими изменениями в жизни региона на данных отрезках времени, так и с их последствиями – внутренними и внешними миграциями. В дальнейшем наступала стабилизация и механический симбиоз различных этнокультурных групп, объединенных в рамках нового государственного образования. Постепенно происходило биологическое смешение, чему в немалой степени способствовало и широкое распространение ислама среди местного населения [5]. В данном случае, на наш взгляд, предпочтительной выглядит версия о начале функционирования мусульманского некрополя на территории Тетюшского II городища в раннезолотоордынский период. Этому не противоречат такие факты, как

устоявшийся погребальный обряд и применение железных гвоздей для скрепления досок гроба. Хотя последнее считается распространенным явлением лишь в погребальной практике населения Волжской Булгарии домонгольского периода – использование железных гвоздей фиксируется и на более поздних этапах (личные наблюдения И.Р. Газимзянова при раскопках в Болгарах золотоордынских некрополей).

Каковы же генетические истоки выделенных нами антропологических типов? Вначале сопоставим их с палеоантропологическими материалами близлежащих раннебулгарского Больше-Тарханского могильника и раннемусульманского Тетюшского некрополя.

М.С. Акимова, анализируя серию черепов Больше-Тарханского могильника, отметила ее неоднородность. По ее мнению, в основе этой неоднородности лежат два компонента: суббрахикранный европеоидный с широким и средневысоким умеренно профилированным лицом и брахикранный низкоголовый с некоторыми монголоидными чертами (Акимова, 1964). Последний морфотип, судя по краниологическим материалам с территории Среднего Поволжья, был широко распространен среди населения Волжской Булгарии X-XV вв. [6]. Его формирование, скорее всего, проходило к востоку от Урала и было связано с этногенезом ранних болгар (протоболгар). Череп из погребения № 4 по своим морфологическим признакам (брахикранный с монголоидными чертами) наиболее близок к этому краниологическому типу. Возможно, его присутствие в материалах средневекового некрополя на территории Тетюшского II городища маркирует приток с востока новых групп населения в момент образования Золотой Орды или определяет антропологический статус местных жителей. Во всяком случае, только новые и более многочисленные краниологические сведения позволят определиться в данном вопросе.

Небольшая серия черепов раннемусульманского Тетюшского некрополя, обработанная С.Г. Ефимовой, выглядит также неоднородной. В данной серии имеются черепа грацильного типа с узким и умеренно профилированным лицом и черепа брахикранный типа с некоторыми монголоидными особенностями [6]. Если брахикранный тип, как отмечалось выше, мы можем в целом связывать с ранними болгарами, то мезо-долихокранный узколицый с неярко выраженными европеоидными особенностями мы можем связывать, прежде всего, с «местным» финно-угорским населением. Однако комплекс признаков на черепе из погребения № 1, несмотря на его долихокранность, несколько отличается от «местного» морфотипа – он более массивен, имеет более высокий свод и более широкое и высокое лицо. В палеоантропологических материалах X-XV вв. с территории Среднего Поволжья черепа такого типа присутствуют, но они, как правило, немногочисленны. Только в серии черепов Старокуйбышевского I некрополя (золотоордынская часть) и в серии черепов городского некрополя «Бабий Бугор» они численно преобладают над остальными [5; 6]. Считается, что данные могильники оставлены пришлым населением, истоки которого находятся на Северном Кавказе, Приазовье и т.д. [8]. Вполне возможно, что носитель долихокранный европеоидного типа, погребенный на территории Тетюшского II городища, являлся представителем одной из групп населения, переселившихся в золотоордынский период на Среднюю Волгу с юго-запада Восточной Европы.

Таким образом, новые палеоантропологические материалы, несмотря на их малочисленность, достаточно ярко демонстрируют сложный и неоднородный антропологический состав средневекового населения Предволжья. Дальнейшее накопление фактических данных по погребальному обряду и физическому типу населения, использовавшего могильник на территории именьковского городища,

позволит конкретизировать особенности расогенеза местного населения и более объективно решить вопросы о его этногенетических связях.

Литература

1. Акимова М.С. Материалы к антропологии ранних болгар // Генинг В.Ф., Халиков А.Х. Ранние болгары на Волге. М., 1964.
2. Алексеев В.П. Остеометрия. Методика антропологических исследований. М., 1966.
3. Газимзянов И.Р. Антропология населения Волжской Булгарии золотоордынского периода и некоторые вопросы этногенеза татар Среднего Поволжья // Вестник антропологии. Вып. 1. М., 1996.
4. Газимзянов И.Р. Золотая Орда и этногенетические процессы на Средней Волге // Народы России. Антропология. Ч. 2. М., 2000.
5. Газимзянов И.Р. Население Среднего Поволжья в составе Золотой Орды по данным краниологии (реконструкция этногенетических процессов): автореф. дис. ... канд. истор. наук. М., 2001.
6. Ефимова С.Г. Палеоантропология Поволжья и Приуралья. М., 1991.
7. Мамонова Н.Н. Опыт применения таблиц В.В. Бунака при разработке остеометрических материалов // Проблемы эволюционной морфологии человека и его рас. М., 1986.
8. Халикова Е.А. Мусульманские некрополи Волжской Булгарии X-XV вв. Казань, 1986.

УДК 902/904

© 2012 Багаутдинов Р.С., Семькин Ю.А.¹³

ИССЛЕДОВАНИЕ ЖИЛИЩ НА ГОРОДИЩЕ «НОВАЯ СЛОБОДА I» В УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Статья посвящена характеристике исследованных в Сенгилеевском районе Ульяновской области на территории городища Новая Беденьга двух жилищ полуземляночной конструкции. Жилища подквадратной формы с опорными столбами по углам и печами-каменками, с деревянной обшивкой стенок котлованов датируются 9 – началом 10 в. Истоки оседло-скотоводческого населения городища Новая Беденьга и обитателей жилищ уходят в кочевой мир Хазарского каганата и угро-финнов Прикамья и Приуралья. Исследованные на городище Новая Беденьга жилища и археологические материалы памятника свидетельствуют о раннем оседании тюркских и угорских кочевников на постоянное проживание в Среднем Поволжье уже в 8-9 вв. н.э.

Ключевые слова: городище, жилище, оседло-скотоводческое население, тюркские и угорские кочевники.

В 2006 г. совместная археологическая экспедиция Ульяновского государственного педагогического университета и Самарского государственного университета проводила охранные археологические исследования городища Новая Слобода в Сенгилеевском районе. Памятник, расположенный в Правобережье Ульяновского Поволжья, в 10 км западнее от г. Сенгилея, в урочище Малина Поляна (рис. 1),

¹³ Ю.А. Семькиным статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ N 12-11-73600.

известен с конца XIX в. [6, с. 21]. Городище площадью 51000 кв. м имеет подковообразную форму, направленную дугой оборонительного вала и рва в северном направлении (рис. 2). В 1951 году Новослободское городище обследовалось П.Д. Степановым [15, л.л. 18.19, рис. 59]. В 1972 г. разведочные работы на городище были проведены Г.М. Буровым [1]. В 2004 г. с территории поселения, примыкавшего с восточной стороны к городищу Новая Слобода, Улановым был собран комплекс угоро-финских украшений и предметов, датируемых 9 в. [18]. Археологическую разведку на городище в 2005 г. провел отряд экспедиции Самарского государственного университета [3]. В 2006 г. разведочные работы в окрестностях городища были проведены Ю.А. Семыкиным. В результате разведок в 2005 – 2006 гг. в окрестностях Новослободского городища были выявлены новые археологические памятники: I – V Новослободские селища, Новослободской оборонительный вал и Новослободской грунтовый могильник (рис. 1).

С южной стороны под городищем протекает малая речка Чугурка (левый приток р. Сенгилейки). Уже в 2005 г. было установлено, что культурный слой памятника подвергается разрушению в результате интенсивной браконьерской деятельности «черных археологов». В начале XXI в. самовольные раскопочные работы на территории городища, без получения Открытого листа, проводились сенгилеевским краеведом А. Гладилиным. Научный отчет о результатах этих раскопок А. Гладилиным составлен не был. Неизвестным осталось также место хранения полученных в результате этих работ археологических материалов. От раскопочных работ А. Гладилина на территории городища сохранился хорошо различимый нерекультивированный котлован квадратной в плане формы, расположенный в северо-восточной части памятника, а также узкая траншея в восточной части оборонительной линии.

В 2005 г. на территории городища нами были отмечены значительные по площади грабительские шурфы и даже выкопанный землеройной техникой котлован, грунт из которого вместе с культурным слоем использовался для сооружения запруды на речке Чугурке. Поэтому в полевой сезон 2006 г. для проведения охранных исследований была организована совместная археологическая экспедиция УлГПУ и СамГУ. В результате работ этой экспедиции на территории городища было раскопано 292 м² культурного слоя. В трех раскопах были изучены многочисленные сооружения, а также получены материалы эпохи раннего Средневековья (от VIII до начала XIII вв.) [13].

Основные археологические материалы с территории городища датируются VIII-IX вв. и свидетельствуют о присутствии здесь оседло-земледельческого населения, имеющего истоки как в местной, именковской археологической культуре, так и в среде поволжско-финнского, угорского приуральского, а также раннеболгарского (салтовского) кочевого населения. Судя по археологическим материалам, жизнь на территории городища продолжалась и в домонгольский период Волжской Булгарии, но, вероятно, прервалась в результате монгольского нашествия в 1236 г. Данных о существовании на территории Новослободского городища населения в золотоордынский период обнаружено не было.

В 2006 г. в трех раскопах были исследованы многочисленные сооружения, которые по функциональному назначению подразделяются на хозяйственные ямы и жилища. Особый интерес среди исследованных сооружений представляют два полуземляночных жилища, остатки которых были выявлены на раскопе II. Целью настоящей статьи является введение в научный оборот результатов исследования этих жилищ (сооружений 7 и 7а).

Раскоп II площадью 144 м² был заложен в восточной части городища, где прослежен достаточно мощный, насыщенный находками и сооружениями

культурный слой. Стратиграфия слоев в раскопе II была следующей (рис. 10, 10а). Верхний слой по всей площади раскопа представлен дерновым гумусом темного цвета толщиной 7-9 см с включениями мелких фрагментов лепной и круговой волжско-булгарской керамики.

Ниже, под дерном, по всей площади раскопа лежал рыхлый слой темно-серого цвета толщиной до 30 см. Этот слой имеет признаки старой пашни, о чем свидетельствует заметная ровная граница, местами отделяющая этот слой от нижележащего. В слое также встречались различные артефакты – лепная и круговая керамика, кости животных и изделия из металла.

Еще ниже залегал слой более плотного и непотревоженного темного гумуса с вкраплениями мелких камешков. Мощность этого слоя достигала 40 см. В нем был зафиксирован верхний уровень некоторых сооружений (ям различного назначения, котлованов жилищ – сооружений 7 и 7а). И самый нижний материковый слой на всей площади раскопа представлен пестроцветным желто-коричневым суглинком.

В раскопе II было выявлено и исследовано 30 сооружений, которые по функциональному назначению делятся на 6 групп: 1) котлованы жилищ (соор. 7 и 7а); 2) компактные скопления костей животных (сооружения 4 и 5); 3) столбовые ямы (соор. 2, 3, 6, 8, 10, 12, 13, 14, 15, 17, 18, 25, 26, 27, 28, 29).

Столбовые ямы – сооружения № 25, 26, 27, 28 – были исследованы по углам на дне котлована (сооружения 7). К хозяйственным ямам за пределами жилищ отнесено сооружение 19. Зерновые ямы выявлены в котловане сооружения 7 (соор. 20, 21, 22). К очажным ямам и костровым провалам отнесены сооружения 1, 9, 11, 16, 23, 24. Из них сооружения 23 и 24 располагались в котловане жилища (сооружения 7).

Сооружения 7 и 7а уверенно определены как жилища полуземляночного типа. При этом сооружение 7а являлось более ранним по отношению к сооружению 7, так как котлован последнего прорезает под небольшим углом котлован сооружения 7а.

Пятно сооружения 7 было выявлено в северной части раскопа 2 (рис. 7) на глубине – 55-72 см от 0. Предвестником появления сооружения 7 стало значительное скопление мелких камней, фрагментов керамики и костей животных над котлованом сооружения на уровне после снятия 2-го штыка и в 3-м штыке (рис. 6). Керамика из этих скоплений представлена фрагментами круговой общебулгарской посуды (рис. 13, 7, 8), фрагментами лепной горшковидной посуды с примесью шамота и мелкодробленых камешков (дресвы) в керамическом тесте (рис. 13, 2, 5, 6). Концентрация камней, фрагментов лепной и круговой керамики над сооружением 7, вероятно, являлась мусорным заполнением заброшенного после пожара котлована полуземляночного жилища 1.

Жилище 1 (сооружение 7) в плане имело прямоугольную форму, размеры 340х360 см и площадь 13,8 м² (рис. 3). При этом длинными сторонами котлован полуземлянки был направлен в северо-западную сторону с азимутом в 320°. Стенки котлована жилища 1, выкопанного в материковой глине, были ровными и вертикальными. А глубина котлована в разных местах была различной. В юго-западном углу глубина составляла 39 см, в северо-западном углу – 54 см, в северо-восточном – 50 см и в юго-восточном – 37 см. Дно котлована жилища 1 было ровным, хорошо утрамбованным.

На дне жилища (сооружения 7), в его северо-западной части хаотично лежали камни средних и крупных размеров (рис. 4, рис. 14). Общее количество камней и их масса позволяют предполагать, что они являются развалом печи-каменки (соор. 7). Интересно, что в этом развале были обнаружены рыбные кости. Среди них кости крупных осетровых рыб, а также многочисленные мелкие кости речной рыбы. Отметим в этой связи, что в коллекциях ульяновских археологических браконьеров с Новослободского городища имеются рыболовные железные крючки крупных и средних размеров. А расстояние от городища до р. Волги составляет не менее 10 км.

Среди камней печи-каменки был также встречен развал крупного кувшина, изготовленного на ручном круге с подправкой (рис. 14, рис. 15). Горло сосуда слегка расширено и снабжено сливом. Кувшин имел ручку, которая, однако, не сохранилась, но участок примыкания ручки к тулову сохранился. Верхняя и нижняя части тулова кувшина украшены рельефным орнаментом, состоящим из параллельных полосок с волнистыми линиями между ними. Поверхность тулова кувшина была покрыта частыми полосками вертикального лощения. А в нижней части сосуда – ближе к дну – располагалась зона с короткими полосками вертикального лощения. Цвет поверхности кувшина – коричневый, иногда – темно-коричневый. Примесь в тесте – песок. Интересно отметить, что некоторые стыкующиеся фрагменты кувшина имеют разный цвет, который образовался, вероятно, в результате разной степени вторичного обжига отдельных фрагментов кувшина в условиях пожара. Кувшин к этому времени уже оказался в состоянии развала и его разрозненные фрагменты в разной степени испытали воздействие огня. С внутренней стороны кувшина отчетливо видны следы налета горловины, что отражает отдельные операции его изготовления. В целом рассматриваемый кувшин по классификации Т.А. Хлебниковой может быть отнесен к I группе общеболгарской керамики начала X в. [19, с. 86-87]. Более того, этот кувшин может быть отнесен к начальному этапу формирования традиций ремесленного керамического производства волжских болгар. Рассматриваемый нами кувшин, как и два лепных горшковидных сосуда, обнаруженных на дне котлована сооружения 7 (рис. 16, 1, 2), относятся к заключительному этапу функционирования жилища 1, завершившемуся пожаром, как будет показано выше.

На дне котлована жилища (сооружения 7), в его западной половине, были выявлены и исследованы сооружения 20-24, а по углам котлована – сооружения 25-28 (рис. 5). Сооружения 20-24 входят в хозяйственный, а сооружения 25-28 – в конструктивный комплекс жилища 1.

Сооружение 25 (столбовая ямка) выявлено в северо-восточном углу на расстоянии 35-40 см от стенок котлована сооружения 7 (рис. 4, рис. 5). Форма ямки в плане овальная и вытянутая, размером 35 на 29 см. В нижней части яма сужалась до размеров 20х22 см. В разрезе она имела перевернутую бутылковидную форму с широким «горлышком». Глубина ямки составила 43 см от верха. Заполнение ямы состояло из сажистого гумуса с обожженным суглинком и включениями угольков. Назначение ямки в качестве столбовой не вызывает сомнений.

Столбовая ямка (сооружение 26) находилась в юго-восточном углу котлована сооружения 7. Уровень фиксации верха – 109 см от 0. Форма ямы в плане – вытянуто-овальная. Стенки – вертикальные, дно плоское, ровное. Глубина ямки от верхнего уровня – 42 см. Заполнение сооружения состояло из сажистого гумуса с включениями угольков и фрагментов прокаленного суглинка. Функциональное назначение ямы не вызывает сомнений – столбовая, для крепления кровли.

Столбовая ямка (сооружение 27) находилась в юго-западном углу сооружения 7 на глубине – 107 см от 0. Она была зафиксирована по хорошо заметному темному сажистому пятну со светлым ореолом по периметру пятна на темном сажисто-углистом фоне с красноватыми участками суглинистого прокала. Форма верхнего уровня ямы – овальная, вытянутая. Размеры верхнего уровня ямки – 30х20 см. Стенки ямы слегка сужаются к низу. Дно плоское, ровное. Глубина ямы составила 48 см. Её заполнение состояло из темного сажистого гумуса с включениями древесных угольков.

Столбовая ямка (сооружение 28) находилась в северо-западном углу сооружения 7 на глубине – 107 см от 0. Она была выявлена под завалом из камней. Форма верхнего уровня ямы – овальная, вытянутая. Ее размер – 30х20 см. Стенки ямы вертикальные, а дно ровное. Глубина ямы – 48 см. Заполнение ямы состояло из сажистого гумуса с включениями обожженного суглинка.

Сооружения хозяйственного назначения (соор. 20-24) располагались в западной половине жилища.

Яма-сооружение 20 (рис. 4) имела в плане овальную форму размером 48 на 40 см и глубину 52 см. Ее стенки были вертикальными, а дно – плоским. Заполнение ямы состояло из обожженного суглинка и сажистого гумуса. Яма предположительно была хозяйственной, служившей для хранения зерна внутри жилища.

Яма (сооружение 21) овальной в плане формы размером 40х40 см и глубиной 56 см выявлена на дне жилища 1 в квадрате 26. Стенки ямки – вертикальные, а дно – плоское, ровное. Края ямки были значительно прокалены. Заполнение ямки состояло из обожженного суглинка, перемешанного с сажистым гумусом и древесными угольками. В заполнении также встречены три фрагмента лепной керамики с грубой шероховатой поверхностью, с примесью дресвы и шамота в тесте. Функциональное назначение сооружения (предположительно) – яма для хранения зерна.

Сооружение 22 – яма овальной, неправильной формы размером 50х60 см – выявлено на дне котлована жилища. При этом северная часть ямки имела прямой край. Пятно сооружения отчетливо проявилось темным углисто-сажистым цветом на коричневатом фоне материковой глины. Стенки ямы были вертикальными, а дно – ровным, плоским. Заполнение ямки состояло из сажистого суглинка с включениями угольков и гумуса. Ямка предположительно служила в хозяйственных целях, возможно, для хранения зерна. Темный, углисто-сажистый слой на верхнем уровне ямки, вероятно, след сгоревшего деревянного перекрытия ямы.

Сооружение 23 – кострище (прокал) овальной неправильной формы размером 40х60 см – было выявлено на дне котлована жилища (сооружения 7) на глубине –108 см от 0. В прокале наблюдался небольшой участок золистого скопления. Мощность прокала в материковом суглинке составляла 7 см.

В заполнении прокала артефактов не обнаружено. Функциональное назначение сооружения не вызывает сомнений. Это след кострового прокала открытого типа, который, вероятно, применялся в закрытом помещении жилища еще до того, как была построена печь-каменка.

Сооружение 24 – очажный прокал – находилось в непосредственной близости от западной стенки жилища на глубине –110 см от 0. Этот прокал, предположительно, и является нижней частью печки-каменки.

Форма сооружения 24 в плане – округлая, размеры 45х47 см. Оно отличалось более мощной прокаленностью – до 8 см – и функционировало, вероятно, продолжительное время. Это кострище имело преднамеренное углубление чашевидной формы глубиной до 8 см для выгребания золы и углей. В заполнении сооружения, состоявшего из обожженного суглинка, были обнаружены 8 фрагментов лепной и 1 фрагмент лепной с подправкой на ручном круге керамики, а также 1 кость животного.

Фрагмент стенки сосуда из заполнения кострища с остатками кострового нагара на внешней стенке имеет темный серый цвет и залощенную обработку поверхности. Фрагмент имеет сходство в керамических материалах раннеболгарских памятников Среднего Поволжья и салтовской культуры. Остальные фрагменты из заполнения сооружения 24 не отличаются от основной массы лепной посуды памятника.

По краям, вдоль северо-западной стенки котлована жилища (соор. 7), прослежены остатки обугленной древесины мощностью в 3-4 см. Верхний уровень залегания горелого дерева был отмечен на глубине –108 см от 0. Стенки жилища, судя по следам горелого дерева, были обложены изнутри деревянными жердями. Остатки обугленной древесины зафиксированы также в северо-восточном углу котлована. Напротив восточной стенки жилища 1 также были отмечены куски обугленного дерева

на глубине -105 см от 0. Здесь, вероятно, находились части рухнувшей кровли жилища.

В целом расчистка нижнего уровня заполнения котлована жилища 1 (сооружения 7) свидетельствует о его гибели в результате сильного пожара.

Вещевой материал из сооружения 7 представлен фрагментом каменного жернова (рис. 18, 1), двумя изделиями из кости и рога (рис. 17, 1, 2), раковиной каури (рис. 17, 3), а также обработанным камнем с изображением человеческой личины.

Основная масса керамической посуды из заполнения котлована жилища 1 (сооружения 7) относится по технологии изготовления к группе лепной. В этой группе выделяются фрагменты прикамской керамики с примесью толченых речных раковин и веревочным елочкообразным орнаментом в верхней части тулова (рис. 13, 3). Но в большинстве случаев в глиняном тесте лепной керамики здесь была дресва. Венчики сосудов в большинстве случаев украшались пальцевыми зажимами и насечками (рис. 13, 2, 5, 6). О форме лепных сосудов мы можем судить благодаря находкам на дне котлована жилища 1 половинки лепного горшковидного сосуда, сохранившейся в вертикальном разломе (рис. 16), и верхней части другого сосуда (рис. 16, 2). Эта керамика по классификации Т.А. Хлебниковой может быть отнесена ко II этнокультурной группе керамики Волжской Болгарии начала X в., берущей истоки в мире кочевников салтово-маяцкой культуры [19, с. 96-98]. А встреченная в заполнении котлована лепная, с примесью раковины в тесте, округлодонная керамика с вертикальной шейкой, украшенной веревочным орнаментом и гребенчатым штампом по плечикам сосуда, по классификации Т.А. Хлебниковой может быть отнесена к VII группе начала X в. [19, с. 108]. Эта керамика имеет угро-финские истоки в Прикамье.

Вещевой инвентарь из сооружения 7, к сожалению, немногочислен. Для возможных археологических сопоставлений и аналогий заслуживает внимания костяная поделка – псалия от конских удил, изготовленная из рога копытного животного, скорее всего – лося или оленя (рис. 17, 1). Она была обнаружена на дне котлована жилища 1 (сооружения 7). Поделка представляет собой подцилиндрический, расширенный в средней части стержень с вертикальным пазом. Один край этого стержня обломлен. Рассматриваемый предмет имеет аналогии в материалах кочевнических погребений с частями коня и конской упряжью из Танкеевского могильника второй пол. IX – первой пол. X вв. [4]. На дне траншейного углубления в жилище 2 (сооружении 7а) также был обнаружен кусок обработанной роговой заготовки, возможно, предназначенный для изготовления таких псалий (рис. 6).

Среди камней (в развале) печи-каменки был найден весьма необычный предмет – обработанный мягкий мергелистый камень с антропоморфной личиной, а также прочерченные графитти, сохранившиеся на его лицевой стороне (рис. 19). С одной стороны на камне имеются два округлых углубления, напоминающих глазницы, а также углубленная линия, намеченная параллельно линии глаз, имеющая отдаленное сходство с носом или ртом человека. На плоскости предмета, в его правой половине, сохранились прочерченные геометрические знаки. Справа от линии глаз расположена косо поставленная ромбовидная рамка с двумя параллельными линиями, между которыми располагаются четыре вертикальные линии. Ниже, в правой нижней половине личины, в ряд располагаются три пирамидальных углубления.

Рассматриваемый предмет не имеет аналогий. Возможно, он имел культовое назначение и выполнял функцию домового идола.

Второе, более раннее жилище – сооружение 7а – сохранилось частично в виде угловых остатков котлована полуземлянки. Следы котлована сооружения 7а, имевшего подквадратную форму со сторонами размером 400х380 см, проявились в процессе зачистки краев котлована сооружения 7. Площадь сооружения 7а составила 14,3 м².

Сохранились только угловые участки сооружения 7а (рис. 4). Остатки жилища 2 (сооружения 7а) сохранились благодаря тому, что стенки котлована сооружения 7 были повернуты на 30 градусов в северо-западном направлении по отношению к сооружению 7а.

Верхний уровень фиксации краев сооружения 7а зафиксирован на глубине – 54 – 72 см от 0, а нижний уровень дна располагался на глубине – 80 – 88 см от 0.

В северо-западном углу сооружения 7а на глубине – 85 см от 0 сохранилась столбовая яма – сооружение 29. Форма ямы – овальная, вытянутая. Размеры верхнего уровня сооружения 29 – 23х18 см. В разрезе стенки сооружения 29 в основном были вертикальными. Дно сооружения 29 было уплощенным. Глубина сооружения – 43 см. Заполнение состояло из гумуса с включениями угольков и суглинка.

В сохранившихся участках заполнения котлована сооружения 7а были обнаружены несколько фрагментов лепной керамики с включениями шамота и толченой дресвы. Эта керамика не отличается от основной массы лепной керамики раскопа II. В северо-западном углу котлована жилища 2 (сооружения 7а), судя по всему, также находилась печь-каменка. Об этом свидетельствует сохранившееся скопление камней в северо-западном углу котлована (рис. 9).

Следует отметить, что никаких следов входа в оба жилища нами обнаружено не было. Возможно, вход внутрь полуземляночных жилищ осуществлялся по деревянным лесенкам, следов от которых могло и не сохраниться.

Итак, планиграфия и стратиграфия расположения сооружений 7 и 7а свидетельствует о более раннем функционировании сооружения 7а по отношению к сооружению 7. Оба жилища были однотипными и представляли собой полуземлянки подквадратной формы с вертикальными опорными столбами, вкопанными в глиняный пол. Стенки котлованов жилищ предположительно были облицованы жердями. О конструкции крыши достоверных сведений не сохранилось. Однако она могла быть как односкатной, так и двускатной. Каркас крыши мог состоять из связанных между собой жердей, опиравшихся на вертикальные угловые опорные столбы. А само перекрытие могло быть либо соломенным, либо из древесной коры. Жилища отапливались печами-каменками, выложенными на глиняном полу. Печи служили как для отопления, так и для приготовления пищи.

Внутри жилищ располагались хозяйственные ямы, служившие хранилищами продуктов. Отдельные ямы, выкопанные в глиняном материке, после предварительного обжига внутренних стенок служили зернохранилищами. Сверху ямы перекрывались деревянными крышками. Находка внутри жилища 1 (сооружения 7) фрагмента каменного жернова свидетельствует о том, что перемалывание зерна на муку или крупу его обитателями производилось здесь же, в жилище.

Для реконструкции внутренней обстановки в жилище 1 археологических данных недостаточно. Возможно, деревянная утварь (нары, столы и сиденья) сгорела при пожаре.

Важнейшими проблемами при исследовании жилищ 1 и 2 из раскопа II с Новослободского городища является установление времени их функционирования, культурных истоков жилищных традиций, а также этнокультурной принадлежности их обитателей.

Исследованные на раскопе II городища Новая Слобода жилища, по нашему мнению, могут датироваться, как минимум, второй половиной IX – началом X вв. Датировать так жилища позволяют нам керамические материалы из заполнения котлованов сооружений – керамика I, II, VII групп (по Т.А. Хлебниковой) начала X вв., а также костяной псалий, имеющий аналогии в материалах Танкеевского могильника.

Судя по керамическим материалам, в жилище 1 (сооружении 7) обитали оседлые земледельцы и скотоводы, имеющие этнокультурные корни в среде

раннеболгарских кочевников Хазарского каганата. Но в составе населения Новослободского городища и, возможно, обитателей жилища 1 (соор. 7), предположительно были также выходцы из угро-финского населения Прикамья. То есть население Новослободского городища к моменту существования жилища 1 было аналогично населению, хоронившему своих умерших сородичей во второй пол. IX – начале X вв. в Танкеевском могильнике.

Поиск аналогий жилищам Новослободского городища в Среднем Поволжье показал, что некоторое сходство можно видеть в полуземляночных жилищах Тигашевского городища с территории республики Чувашия [20, с. 55-65]. Среди исследованных археологических памятников Волжской Болгарии ближе всего к городищу Новая Слобода расположено II Криушинское городище, на котором в 1957 г. Н.В. Тухтиной была исследована прямоугольная в плане полуземлянка (2,9x7 м). Стенки подземной части этого жилища, как и полуземлянки Новослободского городища, были обшиты деревом. Крыша этого жилища была двускатная [14, с. 4-8; 17, с. 145-146]. Как видим, жилища Новослободского городища имеют близкие аналогии среди волжско-болгарских жилищ домонгольского периода на территории Тигашевского и Криушинского городищ.

Однако приведенные выше аналогии все же не дают ответа на вопрос об истоках конструктивных строительных традиций жилищ с городища Новая Слобода.

Причина строительства жилища (сооружения 7) на месте более раннего жилища (сооружения 7а) также требует своего объяснения. Вряд ли на территории Новослободского городища наблюдался дефицит свободной площади для застройки. В частности, слабо освоенной территорией был участок месторасположения раскопа I. Вероятно, к территории местоположения раскопа II у обитателей городища был особый интерес.

Другие археологические материалы, полученные из раскопа II, свидетельствуют о раннем начале жизнедеятельности на городище Новая Слобода. В частности, в непосредственной близости от сооружения 7, на расстоянии 3 м к северу от котлована, частично была раскопана хозяйственная яма (соор. 19). В ее заполнении была обнаружена железная «булавка» с волютообразным навершием, имеющая аналогии в памятниках новинковского типа и датируемая концом VII – VIII вв. Отметим, что это уже не первая находка «булавок» с волютообразным навершием из района Новослободского городища. Другая такая же булавка имеется в частной коллекции ульяновских археологических браконьеров.

Итак, археологически исследованные жилища на Новослободском городище могут быть отнесены к раннему этапу истории Волжской Болгарии – к заключительному этапу ранней Волжской Болгарии. Эти жилища и археологические материалы с памятника достаточно убедительно свидетельствуют о далеко зашедшем процессе оседания раннеболгарских кочевников. Состав населения городища Новая Беденьга в конце IX – начале X вв. уже был смешанным и состоял как из представителей кочевого мира (выходцев из Хазарского каганата), так и угро-финских мигрантов – выходцев из Прикамья и Приуралья.

Пожар, в результате которого сгорело жилище 1 (соор. 7), с монгольским нашествием не был связан. Гибель жилища 1 можно датировать не позднее начала X в.

Степень участия остатков именьковского населения в создании городища Новая Беденьга и включенности именьковцев в состав его населения требует более доказательной источниковой базы. Однако традиции оседло-земледельческого и скотоводческого хозяйства в Среднем Поволжье до прихода кочевых раннеболгарских группировок были развиты именно в именьковскую эпоху. Сохранение части именьковского населения в Среднем Поволжье в раннеболгарский период прослежено

одним из авторов настоящей статьи на территории городища «Чертов городок» в Старомайском районе Ульяновской области [11].

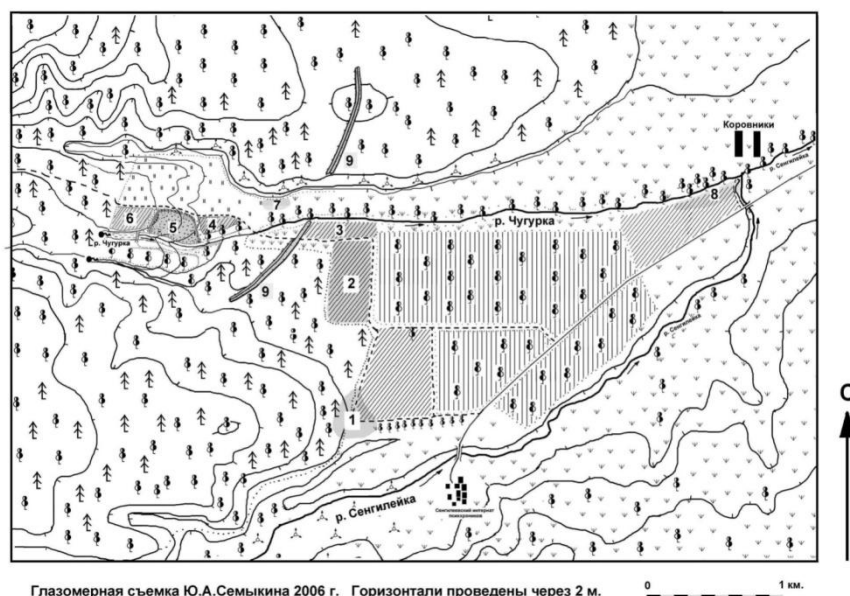

Рис. 1. План расположения археологических памятников у с. Новая Слобода

Условные обозначения к рис. 1:

	- 1-е Н.Слободское селище;		- 4-е Н.Слободское селище;
	- 1-е Н.Слободское местонахождение;		- 1-й Н.Слободской могильник;
	- 2-е Н.Слободское селище;		- 5-е Н.Слободское селище;
	- 3-е Н.Слободское селище;		- Н.Слободской вал;
	- 1-е Н.Слободское городище;		- пашня;
	- смешанный лес;		- яблоневые сады;
	- многолетняя трава;		- луговая трава;
	- грунтовая дорога;		- асфальтовое шоссе.

В слове «смешанный» (лес) нужно две «Н»!

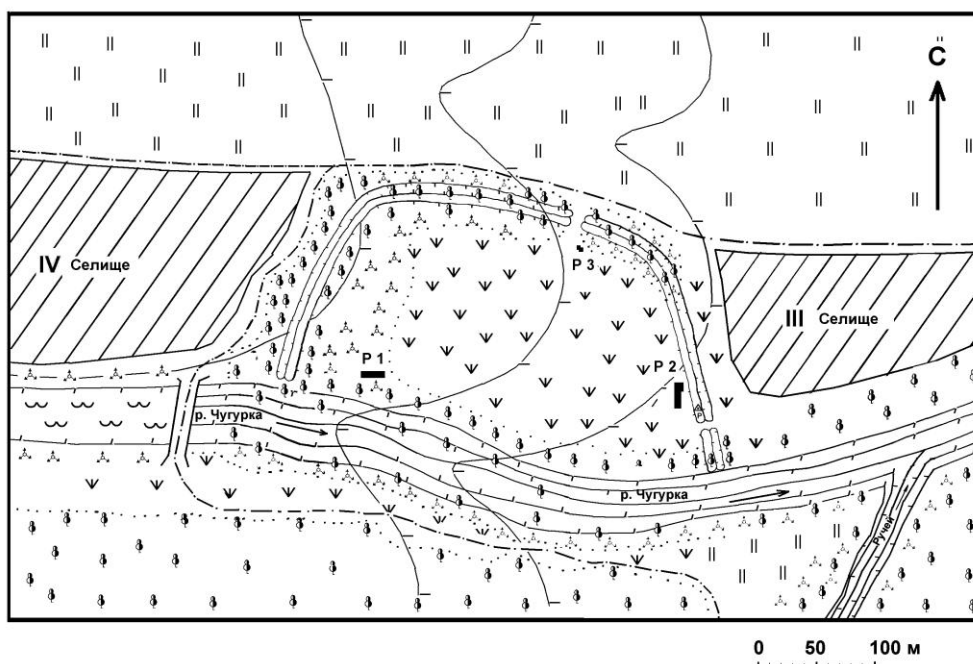

Рис. 2. План городища Новая Слобода и окружающих его селищ.
Инструментальная съемка Ю.А. Семькина 2006 г. Горизонтالي проведены через 1 м

Условные обозначения к рис. 2:

- линия оборонительных сооружений городища ;
- археологические раскопы 2006 г. ;
- лиственный лес ;
- кустарник ;
- сорная трава ;
- пахотное поле ;
- сенокос, многолетние травы ;
- проселочная дорога и тропа ;
- пруд в верховьях р. Чугурки ;
- плотина пруда ;

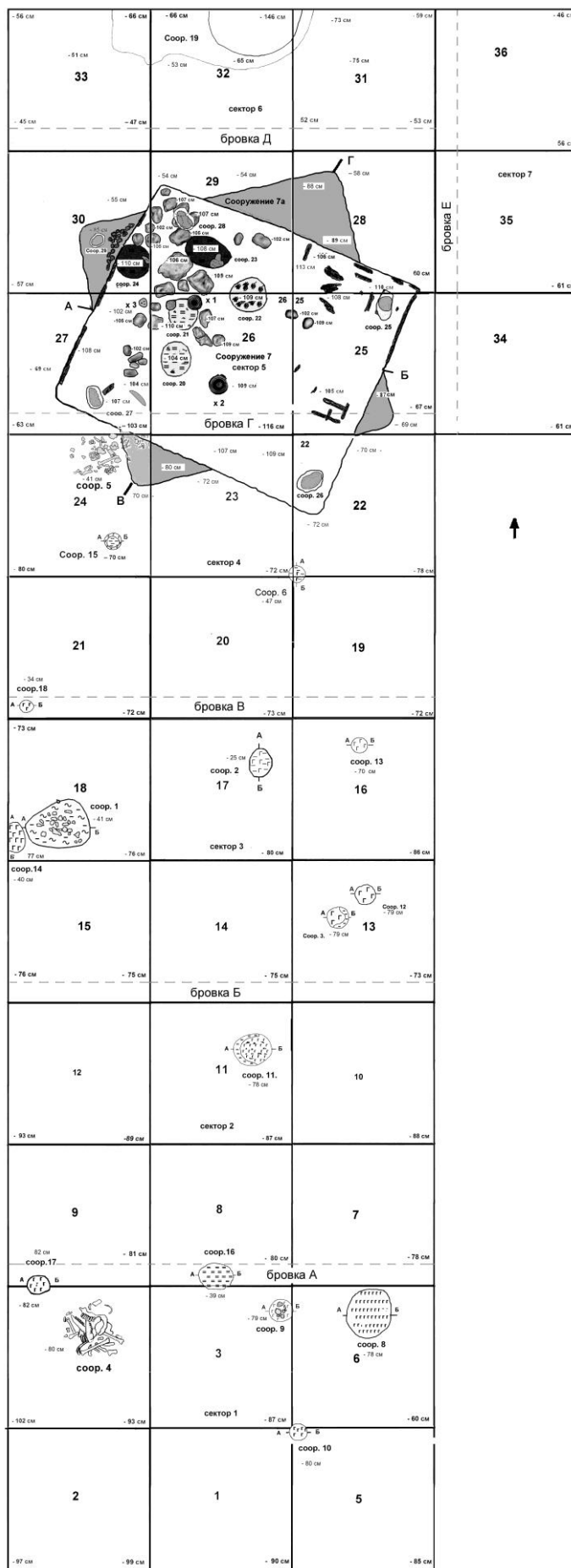

Рис. 3. План раскопа 2

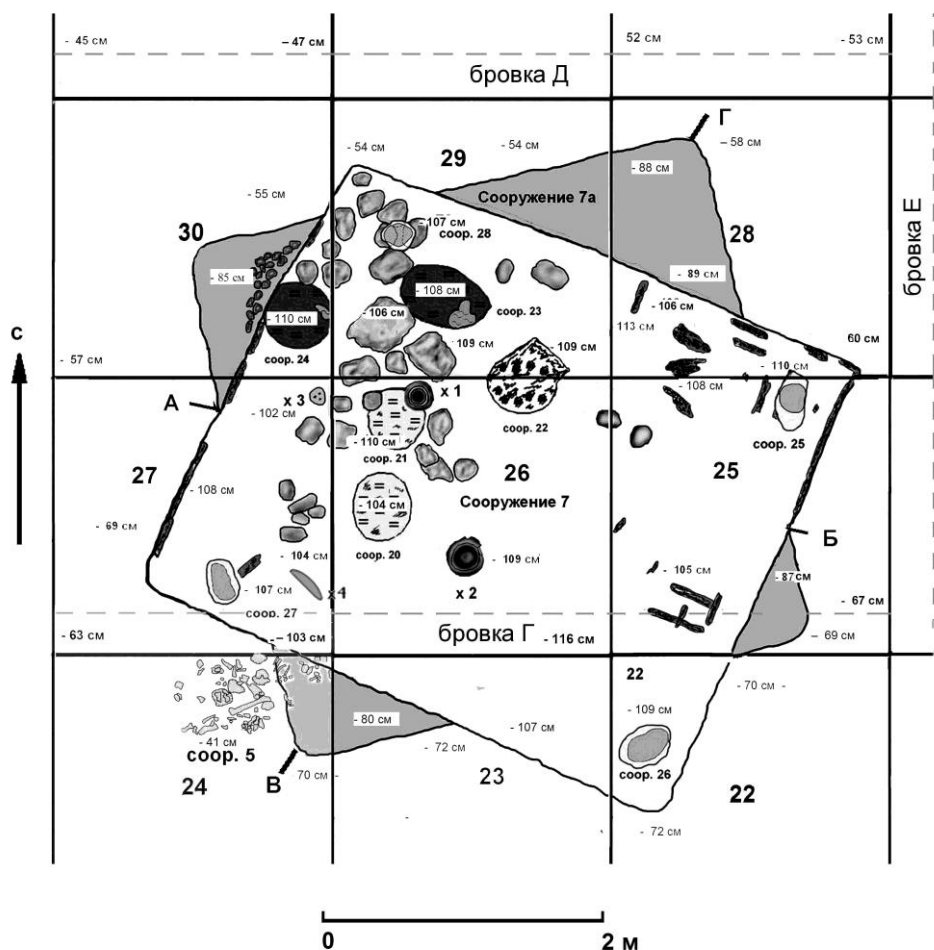
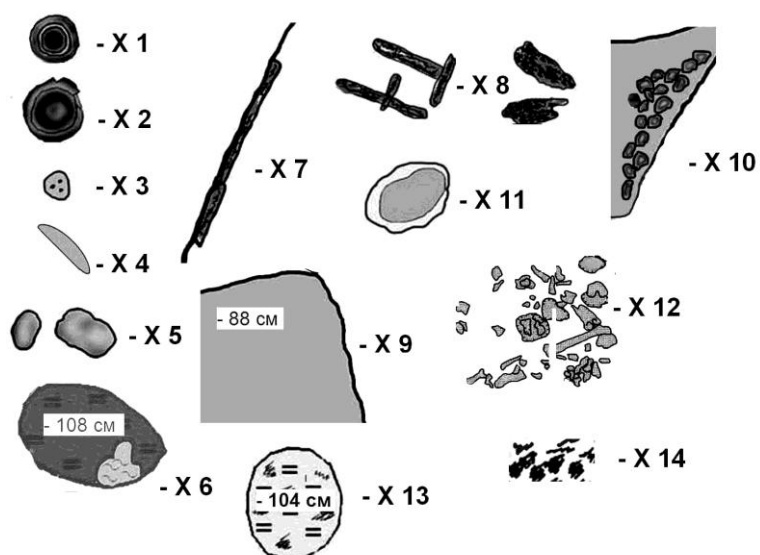

Рис. 4. План сооружений 7 и 7а на уровне материка

- X 1 – развал кругового сосуда;
- X 2 – развал лепного сосуда;
- X 3 – обработанный камень;
- X 4 – фрагмент каменного жернова;
- X 5 – камни развала печи-каменки;

- X 6 – открытый очаг;
- X 7 – обугленные остатки внутренней стенки котлована жилища (соор. 7);
- X 8 – обугленные остатки крыши жилища (соор. 7);
- X 9 – участки сооружения 7а;
- X 10 – скопление камней (развала печи каменки?) сооружения 7а;
- X 11– столбовые ямы опорных столбов сооружения 7;
- X 12 – скопление костей животных и керамики;
- X 13 – хозяйственная зерновая яма;
- X 14 – горелая древесина (перекрытие хозяйственной ямы 22)

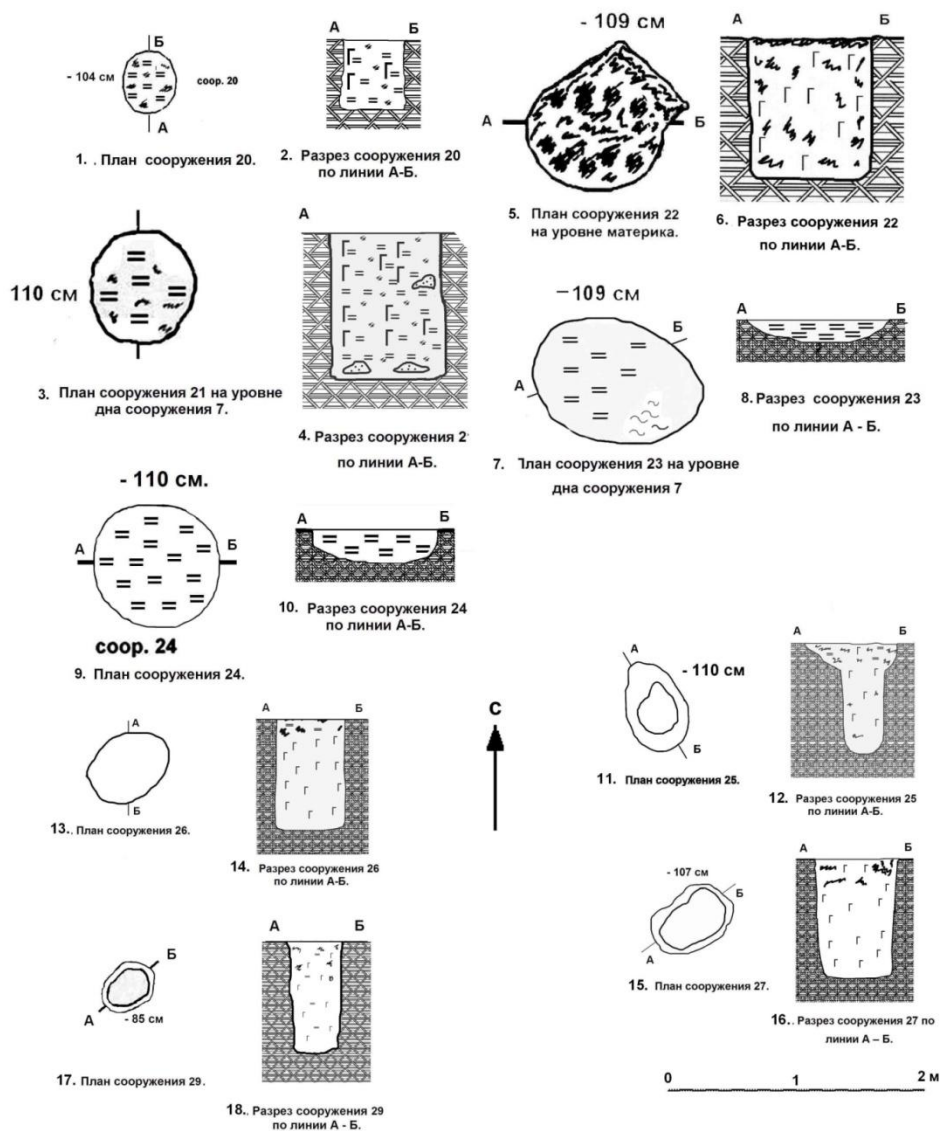
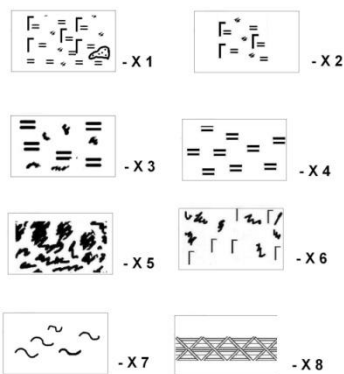

Рис. 5. Планы и разрезы сооружений 20-29

- X 1 – гумус, обожженная глина, угли, фрагменты керамики;
- X 2 – гумус, обожженная глина, угли;
- X 3 – гумус, обожженная глина, угли;
- X 4 – обожженная глина;
- X 5 – горелая древесина (перекрытие ямы);
- X 6 – гумус, древесные угли;
- X 7 – зола;
- X 8 – материковая глина

Рис. 6. Скопление мелких камней, костей животных и фрагментов керамики над заполнением котлованов сооружений 7 и 7а. Вид с северной стороны раскопа 2

Рис. 7. Вид сверху на южный участок сооружений 7 и 7а на уровне материка

Рис. 8. Вид с южной стороны на котлован сооружения 7 на уровне материка

Рис. 9. Северо-западный участок сооружения 7а после выборки его котлована. Вид южной стороны. С правой стороны виден участок котлована сооружения 7

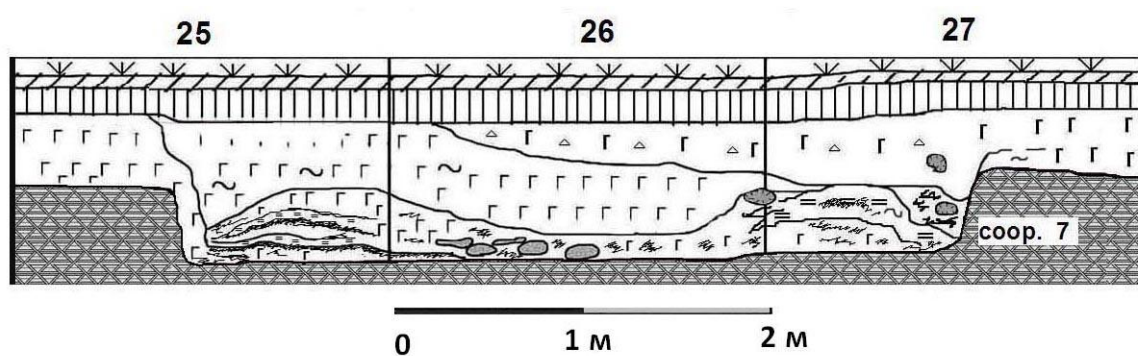

Рис. 10. Профиль северной стенки бровки Г и разреза сооружения 7

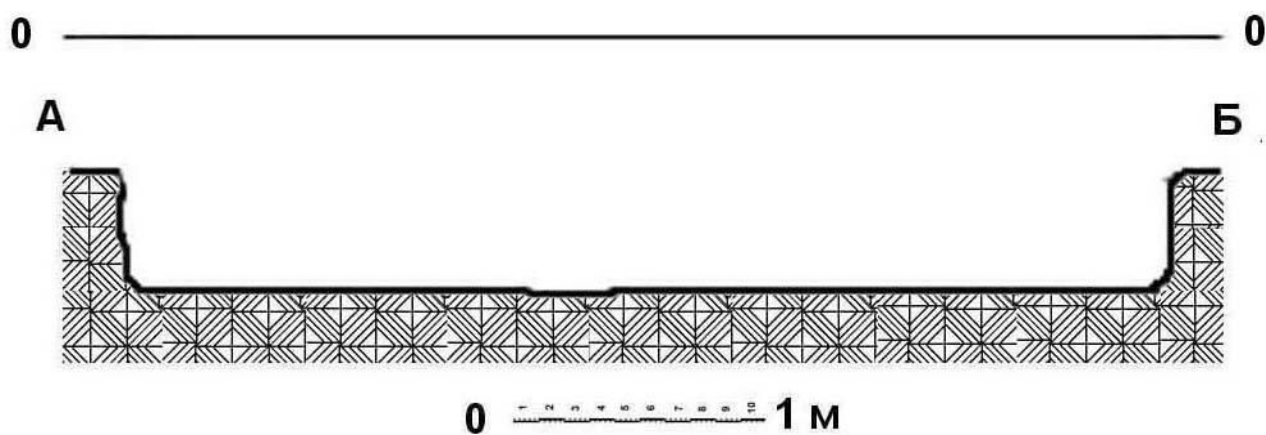

Рис. 11. Разрез сооружения 7 по линии А-Б

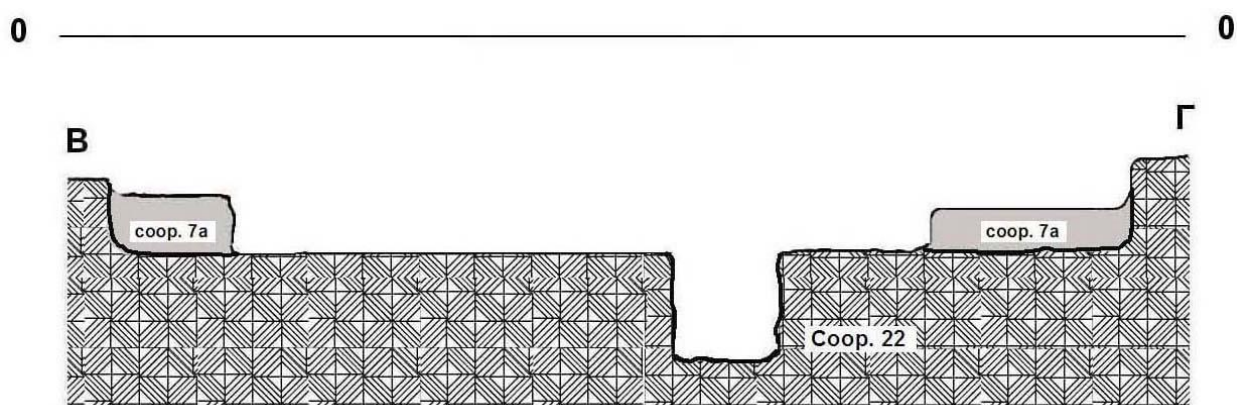
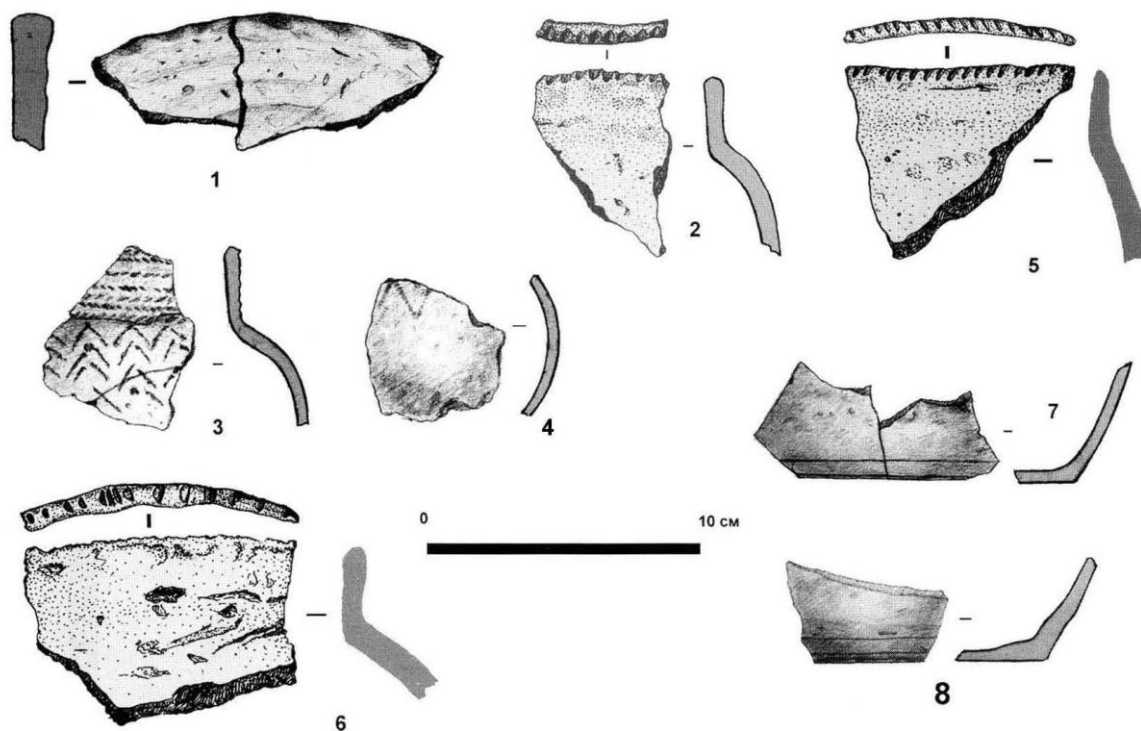

Рис. 12. Разрез сооружений 7 и 7а по линии В-Г

Условные обозначения к рисункам 10 и 11:

1. Соор. 7, кв. 25, шт.3; 2. Соор. 7, кв. 30, шт. 3. 3. Соор. 7, кв. 25, шт.3;
 4. Соор. 8, кв. 6. 5. Соор. 7, кв. 25, шт.3; 6. Соор. 7, кв. 30, шт.3;
 7 - 8. Соор. 7, кв. 25, шт. 3. 1-6; 7-8 - круговая керамика.
 1-6 – лепная керамика, 3 - прикамская керамика.

Рис. 13. Фрагменты лепной и круговой керамики из котлована сооружения 7

Рис. 14. Развал кругового кувшина среди камней печи-каменки сооружения 7

Рис. 15. Круговой кувшин из развала печи-каменки в сооружении 7

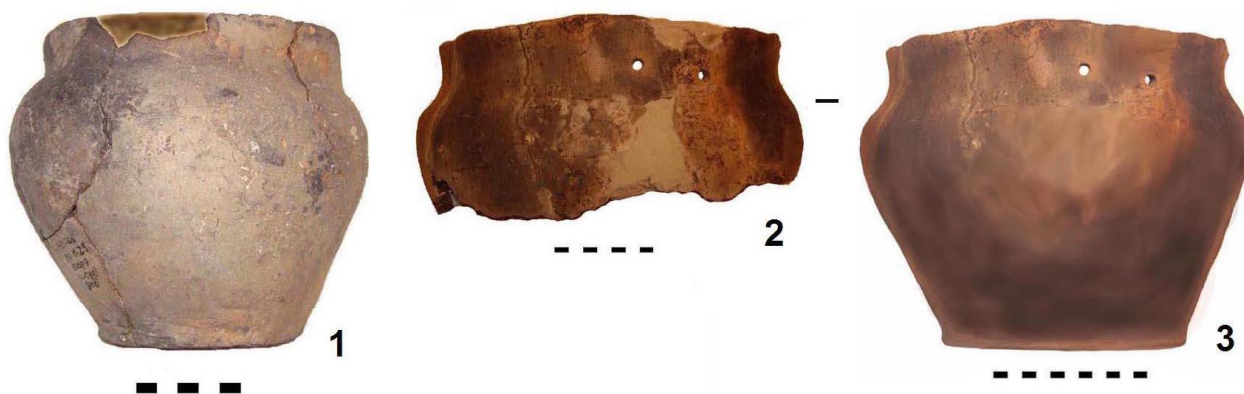

Рис. 16. Лепные сосуды из заполнения котлована сооружения 7:

1 – лепной сосуд (кв. 27, шт. 6); 2 – фрагмент верхней части лепного сосуда (кв. 14, шт. 3);

3 – графическая реконструкция лепного сосуда (кв. 14, шт. 3)

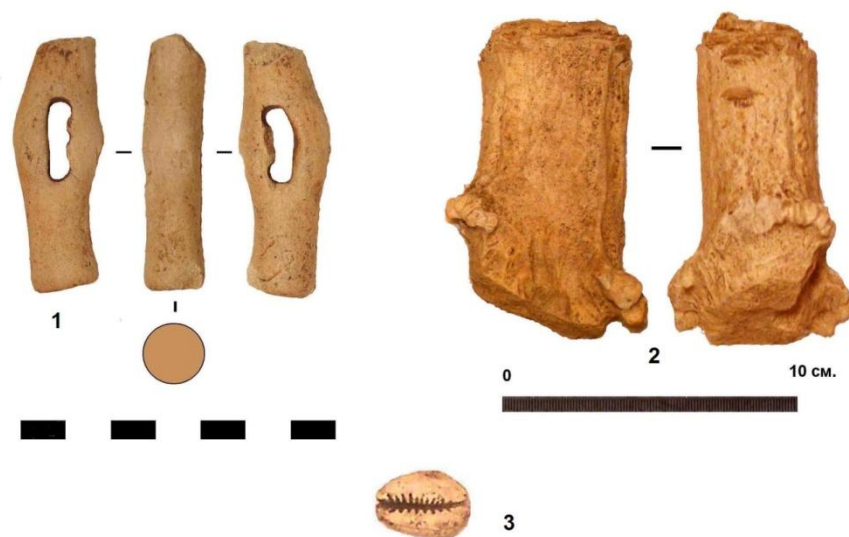

Рис. 17. Изделия из кости, рога и раковин из сооружения 7:

1 – костяной псалий (кв. 29, шт. 4), 2 – заготовка из рога лося (соор. 30, уровень дна),

3 – раковина каури (кв. 35, уровень дна сооружения)

Рис. 18. Фрагмент каменного жернова из сооружения 7 (кв. 2. Гл. -104 см от 0)

Рис. 19. Обработанный камень из заполнения котлована сооружения 7
(кв. 27. Гл. -102 см от 0)

Литература

1. Буров Г.М. Исследования в Ульяновском Поволжье // АО. М., 1973.
2. Буров Г.М. Археологическая карта Ульяновской области. Рукопись. Симферополь, 1977. Архив УОКМ.
3. Вязов Л.А. Отчет о разведках в Сенгилеевском районе Ульяновской области в 2005 году // Архив кабинета археологии СамГУ. Архив ИА РАН. Самара, 2007.
4. Казаков Е.П. Погребальный инвентарь Танкеевского могильника // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань, 1971.
5. Матвеева Г.И., Семыкин Ю.А. Новослободское городище – центр седентеризации раннесредневековых кочевников на территории Ульяновского Поволжья // Материалы IV научной конференции, посвященной ученому и краеведу С.Л. Сытину. Ульяновск, 2008.
6. Поливанов В.Н. Археологическая карта Симбирской губернии. Симбирск, 1900.
7. Семыкин Ю.А. К вопросу о поселениях ранних болгар в Среднем Поволжье // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. Самара, 1996.
8. Семыкин Ю.А. К истории волжских болгар на территории Ульяновского Поволжья // Булгарская цивилизация – наше наследие. Ульяновск, 2005.
9. Семыкин Ю.А., Матвеева Г.И. Освоение природных ресурсов, становление и развитие хозяйства у раннесредневекового населения Новослободской группы памятников в Сенгилеевском районе Ульяновской области // Материалы Сытинских чтений. Ульяновск, 2008.
10. Смирнов А.П. Археологические исследования Ульяновского областного краеведческого музея им. И.А. Гончарова в 1957 году. Ульяновск, 1958.
11. Степанов П.Д. Отчет о работе разведочной археологической экспедиции в пределах Ульяновской области летом 1951 г. // Архив ИА РАН Г.1. , N 553. л.л. 18.19. 1952.
12. Степанов П.Д. Материалы для археологической карты Западной части Среднего Поволжья // МИА. 1962. № 111.
13. Тухтина Н.В. Раскопки 1957 года близ села Криуши Ульяновской области // МИА. 190. № 80. Тр. Куйбышевск. арх. эксп. Т. III.
14. Уланов Г.В., Вискалин А.В., Воробьев Б.С. Клад женских украшений угров IX в. с территории Ульяновского Предволжья // Краеведческие записки. Ульяновск, 2006.
15. Хлебникова Т.А. Керамика Вожской Болгарии. М.: Наука, 1984.
16. Федоров-Давыдов Г.А. Тигашевское городище (Археологические раскопки 1956, 1958, и 1959 гг.) // МИА. 1962. №111. Тр. Куйбышевск. арх. эксп. Т. IV. С. 55-65.

УДК 902/904

© 2012 Мышкин В.Н., Турецкий М.А.

ПОЗДНЕКОЧЕВНИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ИЗ КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА ГВАРДЕЙЦЫ I

В статье публикуются материалы позднекочевнического погребения, обнаруженного в одном из курганов могильника Гвардейцы I. Немногочисленность

подобных комплексов в Среднем Поволжье делает описание каждого памятника этого периода важным для осмысления роли и места тюркских кочевников.

Ключевые слова: позднее Средневековье, кочевники, курганы, колчан.

Курганный могильник Гвардейцы I относится к числу практически полностью исследованных памятников на территории Самарского Заволжья. Он располагается на второй террасе реки Самары в районе села Гвардейцы Борского района. Могильник был открыт в 1921 году Восточной экспедицией общества археологии, истории, этнографии и естествознания под руководством В.В. Гольмстен. В 1970-1972 годах памятник исследовала археологическая экспедиция Куйбышевского госуниверситета под руководством Г.И. Матвеевой и В.А. Скарбовенко. Сотрудники этой экспедиции зафиксировали 32 кургана, образующих могильник и располагавшихся полосой, ориентированной по линии ЮВ-СЗ. Экспедиция КГУ в течение трех полевых сезонов раскопала 13 курганов (№ 1-3; 7-9; 12-14; 17; 19; 20; 24). Раскопки этих курганов позволили получить материалы из погребений эпохи поздней бронзы, раннего железного времени и позднего Средневековья. Результаты исследований нашли отражение в подробной публикации [6, с. 147-173]. В 1994 г. исследование памятника было продолжено, в результате было исследовано еще 9 курганов (№№22, 25-32), возведенных в разные эпохи. Результаты этих исследований представлены в статье, посвященной погребальным комплексам кочевников раннего железного века, обнаруженным в 6 курганах [7, с. 147-175].

Новая публикация, предлагаемая вниманию исследователей, призвана ввести в научный оборот материалы средневекового кочевнического кургана № 29. Эти материалы неоднократно использовались различными авторами для характеристики культуры кочевых племен, населявших Самарское Заволжье в домонгольский период [3, с. 271-272; 5, с. 91; 2, с. 397; и др.], но не были опубликованы в полном объеме.

Судя по данным стратиграфии, первоначальный диаметр кургана составлял около 19 м (рис. 1). Максимальная высота насыпи от уровня современной поверхности составляла 0,7 м, от уровня древней поверхности 0,55 м. Поверхность кургана к моменту раскопок была задернована и деформирована дорожной колеей.

Стратиграфия кургана (рис. 1).

1. Верхний дерновый слой насыпи имел мощность 0,05-0,06 м и представлял собой супесь серо-черного цвета.

2. Собственно древняя насыпь кургана – гумусированная супесь черно-коричневого цвета, чуть более светлая по сравнению с супесью дернового слоя.

3. Погребенная почва мощностью 0,3-0,6 м. Верхний гумусовый горизонт погребенной почвы характеризовался небольшой толщиной и представлял собой плотную гумусированную супесь более светлого по сравнению с вышележащей насыпью кургана серовато-коричневого цвета.

4. Материк – легкая супесь светло-желтого цвета, имевшая сильную степень засоленности солями карбонатов.

В северо-западной поле кургана на расстоянии 8,10 м от центрального репера на глубине -0,61 м от 0 были обнаружены фрагменты костей животных (X1), а на расстоянии 3,0 м от нулевой отметки на глубине -0,21 м от 0 найден фрагмент нижней челюсти МРС (X2).

В юго-восточном секторе на расстоянии 7,70 м от центрального репера на глубине -0,73 м от 0 найдены кости ног лошади в сочленении (X3) (все остеологические определения выполнены Н.В. Росляковой).

В юго-западном секторе кургана на расстоянии 6,60 м от нулевой отметки на глубине -0,35 см от 0, западнее погребения, сразу же под слоем дерна были обнаружены остатки двух крупных плах.

В юго-восточном секторе кургана на глубине -0,88 м от 0, что соответствовало предматериковому горизонту погребенной почвы, обнаружены столбовые ямы 2, 3, 4, 5, относящиеся к одной подкурганной конструкции (рис. 1). Столбовые ямы располагались на расстоянии 30-58 см друг от друга, образуя почти прямую линию. Столбовая яма 2 находилась на юго-западном конце линии. Она имела цилиндрическую форму. Ее диаметр 0,40х0,44 м, глубина -0,15 м от уровня фиксации; в материк яма врезалась на 3 см, находясь большей своей частью в слое погребенной почвы. Яма заполнена гумусированной супесью. В 0,31 м северо-восточнее ямы 2 находилась столбовая яма 3, имевшая цилиндрическую форму, диаметром 0,25х0,37 м и глубиной 0,1 м. Яма целиком находилась в слое погребенной почвы, не врезаясь в материк. В заполнении, состоявшем из темной гумусированной супеси, обнаружены остатки деревянного столба. Яма 4 располагалась в 0,43 м к северо-востоку от ямы 3 и имела цилиндрическую форму. Ее диаметр – 0,25х0,27 м, глубина -0,15 м от уровня фиксации. В центральной части заполнения зафиксированы остатки деревянного столба. Яма 5 располагалась в 0,58 м северо-восточнее ямы 4. Она была цилиндрической формы и имела диаметр 0,31х0,34 м и глубину -0,17 м от уровня фиксации. В центральной части заполнения ямы обнаружены остатки деревянного столба и кальцинированный зуб животного.

Эти ямы являлись частью одной конструкции – загородки из деревянных столбов, которая располагалась к востоку ямы 1. Яма 1 находилась около загородки, с внутренней ее стороны, в юго-восточном секторе кургана, на расстоянии 7,30 м от 0. Она имела в плане подчетырехугольную, несколько неправильную форму. Яма зафиксирована на глубине -0,88 м от 0, в предматериковом слое погребенной почвы, она прорезала материк на 2 см. Ее длина 1,14 м, ширина 0,65-0,80 м, глубина 0,14 м от уровня фиксации. Ориентировка – длинной осью по линии ЗСЗ-ВЮВ. Заполнение состояло из темной гумусированной супеси. На глубине -0,94 м от 0, выше дна ямы на 8 см, по ее длинной оси, ближе к южной продольной стенке, лежал берестяной колчан. Под колчаном зафиксированы остатки легкой конструкции, на которую он был уложен. Основу конструкции составляли две продольные деревянные плахи, к которым были прикреплены куски войлока, а поверх войлока – тонкая кожа. В целом конструкция представляла собой нечто вроде легких носилок или подставки длиной чуть более 70 см и шириной около 20 см. Колчан был помещен в яму пустым, без стрел. Рядом с колчаном, вплотную к нему лежал продолговатый костяной предмет с пятью отверстиями – колчанная петля. К ней крепились ремни портупей, на которых колчан подвешивался к поясу.

Колчан (рис. 3, 1) изготовлен из довольно толстой и крепкой бересты, имевшей толщину около 2,5-3,0 мм. Он имел форму усеченного конуса. Его длина 65 см, ширина в верхней части 10 см, в нижней части – 16,5 см. На некоторых фрагментах колчана сохранились круглые сквозные отверстия, через которые продевалось сухожилие, сшивавшее колчан. Шов проходил вдоль длинной оси колчана на одной его стороне; при этом края берестяной пластины накладывались друг на друга, протыкались шилом и сшивались с помощью сухожилия. Дно и верхняя крышка колчана не сохранились.

Колчанная петля (рис. 3, 2) изготовлена из трубчатой кости крупного животного. Длина предмета 12,5 см, максимальная толщина в средней части – 1,9 мм. На внутренней вогнутой поверхности предмета видны глубокие косые насечки. Внешняя выпуклая сторона заполирована. Рядом с отверстиями заметны следы

потертостей, оставленные ремнем. Три отверстия имели круглую форму и диаметр около 3 мм, центральное – овальной формы – более крупное, диаметром 5,5х11 мм.

Могильная яма находилась в центре подкурганной площадки. На глубине - 1,34 м от 0 могильная яма имела в плане форму четырехугольника с сильно закругленными углами и выступом округлых очертаний с южной стороны (рис. 2). После расчистки выяснилось, что сложная конфигурация ямы обусловлена тем, что в данном месте были совершены два погребения (погребения 1 и 2). Кроме того, с южной стороны обе ямы были сильно нарушены норами грызунов.

Длина могильной ямы 1 на уровне фиксации составляла 2,0 м, ширина 1,72-1,90 м. По направлению ко дну яма слегка уменьшалась в размерах. Длина дна составляла 1,83 м, ширина – 1,66-1,71 м. Дно могилы было слегка покатым: глубина увеличивалась от -1,57 м от 0 вблизи северной стенки до -1,63 м от 0 вблизи южной. Общая глубина могилы от уровня древней поверхности кургана составляла 1,03-1,07 м. Яма была ориентирована длинной осью по линии С-Ю.

Посередине дна могилы в вытянутом на спине положении лежал костяк взрослого человека, ориентированный головой на ЮЮВ (162°). Верхняя половина костяка слегка завалилась на правый бок. Голова запрокинута и прижата к высоко поднятому левому плечу. Правая рука вытянута, левая слегка согнута в локте. Правая нога слабо согнута в колене, левая вытянута.

У черепа погребенного справа и слева обнаружено по одной серьге, изготовленной из тонкой, согнутой в колечко бронзовой проволоки с заостренными концами (рис. 3, 3). Серьги небольшие: диаметр колечка одной серьги 1,0х1,3 см; второй 0,7х1,2 см. Толщина проволоки, из которой изготовлены серьги, около 1 мм.

В северо-восточном углу ямы, рядом с голенью правой ноги, обнаружены половина таза и фрагмент кости конечности мелкого животного – оба выше дна могилы, в норах грызунов.

В юго-западной части дна могилы погребения 1 имелось углубление овальной формы, дно которого примерно на 19 см было ниже уровня дна могилы 1 и зафиксировано на глубине -1,82 м от 0. Вдоль восточной стенки углубления и на дне его обнаружены кости ног, фрагмент таза, ребер и некоторые другие кости еще одного взрослого человека. Остатки костяка обозначены как погребение 2. Соотношение обоих погребений осталось не вполне ясным. Возможно, погребение 2 было более ранним и разрушено при сооружении могильной ямы погребения 1. Однако бесспорные стратиграфические свидетельства в пользу этого предположения не зафиксированы. К тому же эта часть могильной ямы наиболее сильно пострадала от нор грызунов.

Культурная атрибуция погребения 1 в кургане 29 могильника Гвардейцы I впервые была предложена И.Н. Васильевой. Она отметила отсутствие хронологически определенных типов вещей в данном погребении. На основе сходства некоторых признаков погребения 1 кургана 29 могильника Гвардейцы I с датированным комплексом из погребения 1 кургана 7 Покровского могильника И.Н. Васильева отнесла публикуемый комплекс к числу немногочисленных в Самарском Поволжье памятников печенежско-торческого круга X-XI вв. [3, с. 272]. Однако в кургане 29 могильника Гвардейцы I не зафиксированы такие характерные для огузо-печенежских погребений Волго-Уралья признаки, как ритуальное захоронение конской шкуры или только черепа и ног лошади рядом с погребенным или на могильном перекрытии; западная или юго-западная ориентировка погребенных, наличие в составе сопровождающего инвентаря птицевидных нашивок и копоушек, стремян яйцевидного контура с выступающей петлей для путлища и закругленной подножкой, удил без перегиба, блях-решм от конских оголовий [4, с. 66-94].

Найденные в данном погребении немногочисленные вещи относятся к типам, которые бытовали у кочевников достаточно долго. Колчаны подобной формы использовались в среде степных племен Евразии в Средневековье на протяжении длительного времени [1, с. 196; 8, с. 191]. Колчанная петля с пятью отверстиями (тип А-IV по Г.А. Федорову-Давыдову [9, с. 31, рис. 2, 4]) также имеет широкий хронологический диапазон бытования и не может служить основанием для узкой датировки. Украшения в виде серёг в виде бронзового кольца с незамкнутыми концами изредка встречаются в погребениях огузо-печенежского круга Волго-Уралья [4, с. 90, рис. 30, 2-4] и в погребениях кочевников причерноморских степей [1, с. 198].

Особый интерес вызывает необычное месторасположение колчана. Как правило, колчан располагался внутри могилы, справа от погребенного, или, гораздо реже, на плахах надмогильного перекрытия. Среди огузо-печенежских комплексов евразийских степей [4, с. 92] ни разу не встречено отдельное «захоронение» колчана рядом с основной могилой, к тому же сопровождавшееся загородкой из деревянных столбиков. В данном случае мы имеем дело с особым обрядом, где роль колчана отличается от той роли, которая отводится этой категории вещей в подобных погребениях.

Приведенные выше соображения позволяют предположить, что данный комплекс может относиться к более позднему периоду, чем X-XI вв., и принадлежит к домонгольскому половецкому периоду (конец XI – начало XIII в.).

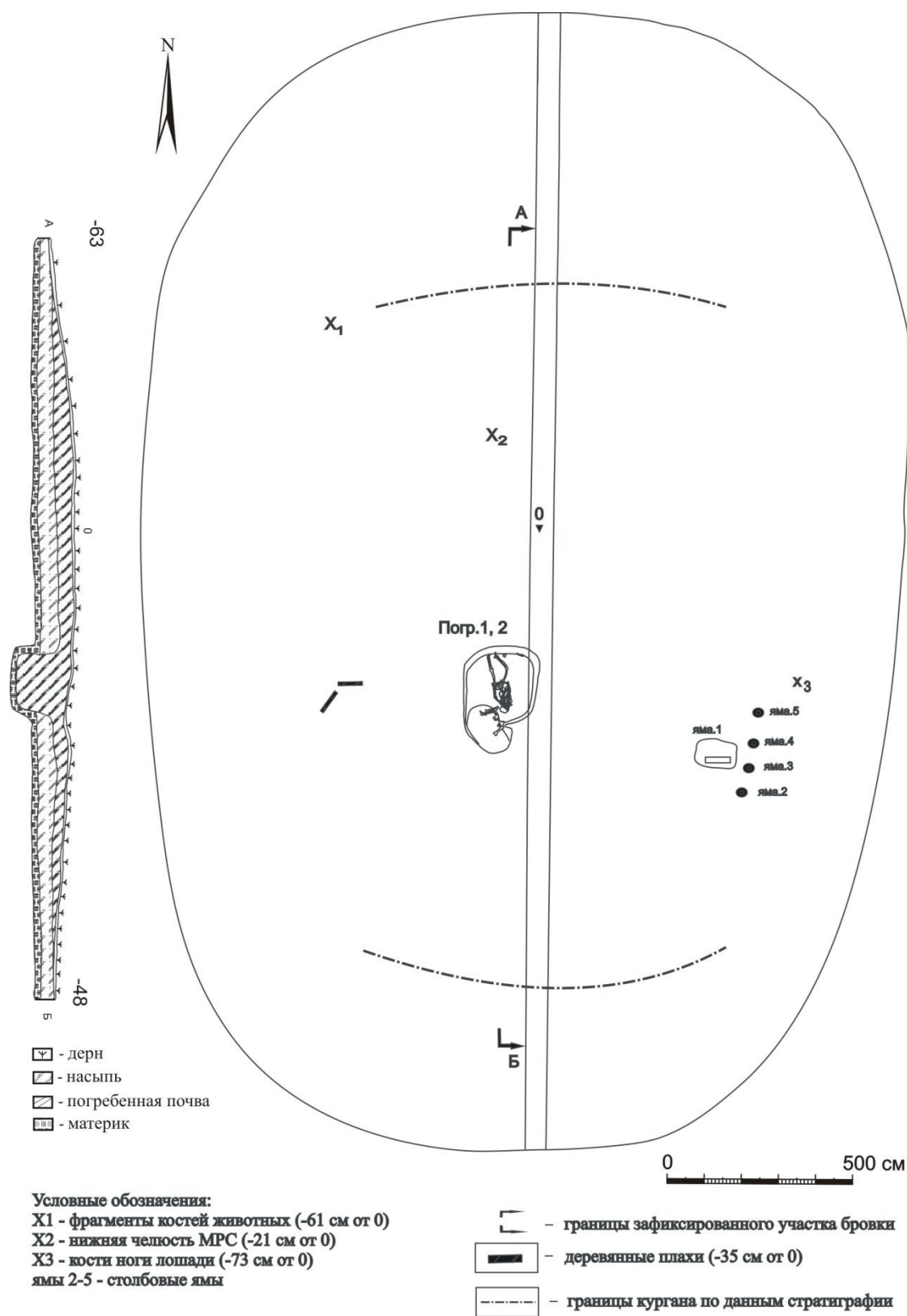

Рис. 1. Курганный могильник Гвардейцы I. Курган № 29. План и профиль

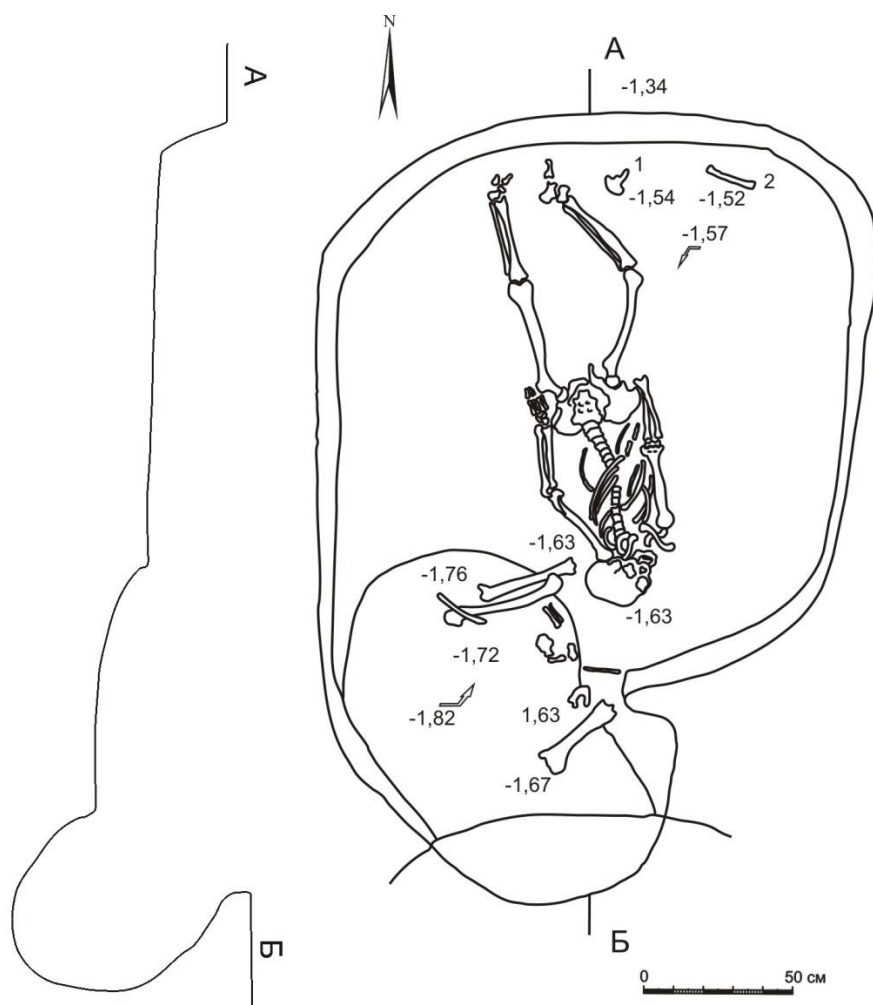

Рис. 2. Курганный могильник Гвардейцы I. Курган № 29.
План и профиль погребения 1

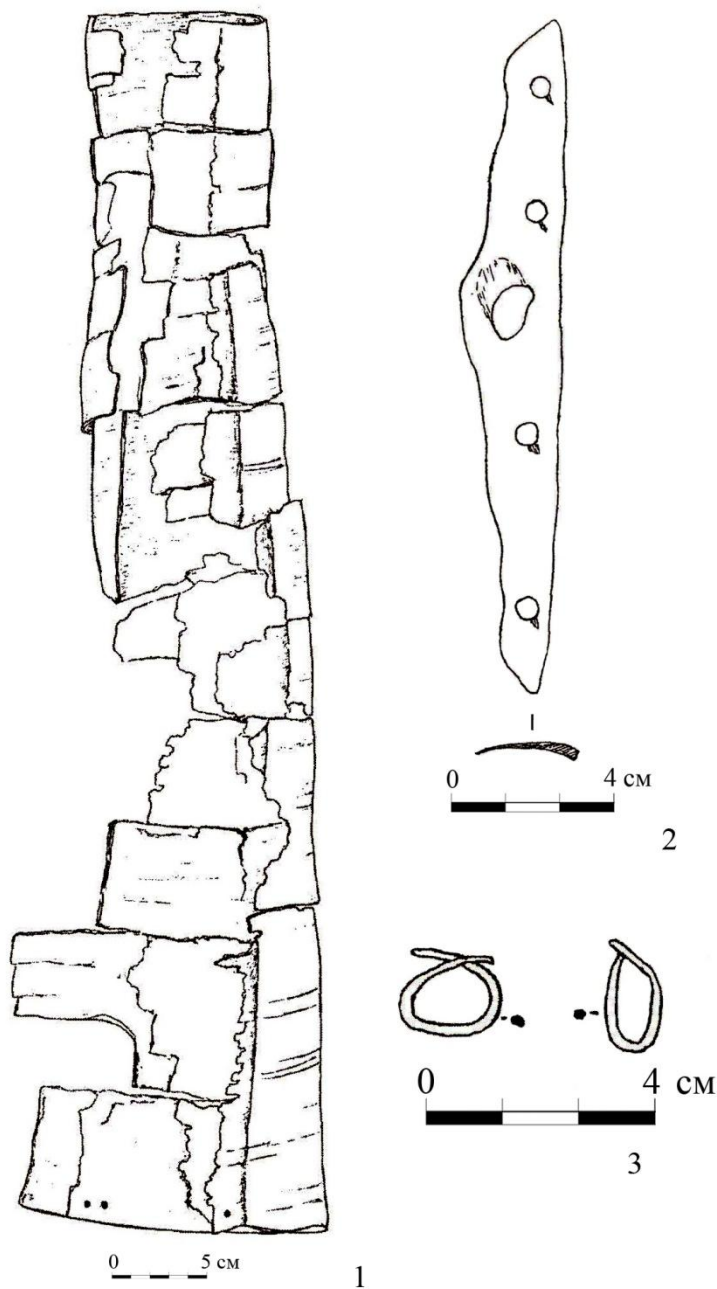

Рис. 3. Курганный могильник Гвардейцы I. Курган № 29:
1 – колчан из ямы 1; 2 – колчанная петля из ямы 1; 3 – серьга из погребения 1

Литература

1. Археология СССР. Степи Евразии в эпоху Средневековья / Отв. ред. С.А. Плетнева. М.: Наука, 1981. 304 с.
2. Богачев А.В. Печенеги «отрезанные» Самарского Заволжья (в свете новых археологических источников) // ВАП. Вып. 4. Самара: Научно-технический центр, 2006. С. 397-400.
3. Васильева И.Н. Памятники тюркских кочевников домонгольского периода в Самарском Заволжье // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Ранний железный век и Средневековье. М.: Наука, 2000. С. 268-273.

4. Гарустович Г.Г., Иванов В.А. Огузы и печенеги в евразийских степях. Уфа: Гилем, 2001. 212 с.
5. Крамарев А.И., Цибин В.А., Сташенков Д.А. Средневековое погребение у с. Надеждино // Краеведческие записки. Вып. XI. Самара: Файн Дизайн, 2003. С. 88-95.
6. Матвеева Г.И., Скарбовенко В.А. Курганный могильник у с. Гвардейцы // Очерки истории и культуры Поволжья. Труды Средневолжской археологической экспедиции. Вып. 2. Куйбышев, 1976. С. 147-174.
7. Мышкин В.Н., Скарбовенко В.А., Хохлов А.А. Сарматские курганы у с. Гвардейцы // АПО. Вып. III. Оренбург: Печатный Дом «Димур», 1999. С. 147-175.
8. Трифонов Ю.И. О берестяных колчанах Саяно-Алтая VI-X вв. в связи с их новыми находками в Туве // Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск, 1987. С. 189-199.
9. Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.: Издательство Московского университета, 1966. 275 с.

УДК 902/904

© 2012 Кондрашин В.В. , Перовощиков С.Е.

МАТЕРИАЛЫ ПО ЖЕЛЕЗООБРАБОТКЕ ПЬЯНОБОРСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В статье приводится подробное описание технологических схем изготовления кузнечного инвентаря из трёх пьяноборских могильников: Ныргында II, Икского и Камышлы-Таманского. Металлографическому анализу подверглись 9 ножей, один наконечник копья, два кольца, пряжка, двое удил и обломки трех предметов неустановленного назначения. На основе полученных данных можно сделать вывод о том, что пьяноборские кузнецы использовали в основном сырцовую малоуглеродистую сталь и кричное железо, их технологический арсенал составили преимущественно простые схемы: ковка целиком из малоуглеродистой стали, целиком из кричного железа, сварка двух полос однородного металла. Вместе с этим некоторые ножи имели многослойную структуру, к тому же два из них оказались закаленными в холодной воде.

Ключевые слова: ранний железный век Приуралья, кузнечные изделия пьяноборско-кара-абызского круга, металлографический анализ, технологическая схема, кричное железо, сырцовая сталь, структура видманштетта, пластинчатый перлит, феррито-перлит, мартенсит, закалка, сварка, цементация, шлаковые и неметаллические включения.

Большинство исследователей пьяноборской культуры так или иначе касались вопросов, связанных с её черной металлургией и металлообработкой. В частности, Б.Б. Агеев отмечал, что «концентрация населения привела к усилению экономических связей. Определенную роль в этом процессе играли металлургия и металлообработка бронзы и железа» [1, с. 89]. Однако кузнечное производство пьяноборской культуры прежде практически не являлось предметом специального металловедческого исследования. Исключение составляет публикация результатов металлографического анализа одного ножа из материалов Быргындинского IV поселения [6, с. 42-43], а также результатов исследования небольшой коллекции (18 экземпляров) Кипчаковского I могильника [3, с. 271-276], основу которой составили кузнечные изделия пьяноборско-кара-абызского круга.

Настоящая публикация, по сути, продолжает опыт металлографического изучения материалов, касающихся проблемы развития кузнечного ремесла в Приуралье в эпоху раннего железа. В рамках данной статьи приводится подробное описание технологических схем изготовления кузнечного инвентаря из трёх пьяноборских могильников: Ныргында II, Икского и Камышлы-Таманского. Металлографическому анализу подверглись 9 ножей, один наконечник копья, два кольца, пряжка, двое удил и обломки трех предметов неустановленного назначения.

Из материалов раскопок Икского могильника, производимых в 1986-87 гг. [2, с. 52), было отобрано шесть предметов: пять ножей и фрагмент предмета неопределенного назначения (рис. 1; ан. 161-164, 166, 168). Ножи Икского могильника имеют горбатую спинку, переходящую в черешок, который со стороны рабочего края имеет уступ. Длина ножей колебалась в пределах от 8 до 13 см, ширина лезвий – от 1 до 1,7 см.

Кузнечным сырьем для ножа № 161 (рис. 1) послужило кричное железо низкого качества с микротвердостью 128-151 кг/мм². Слабо **травящийся** металл содержал многочисленные узкие шлаковые включения, располагающиеся параллельными цепочками. Нож № 162 (рис. 1) был откован из сырцовой малоуглеродистой стали. При его изготовлении была использована схема сварки двух полос – железной и малоуглеродистой стальной. Пластинчатая структура перлита указывает на то, что нож ковался при повышенных температурах. Участки с меньшим содержанием углерода приняли структуру видманштетта. На рабочий край также выходило перегретое железо. Микротвердость пластинчатого перлита составила 232 кг/мм², видманштетта – 191-210 кг/мм².

Из качественной стальной заготовки был откован нож № 163 (рис. 1). Шлиф был взят с острия ножа. Была выявлена полосчатая структура. Микротвердость пластинчатого перлита на фоне феррита составила 210-234 кг/мм², участки видманштетта – 191 кг/мм².

Как и два предыдущих ножа, экземпляр № 164 (рис. 1) был изготовлен при повышенных температурах. Пластинчатые микроструктуры оказались аналогичны тем, что были выявлены при анализе ножей № 162 и № 163. Однако пластины перлита на фоне феррита были распределены не так равномерно, как у этих образцов, а концентрировались небольшими участками, из чего можно сделать вывод об использовании в качестве кузнечного сырья кричного железа со следами случайного науглероживания. Показания микротвердости составили 118-161 кг/мм².

Многokrатное травление шлифа, взятого с ножа № 168 (рис. 1), так и не позволило достоверно выявить микро- и макроструктуру изделия, однако низкие показания микротвердости (110-127 кг/мм²) и плохое качество металла косвенно указывают на то, что оно изготовлено из железа.

Шлиф, взятый с узкого обломка треугольного в сечении железного предмета (рис. 1; ан. 166), показал, что в данном случае использовалась кузнечная сварка двух полос кричного железа, одна из которых имела следы случайного науглероживания. Микротвердость феррита составила 110-118 кг/мм², участка со структурой феррито-перлита – 127 кг/мм².

Таким образом, металлографическое исследование выборки кузнечных изделий Икского могильника показало, что кузнечным сырьем для местных кузнецов служило кричное железо и сырцовая сталь. Характерной чертой металла данной коллекции был пластинчатый характер микроструктур, что указывает на применение высоких температур при ковке. Примечательна одна особенность: перлит в изделиях имел вид чрезвычайно мелких пластин.

Сварка, обнаруженная в трех из пяти исследованных предметов, по-видимому, была широко распространена в кузнечной практике местных мастеров. И хотя сварочные швы довольно светлые и, как правило, не забиты шлаковыми включениями, неровные очертания и их ширина не позволяют признать качество сварки высоким.

Из набора технологических схем икскими кузнецами были освоены наиболее простые: ковка целиком из кричного железа, двухполосная сварка однородного металла, ковка из многослойных заготовок.

Могильник Ныргында относится к числу первых из исследованных памятников пьяноборской культуры. История его изучения началась еще в 1898 г. В 1933 г. М.Г. Худяков опубликовал коллекции могильников Ныргында I и Ныргында II и датировал их I – III н.э. Перечень кузнечного инвентаря могильника Ныргында I стандартен для памятников пьяноборской культуры. Однако железные предметы содержало менее четверти захоронений. Наиболее массовыми категориями кузнечных изделий, встреченных на данном памятнике, являлись железные пряжки и ножи [1].

Металлографическому исследованию подверглись семь предметов: два ножа, один из которых сохранился в виде небольшого фрагмента, два незамкнутых кольца, пряжка с подвижным язычком и кольцевидной рамкой, фрагмент удила, а также небольшой железный предмет неустановленного назначения, предположительно черешок ножа (рис. 2; ан. 169-175).

Целый экземпляр ножа (рис. 2; ан. 170) из могильника Ныргында I с чуть погнутом острием относится к наиболее распространенному в пьяноборской культуре типу. По форме он близок одному из ножей икской коллекции (№ 168). Правда, способы изготовления этих ножей были разные. В отличие от цельножелезного икского экземпляра кузнечным сырьем для ножа № 170 из могильника Ныргында I послужила сырцовая малоуглеродистая сталь (с содержанием углерода 0,2 %) с равномерной структурой феррито-перлита, показания микротвердости которого колебались от 135 до 160 кг/мм² (рис. 4; фото 4). Заготовка данного ножа была сварена из нескольких полос. Кузнечная сварка в данном случае была проведена на хорошем уровне. Швы получились довольно ровные и чистые.

С применением приема пакетирования был изготовлен другой нож данной коллекции (рис. 2; ан. 175). Выявленная структура феррита имела нехарактерную для железа микротвердость – 233-351 кг/мм². При более сильном увеличении на фоне зерен феррита стали заметны очень мелкие иглы, напоминающие мартенсит. По-видимому, ликвация углерода в многослойной заготовке позволила изделию воспринять закалку, скорее всего резкую. Сырьем в данном случае служило сильно загрязненное шлаком кричное железо.

Обломок предмета неустановленного назначения (черешок ножа?) был откован по схеме сварки железной полосы с полосой малоуглеродистой сырцовой стали (рис. 2; ан. 174). Сам кузнечный шов как таковой зафиксирован не был, однако он читался по четкой контрастной границе между зонами феррито-перлита и слаботравящегося феррита. Микротвердость железной полосы составила 151 кг/мм², малоуглеродистой – 181 кг/мм².

Кузнечным сырьем для пряжки (рис. 2; ан. 169) послужила малоуглеродистая сталь с равномерным распределением углерода. Цельнокованая кольцевидная рамка пряжки диаметром 3 см, с которой был взят шлиф, ковалась при повышенной температуре, следствием чего явилась пластинчатая структура перлита на фоне феррита. На некоторых участках по краям изделия углерод выгорел, и

пластинчатый перлит уступил место видманштетту (рис. 4; фото 3). Измерения микротвердости по всему полю шлифа имели одинаковые показания – 206 кг/мм².

Способ изготовления удил (рис. 2; ан. 173) был идентичен способу изготовления предыдущего экземпляра. Микротвердость в центре шлифа составила 206 кг/мм², видманштетта по краям – 160 кг/мм².

Незамкнутые кольца № 171 и 172 имели больший диаметр, нежели рамка пряжки № 169. Одно из них (рис. 2; ан. 171) было сделано из слабо прокованного кричного железа со следами случайной науглероженности (рис. 4; фото 5), другое (рис. 2; ан. 172) – из сырцовой стали с очень низким содержанием углерода и, соответственно, небольшой микротвердостью – 128-143 кг/мм².

Набор технологических схем изготовления ныргындинских изделий полностью повторяет ассортимент икских кузнецов. Главное отличие состоит в соотношении числа поковок, выполненных по той или иной схеме. Так, в ныргындинской коллекции преобладают цельнокованные изделия, сырьем для которых послужила сырцовая сталь с довольно малым содержанием углерода. Качество металла преимущественно низкое. Плохое качество имел и единственный в данной выборке нож, имеющий следы резкой закалки (ан. 175).

Могильник у д. Камышлы-Тамак был обнаружен в 1958 г. Н.А. Мажитовым, широкомасштабные раскопки начались в 1961 г. и проводились совместными экспедициями ИИЯиЛ Башкирского ФАН и Института и музея антропологии МГУ под руководством Н.А. Мажитова и М.С. Акимовой. Данные, полученные при исследовании погребального обряда и инвентаря, позволили отнести могильник к числу памятников пьяноборской культуры [4, 5]. Время функционирования могильника было определено в основном по встреченным в погребениях типам стеклянных бус и железных пряжек. После сопоставления комплексов Камышлы-Тамакского могильника и других могильников (Чеганда II, Афонинский, Ново-Сасыкульский) Б.Б. Агеев датировал памятник I в. до н.э. – началом II в. н.э. [1, с. 70-71].

Камышлы-Тамакский могильник наряду с Юлдашевским, по мнению Б.Б. Агеева, выделяется богатством инвентаря среди остальных известных пьяноборских могильников, что может указывать на богатство родов, его оставивших. Основную часть инвентаря составляют различные виды украшений и деталей костюма, сделанных из стекла, кости или цветного металла. Не последнее место среди находок занимает продукция кузнецов. В погребениях Камышлы-Тамакского могильника было найдено более полутора сотен изделий из металла. Однако перечень категорий изделий из железа и стали сравнительно невелик: это ножи и предметы вооружения, среди которых присутствуют шесть «палашей», один меч, два кинжала, шесть наконечников копий и более сотни наконечников стрел. Кроме того, список железных предметов продолжают трое удил и браслет.

Из всех перечисленных предметов в нашем распоряжении оказались три ножа, один наконечник копья и одни удила (рис. 3; ан. 155-159). Эти вещи были подвергнуты металлографическому анализу, в результате чего были полученные следующие результаты.

Металлу данной коллекции было свойственно наличие мелких шлаковых и неметаллических включений. Шлаки крупных размеров встречались редко. Низким качеством отличался образец № 156 (рис. 3), анализ которого выявил округлые шлаковые включения, располагающиеся по краям шлифа, а также ан. 155 (рис. 3) с многочисленными мелкими шлаками, концентрирующимися в верхней части шлифа, соответствующей середине лезвия ножа. Качество остальных исследованных предметов оказалось несколько выше.

Микроструктурное изучение показало, что четыре из пяти изделий были откованы из заготовок, материалом для которых служила сырцовая малоуглеродистая сталь, показания микротвердости которой приближались к микротвердости железа. Хотя содержание углерода в образцах было невелико (0,1-0,2%), распространен он был достаточно равномерно. Это может указывать на то, что одной из промежуточных операций при изготовлении поковок была нормализация.

Коваными целиком из таких «нормализованных» заготовок оказались два ножа (рис. 3; ан. 155, 156). Их металл имел структуру феррито-перлита с микротвердостью 170-206 кг/мм² у ножа № 155 и 170-193 кг/мм² у образца № 156.

Нож с длинным узким лезвием и коротким, слегка загнутым черешком, на котором сохранились остатки деревянной рукояти, был получен путем перегиба и сварки стальной полосы (рис. 3; ан. 157). Последующая обработка изделия заключалась в резкой закалке, в результате чего образовалась структура мартенсита (рис. 4; фото 2). Не исключено, что нож перед закалкой был специально науглерожен. На операцию цементации готового изделия может указывать то, что центр шлифа имел структуру феррита с участками мартенсита. Микротвердость мартенсита составила 613-707 кг/мм², участка мартенсита на фоне феррита – 488 кг/мм². Данный экземпляр явно принадлежит к числу качественных поковок. Сварка, судя по ровным светлым швам, была проведена на высоком уровне. Металл хорошо освобожден от шлаковых включений.

Технологическую схему, выявленную при анализе наконечника копья (рис. 3; ан. 158), можно определить как сварку двух полос, одна из которых железная, со следами слабой науглероженности, другая стальная (рис. 4; фото 1). Феррито-перлитовая структура, на некоторых участках переходящая в пластинчатый перлит на фоне феррита, имела микротвердость 228 кг/мм². Показания микротвердости железной полосы составили 181 кг/мм². На острие копья был выведен участок мягкой сырцовой стали (ан. 158 Б).

Односоставные удила с двумя кольцами-псалиями, по одному с каждой стороны, оказались откованными простым способом – целиком из кричного железа со следами случайного науглероживания у поверхности изделия и микротвердостью феррита 193 кг/мм², феррито-перлитового участка – 206 кг/мм². Прокованы удила были не особенно тщательно. На это указывают аморфные края шлифа и спайки у поверхности изделия.

Судя по структуре пластинчатого перлита, участки которого были обнаружены в ходе исследования у большинства предметов из коллекции могильника Камышлы-Тамак, можно предположить, что они ковались при повышенных температурах.

По итогам технологического исследования поковок из могильников Ныргында, Икского и Камышлы-Тамакского можно сделать вывод о том, что пьяноборские кузнецы использовали в основном сырцовую малоуглеродистую сталь и кричное железо. Соответственно и их технологический арсенал составили преимущественно простые схемы: ковка целиком из малоуглеродистой стали, целиком из кричного железа, сварка двух полос однородного металла. Вместе с этим некоторые ножи имели многослойную структуру, к тому же два из них оказались закаленными в холодной воде (табл. 1).

Металл, из которого были изготовлены изученные изделия, характеризуется в целом сравнительно неплохим качеством, особенно это касается коллекции железных предметов из могильника Камышлы-Тамак. Шлаковые включения, присутствующие в образцах, часто имели небольшие размеры или количество их было невелико. Однако наряду с этим использовался черный металл, сильно засоренный шлаком.

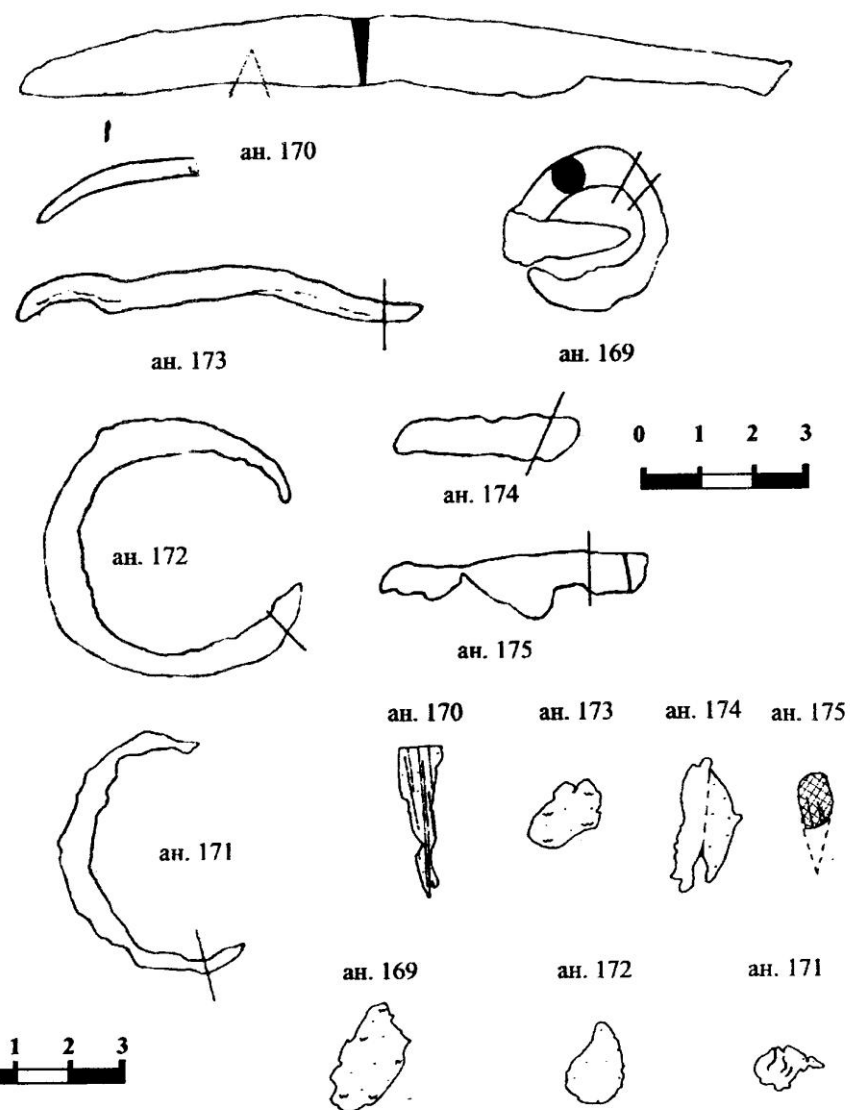
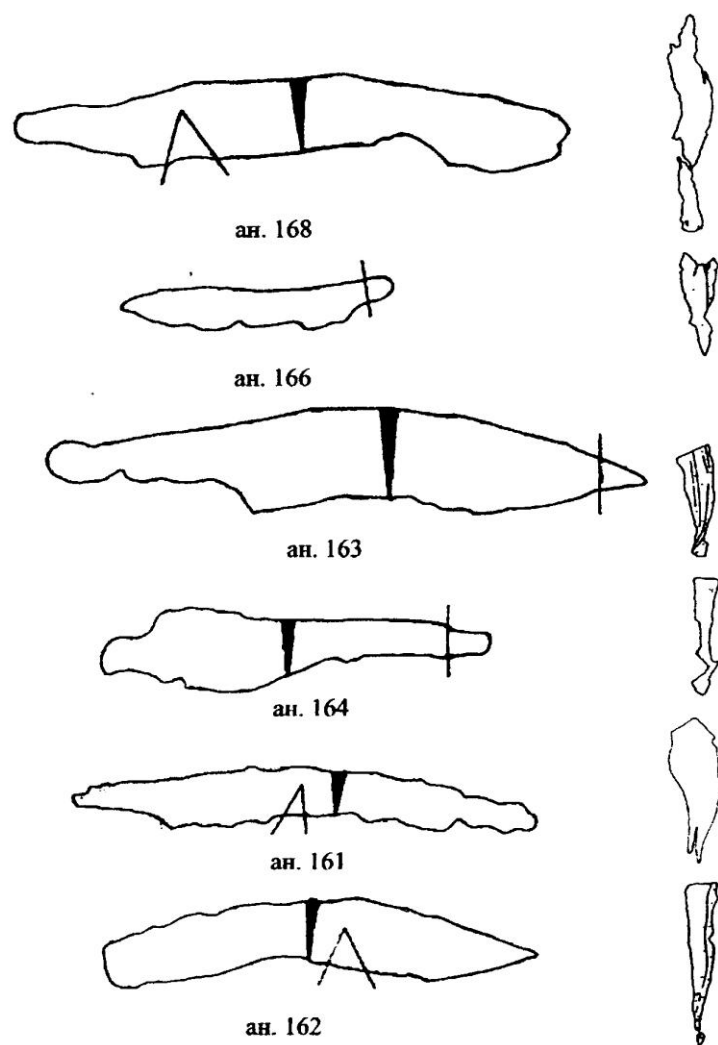

Рис. 1. Кузнечные изделия из Икского могильника и схема их изготовления

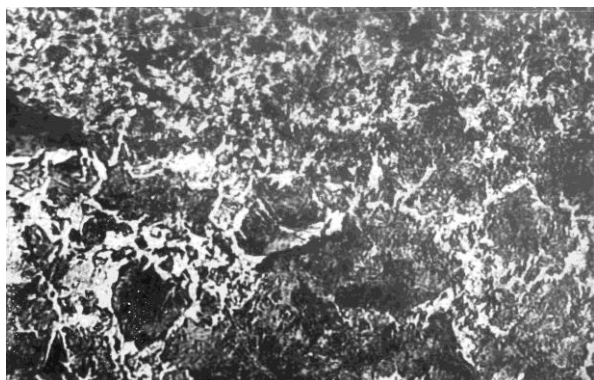
Рис. 2. Технологические схемы кузнечных изделий из могильника Нырғында I

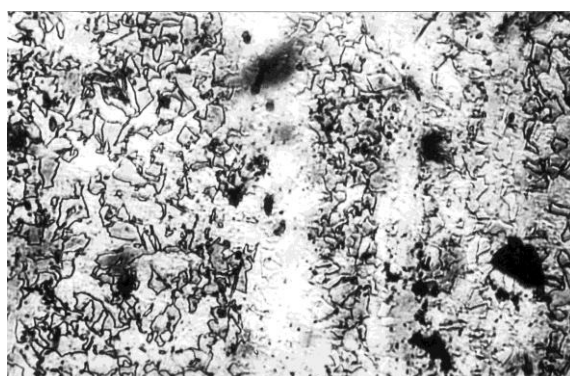
1

2

3

4

5

Рис. 4. Микроструктуры металла кузнечных изделий из могильников
Камышлы-Тамак (1, 2) и Ныргында I (3-5):

1 – наконечник копья (ан. 158Б): участок сварочного шва, пластинчатый перлит, видманштетт;

2 – нож (ан. 157): мартенсит; 3 – пряжка (ан. 169): видманштетт;

4 – нож (ан. 170): участок сварочного шва, феррито-перлит; 5 – кольцо (ан. 171): феррит,
феррито-перлит

Литература

1. Агеев Б.Б. Пьяноборская культура. Уфа, 1992.
2. Ашихмина Л.И., Ключева Г.Н. Икский могильник – новый памятник пьяноборской культуры // Памятники железного века Камско-Вятского междуречья. Ижевск, 1984. С. 44-52.
3. Кондрашин В.В. Результаты металлографического анализа кузнечного инвентаря Кипчаковского могильника // Актуальные проблемы археологии Урала и Поволжья. Самара, 2008. С. 271-276.
4. Мажитов Н.А. Курганный могильник у деревни Ново-Турбаслы // БАС. Уфа, 1959.
5. Мажитов Н.А., Пшеничнюк А.Х. Камышлы-Тамакский могильник // АЭБ. Т. 3. Уфа, 1968. С. 38-52.
6. Перовщиков С.Е. Железообрабатывающее производство населения Камско-Вятского междуречья в эпоху Средневековья (технологический аспект). Ижевск, 2002.

УДК 902/904

© 2012 Французов Д.А.

ПАЛЕОКОСТЮМ: К ПРОБЛЕМАМ МЕТОДОЛОГИИ НАУЧНОГО ПОИСКА

В статье рассматриваются существующие в настоящее время методы и приемы изучения археологического костюма.

Ключевые слова: археология, источники, костюм, метод.

Источником для изучения традиционного костюма может быть собственно сам костюм (археологический или этнографический), костюм изображенный и костюм вербальный (т. е. описанный словесно).

Археологическим костюм становится в результате процесса археологизации.

Археологизация – это те превращения, которые происходят с материальными остатками и следами в отложенном состоянии под воздействием естественных, а подчас и культурных процессов в течение длительного времени, – перемешивание, компрессия, истлевание, фоссилизация, окаменение и т.п. [9, с. 157].

Но *археологический костюм* считается таковым не потому, что он ветхий, фрагментарный и его отделяют от нас века и тысячелетия, а потому, что он «вышел из жизни» [9, с. 75].

Как правило, перед исследователем-археологом предстают лишь отдельные элементы костюма, которые в силу своей химической природы были минимально подвержены процессам разложения. Таковыми обычно являются украшения, а также крепежно-соединительные и распределительные элементы одежды (пряжки, застежки, разного рода кольца). И те, и другие изготавливались из кости, металлов, стекла и других, чаще всего неорганических, материалов. Собственно «археологическая одежда» (из кожи и тканей) в археологических материалах – исключительно редкая находка.

И тем важнее для науки эти редкие исключения. К примеру, если говорить об эпохе раннего Средневековья, то для этого периода особую ценность представляют находки одежды в могильнике Мощевая Балка на Кавказе. «Большая сухость и отсутствие микроорганизмов, характерные для высокогорья, привели к тому, что здесь удивительным образом сохранились предметы из органических материалов, крайне редкие для археологии (дерево, кожа, ткани)» [8, с. 7].

Однако, несмотря на свою фрагментарность и лакунарность, чаще всего именно археологические источники лежат в основе реконструкции костюма народов древности и Средневековья.

История целенаправленного научного изучения археологического костюма еще достаточно коротка. Как пишет один из ведущих специалистов в этой области С.А. Яценко, до 1993 г. российскими учеными не было защищено ни одной диссертации по «археологическому» костюму [25, с. 8].

На рубеже XX – XXI веков тема исследования народного (этнического) костюма вообще и реконструкции костюма на основе археологических данных, в частности, привлекла и привлекает все большее и большее число специалистов. В 2001 году в Самаре была проведена конференция, посвященная специально этой проблематике [16; 17].

Сравнительно недавно З.В. Доде и А.В. Мастыковой в Москве были опубликованы солидные монографические исследования и защищены докторские диссертации, посвященные средневековому костюму народов Кавказа [4; 5; 18; 19]. Средневековый костюм явился объектом исследования целого ряда диссертационных работ, представленных на соискание ученой степени кандидата исторических наук и успешно защищенных [14; 15; 18; 22; 24].

Таким образом, проблемы реконструкции костюма того или иного средневекового этноса на основе археологических источников в настоящее время представляются весьма актуальными. Исследователи отмечают, что «погребальные памятники – на сегодняшний день основной источник наших знаний о варварском костюме» [19, с. 9].

Этнографический костюм, в отличие от археологического, включен в современную жизнь. Степень этой включенности (задействованности) может быть различной. У каких-то народов костюм, который мы считаем этнографическим, является их повседневной одеждой. Другие достают его из «бабушкиных сундуков» по случаю народных праздников или для разного рода традиционных религиозно-обрядовых действий. Фольклорные коллективы используют этнографический костюм в своей концертной деятельности.

Мнения исследователей по поводу использования-неиспользования этнографического костюма в процессе реконструкции одежды народов, скажем, Средневековья, расходятся.

К примеру, З.В. Доде в монографии «Средневековый костюм народов Северного Кавказа. Очерки истории» для реконструкции костюма тысячелетней давности, на наш взгляд, достаточно уместно и убедительно использовала данные этнографии. «Одежда отражает преемственность поколений, народные традиции, причем на протяжении длительных хронологических периодов» [5, с. 6].

В свою очередь А.В. Мастыкова во вводной части своего фундаментального труда, посвященного женскому костюму IV – VI вв. того же Кавказского региона, пишет, что, на ее взгляд, «если исследователь для реконструкции древнего убора какого-либо народа берет за основу этнографический костюм нового времени (если, конечно, он не имеет в виду факт наличия штанов, рубашек, сапог и т.д. как базовых составляющих, присутствующих в восточноевропейском костюме, по крайней мере, со скифского времени), то тем самым он невольно утверждает, что изучаемый им социум культурно не эволюционировал, т.к. костюм – один из важнейших элементов материальной культуры и является чутким индикатором изменений в культурной, политической и экономической истории древнего населения» [18, с. 17].

Представляется, что определяющим в выборе источника (в том числе этнографического) для реконструкции костюмного комплекса является конкретный исследовательский контекст. Так, в работах С.А. Яценко, посвященных изучению костюма древних иранцев, апелляция исследователя к этнографическим источникам достаточно четко объяснена и обоснована: «Этнографический костюм современных народов иранской группы, сохранивший в ряде случаев чрезвычайно архаичные элементы, также имеет большое значение для сопоставления с древними образцами их предков; особенно важны те из них, которые оказались в своеобразных природных

изолятах – горных районах (памирцы, осетины, горные таджики, курды, пуштуны) или пустынях (белуджи)» [26, с. 5-27].

В принципе имеет смысл существенно расширить поле поиска возможных этнокультурных параллелей в пространстве и во времени или даже вовсе ничем не ограничивать его. В этом плане показательны результаты научного поиска лингвистов: если бы классик современного языкознания С.А. Старостин в силу каких-то соображений вдруг решил сознательно сузить этногеографию лингвистических параллелей, то, возможно, он не открыл бы, а мы соответственно не узнали бы о невероятном факте существования родства между сино-тибетскими, енисейскими и северокавказскими языками [23].

Костюм, как и язык, – явление культуры. Следовательно, у нас есть все основания полагать, что законы развития этого явления в пространстве и во времени не менее сложны и нетривиальны, нежели законы развития языка.

Исследователям еще предстоит открыть законы эволюции и взаимодействия материальных этнокультурных феноменов. Пока же методы и приемы комплексного исследования традиционного костюма находятся в стадии формирования. «Современное состояние формирующейся дисциплины – палеокостюмологии – заключается, прежде всего, в отсутствии детально разработанных методологии и конкретных методик. Каждый исследователь сегодня фактически постепенно формулирует их сам на основе личного опыта и лишь в редких случаях частично присоединяется к позиции кого-либо из знакомых ему коллег» [27, с. 5 – 27].

Следует иметь в виду, что когда мы говорим об археологическом или этнографическом костюме, то, с одной стороны, речь может идти о некоем собирательном костюме того или иного этноса, с другой – о реальном костюме конкретного индивида (вплоть до имени). Эти костюмы (или их составляющие) и сегодня даны нам во всей полноте ощущений. Их можно детально разглядеть, потрогать, услышать звяканье застежек-бубенчиков и бряцание амулетов, а при желании и примерить. Они конкретны.

Костюм изображенный и костюм вербальный – своего рода абстракты. Однако информативные возможности материалов такого рода никак не меньшие, а подчас гораздо большие. Если говорить определеннее, то иконографические и письменные источники делают видение древнего костюма более объемным.

Говоря о методологии научного поиска, еще раз подчеркнем, что современные российские публикации по проблемам изучения «археологического» костюма в массе своей не содержат описание собственно исследовательской «кухни», т. е. процедур, приемов и методов, взятых в определенной последовательности. Те же, привлекаемые из смежных наук, методики (математические, статистические и проч.), которыми авторы, несомненно, пользуются, существуют сами по себе и находятся как бы в «подвешенном состоянии», т.е. вне какого-либо процедурного контекста. В настоящее время в этой отрасли научного познания объективно возникает необходимость в формировании «системы правил-предписаний, определяющих структуру познавательной деятельности и направляющих применение в ней различных познавательных средств и действий для получения содержательного знания о познаваемом предмете» [4, с. 9]. Если говорить точнее, то система базисных принципов, методов, методик, способов и средств их реализации продолжает оставаться на эмпирической стадии формирования.

Во многом это объясняется тем, что костюм как феномен является объектом рассмотрения и анализа целого ряда теоретических и производственно-прикладных дисциплин, понятийный и методологический аппарат которых зачастую трудно совместим. Порой исследователи взамен старых, устоявшихся вводят новые термины, что, на наш взгляд, еще больше усугубляет и без того достаточно сложную ситуацию.

К примеру, С.А. Яценко во вводной части своей монографии пишет: «Ключевые понятия, предлагаемые и используемые в книге, – этнический костюмный комплекс

(совокупность элементов костюма, документированных для конкретного народа, с акцентом на его специфические стороны) и типы (и механизмы) костюмных контактов таких комплексов. Последний термин многие коллеги, вероятно, предложили бы заменить другим – «мода». Однако для практического решения задач, поставленных в книге, он очень неудобен из-за своей расплывчатости и многозначности. К тому же мода как форма регуляции и саморегуляции поведения людей в социально значимом масштабе даже в Западной Европе утвердилась лишь с XIX в.» [26].

А не менее авторитетный исследователь костюма – философ, профессор С.Т. Махлина – полагает, что «появление различий внутри единого национального костюма, по всей вероятности, повлияло на ускорение смен модных тенденций в его оформлении. Эти тенденции уже были свойственны народному костюму, но мода становится спутницей костюма именно в стратифицированном обществе и, прежде всего, костюма высших слоев общества» [21, с. 343].

Опыт изучения динамики распространения в пространстве и во времени раннесредневековой поясной гарнитуры [1; 3; 10; 7] позволяет нам в данном вопросе солидаризироваться с С.Т. Махлиной. И в нашем конкретном исследовательском контексте мы будем говорить, в частности, и о моде.

По всей видимости, именно **контекст** (исторический, социокультурный, природно-географический) должен явиться регулятором использования тех или иных методов и приемов анализа традиционного костюма, поскольку вне конкретного контекста костюм не существует в принципе.

В этой связи нам представляются важными и интересными методические принципы, сформулированные в работе А.В. Мастыковой [19, с. 15-19]. Они изложены и в докторской диссертации автора в разделе «Методические аспекты изучения древнего костюма» [20].

Если говорить о них в самом общем виде, то, с нашей точки зрения, это некий методический посыл, объясняющий принципы отбора как собственно конкретных источников, так и методик анализа этих источников:

- «привлечены, за редкими исключениями, материалы только тех погребений, где по публикациям и архивным материалам устанавливается позиция предметов убора в могиле»;

- «вопрос о том, является ли костюм покойника в момент совершения захоронения повседневным, «праздничным» или сугубо погребальным, не является предметом изучения»;

- «я не привлекаю в своей работе данные о крое одежды, относящиеся к изучаемому периоду, но касающиеся соседних регионов, где могли быть свои особенности»;

- «я отказалась от поиска каких бы то ни было параллелей в костюме населения Северного Кавказа нового и новейшего времени (XVII-XIX вв.)»;

- «мною не используются данные фольклора, например, столь излюбленного кавказоведами нартского эпоса. Памятники устного творчества представляют собой «многослойные» произведения»;

- «крайне опасной в реконструкциях костюма представляется и ориентация на «здравый смысл» или «удобство» ношения, так как содержание этих понятий определяется менталитетом конкретной эпохи» и т.д. [19, с. 15-19].

На наш взгляд, все вышеперечисленные тезисы нельзя признать неким универсальным методологическим основанием (программой, инструкцией) для изучения любого народного костюма, но в *конкретном* исследовательском *контексте* все предложенные А.В. Мастыковой принципы достаточно четко сработали на результат.

Методологической основой исследования З.В. Доде явился «принцип историзма, подразумевающий подход к истории общества как к изменяющейся во времени, развивающейся действительности, а также принцип детерминизма, который

предполагает объективное существование взаимосвязей явлений, пространственных и временных корреляций, функциональных зависимостей. Но для создания историко-культурной модели необходим более конкретный метод исследования костюма как исторического источника. В качестве такого метода был использован метод репрезентации, базирующийся на основных направлениях герменевтико-феноменологической традиции, рассматривающей артефакт как факт истории и культуры. Этот метод позволил реконструировать материальный и социокультурный фон, способствующий объективному взгляду на костюм как на исторический источник. Материальные и идеальные свойства костюма обусловили обращение к естественно-научным методам и методам структурно-семиотического анализа. На основе междисциплинарного характера использованных методов была создана новая концепция исследования костюма как исторического источника, которая позволяет с наибольшей полнотой раскрыть аккумулированные в костюме культурно-исторические явления и процессы. Новая концепция базируется на принципе соответствия, подразумевающим связь с предшествующими теоретическими построениями в области исследования костюма» [6, с. 25].

Проще говоря, исследовательница взяла на вооружение принципы и приемы исследования, разработанные и успешно применяемые в истории, философии, эстетике, социологии, семиотике, а также в естественных науках. На наш взгляд, З.В. Доде в изучении такого многопланового явления, как костюм, определила общее генеральное (на стыке ряда дисциплин) *направление* научного поиска. Однако от «намеченного направления» до «реальной дороги» зачастую далеко не один шаг. Относительно формирующейся науки палеокостюмологии применяемые в вышеназванных науках методики являются своего рода метамethodами, которые удерживают познавательный процесс в определенных обоснованных *научных* рамках, равно как и такие общенаучные методы, как анализ, синтез, индукция, дедукция, сравнение и проч. [1, с. 50].

Важным и ценным представляется то, что З.В. Доде в своей работе обосновала три типа реконструкции костюмов.

«Аутентичная (прямая полная) реконструкция полностью основывается на первоисточнике, то есть на артефактах, позволяющих восстановить крой одежды, ее пространственную форму, манеру ношения, комплекс убранства. При воспроизведении формы костюма учитываются конституциональные особенности индивида. Графическая реконструкция выполняется с учетом пропорционального соотношения антропологических данных и размеров одежды. Выполнение аутентичной реконструкции предусматривает воспроизведение подлинного орнамента и колорита тканей. В результате мы получаем реконструкцию подлинного костюма, выполненную в графической форме.

Обобщающая (аподиктическая) реконструкция используется в том случае, когда приходится составлять образ костюма по его остаткам из разных комплексов. Истинность реконструкции проверяется по изобразительным и письменным источникам. Аподиктическая реконструкция репрезентирует не конкретный археологический комплекс, а культурную форму, характерную для определенного историко-культурного пространства.

Гипотетическая реконструкция используется в тех случаях, когда присутствуют лишь элементы костюма и нет возможности восстановить системообразующую основу костюма – одежду, головной убор или обувь. Модель в этом случае строится на основании обоснованных материалами предположений. Гипотетический тип наиболее применим к первобытным эпохам, для которых нет иконографических и этнологических параллелей» [6, с. 33-34].

Такого рода методологический подход задает некие качественные рамки, позволяющие исследователю понять, чего можно ожидать от имеющихся в его распоряжении материалов.

Сегодня московский исследователь С.А. Яценко по праву считается ведущим экспертом (практиком и теоретиком) в области изучения археологического костюма. Его монографию «Костюм древней Евразии (ираноязычные народы)», вышедшую в 2006

году, коллеги не без основания называют энциклопедической: «В ней собран богатый сравнительный материал, позволяющий по-новому осмыслить на широком культурно-историческом фоне многие составляющие костюма северокавказских ираноязычных алан. Кроме того, работа С.А. Яценко включает большое введение методологического плана, которым можно руководствоваться при изучении костюма на любой территории» [19, с. 32].

Действительно, в обширном введении к своей книге (с последней ее редакцией 2010 г. можно ознакомиться в Интернете) С.А. Яценко, анализируя современные методы и подходы к изучению археологического костюма, констатирует, что «сегодня реконструкция одежды по незначительным остаткам тканей, кожи и нашивных украшений в древних погребениях и даже характер их оптимального описания – темы, методически почти совершенно не разработанные. Обычно авторы не пытаются сколько-нибудь детально методически обосновать свои реконструкции и описания, опираясь лишь на обыденный «здравый смысл» [26, с. 5-27].

В своей монографии С.А. Яценко исследует историю костюма ираноязычных народов в рамках методологии предложенного им комплексного подхода. «Для него характерно: 1. Использование всех видов источников (археологические остатки, изобразительные материалы, письменные сведения) при максимально возможном охвате наличных фактов по каждому изучаемому народу (в случаях, если это сегодня технически невыполнимо, изучается статистически представительная выборка). 2. Отбор изобразительных материалов и остатков костюмного декора из погребений в соответствии со строго сформулированными критериями. 3. Анализ материала не по региональному, а по этническому принципу. 4. Рассмотрение всех основных предметов костюма этноса как единого костюмного комплекса (отражающего специфику народа, его эстетический идеал и религиозные воззрения, социальную структуру). 5. Описание костюма каждого конкретного этноса в главах 1–3 дано по единой программе, которая предлагается впервые: 1) характеристика источников; 2) история изучения; 3) необходимые замечания историко-культурного характера в связи с изучением данного этноса; 4) материал одежды; 5) реконструкция облика основных элементов костюма (в последовательности: плечевая одежда, поясная одежда, пояса, головные уборы, обувь, прическа, косметика и татуировка); 6) общая характеристика костюмного комплекса (крой – манера ношения – силуэт – система декора – эстетический идеал этноса, выраженный в костюме и в облике мужчин и женщин в целом). 6. Рассмотрение этнических комплексов костюма на фоне как современных ему соседних, так и более ранних и более поздних, вплоть до этнографической современности (в противном случае корректность выводов гарантировать трудно). 7. Анализ эволюции костюма отдельных народов под влиянием различных факторов (миграции, смена династии, костюмные инициативы правителей, внешнеполитическое влияние, функционирование торговых путей). Иными словами, костюм крупнейших ираноязычных народов впервые рассматривается в его исходном единстве, в последующей эволюции и взаимосвязи и в локальной специфике.

Систематизированное аналитическое описание костюма отдельных этносов трех эпох по единой программе, приводимое в главах 1–3, хотя и неизбежно включает однотипные перечисления, отнюдь не является простой сводкой разных сведений. В нем содержится много новых фактов, ранее известные чаще всего трактуются по-новому, материал систематизирован по новым принципам, а такие разделы, как анализ образа «Иного» в изображениях чужеземных мастеров, характеристика декоративных принципов и эстетического идеала конкретных этносов, вообще приводятся впервые. Понятно, что без такого единого унифицированного описания невозможно восстановить облик этнического костюмного комплекса, сопоставить материал по различным народам и решить другие задачи этой монографии» [26, с. 5-27].

Принципиально важным представляется то, что предложенный С.А. Яценко методологический подход – не плод досужих умозрительных построений автора, а

результат его более чем тридцатилетней работы непосредственно с источниками. В данном конкретном случае *метод* вырос из *опыта*. Сегодня многие исследователи анализируют археологический костюм в рамках предложенной С.А. Яценко методологии, «полагая, что на данный момент – это наиболее емкая характеристика задач исследования древнего костюма» [14, с. 38].

Вместе с тем, формируя методологию анализа палеокостюма, не следует забывать, что традиционный костюм – это своего рода «социокод, передающий информацию из прошлого в будущее. Народный костюм кодируется коллективом, представляя визуальный план культуры и маркируя положение человека в социальном пространстве и времени. Это касается одежды любого этноса. В ней все семиотизировано: цвет, ткань, украшения» [21, с. 341-342].

То есть одни и те же признаки (параметры) костюма (например, цвет, фасон, длина и др.) могут иметь абсолютно разные смыслы и значения в понимании представителей различных традиционных обществ. Хрестоматийный пример: белая одежда для европейца – знак праздника, для китайца – знак траура.

Или, скажем, антропоморфные поясные накладки VI – VII вв., обозначающие у кочевников-тюрок головы убитых ими врагов, попав к населению Прикамья, стали закрепляться на поясах в перевернутом виде, т.е. совершенно потеряли первоначальную смысловую нагрузку [2, с. 345]. «Смысл деталей костюмного убранства у жителей степи и жителей леса никогда не совпадал. Даже в позднее время, когда основным транслятором степных новинок стало ремесло Волжской Болгарии, степняк и лесовик воспринимали один и тот же элемент с разной целью и смыслом» [7, с. 3].

Иначе говоря, исследователи должны отдавать себе отчет в том, что некую универсальную методологию анализа традиционного костюма (до уровня аутентичной смысловой интерпретации признаков) невозможно создать в принципе. Не помогут в данном случае и методы математической статистики, поскольку в таблицах формальный значок-признак «1» для населения степи и тот же значок-признак для населения леса с содержательной точки зрения будут отражать совершенно разные позиции.

Следует отметить, что археологи, исследуя древний костюм и отдельные его составляющие, нередко используют в своем научном поиске методы математической статистики. Особенно активно они практиковались в отечественной археологии в 1960-е – 1970-е годы (см. обзор В.Б. Ковалевской [11]). Многие исследователи в то время искренне видели в них методологическую парадигму развития археологической науки. Однако позже пришло понимание того, что все эти методики – не более чем подсобный инструмент, могущий оказаться как в опытных, так и в не очень опытных руках. И поскольку первичная информация (параметры) «на входе» задается не абстрактной математической формулой, а конкретным исследователем (выделившим по одной ему понятной причине именно те, а не иные признаки артефакта), никакая «математика» не сделает информацию «на выходе» более объективной.

Вместе с тем нередко необходимость использования статистических методик объективно вытекает из особенностей самого источника. Массовость и унифицированность отдельных типов вещей в условиях ремесленного производства приводит исследователя к необходимости классификации (кодификации), создания баз данных и специальных компьютерных алгоритмов обработки материала. В этой связи нельзя не упомянуть монографии В.Б. Ковалевской, посвященные компьютерной обработке таких значимых, с точки зрения информативности, украшений раннесредневекового костюма, как бусы и поясные принадлежности [12; 13]. В середине 1990-х годов исследовательницей была начата большая работа по специальной адаптации пакета географических программ GGMag, Datstat и Mapstat, подготовленного в лаборатории генетики человека ИОГен РАН профессора Ю.Г. Рычкова, применительно к исследованию археологических данных. «Опираясь на компьютерное картирование массового материала, объединенного в археолого-географические базы данных, мы

получаем новую информацию. Она позволяет более надежно и объективно относить анализируемые факты к определенной точке пространственно-временного континуума, прогнозировать и интерпретировать связи, определять происхождение и пути перемещения отдельных категорий вещей (хронологические индикаторы, этнокультурные маркеры) и стоящих за этим передвижением исторических событий» [12, с. 10].

Необыкновенные возможности компьютерной техники еще не раз удивят археологов. Наверняка в ближайшее время будут созданы программы, позволяющие одним нажатием клавиши создать графический образ археологического костюма (у антропологов уже есть программа графического восстановления лица по черепу!). Однако повторимся: математические методы и методы компьютерного моделирования – не более чем некая форма, наполнение для которой (содержательные параметры) задается *субъективно* более или менее опытным исследователем.

Чтобы сделать результаты реконструкции (в частности, выполненной при помощи компьютера) максимально *объективными*, необходимо как минимум:

- разработать четкие правила первичной фиксации и описания остатков костюма;
- сформировать понятийный аппарат и язык, доступный этнографам, историкам, искусствоведам и другим исследователям;
- структурировать систему однозначной вербальной идентификации отдельных, входящих в костюмный комплекс, артефактов (признаков);
- понять и сформулировать принципы связи (сочетания, взаимодействия, корреляции) отдельных вещей (признаков) в комплексе.

Полная реконструкция того или иного конкретного палеокостюма – это некий идеал, к которому, конечно же, необходимо стремиться, поскольку «особенность народного костюма – его комплексность» [21, с. 342]. Но это совершенно не означает, что работа исследователя с какой-то частью или с отдельными элементами костюмного комплекса несет на себе печать некой ущербности. Костюм – это своего рода зеркало, отражающее мир как отдельного индивида, так и определенного социума. И изучать его можно в том числе индуктивным путем – от частного к общему. Любая деталь костюма (серьга, обувь, амулет, крой одежды) может явиться ключом к пониманию сложных этнических, политических, социокультурных и иных процессов, происходивших в определенных обществах в определенное время.

Литература

1. Богачев А.В. Процедурно-методические аспекты археологического датирования (на материалах поясных наборов Среднего Поволжья V – VIII вв.). Самара, 1992.
2. Богачев А.В. К символике блях-«личин» из раннесредневековых комплексов Восточной Европы // Актуальные проблемы археологии Урала и Поволжья. Самара, 2008.
3. Богачев А.В. Славяне, германцы, гунны, болгары на Средней Волге в середине I тыс. н.э. LAP LAMBERT Academic Publishing. Саарбрюккен, 2011.
4. Борисов В.Н. О специфике методологического анализа научного познания // Методологические проблемы развития науки и культуры. Куйбышев, 1976.
5. Доде З.В. Средневековый костюм народов Северного Кавказа. М., 2001.
6. Доде З.В. Костюм населения Северного Кавказа VII – XVII вв.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2007.
7. Иванов В.А., Крыласова Н.Б. Взаимодействие леса и степи Урало-Поволжья в эпоху Средневековья (по материалам костюма). Пермь, 2006.
8. Иерусалимская А.А. Кавказ на Шелковом пути. Каталог выставки. СПб., 1992.
9. Клейн Л.С. Введение в теоретическую археологию. СПб., 2004.
10. Ковалевская В.Б. Поясные наборы Евразии IV-IX вв. Пряжки // САИ. Вып. Е1-2. 1979.

11. Ковалевская В.Б. Археологическая культура – практика, теория, компьютер. М., 1995.
12. Ковалевская В.Б. Хронология Восточно-Европейских древностей V – IX веков. Вып. 1. Каменные бусы Кавказа и Крыма. М., 1998.
13. Ковалевская В.Б. Компьютерная обработка массового археологического материала из раннесредневековых памятников Евразии. М., 2000.
14. Красноперов А.А. Костюм населения чегандинской культуры в Прикамье: II в. до н.э. – V в. н.э.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2006.
15. Крыласова Н.Б. Костюм средневекового населения Прикамского Предуралья VII – XI вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 2000.
16. Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (из истории костюма). Т. 1. Самара, 2001.
17. Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (из истории костюма). Т. 2. Самара, 2001.
18. Липина Л.И. Семантика бронзовых зооморфных украшений прикамского костюма: сер. I – нач. II тыс. н.э.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2006.
19. Мастыкова А.В. Женский костюм Центрального и Западного Предкавказья в конце IV – середине VI в. н.э. М., 2009.
20. Мастыкова А.В. Женский убор населения Предкавказья в эпоху Великого переселения народов (конец IV – середина VI в.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2010.
21. Махлина С.Т. Заметки о семиотике костюма // Философия, общество, культура: сб. науч. статей, посвященный 70-летию профессора В.А. Конева. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2007. С. 341-347.
22. Павлова А.Н. Семантика костюма волжских финнов середины I – начала II тыс. н.э.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2008.
23. Старостин С.А. Гипотеза о генетических связях сино-тибетских языков с енисейскими и северокавказскими // С.А. Старостин. Труды по языкознанию. М., 2007.
24. Степанова Ю.В. Комплекс погребального костюма сельского населения Верхневолжья X – XIII вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2003.
25. Яценко С.А. О некоторых вопросах изучения «археологического» костюма. Механизмы костюмных связей народов Великой степи // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (из истории костюма). Т. 1. Самара, 2001.
26. Яценко С.А. Костюм древней Евразии (ираноязычные народы). М., 2006.

УДК 902/904

© 2012 Новаленко П.В.

КОНЬ В ПОГРЕБАЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ НАРОДОВ ПОВОЛЖСКО-ПРИУРАЛЬСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ В ПЕРИОД ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ ГРУНТОВЫХ МОГИЛЬНИКОВ КУШНАРЕНКОВО, КОМИНТЕРН II, ТАШКИРМЕНЬ, БЕЗВОДНИНСКИЙ)

В статье рассмотрены погребальные комплексы Кушнареново, Коминтерн II, Ташкирмень и Безводнинский с обрядом сопогребения человека с конем и элементами конской сбруи. Собранный и проанализированный материал представлен в таблице взаимовстречаемости признаков. На основе полученных данных выделены и описаны три группы, связанные с особенностями сопогребения с конем.

Ключевые слова: погребальный комплекс, этнокультурные процессы, сопогребение, конское погребение, трупоположение, кремация.

Средневожье с древности влекло к себе человеческие коллективы не столько эстетикой ландшафтов, сколько природным изобилием. Люди во все времена искали «гарантированный прожиточный минимум». Природные ресурсы данной местности им эти гарантии предоставляли [2].

Предметом настоящего исследования стали погребения с конем, выявленные на грунтовых могильниках лесостепного Поволжья.

Нами были рассмотрены погребальные комплексы с конем из могильников Коминтерн II, Ташкирмень, Кушнаренково, Безводнинский. Вариации сопогребения с конем различны. Это положение целой туши коня (Безводнинский могильник, п. 12; п. 23; п. 25; п. 37; п. 40; п. 41; п. 43; п. 44; п. 51; п. 54, 55; п. 56; п. 57; п. 59; п. 61; п. 64; п. 79; п. 82; п. 83; п. 88; п. 89; п. 90; п. 150; п. 151; п. 153), черепа и конечностей коня (Кушнаренково, п. 2; п. 27; Ташкирмень, п. 2; Безводнинский, п. 16; п. 24; п. 112; п. 165), только черепа (Коминтерн II, п. 26; п. 43; п. 46; Безводнинский, п. 17) или только конечностей (Безводнинский, п. 42; п. 60; п. 132; п. 138), отдельных костей коня (Кушнаренково, п. 17; п. 28; Коминтерн II, п. 10; Безводнинский, п. 3; п. 5; п. 61, п. 156).

Анализ именно этих погребений может стать ключом к пониманию этнокультурных процессов, происходивших в регионе в период Великого переселения народов.

Целью настоящей публикации является попытка культурной и хронологической идентификации погребений с конем.

Для этого нами была разработана следующая шкала признаков, характеризующих погребение.

1. Наименование памятника археологии.
2. Форма могильной ямы и ее конструктивные особенности:
 - 2.1.1 удлиненная могильная яма. Характеризуется наличием свободного пространства между костяком и стенками могильной ямы (рис. 1);
 - 2.1.2 могила, соразмерная росту погребенного;
 - 2.2.1 глубокая могила. Могильная яма глубиной свыше 70 см;
 - 2.2.2 неглубокая могильная яма. Могильная яма глубиной до 70 см;
 - 2.3 наличие подбоя;
 - 2.4 наличие ступени;
 - 2.5 наличие заплечиков;
 - 2.6 простое сооружение.
3. Ориентировка погребенного:
 - 3.1 север;
 - 3.2 северо-восток;
 - 3.3 север северо-запад.
4. Конское погребение, положение коня в могилу без человеческих останков.
5. Сопогребение с конем/частью коня:
 - 5.1 целая туша коня;
 - 5.2 череп и конечности коня;
 - 5.3 череп коня;
 - 5.4 отдельные кости коня;
 - 5.5 конечности коня.
6. Положение коня относительно погребенного:
 - 6.1 в ногах;
 - 6.2 в хаотическом порядке;
 - 6.3 в изголовье;
 - 6.4 параллельно погребенному;
 - 6.5 поверх погребенного.
7. Наличие в могильной яме конского снаряжения:
 - 7.1 удила;

7.2 стремена.

На основе собранных данных была составлена таблица взаимовстречаемости признаков. Достаточно определенно выделяются три группы комплексов.

Группа I

Для первой группы характерны удлиненные могильные ямы с заплечиками. Ориентировка погребенного – СВ. Характерен обряд положения останков коня выше погребенного.

К первой группе относятся погребения могильников: Кушнаренково (п. 2; п. 17; п. 27; п. 28), Ташкирмень (п. 2), Коминтерн II (п. 26; п. 43; п. 46).

Признак (2.1.1) – удлиненная могильная яма – присутствует во всех погребениях первой группы. Погребение 10 Кушнаренковского могильника не попало под указанный признак, т.к. погребение является кремацией и выделяется на фоне остальных погребений, где наблюдается только труположение.

Признак (2.5) – наличие заплечиков в конструкции могильной ямы – прослежен в погребении 27 и 28 Кушнаренковского могильника. Могильная яма погребения 27 была сильно разрушена, однако удалось установить наличие ниши-подбоя и заплечиков. Погребение являлось парным, обнаружен костяк мужчины лет 30-35 и подростка. В юго-западном конце поперек могильной ямы, прикрывая частично кости ног мужского скелета, находились череп и кости двух лошадиных ног. На правой лопатке скелета мужчины – круглая стеклянная бусина и еще пять бусин у левой височной кости, на правой руке бронзовой браслет. Между костями голени мужского костяка и в ногах подростка – костяные обкладки лука. Под черепом мужчины найдены бронзовая фигурка человека, медная подвеска в виде топорика, серебряная серьга, прониза-трубочка, две медные подвески и железная пряжка. Погребение 28 было ограблено, в подбое-нише стоял глиняный сосуд, справа от него и на нем лежали две крупные кости животного. В грабительском перекопе найдены железный нож, костяная пряжка, медная поясная накладка, пластинка и обжимное колечко [3].

В отличие от погребения 27 Кушнаренковского могильника в погребении 28 обнаружены отдельные кости коня (признак 5.4), а не череп с конечностями коня (признак 5.2).

Признак (3.2) – ориентировка погребенного на северо-восток – отмечен в Кушнаренковском могильнике (п. 2, п. 27) и Коминтерновском могильнике (п. 26, п. 46). Погребение 43 Коминтерновского могильника и погребение 2 могильника Ташкирмень отличалось ориентировкой на север (признак 3.1).

Погребение 10 Кушнаренковского могильника совершено по обряду кремации, из-за чего ориентировку погребенного установить невозможно. Невозможным стало определить ориентировку погребенного в Кушнаренково, п. 28: погребение было разграблено, кости скелета были раскиданы по дну могилы и находились частично в засыпи.

Признак (6.5) – положение коня поверх погребенного – обряд, характерный для Кушнаренковского могильника, п. 2, п. 27. В погребении 2 найден костяк женщины 18–20 лет удовлетворительной сохранности.

Скелет лежал вытянуто, на спине, головой на СВ, правая рука была согнута, кисть уложена на таз, левая – вытянута вдоль. Анатомический порядок верхнегрудных позвонков и части ребер нарушен. На уровне заплечиков над бедренными костями находились череп, кости всех четырех ног и хвостовый позвонок коня. Череп лежал вдоль северо-западной стенки могилы на левом боку, мордой по направлению к голове захороненной. Кости ног в анатомическом порядке лежали рядом с черепом и у противоположной стенки могильной ямы, где находился также хвостовый позвонок. В нишу-подбой у изголовья погребенной был поставлен глиняный сосуд, справа от него находились части тазовой кости лошади или коровы. Чуть ниже колен между ног лежал сломанный железный нож. На этом уровне, но слева от левой ноги найдены два куска

кремня, медная пряжка с железным язычком и обломки кресала. Среди костей стоп найдены 2 серебряные пряжки и 12 накладок [1].

Погребение 27 Кушнаренковского могильника аналогично погребению 2, отличие заключается в том, что в могильной яме было два костяка, мужчины и подростка, а также поверх костяка мужчины лежали череп и кости только двух конечностей коня. Указанные расхождения являются незначительными, и, по мнению автора, не требуется дробление признака. Положение останков коня вышепогребенного является ярким признаком и не находит аналогий в рассмотренных погребениях.

Группа II

Для второй группы погребений характерны следующие формы могильной ямы:

2.1.2 – удлиненная могильная яма;

2.4 – наличие ступени в конструкции могильной ямы.

3.3 – ориентировка костяка в погребениях второй группы – ССЗ.

Признаки, также свойственные второй группе:

4 – конское погребение (без человеческого костяка);

5.1 – положение в могилу целой туши коня;

5.5 – положение в могилу конечностей коня;

6.3 – положение коня относительно погребенного в изголовье;

6.4 – положение коня относительно погребенного – параллельно погребенному;

7.2 – наличие удил в погребении.

Перечисленные признаки характерны только для второй группы, куда вошли погребения лишь Безводнинского могильника (*n. 16; n. 17; n. 90; n. 5; n. 24; n. 165; n. 112; n. 156; n. 61; n. 3; n. 97; n. 40; n. 154; n. 101; n. 130; n. 128; n. 126; n. 41; n. 79; n. 23; n. 80; n. 121; n. 92; n. 111; n. 44; n. 151; n. 64; n. 150; n. 83; n. 82; n. 59; n. 43; n. 153; n. 54, 55; n. 56; n. 57; n. 89; n. 88; n. 51; n. 37; n. 25; n. 138; n. 42; n. 60; n. 132; n. 12; n. 102*).

Признак (2.1.2) – удлиненная могильная яма (рис. 3) – присущ указанным погребениям. Описанная конструкция ямы обусловлена обрядом положения погребального инвентаря в могилу к погребенному на одном уровне (при отсутствии ниши или ступени). В парном погребении 54, 55 (мужское труположение и женская кремация) в ногах костяка мужчины обнаружены обожженные кости женщины, возможно, ради этого и удлинялась могильная яма. Удлиненная могила прослеживается в следующих погребениях Безводнинского могильника: *n. 17; n. 165; n. 156; n. 80; n. 121; n. 92; n. 111; n. 44; n. 151; n. 64; n. 150; n. 83; n. 82; n. 59; n. 43; n. 153; n. 54, 55; n. 56; n. 57; n. 89; n. 88; n. 51; n. 37; n. 25; n. 138; n. 42; n. 60; n. 132; n. 102*. Данный признак встречается в 29 случаях, что составляет больше половины от общего числа рассматриваемых погребений (51,8%).

Признак (2.4) – наличие ступени в конструкции могильной ямы – зафиксирован в погребениях Безводнинского могильника (*n. 90; n. 61; n. 3; n. 40; n. 151; n. 54, 55; n. 12*) и Кушнаренковского могильника (*n. 10*) (14,3%).

Ступень в конструкции могильной ямы характерна только для Безводнинского могильника и могильника Кушнаренково, в могильниках Коминтерн II и Ташкирмень ступени не зафиксированы (из числа рассматриваемых погребений с элементами коня и конского снаряжения). Погребение 10 Кушнаренковского могильника само по себе выделяется из общего числа рассмотренных погребений. Отличительной чертой является обряд кремации, который зафиксирован также в погребениях 57 и 102 Безводнинского могильника. Однако следует отметить, что в погребениях Безводнинского могильника с элементами кремации нет конструктивных особенностей могильной ямы. Могильная яма погребения 10 Кушнаренковского могильника почти квадратной формы, размером 65х60 см, с закругленными углами и несколько выступающим северо-восточным углом, имеет ступенчатое дно. В юго-восточном углу могилы – кучка пережеванных косточек человека, в северной углубленной части – большой и малый глиняный сосуды, в юго-западном углу – часть берцовой кости лошади [3].

Признак (3.3) – ориентировка погребенного на ССЗ – зафиксирован исключительно в погребениях Безводнинского могильника (п. 16; п. 5; п. 24; п. 156; п. 61; п. 3; п. 154; п. 101; п. 130; п. 128; п. 126; п. 41; п. 111; п. 151; п. 64; п. 54, 55; п. 56; п. 57; п. 89; п. 88; п. 51; п. 37; п. 25; п. 60; п. 132; п. 102).

Погребение 60 было ориентировано в направлении СЗ, однако погребение является частично разрушенным перекопом. В погребении 60 не выявлено следов человеческого костяка, и его можно классифицировать как конское захоронение [4]. В этой связи мы допустили включение ориентировки СЗ в признак «ориентировка на ССЗ». Данный тип ориентировки наблюдается в 54,2% погребений Безводнинского могильника. Ориентировка на С составляет 29,8% от общего числа погребений Безводнинского могильника. Однако признак «ориентировка на С» (3.1) входит в третью, переходную группу и описан ниже.

Признак (4) – конское погребение (без человеческого костяка) – признак, свойственный Безводнинскому могильнику (п. 24; п. 165; п. 112; п. 79; п. 23; п. 64; п. 83; п. 82; п. 59; п. 43; п. 89; п. 88; п. 51; п. 37; п. 25; п. 138; п. 42; п. 60; п. 132) и не встреченный в иных могильниках, рассмотренных в рамках данной статьи. Конское погребение зафиксировано в 19 (39,6%) погребениях второй группы. В 12 (63,2%) конских погребениях наблюдается положение целой туши коня (признак 5.1), 4 (21%) погребения с положением в могильную яму конечностей коня (признак 5.5) и 3 (15,8%) погребения с элементами положения в могилу черепа и конечностей коня.

Признак (5.1) – положение в могилу целой туши коня – и **признак (5.5) – положение в могилу конечностей коня** – являются характерными для второй группы и свойственными только Безводнинскому могильнику.

Признак (6.3) – положение коня в могильной яме относительно погребенного в изголовье – является единожды зафиксированным признаком. В погребении 12 Безводнинского могильника в западной части на глубине 130 см (от древнего уровня – 110 см) обнаружен лежащий головой на Ю костяк лошади.

Признак (6.4) – положение коня параллельно погребенному – зафиксирован в 6 (12,5%) погребениях. Положение коня параллельно погребенному отмечено в п. 61; п. 40; п. 44; п. 151; п. 150; п. 54, 55 Безводнинского могильника.

Необходимо отметить, что во всех указанных погребениях в могильную яму была положена целая туша коня. Обряда с положением частей коня, конечностей и/или черепа параллельно погребенному не встречено в рассмотренных погребениях.

Признак (7.2) – наличие стремян в погребении. Единичным признаком, выделившимся во второй группе, является наличие в погребальном инвентаре стремян (п. 102). Обряд погребения с положением конского снаряжения зафиксирован в могильниках Коминтерн II и Безводнинский. Однако следует заметить, что стремяна встречены единожды в Безводнинском могильнике, погребении 102.

Вторая группа является самой многочисленной – 85,7% от общего числа проанализированных погребений.

Группа III

Третья группа признаков включает в себя погребения Кушнаренковского могильника (п. 2; п. 27; п. 10; п. 28; п. 17), могильника Коминтерн II (п. 43; п. 46; п. 26), могильника Ташкирмень (п. 2) и погребения Безводнинского могильника (п. 16; п. 17; п. 90; п. 5; п. 24; п. 165; п. 112; п. 156; п. 61; п. 3).

Признаки, характерные для третьей группы:

2.2.2 – неглубокая могильная яма;

2.3 – наличие в конструкции могильной ямы подбоя;

5.3 – положение в могилу черепа коня;

6.1 – положение коня/частей коня относительно погребенного – в ноги;

6.2 – положение коня/частей коня относительно погребенного – в хаотическом порядке;

5.2 – положение в могилу черепа и конечностей коня;

5.4 – положение в могилу отдельных костей коня.

Признак (2.2.2) – неглубокая могильная яма – наблюдается во всех трех погребениях Коминтерновского могильника (п. 26; п. 43; п. 46) и Коминтерн II, погребение 10 (обряд кремации). Глубина могильной ямы в указанных погребениях составляет меньше метра, в погребениях Безводнинского могильника глубина практически всегда выше метра.

Признак (2.3) – подбой в конструкции могильной ямы – зафиксирован в погребениях Кушнареноквского могильника (п. 2; п. 27; п. 28), погребении 43 могильника Коминтерн II и в погребении 16 Безводнинского могильника. Подбой в могильной яме присутствует всего в 5 (8,9%) погребениях от общего числа проанализированных в данной статье. В Кушнареноквском могильнике в погребении 28 в подбое обнаружены часть кости ноги лошади и глиняный сосуд, рядом с которым и поверх которого лежала крупная кость (возможно, лошади?). В погребении 43 Коминтерновского могильника останки лошади также располагались в подбое, в других случаях наличие подбоя и наличие коня/частей коня никак не коррелируются.

Следует отметить, что помещение в подбой глиняного горшка с останками коня (погребение 28 Кушнареноквского могильника) можно встретить в обрядах Бахмутинской культуры. В погребениях Бирского могильника (п. 89; п. 103; п. 107; п. 115; п. 118; п. 119; п. 145; п. 146 [5]) в подбой помещался большой глиняный сосуд, рядом с которым клали кость лошади.

Признак (5.3) – положение в могилу черепа коня – зафиксирован в трех погребениях Коминтерновского могильника (п. 43; п. 46; п. 26) и погребении Безводнинского могильника (п. 17). В погребениях, рассмотренных в рамках данной статьи, аналогий не обнаружено. Положение черепа коня относительно погребенного – в ногах – зафиксировано во всех трех погребениях Коминтерновского могильника. Следует отметить, что череп коня из погребения 17 Безводнинского могильника обнаружен в южной части могилы, т.е. в ногах, однако не на уровне погребенного, а в засыпи.

Взаимосвязь между положением останков коня (черепа и конечностей коня, признак 5.2) и местоположением погребенного также четко заметна. В погребениях Кушнареноквского могильника (п. 2; п. 27) и погребении 2 Ташкирменского могильника останки коня располагались в ногах погребенного (признак 6.1), аналогично погребениям Коминтерновского могильника (п. 43; п. 46; п. 26) и погребению 17 Безводнинского могильника.

Признак (5.2) – положение в могилу черепа и конечностей коня – прослеживается и в Безводнинском могильнике (п. 16; п. 24; п. 165; п. 112). В погребении 16 останки коня также расположены в ногах погребенного.

Погребения 24, 165, 112 Безводнинского могильника с положением черепа и конечностей коня являются конскими погребениями и не могут быть привязаны к признаку «местоположение относительно погребенного».

Признак (5.4) – отдельные кости скелета лошади – обнаружен в погребениях Кушнареноквского могильника (п. 28; п. 17; п. 10) и Безводнинского могильника (п. 5; п. 156; п. 61; п. 3). Взаимосвязи между расположением отдельных костей лошади и другими признаками не выявлено. Наличие костей лошади в могильной яме встречено в 7 (12,5%) погребениях, рассмотренных в рамках данной статьи.

Признак (6.2) – хаотическое расположение останков коня относительно погребенного – наблюдается в двух погребениях: погребение 28 Кушнареноквского могильника и погребение 5 Безводнинского могильника. В отмеченных погребениях в хаотическом порядке располагались лишь отдельные кости коня; обряда, когда в могилу в хаотическом порядке помещались конечности коня и/или череп коня, не выявлено.

Признак (2.2.1) – глубокая могильная яма – зафиксирован в 23 (41%) погребениях всех рассмотренных могильников: Безводнинский могильник (п. 16; п. 90; п.

5; n. 24; n. 112; n. 61; n. 3; n. 97; n. 40; n. 154; n. 101; n. 130; n. 128; n. 126; n. 41; n. 79; n. 23), Ташкирмень (n. 2), Кушнаренковский могильник (n. 2; n. 27; n. 28; n. 17), за исключением Коминтерновского II могильника.

Признак (7.1) – наличие удил в погребении – наблюдается в 21 (37,5%) случае. Обряд положения удил в могилу прослеживается исключительно в Коминтерновском могильнике (n. 43; n. 46; n. 26) и Безводнинском могильнике (n. 16; n. 97; n. 154; n. 40; n. 154; n. 101; n. 130; n. 128; n. 126; n. 41; n. 79; n. 121; n. 92; n. 111; n. 44; n. 151; n. 64; n. 102).

Признак (3.1) – ориентировка погребенного на С – зафиксирован в 16 погребениях (28,6%) следующих могильников: Коминтерн II (n. 43), Ташкирмень (n. 2), Безводнинский (n. 17; n. 40; n. 79; n. 23; n. 121; n. 92; n. 44; n. 150; n. 83; n. 82; n. 59; n. 43; n. 138; n. 42). Исключение составил Кушнаренковский могильник, где положение погребенного с ориентировкой на север не выявлено.

Для всех рассмотренных погребений характерны общие элементы в обрядах погребения, а именно: наличие обряда сопогребения с конем или частями коня, что являлось главным критерием отбора погребений для анализа взаимовстречаемости признаков.

Признак (2.6) – простая конструкция могильной ямы. Признак зафиксирован в 39 (69,6%) погребениях всех рассмотренных могильников (Коминтерн II, n. 46; 26; Кушнаренковский могильник, n. 17; могильник Ташкирмень, n. 2; Безводнинский могильник, n. 17, 5, 24, 156, 97, 154, 101, 130, 128, 126, 79, 23, 80, 121, 92, 111, 44, 64, 83, 82, 59, 43, 153, 56, 57, 89, 88, 51, 37, 25, 138, 42, 60, 132, 102).

Проанализировав полученный материал, можно сделать следующие выводы. Говорить о прямом взаимодействии двух выделенных групп на основании переходной третьей группы, конечно же, рано, однако учитывать факт существования общих черт в погребальном обряде с элементами сопогребения с конем просто необходимо.

Территориальное расположение памятников (рис. 6) на значительном удалении друг от друга, более 700 км (Безводнинский и Кушнаренковский могильники), явилось одним из значимых факторов в формировании различных особенностей погребальных обрядов с элементами сопогребения с конем.

По всей видимости, формирование двух вариантов погребальной традиции захоронений с конем можно объяснить, с одной стороны, разными этнокультурными субстратами, с другой – различным этнокультурным окружением. Однако эти гипотезы требуют специального рассмотрения.

Таблица

Взаимовстречаемость признаков в погребениях с элементами сопогребения с конем и конским снаряжением народов лесостепного Поволжья в период Великого переселения народов

№ п/п	1	6.5	2.5	3.2	2.1.1	2.2.2	2.3	5.3	6.1	6.2	5.2	5.4	2.2.1	7.1	3.1	2.6	6.4	2.1.2	2.4	3.3	5.1	4	5.5	6.3	7.2	
1	К.2	+		+	+		+		+		+		+													
2	К.27	+	+	+	+		+		+		+		+													
3	К.28		+		+		+			+		+	+													
4	Ко.43				+	+	+	+	+					+	+											
5	Ко.46			+	+	+		+	+					+		+										
6	Ко.26			+	+	+		+	+					+		+										
7	К.17				+							+	+			+										
8	Т.2				+				+		+		+		+	+										
9	К.10					+						+							+							к

10	Б.16						+				+		+	+					+								
11	Б.17							+						+	+			+									
12	Б.90								+			+						+		+							
13	Б.5									+		+	+			+				+							
14	Б.24										+		+			+			+		+						
15	Б.165										+						+				+						
16	Б.112										+		+								+						Г
17	Б.156											+			+		+		+								
18	Б.61										+	+				+		+	+	+							
19	Б.3										+	+						+	+								
20	Б.97											+	+		+												
21	Б.40											+		+		+		+		+							
22	Б.154											+	+		+				+								
23	Б.101											+	+		+				+								Р
24	Б.130											+	+		+				+								
25	Б.128											+	+		+				+								
26	Б.126											+	+		+				+								
27	Б.41											+	+						+	+							
28	Б.79											+	+	+	+					+	+						
29	Б.23											+		+	+					+	+						
30	Б.80													+		+											
31	Б.121											+	+	+		+											
32	Б.92											+	+	+		+											
33	Б.111											+		+		+		+									
34	Б.44											+	+	+	+	+			+								
35	Б.151											+			+	+	+	+	+	+							
36	Б.64											+		+		+		+	+	+							
37	Б.150												+		+	+			+								
38	Б.83												+	+		+				+	+						
39	Б.82												+	+		+				+	+						
40	Б.59												+	+		+				+	+						
41	Б.43												+	+		+				+	+						
42	Б.153													+		+				+							Р
43	Б. 54,55															+	+	+	+	+							
44	Б.56													+		+		+	+								
45	Б.57													+		+		+	+								К
46	Б.89													+		+		+	+	+							
47	Б.88													+		+		+	+	+							
48	Б.51													+		+		+	+	+							
49	Б.37													+		+		+	+	+							
50	Б.25													+		+		+	+	+							
51	Б.138												+	+		+				+	+						
52	Б.42												+	+		+				+	+						
53	Б.60													+		+		+		+	+						
54	Б.132													+		+		+		+	+						
55	Б.12											+					+		+				+				
56	Б.102												+		+		+		+					+			К

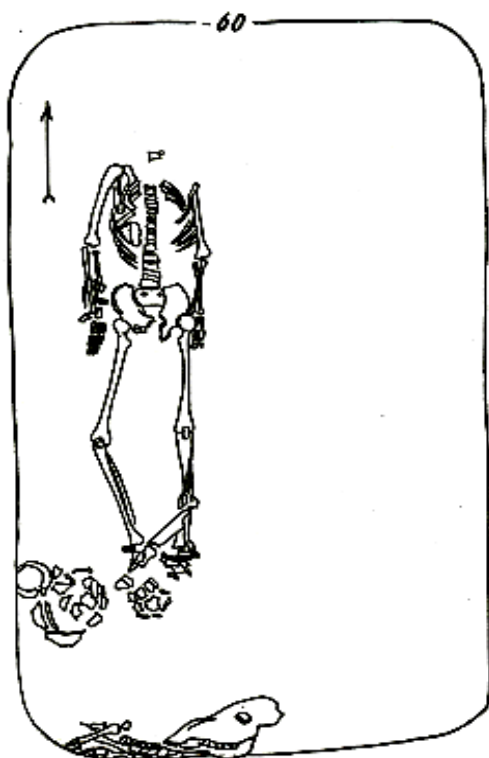

Рис. 1. Ташкирменский
могильник, погребение 2

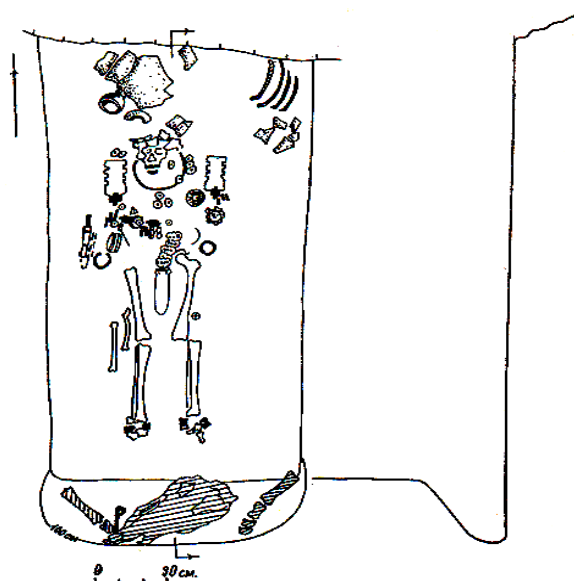

Рис. 2. Коминтерновский II
могильник, погребение 43

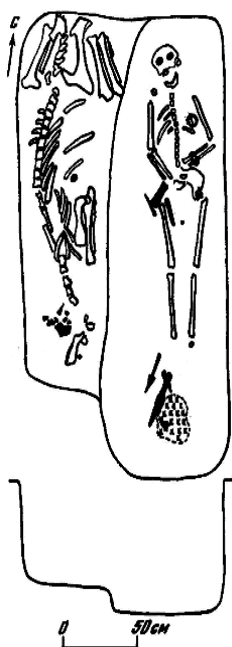

Рис. 3. Безводнинский
могильник, парное погребение
54, 55 (мужское
трупоположение с женским
трупосожжением)

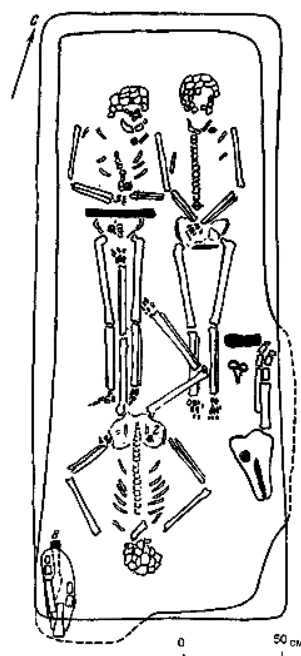

Рис. 4. Безводнинский могильник,
коллективное погребение 16 с черепом и
конечностями коня

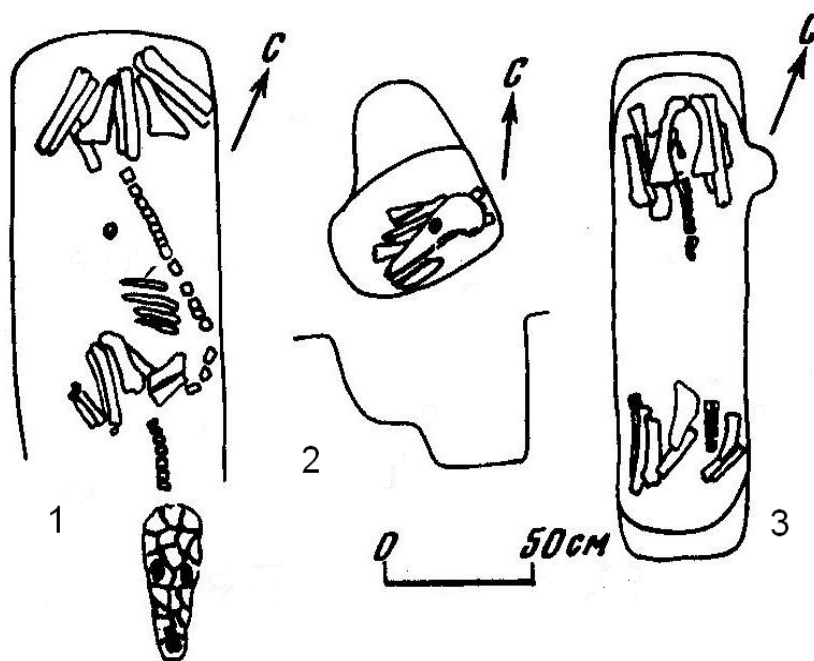

Рис. 5. Безводнинский могильник. Конские захоронения:
1 – погребение 37; 2 – погребение 112; 3 – погребение 88

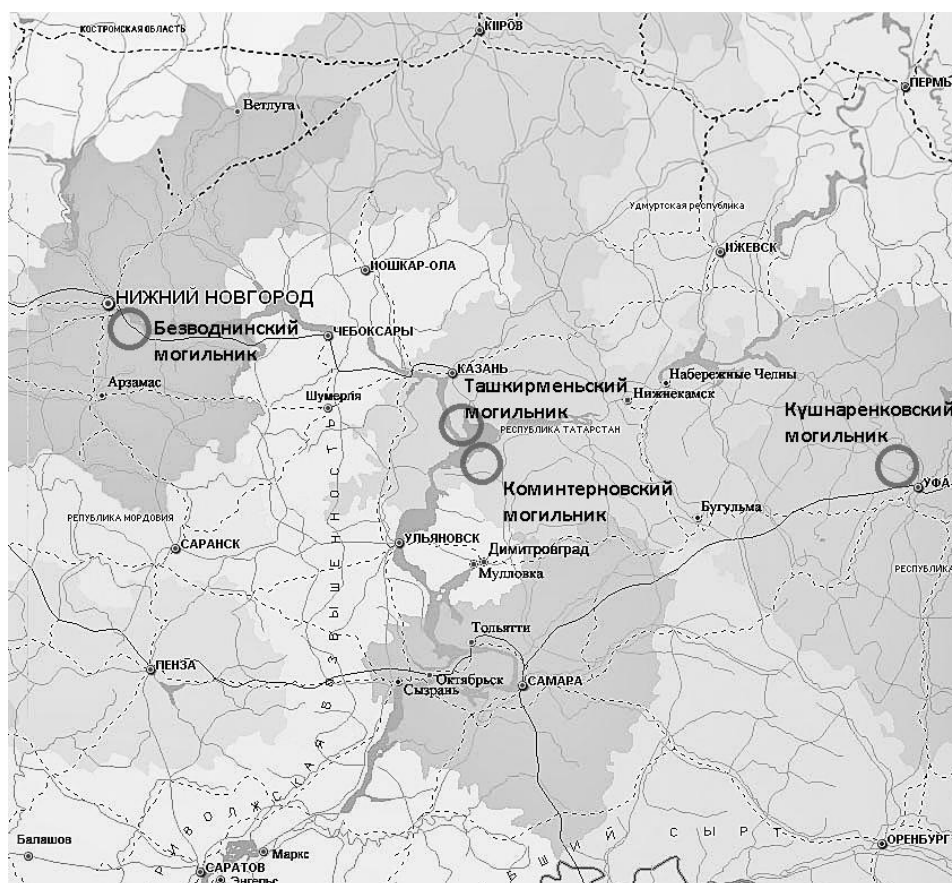

Рис. 6. Географическое расположение могильников Безводнинский, Ташкирмень, Коминтерн II, Кушнаренково

Литература

1. Казаков Е.П. Коминтерновский II могильник в системе древностей эпохи тюркских каганатов // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия нашей эры: вопросы хронологии. Самара, 1998.
2. Богачев А.В. Славяне, германцы, гунны, болгары на Средней Волге в I тыс. н.э. Историко-археологическое исследование. LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011.
3. Генинг В.Ф. Памятники у с. Кушнаренково на р. Белой (VI-VII вв. н.э.) // Исследования по археологии Южного Урала. Уфа, 1977.
4. Краснов Ю.А. Безводнинский могильник. М., 1980.
5. Мажитов Н.А. Бахмутинская культура. М., 1968.
6. Старостин П.Н. Ташкирменский могильник // Памятники древней истории Волго-Камья. Казань, 1994.

УДК 902 /904

© 2012 Голубев О.В.

МОНЕТЫ МОХШИ С ЦВЕТОЧНОЙ РОЗЕТКОЙ

Заметка посвящена монетам (мохшинские пулы), найденным в Каменском районе Пензенской области.

Ключевые слова: монеты, Пензенская область, раннее Средневековье.

Определённо можно сказать, что монеты найдены в Каменском районе Пензенской области. Точное место находки не установлено.

Все три монеты – мохшинские пулы.

Описание самой ранней из них не опубликовано. Вес монеты – 1,76 г. Диаметр = 16,6 – 17,7 мм.

Монета № I.

Лицевая сторона из-за изношенности штемпеля прочеканилась не полностью, но нижняя часть монеты видна довольно отчетливо. Осталась часть слова «чекан», слово «год» и цифры 73, последняя цифра 1 –? ушла в обрез. Тип лицевой стороны соответствует типу № 7 – О.с. [2]. Полностью легенда должна читаться так: «Мохши/чекан год / 731». Год под вопросом.

Оборотная сторона монеты представляет собой цветочный орнамент – цветочную розетку. Если сравнить с цветочными розетками на монетах чекана Сарая ал-Джедид, можно сделать вывод, что она несёт все основные характерные композиционные данные этого типа монет. Имеются только некоторые различия в рисунке цветка.

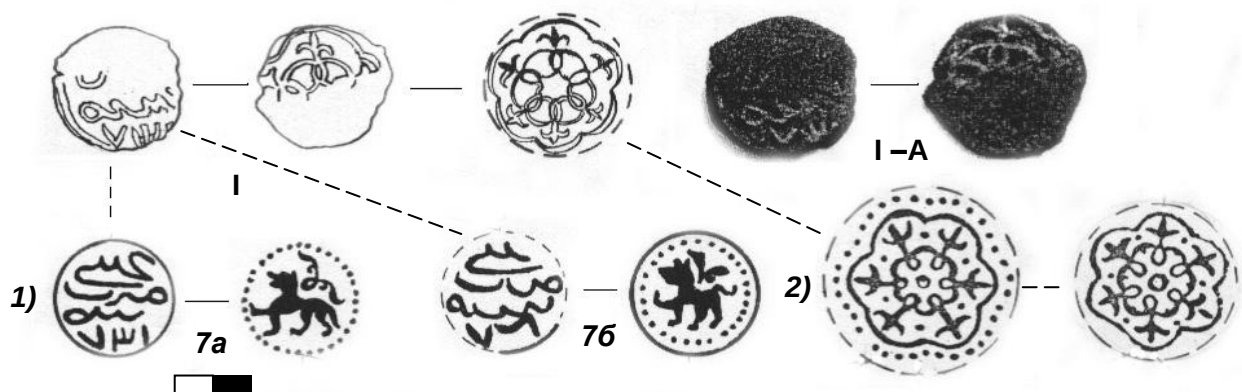

Рис. 1. I – рисунок первой из публикуемых монет и реконструкция оборотной стороны монеты; I –А – фото этой монеты; 1) тип № 7 (В.П. Лебедев, С.В. Гумаюнов, О.В. Голубев) – «обзор медного чекана Мохши»; 2) варианты оборотных сторон сарайских монет чекана 752, 753 годов хиджры

Возможно, монеты Сарая ал-Джедид являются подражанием мохшинским монетам с цветочной розеткой, но слишком большой блок представляют собою монеты Сарая и, возможно, мохшинская монета является подражанием сарайским (обычно выпускались подражания самым распространённым типам монет). Тогда получается, что эта монета выпущена не в начале тридцатых годов XIV века, а, вероятно, в пятидесятые годы, когда был самый массовый чекан монет с цветочной розеткой в Сарае. И штемпель лицевой стороны использовался вторично в более позднее время. В 740-ые годы хиджры, в начале правления Джанибека I (741 – 758 гг. х.), начался Сарайский чекан монет этого типа.

Второй тип мохшинских монет с цветочной розеткой (тип № 26. В.П. Лебедев, С.В. Гумаюнов, 2011 г.) появился гораздо позже – в пятидесятые годы XIV века.

На весовой шкале данный тип монеты расположен несколько выше, чем монеты типа № 7 мохшинского чекана (разброс веса этого типа от 0,9 г до 1,64 г), а типа № 26 – до 1,8 г.

Монеты выпуска 756 г.х. [2, № 26; 3, № 14; 6, № 459, 460; 1, № 15) отличаются более примитивным и грубым рисунком цветочной розетки. Описанная здесь монета № II имеет вес 1,24 г, диаметр = 14,2 – 15,5 мм.

На лицевой стороне осталась часть надписи: «...Мохши 756» или «757». Последняя цифра упирается в обрез монеты и может читаться и как «6», и как «7». Надпись искажена. Полная легенда – Чекан Мохши 756?

Цветочная розетка сильно упрощённого рисунка, без точек, в лепестках цветка является новым вариантом данного типа монет.

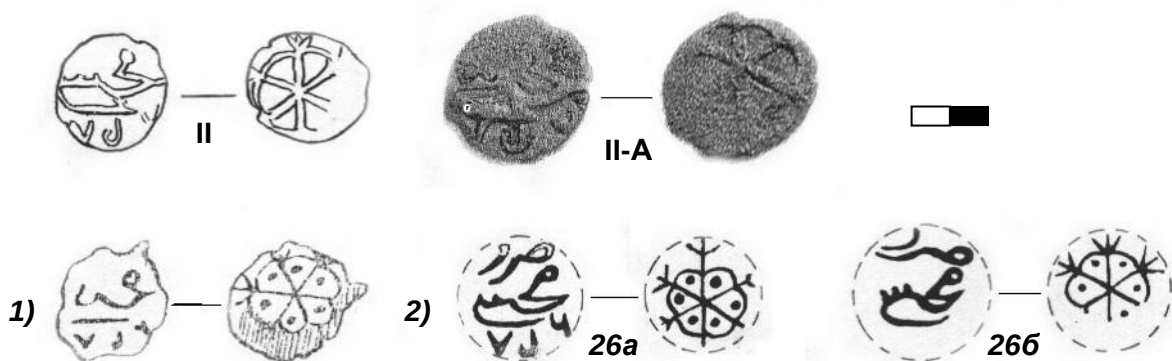

Рис. 2. II – рисунок второй монеты; II-A – фото второй монеты; 1) тип № 14 (В.И. Лебедев) – «Загадочный город Мохши»; 2) тип № 26 а, б (В.П. Лебедев, С.В. Гумаюнов) – «обзор чекана золотоордынского монетного двора Мохши»

И последний тип мохшинской цветочной розетки (из пока что известных) – № III. [4, № 29, 3, № 19, 20]. Вес – 2,13 г. Диаметр = 16,9 – 17,4 мм.

Лицевая сторона м. б.: «Чекан Нуридждана 762».

Нуридджан – одно из местных названий города Мохши.

Оборотная сторона – двойная цветочная розетка, заключённая в круглую рамку из шести дуг с колечками на стыках. Отличается от ранее описанных монет колечками на стыках дуг. Эта монета – новый вариант этого типа.

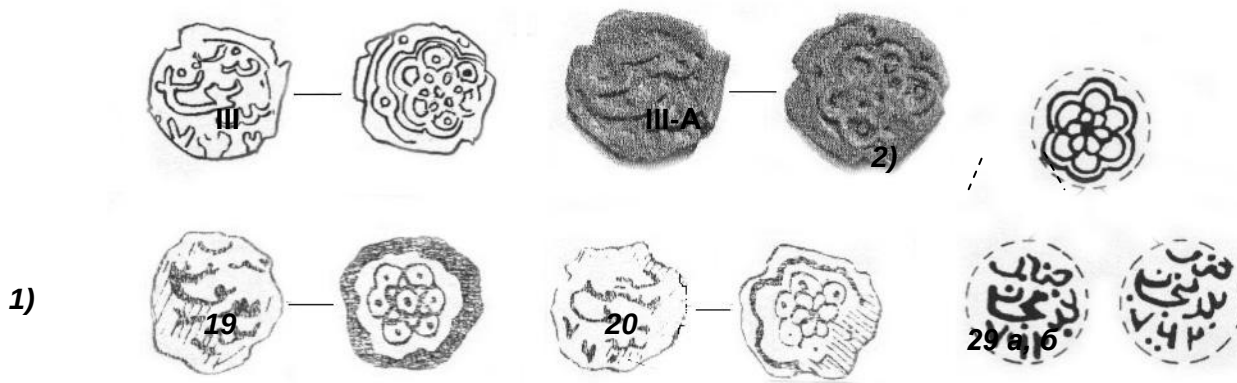

Рис. 3. III – рисунок третьей монеты; III-A – фото третьей монеты; 1) тип № 19, 20 (В.И. Лебедев) – «Загадочный город Мохши»; 2) тип № 29 а,б (В.П. Лебедев, С.В. Гумаюнов) – «Обзор чекана золотоордынского монетного двора Мохши»

Литература

1. Белоусов С.В., Голубев О.В. Типы мохшинских монет. Краеведение(3–4). Пенза, 1998. С. 31–34.
2. Лебедев В.П., Гумаюнов С.В., Голубев О.В. Обзор медного чекана Мохши. МНК-VII, Бахчисарай, 2008.
3. Лебедев В.И. Загадочный город Мохши. Пенза: Пензенское книжное издательство, 1958.
4. Лебедев В.П., Гумаюнов С.В. Обзор чекана золотоордынского монетного двора Мохши // FM Stratum plus. – 2011. – №6. – Кишинёв.
5. Фёдоров – Давыдов Г.А. Денежное дело Золотой Орды. М.: Палеограф, 2003.

УДК 902/904

© 2012 Голубев О.В.

МОХШИНСКИЙ ПУЛ ИЛИ ПОДРАЖАНИЕ ЕМУ?

Заметка посвящена монете (мохшинский пул), найденной в Каменском районе Пензенской области. По мнению автора, монета является не браком того времени, а подражанием Мохшинскому пулу какого-то местного князька.

Ключевые слова: монеты, Пензенская область, раннее Средневековье.

В 2011 году найден пул в Каменском районе Пензенской области. Но точное местоположение селища, предположительно связанного с находкой, установить пока не удалось.

Пул односторонней чеканки – брактеат (Х. Фенглер, Г. Гироу, В. Унгер, 1982 г.). На лицевой стороне – Символ веры, как на оборотной стороне мохшинского пула типа № 19

б (В.П. Лебедев, С.В. Гумаюнов 2011 г. №19 б; С.В. Белоусов, О.В. Голубев 1998 г. №12; Г.А. Фёдоров–Давыдов 2003 г. №167.) На оборотной стороне монеты точно такая же углублённая «зеркальная» надпись. Слова и буквы четко соотносятся друг с другом.

Вес монеты – 0,91 грамма. Диаметр колеблется от 16,1 до 17 миллиметров (рис. 1). Рисунок не публиковался (частная коллекция).

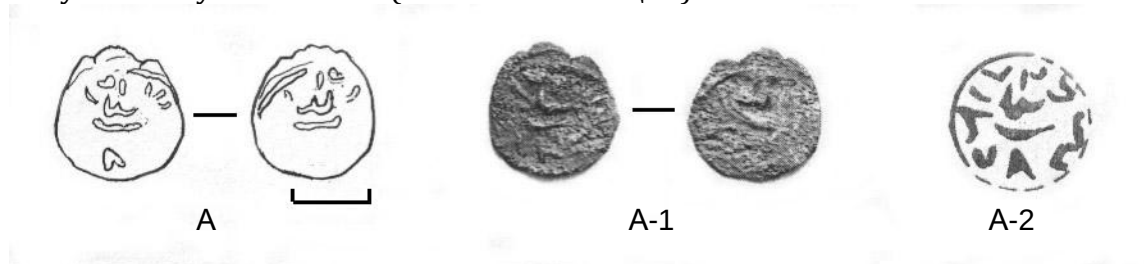

Рис. 1. А – прорисовка монеты; А – 1 – фотография монеты; А – 2 – оборотная сторона пула – тип № 19б

В.П. Лебедев придерживается того мнения, что золотоордынские «брактеаты» – брак, возникавший при двухсторонней чеканке монеты, когда монета застревает в одном из штемпелей. Тогда следующая заготовка чеканится с одной стороны штемпелем, а с другой стороны – застрявшей монетой. При этом, если вдавленного изображения совсем не видно, значит, одна сторона была случайно отчеканена гладким штемпелем, который предназначался на монетных дворах для плющения заготовок.

Не соглашусь полностью с этим мнением. Возможно, в большинстве случаев так оно и есть, но в данном случае напрашивается другой вывод: так как изображения обеих сторон идеально соотносятся друг с другом, чего не получилось бы при ручной технике чеканки того времени, изображения сторон обязательно хоть немного, но не совпали бы. Автором был проведен эксперимент: штемпелями, изготовленными по средневековой технологии, было отчеканено несколько десятков монет, при этом вторым штемпелем являлась монета. При такой системе чекана ни на одном монетном кружке не получилось идеального совпадения изображений двух сторон. Всегда были расхождения между изображениями лицевой и оборотной сторон. Поэтому считаю, что эта монета является не браком того времени, а подражанием Мохшинскому пулу какого-то местного князька.

К тому же техника брактеатной чеканки была известна в Волжской Булгарии задолго до ордынского периода истории. Подтверждением этому может служить монетовидная подвеска (ранее не публиковалась – частная коллекция), повторяющая лицевую сторону дирхема. Найдена в Пензенской области, в Вадинском районе, на селище Ольгино (рис. 2).

Рис. 2. Подвеска – брактеат с Ольгинского селища

Литература

1. Лебедев В.П., Гумаюнов С.В. Обзор чекана золотоордынского монетного двора Мохши // FM Stratum plus. Кишинёв. 2011. № 6.
2. Фенглер Х., Гироу Г., Унгер В. Словарь нумизмата. М.: Радио и связь, 1982.
3. Фёдоров – Давыдов Г.А. Денежное дело Золотой Орды. М.: Палеограф, 2003.

Список сокращений:

АО – Археологические открытия

ВЛУ – Вестник Ленинградского Университета

МАР – Материалы по археологии России

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР

РА – Российская Археология

РАН – Российская академия наук

СА – Советская Археология

САИ – Свод археологических источников

ТАС – Тверской археологический сборник

